

Польская кампания 1939 года

«Внимание! Танки, вперед!»

Мы все стояли и ждали этого момента. Наши глаза (в которых уже начинало рябить) были прикованы к стрелкам часов.

На заре взревели двигатели машин. Мы увеличивали скорость, шли все быстрее и быстрее, до самой границы. Я напряженно вслушивался в тишину утренних сумерек. В любой момент, расчищая нам путь на восток, должны были начать свой смертоносный полет первые снаряды нашей артиллерии. И вдруг шипение, завывания и пронзительный визг повисли над нами, создавая впечатление еще большей нашей собственной скорости, которую мы ощущали каждым своим нервом. Приближаясь к границе, мы бросили беглые взгляды на наши штурмовые группы, в то время как они стремительно двигались к пограничным ограждениям и разрушали препятствия фугасными зарядами. Пулеметный огонь прошелся по улице, а короткие ослепительные вспышки взрывающихся гранат осветили цели. Наши танки и бронемашины на полной скорости ворвались в деревню Гола. Штурмовые отряды пехоты захватили мост через реку Просна – он уже был подготовлен к подрыву и попал в наши руки невредимым. В считанные минуты деревня была занята. Польские солдаты вылезали со своих позиций, ошарашенные и ошеломленные, и шли к нам с поднятыми руками. Они еще до конца не верили, что всего через десять минут после начала боевых действий война для них закончилась.

Я остановился перед телом польского офицера. Пуля пробила ему горло. Теплая кровь хлестала из раны. Да, это была война! Эта первая смерть, увиденная мною на этой войне, со всей ясностью запечатлела в сознании ее мрачную реальность.

Но надо было двигаться дальше! Вывороченные с корнем деревья и догоравшие дома затрудняли продвижение. Мы едва различали дорогу. Поднимавшийся от земли туман смешивался с дымом от взрывов снарядов и бомб.

Я не мог оставаться со штабом полка. Миновав Голу, я двигался вперед с разведывательным дозором. Конечно, в качестве командира роты СС истребителей танков у меня были совершенно другие обязанности. Атака танков противника не ожидалась, и к тому же моя рота была распределена по частям между отдельными батальонами нашего полка. Меня не устраивал такой характер боевых действий, поэтому я тайно последовал за наступающими танками. С 1934 года я наблюдал за развитием танков как оружия на учениях у Дёберица, а позднее у Вюнсдорфа и Цоссена. Теперь же я оказался на войне в качестве истребителя танков.

Клубящаяся пыль и туман все еще висели в воздухе, когда я увидел два наших танка и мотоциклетный взвод. Видимость была менее 300 метров. Вдруг зловещая тишина была прервана ударом снаряда польской противотанковой пушки. Первый танк завертелся и, весь в дыму, встал. Его катки еще вращались, когда второй танк тоже был подбит. Оба наших танка находились на расстоянии около 150 метров от противотанковой пушки, позиция которой была хорошо замаскирована.

Снаряд за снарядом пробивали броню наших танков, а пулеметные очереди поливали улицу, заставив нас искать укрытие. Мы слышали крики экипажа танка-разведчика и были вынуждены лишь наблюдать, не имея возможности прийти на помощь. Каждый раз, когда новый снаряд, пробив броню, проникал внутрь танка, крики наших смертельно раненных танкистов, остававшихся внутри, становились громче. Мы пытались помочь своим товарищам, которые сумели покинуть подбитые танки и выйти из-под обстрела, но это было невозможно. Пулеметы противника били по улице. Их огонь переместился вслед за танкистами, которым удалось выбраться из своих разбитых и горящих машин. Крики тех, кто остался в подбитых танках, становились слабее. Я лежал за кучей гравия. Как замороженный смотрел на кровь, сочившуюся из пробоин в броне первого танка. Я был

будто парализован, не видел тех польских солдат, которые стреляли, но мои товарищи уже лежали мертвые, прямо передо мной.

Из тумана галопом выскочила польская кавалерия. Она мчалась прямо на нас, и ее не останавливал огонь моего автомата МР.38. Только когда огонь мотоциклетного взвода скосил нескольких лошадей и всадников, яростный кавалерийский отряд ускакал обратно в туман. Наша артиллерия обрабатывала высоту перед нами, в то время как гренадерский танковый батальон штурмовал позиции противника. Молодые гренадеры двигались так, будто были на учениях. Их невозможно было остановить ни пулеметным, ни артиллерийским огнем. Бесчисленное, как казалось, множество солдат шли при поддержке танков в наступление на противника.

Я смотрел, пораженный, как атака проходила прямо передо мной. Танки стремительно рвались вперед. По мере того как атака наращивалась, поляки сметались с занимаемых позиций. Наступление продолжалось, почти не встречая сопротивления; его не могли остановить ни противник, ни естественные преграды. Каждый из наступавших немецких солдат был убежден в справедливости этой войны и, не колеблясь, отдавал свою жизнь за права своего народа. Для этих молодых воинов война с Польшей была не агрессией, а устранением несправедливости. Они хотели ликвидировать позорное наследие Версаля – вернуть потерянные в 1919 году территории и пресечь притеснения немцев, ставших разделенным границами народом. Свою силу немецкие солдаты черпали из своих устремлений.

Эти молодые люди были элитой нации. Их отобрали из тысяч добровольцев, и они прошли интенсивную подготовку в течение четырех лет. Полк (с августа 1940 года бригада, с июня 1941 года дивизия) СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» набирали из солдат, которым к началу войны исполнилось девятнадцать лет; военнослужащим унтер-офицерского состава было около двадцати пяти лет. Очевидно, что эти молодые люди не оказали никакого влияния на политические события 1933 года. В 1933 году они были еще школьниками, стремившимися к каким-то идеалам и желавшими посвятить себя служению этим идеалам. Как же их отблагодарили, какую дурную славу о себе им пришлось вытерпеть, и как с ними обращаются даже теперь? Но 1 сентября 1939 года эти солдаты не могли знать, что через несколько лет станут козлами отпущения для злобных политиков. Они были честными воинами, выполняющими свой долг, как подобает прусскому солдату.

Примерно в 10.00 городок Болеславец сдался после яростного штурма и уличных боев. Огонь артиллерии противника градом обрушился на этот населенный пункт, вызвав жертвы среди населения. К наступлению ночи мы уже были вблизи Верушува и готовили атаку на следующее утро. Моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» был придан 17-й пехотной дивизии и должен был прикрывать ее правый фланг от возможных атак польской кавалерийской бригады.

Надвигавшаяся темнота скрывала разрушения, произведенные днем. Ужасная картина поля боя была видна только вблизи. На горизонте поднималось зарево от горящих деревень, над оскверненной землей стелился густой дым. Мы молча сидели за полуразрушенной стеной, пытаясь осмыслить первый день боев, и слушали отрывки из исторической речи Гитлера. «Я решил разрешить вопрос с Данцигом и польским коридором и найти способ убедиться в том, что изменение в отношениях между Германией и Польшей сделает мирное сосуществование между нами возможным». Слова фюрера еще долго эхом отдавались у нас в ушах.

Наш полк снова вступил в бой за рекой Вартой в составе 17-й пехотной дивизии и продвинулся в направлении Пабьянице близ Лодзи. 7 сентября, примерно в 10.00 мы достигли окраин Пабьянице и получили приказ занять оборону к югу вдоль холмов, протянувшихся через Рзгов-Воля, Ракова и Лодзь. Значительные силы противника с противотанковыми средствами занимали Пабьянице. Атака 1-го батальона 23-го танкового полка только что была отбита державшими оборону поляками. На поле боя остались наши поврежденные и разбитые танки. Они были выведены из строя польскими

противотанковыми ружьями.

Моторизованный полк «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» продолжил выполнение боевой задачи и сразу же приступил к штурму. 1-я и 2-я роты ворвались в город, за ними последовали другие подразделения. Эта яростная атака вынудила поляков отступить в центр города, однако затем против выдвинувшихся флангов полка последовали мощные контратаки противника.

2-й батальон 46-го артиллерийского полка всеми силами удерживал свои огневые позиции, отбивая настойчивые контратаки польской пехоты. Польские части шли вперед напролом, не считаясь с потерями. Командный пункт полка вдруг стал участком главного удара. Всем писарям и водителям так же пришлось сражаться. Поляки вышли к командному пункту через картофельное поле, и, поскольку ботва обеспечивала прекрасную маскировку и скрывала наступавших, мы не смогли их разглядеть, пока они не оказались на расстоянии броска гранаты. Остановить противника, подходившего все ближе, казалось, было невозможно. Тогда я вскочил на ноги и из положения стоя стал стрелять по картофельному полю. Только так можно было попасть в подползавших поляков. Справа от меня гренадер из 13-й роты вел по ним огонь так, будто находился на стрельбище, очередь за очередью. Наша «стрельба по мишеням» продолжалась недолго. Вдруг я обнаружил себя опять на дне окопа, отброшенным туда пулей, задевшей мое плечо. Мой сосед был убит, получив пулевое ранение в шею. Никогда больше я не буду пытаться остановить атаку из положения стоя. Атаки продолжались с упорством, проявленным с обеих сторон, и только ближе к вечеру наступил момент, когда поляки были сломлены. Они сотнями сдавались в плен и отправились в долгий путь, уготованный военнопленным. Тем временем XVI танковый корпус подступил к Варшаве и завязал бой с польскими частями и соединениями, оборонявшими город, а также с остатками польских войск, прорывавшихся в восточном направлении. Командир танкового корпуса генерал Геппнер приветствовал передовые подразделения нашего полка в Надаржине. Мы придавались 4-й танковой дивизии этого корпуса.

«Лейбштандарт «Адольф Гитлер» получил приказ удерживать рубеж Капуты – Олтаржев – Доманев и не давать польским частям, выходящим из окружения, прорываться с запада к Варшаве.

Находясь на марше, 1-й батальон моторизованного полка СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» получил приказ изменить направление и двигаться на север к Олтаржеву. Моторизованная пехота следовала за отрядами мотоциклистов, танками и бронемашинами. Колонны наших войск скрылись в ночи.

Генерал Геппнер не сомневался в исходе войны в Польше, но предвидел тяжелые бои для своего XVI танкового корпуса. Он полагал, что польские войска, все еще сражавшиеся в окружении к западу от Варшавы, приложат все силы к тому, чтобы прорваться к столице через наши позиции. Через несколько километров стало очевидно, что наступающая ночь принесет с собой тяжелый бой. Нам приходилось пробиваться через пригороды Варшавы. Из Олтаржева доносился громкий шум боя. 1-й батальон полка СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» достиг основного рубежа развертывания и вел бой со значительными силами противника. На дороге отступающие польские колонны смыкались друг с другом и образовался полный затор. В течение ночи они были полностью уничтожены. Сотни убитых лежали среди обломков. Вся дорога была завалена разбитыми артиллерийскими орудиями, другим вооружением, брошенными боеприпасами. Беспощадное сражение продолжалось до утра, и обе стороны ожидали, измотанные, когда наступит рассвет, чтобы разобраться в ситуации.

Когда рассвело, стал виден весь ужас произошедшего. На дороге и близ нее было убито не только множество польских солдат. Нашим огнем были расстреляны и смешавшиеся с войсками колонны беженцев. Мертвые и раненые лошади повисли в своей упряжи у разбитых повозок. Плачущие дети хватали своих мертвых матерей или матери своих мертвых детей. Раненые выползали из обломков и зывали о помощи. Полевой перевязочный

пункт скоро переполнился. Поляки и немцы вместе помогали пострадавшим. Не было слышно ни единого выстрела. Война была приостановлена. Беженцам не повезло – они отступали из Познани и присоединились к войсковым колоннам, что, как им казалось, обеспечивало им защиту, а попали в мясорубку.

Эта ночь впервые по-настоящему открыла нам истинное лицо войны. Теперь уже больше не существовало никакой разницы между солдатом и гражданским лицом. Современное оружие уничтожало и тех и других. Я не видел ни одного смеявшегося немецкого солдата на «дороге смерти» у Олтаржева. Ужас коснулся их всех. Сентябрьское солнце ярко освещало залитую кровью дорогу. Более чем 1000 польских пленных было приказано убрать завалы. Шестьсот человек были направлены к позициям противника с предложением капитулировать.

Одна-единственная противотанковая пушка уничтожила бронепоезд противника; взрывающиеся боеприпасы со страшным грохотом взлетали на воздух и полностью уничтожили поезд. В следующие два дня мощные атаки противника обрушились на позиции, удерживаемые 2-м батальоном 33-го пехотного полка, 2-м батальоном 35-го танкового полка и нашим полком. Но польские атаки были бесполезны.

Напрасно я просил командира позволить мне расширить круг моих обязанностей и принять более активное участие в сражении. Я должен был довольствоваться командованием ротой, которая разбросана по всему нашему полку повзводно. Я напоминал командиру при каждой возможности, что я танкист и мотоциклист, и чувствовал себя абсолютно ненужным на занимаемом в данный момент месте. Но все бесполезно; на данный момент я оставался истребителем танков.

В течение ночи с 12 на 13 сентября сильная часть противника прорвалась через позиции 2-го батальона нашего полка; тотальный прорыв казался неизбежным. Рано утром мы получили донесение о том, что 6-я рота «Лейбштандарта» смята, а командир роты убит. Он всегда был мне близок; мы служили в одном полку с 1929 года. Однако мы посчитали невероятным то, что сообщалось в донесении о неизбежном прорыве. Мы просто не верили, что противник мог прорваться через наши оборонительные позиции.

Получив приказ выяснить, верно ли то, что говорится в сообщении, я прыгнул на сиденье водителя мотоцикла с коляской. Вместе со мной отправился оберштурмфюрер СС Пфайфер, и мы поехали в направлении Блоне (Пфайфер погиб несколько лет спустя, командуя танковой ротой). Отъехав, мы быстро помчались по «дороге смерти», чтобы как можно скорее избавиться от надоедливых мух. К тому же трупы лошадей жутко воняли.

В нескольких сотнях метров от Свечицы я увидел двух польских солдат и солдата 6-й роты «Лейбштандарта», находившихся за небольшим мостом. Поведение всех трех солдат показалось мне таким странным, что я резко затормозил, спрыгнул с мотоцикла и зашагал к этой группе стоявших в окопе. И только когда уже подошел к краю окопа, я понял причину странного поведения немецкого солдата. Он был взят в плен этими польскими солдатами и смотрел на меня в изумлении, когда я один шел к ним. Проклятие, мне опять чертовски повезло! Только автомат MP.38 Пфайфера не дал полякам отправить меня на тот свет. Действительно, наша 6-я рота была атакована и разбита; командир роты лежал убитый в окопе в нескольких сотнях метров отсюда. Пфайфер и я проследовали дальше к Свечице и вскоре нашли нашего павшего товарища. Его грудь была пробита пулями. Зеппель Ланге погиб как настоящий солдат; мы его никогда не забудем.

Потеснившие нас части противника были уничтожены в течение дня; линия фронта была восстановлена.

Моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» и 4-я танковая дивизия XVI танкового корпуса Гепнера были задействованы в сражении на Бзуре с целью не дать прорывавшимся из окружения разрозненным частям и соединениям польской армии переправиться через реку. Поляки атаковали с огромным упорством и вновь доказали, что умеют умирать. Было бы несправедливым отказать им в мужестве. Сражение на Бзуре было отчаянным и ожесточенным. Кровь лучших из поляков смешалась с водами реки. Потери

поляков были ужасны. Все их попытки прорваться были отражены нашим артиллерийским огнем с подготовленных позиций.

Соппротивление поляков здесь было окончательно сломлено 18 сентября, после чего нам было приказано атаковать крепость в Модлине. Тяжелые бои с польскими войсками, пытавшимися прорваться к Варшаве, завязались в лесистом районе к югу от Модлина. 1-й батальон «Лейбштандарта» был атакован и окружен превосходящими силами противника.

19 сентября в 7.00 генерал-лейтенант Рейнхардт приказал атаковать, чтобы выручить наш 1-й батальон, а также прорваться к реке Висле. Атаку поддержал 2-й батальон 35-го танкового полка.

Вязкие песчаные дороги очень затрудняли движение, и колесный транспорт мог двигаться только очень медленно. Опять завязался жестокий бой, и, хотя положение поляков было безнадежным, они и не думали сдаваться, сражались до последнего патрона.

Во время атаки мы обнаружили останки оберштурмфюрера СС Брухмана и одного унтерфюрера СС 1-го батальона «Лейбштандарта». Оба они были ранены, взяты в плен и сильно изуродованы. Брухман был командиром взвода в моей роте и женился всего за две недели до начала войны.

Сражение за старую крепость Модлин (бывший русский Новогеоргиевск, мощная крепость, построенная русскими фортификаторами после 1832 года и перестроенная в конце XIX – начале XX века к началу Первой мировой войны. – *Ред.*) началось артиллерийской подготовкой и атаками пикирующих бомбардировщиков U-87 «Штука». Мы впервые столкнулись с разрушительным воздействием наших пикирующих бомбардировщиков и не могли понять, как польский гарнизон этой старой русской крепости мог столь долго выдерживать такой шквал огня. Вопреки нашим ожиданиям, польские части в Модлине оказывали упорное сопротивление и отбивали все атаки. Крепость пала только в самом конце кампании (30 сентября. – *Ред.*).

25 сентября Адольф Гитлер побывал на фронте, чтобы лично увидеть действия 15-й роты «Лейбштандарта» у Гузува (к западу от Варшавы).

Пехотные дивизии пришли на смену нашим танковым и моторизованным соединениям вокруг Модлина. А высвободившиеся мобильные силы были подготовлены для решающего наступления на Варшаву, которое началось бомбардировкой и сосредоточением артиллерийского огня и ударов авиации на фортификационных сооружениях и главных опорных пунктах. Основная бомбардировка города началась только вечером 26 сентября (по внешним фортам города и базам его снабжения – 25 сентября. – *Ред.*). Поляки пока не собирались сдаваться – для обороны столицы все еще оставалось 120 000 польских солдат, не считая ополченцев.

Поляки согласились сдать город только 27 сентября после полудня. Тогда и прекратились почти все боевые действия на фронте. Кампания в Польше практически закончилась (до 30 сентября сражался, как уже упоминалось, гарнизон Модлина, до 2 октября – гарнизон на полуострове Хель. – *Ред.*). 28 сентября командующий 8-й немецкой армией генерал Бласковиц подписал капитуляцию. Мы с изумлением выслушали великодушные условия, предложенные полякам. Офицерам были оставлены их шпаги, а унтер-офицеров и солдат лишь на короткое время сделали военнопленными.

Очень скоро, 1 октября, моторизованному полку СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер», как и многим другим частям и соединениям, был дан приказ двигаться на запад. Все мы были уверены, что будем следовать маршем к берегам Рейна, однако ошиблись. 4 октября мы достигли Златы Праги, где нам разрешили остановиться на две недели. Полк с огромным восторгом был встречен немецким населением города; тысячи людей радостно приветствовали нас, когда мы появились на площади Венчеслава (Вацлава). Константин фон Нейрат, почтенный имперский наместник германского протектората Богемии и Моравии (в 1939–1942 годах. – *Ред.*), произнес в нашу честь хвалебную речь.

Я снова доложил полковому командиру в Праге о своей настоятельной просьбе откомандировать меня на исполнение других обязанностей. Мой опыт в Польше не принес

мне удовлетворения, и я опасался, что останусь командиром роты СС истребителей танков в составе полка на все оставшееся время войны. В конце октября я принял командование мотоциклетной ротой СС. Это означало, что я буду в авангарде полка. И хотя я давно желал этого назначения, мне было жаль расставаться с ротой СС истребителей танков. Я сформировал свою роту в 1936 году и привязался к ней. Но все-таки было приятно осознавать, что мне позволили взять с собой командира взвода и нескольких унтерфюреров СС (командиров отделений). Кроме того, моему верному шоферу также разрешили служить со мной в 15-й роте «Лейбштандарта «Адольф Гитлер»».

Наконец-то я был в своей стихии. Мы упорно тренировались каждый день. Мотоциклисты делали это с энтузиазмом, и я находил у них полную поддержку. Мой лозунг – «мотор – наше лучшее оружие» – целиком поддерживался моими солдатами. Всего за несколько недель я завоевал доверие своей новой роты и знал, что могу положиться на каждого отдельного мотоциклиста. Мы с интересом ожидали дальнейшего развития событий на Западном фронте.

От Праги на Западный фронт

Блицкриг в Польше дал солдатам надежду на то, что политики смогут завершить эту злосчастную войну и очередной военной кампании против западной союзной коалиции, может быть, удастся избежать. Наша иллюзорная надежда была вскоре разбита, когда мы узнали, что союзники в начале октября категорически отвергли мирные предложения Адольфа Гитлера. После этого для наших солдат стало очевидно, что война может быть завершена только огнем и мечом.

Вопрос о том, как может быть достигнута победа в войне над западными союзниками, завладел умами молодых гренадеров столь же сильно, как и умами самых опытных войсковых командиров. Все соглашались с тем, что одной только обороной нужного для страны результата не достичь. И точки зрения командиров и солдат были едины: если политическое взаимопонимание невозможно, то только генеральное наступление даст нужные всем нам результаты и мир.

В ноябре наша часть выдвинулась в район Кобленца и оказалась под командованием генерала Гудериана. Мы использовали опыт, накопленный в Польской кампании, и обучали солдат для выполнения новых задач. Составление планов, упражнения и учения непрерывно следовали одно за другим. Энтузиазм солдат, которыми я командовал, снова воодушевлял меня. Ни тяготы учений, ни зимний холод не охлаждали рвения молодых воинов. Боевая учеба продолжалась под лозунгом «Пот бережет кровь. Лучше вырыть десятиметровый окоп, чем однометровую могилу».

Моя рота разместились в пустых домах в Бад-Эмсе, расположенном на берегу реки Лан. Пересеченная местность там очень подходила для нашей боевой учебы, так как мы знали, что наше наступление с XIX танковым корпусом Гудериана будет проходить через лесистые Арденны и мы столкнемся с проблемами на местности, похожими на те, которые нам предлагал Вестервальд, где мы базировались (как и Арденны, это часть Рейнских Сланцевых гор. – *Ред.*).

Гудериан проинспектировал каждую роту. Его упражнения по составлению планов были нам особенно интересны. Все его замечания служили нам прекрасным руководством. Он сказал, что «двигатель танка – ваше оружие, в той же степени, как и его пушка». Под командованием этого чрезвычайно опытного командира мы готовили себя к неизбежному наступлению на запад.

24 декабря 1939 года Адольф Гитлер посетил нас в Бад-Эмсе. Он беседовал с полком и сказал нам, какие надежды он на нас возлагает. Он намекнул на то, что скоро нам предстоит пройти по полям сражений, окропленных кровью наших отцов, в борьбе за прочный мир и сильную Европу.

В феврале 1940 года мы были переведены в состав группы армий «Б» фон Бока и

выдвинулись на север. Непредвиденная отправка стала полной неожиданностью; мы бы предпочли оставаться с Гудерианом.

С переброской начался новый этап в нашей подготовке. Мы были приданы 227-й пехотной дивизии. Нам, как моторизированной части, было приказано с началом боевых действий перейти границу Голландии, прорваться через пограничные заставы и выйти к реке Эйссел. Выполнение этого приказа требовало движения войск на полной скорости – для того чтобы быстро захватить многочисленные мосты через каналы, и прежде всего через реку Эйссел. Мы постоянно тренировались в форсировании рек и каналов. Вскоре мы отработали все возможные в ходе боя ситуации и были уверены в том, что справимся с поставленной перед нами задачей.

Моя часть была расквартирована в Зальцбергене, и я остановился в доме священника. Именно там 1 мая я познакомился со знаменитым епископом Графом фон Галеном, который через несколько лет будет бороться за пересмотр вынесенного мне смертного приговора и обратит внимание судей на то, что правосудие должно быть основано на христианских принципах. Граф фон Гален настоял на том, чтобы моя рота получила от него благословение.

С наступлением благоприятного сезона день, когда нам предстояло начать боевые действия, неизбежно приближался. День за днем мы ожидали кодового слова «школа Антона». 9 мая 1940 года код был передан и введена оперативная готовность. В 2.05 ночи 10 мая был дан следующий код – «Данциг». Это был окончательный приказ атаковать голландские пограничные укрепления. Мы вышли из Зальцбергена глухой ночью и тихо двигались в темноте. По обеим сторонам дороги стояли люди, махавшие нам на прощание рукой. Они желали нам удачи и скорейшего возвращения живыми и здоровыми.

Последние приготовления к атаке были завершены в 4.00 утра 10 мая. Я опять собрал своих молодых мотоциклистов, чтобы напомнить им основные принципы действий в боевых условиях. Когда в тот судьбоносный день 10 мая забрезжил рассвет, я пообещал своим солдатам, что каждый офицер нашей боевой группы всегда будет на линии огня, подтверждая таким образом принятые нами принципы руководства. В присутствии своих солдат я обменялся рукопожатиями со всеми своими офицерами, чтобы подчеркнуть свое обещание.

Атака началась точно в 5.30. Наш штурмовой отряд напал из засады на аванпост вблизи Де-Поппе и взял в плен потрясенных внезапно нападения голландцев. Мост через реку Фехт был захвачен нами неповрежденным, штурмовой отряд перерезал провода взрывных устройств.

Над нашей головой бесчисленным потоком летели в западном направлении транспортные самолеты U-52 – это наши боевые товарищи из 22-й воздушно-десантной дивизии и других частей летели к местам высадки. Германские боевые самолеты, как ястребы, со свистом пронеслись в воздухе и пикировали на заранее намеченные цели.

Нас как будто охватила лихорадка. Едва только был снят пограничный барьер, мост за ним сразу же был взят под охрану, а затем мы помчались по гладкой асфальтовой дороге, как водители гоночных автомобилей. Макс Вюнше, командир 1-го взвода, мчался впереди своих солдат и увлекал их вперед своим энтузиазмом. Я двигался вслед за взводом Вюнше и был удивлен, что мы не встречали никакого сопротивления. Наше продвижение вперед к Ольдензалу и Хенгело продолжалось на полной скорости. Бетонные танковые заграждения и ограждения мостов были не защищены. Некоторые мосты были слегка повреждены взрывами, но мы могли по ним проехать.

В Борне вошли без единого выстрела. Жители Голландии стояли у дороги и наблюдали за быстрым продвижением наших войск. Саперы противника взорвали мост через канал за Борне. Но мы сломали это первое сопротивление противника и форсировали канал в считанные минуты. Для наведения мостов были использованы двери и стены соседних амбаров. Сейчас самым важным была скорость. Все мотоциклисты были посланы вперед, чтобы преследовать команды подрывников противника и не дать им уничтожить следующий мост. Obersturmführer СС Краас, командир 2-го взвода, взялся преследовать команды

инженерных войск противника. Между тем возводимый временный мост стал достаточно прочным для того, чтобы можно было переправиться и мотоциклам с коляской. К мотоциклам прицепили 37-мм противотанковые орудия. Стремительное преследование продолжилось. К сожалению, танки и бронемашины временно отстали. Они обеспечивали безопасность инженерных войск, которые быстро строили новый мост через канал.

К сожалению, мы не смогли помешать команде голландских подрывников причинить повреждения и другим мостам. Эти мосты, заранее заминированные, были взорваны. Но эти подрывы уже не могли серьезно помешать нашему продвижению. Мы вышли к городу Зволле без особых задержек.

Примерно в 11.30 авангард был уже на окраинах Зволле, что означало проникновение на 80 километров в глубь территории противника. Передовой взвод (под командованием Ресса) двигался к железнодорожной насыпи на юге от города, а затем, за насыпью, решил наступать дальше в пешем порядке. Какой же сюрприз ожидал наших солдат в следующую минуту! Чудесные каштановые деревья по обе стороны от дороги были срублены, чтобы заблокировать вход в город. Но какая польза от самых лучших препятствий, если они не охраняются готовыми к бою солдатами?

К северу от баррикады, всего в нескольких сотнях метров, мы увидели пулемет и долговременные огневые точки, а так же противотанковые заграждения. Что удивительнее всего, это то, что их защитники спокойно и беспечно сидели на этих укреплениях сверху и завтракали. Они наслаждались майским солнцем, покинув свои боевые посты в мрачных казематах и бункерах.

Три баррикады помешали нам прорваться прямо через линию долговременных укреплений и застать голландцев врасплох. Однако огонь, открытый нами по расчетам дотов, расслабившихся и прозевавших наше появление, позволил нашим солдатам быстро преодолеть простреливаемое из дотов пространство без потерь.

Прежде чем голландцы успели понять, что происходит, наши мотоциклисты достигли дотов и разоружили их горе- защитников. Однако на то, чтобы убрать деревья, было затрачено много усилий. Наши подошедшие танки начали растаскивать гигантские деревья. Разбор баррикад занял слишком много времени, что мне совсем не нравилось. Нельзя было дать противнику опомниться. Мы должны были использовать преимущество фактора внезапности. Ни секунды не колеблясь, я прыгнул в машину голландцев и помчался в Зволле вместе с оберштурмфюрером СС Вюнше и гренадером СС Зееленвинтером. Обершарфюрер СС Эрих сопровождал нас на голландском же мотоцикле. Я намеревался застать коменданта города врасплох и заставить его согласиться на прекращение огня.

Голландские солдаты стояли как вкопанные на улице, когда мы кричали на них и указывали на баррикаду из деревьев, где им было велено находиться. Они побросали свое оружие и направились, куда указано. Чем дальше мы углублялись в город, тем беспокойнее я чувствовал себя в связи с этой «экскурсией». Мне хотелось повернуть обратно, но было уже слишком поздно и приходилось продолжать эту игру до конца.

Звук стрельбы у дотов не был слышен в центре города. Голландские семьи, наслаждавшиеся прекрасным майским днем, бросились врассыпную, как испуганные куры под нависшей над ними тенью ястреба. Несмотря на чрезвычайно неловкую ситуацию, мы не могли не удержаться от смеха, наблюдая реакцию голландцев. Солидное здание гражданского учреждения в центре города и вид входящих и выходящих из него людей в форме подвиг нас к тому, чтобы попытаться счастья там. Мы въехали прямо в середину толпы, резко затормозив в последний момент. Машина, казалось, сейчас перевернется. В доли секунды на изумленных людей в форме было направлено все наше оружие. Голландцы встали как вкопанные. Уважаемый почтенный господин в гражданской одежде представился нам как «представитель королевы» и сказал, что даст указание голландским войскам в Зволле прекратить сопротивление. Он сдержал обещание. Больше ни одного выстрела в Зволле не было.

С несколькими пленными голландскими офицерами мы поспешили назад, к завалу из

деревьев. Зволле был наш, но, к сожалению, мы не смогли предотвратить разрушение крупных мостов через Эйссел. Оба моста были взорваны еще ранним утром.

Меня чуть удар не хватил, когда я подъехал к разобранному заграждению – мои солдаты и несколько молодых голландцев развлекались катаясь на карусели, почти не думая об осторожности.

Тем временем 3-й батальон нашего полка СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» форсировал реку Эйссел в 800 метрах к югу от разрушенного железнодорожного моста у Зютфена. Эсэсовцы под командованием штурмбаннфюрера (майора) СС Трабандта атаковали Хоен. Деревню взяли примерно в 14.00. Наши потери были незначительными. Миссия полковой боевой группы была выполнена. Мы вышли к реке Эйссел и частично через нее переправились. При этом в моей ударной группе единственным пострадавшим стал один солдат, который был ранен, – стрелку-мотоциклисту Флейшеру прострелили ногу у завала из деревьев.

В течение ночи наш полк был отозван из 227-й пехотной дивизии и передан под оперативное управление штаба 18-й армии. Командир 227-й пехотной дивизии генерал-майор Циквольф оценил быстрое и успешное наступление полка. Как первый офицер, так отличившийся в этой кампании, оберштурмфюрер СС Краас получил из рук генерала Железный крест 1-го класса. Краас со своим усиленным взводом продвинулся вперед за Эйссел примерно на 60 километров и взял в плен семь офицеров и 120 солдат.

Наступление на Роттердам и Гаагу

После боевых действий на рубеже реки Эйссел полк получил приказ выдвинуться к Гертрейденбергу через Хертогенбос и установить контакт с 9-й танковой дивизией. После небольших стычек с голландской пехотой мы достигли Гертрейденберга ближе к вечеру 13 мая. Контакт с 9-й танковой дивизией был установлен.

На следующее утро в 4.00 мы начали продвигаться вперед, пройдя по мосту через Маас. Благодаря действиям парашютистов мост оказался в наших руках в целостности и сохранности.

Парашютистов в ходе десантирования разбросало по большой луговине по обеим сторонам насыпи моста. Многие из храбрых десантников были убиты на подступах к долговременным огневым точкам, защищавшим мост, но фактор неожиданности сработал и здесь. У противника не было возможности уничтожить этот крайне важный мост. Путь в Южную Голландию и к побережью был открыт.

9-я танковая дивизия выдвинулась к порту Роттердам и вошла в контакт с 11-й ротой 16-го полка воздушно-десантных войск. Рота была выброшена вблизи стратегических мостов с планеров, захватила эти мосты и защищала от непрерывных атак голландцев до подхода наших танков.

Задача полка была следующей: «Усиленный моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» во взаимодействии с 9-й танковой дивизией пройдет сквозь Роттердам или мимо него и далее продолжит наступление по направлению к Гааге».

Полк готовился атаковать южнее Катендрехта. Приготовления были завершены к 13.00.

Роттердам должен был быть атакован в 14.40 после артподготовки и бомбардировки пикирующими бомбардировщиками U-87 «Штука» и бомбардировщиками He-111.

Мой авангард выдвинулся вперед к порту Роттердам и остановился возле большого голландского лайнера. Судно горело с 10 мая. Его груз состоял из американских автомобилей.

В 14.00 прошел слух, что голландцы ведут переговоры о капитуляции. Переговорщиками были генерал Штудент, подполковник 22-й воздушно-десантной дивизии фон Холиц и голландский полковник Шарро. Во время переговоров генералу Штуденту выстрелили в голову, и он был увезен в тяжелом состоянии.

Требовалось подтверждение того, приняты ли высшим голландским командованием

наши условия сдачи. Я находился вместе с группой офицеров на мосту, когда несколько групп бомбардировщиков He-111 приблизились к Роттердаму. Голландские зенитные орудия открыли огонь по германским самолетам. Перемирие было нарушено. Мы напрасно пытались привлечь внимание наших летчиков, пуская красные ракеты для того, чтобы остановить бомбардировку. Мы стояли в середине района цели воздушной атаки и до последнего момента верили, что сможем ее предотвратить, но, как потом узнали, летчики не видели наших сигнальных ракет из-за тумана. Густые клубы дыма от горящего у причала судна создали над городом дымовую завесу. Когда мы услышали свист падающих бомб, то очистили мост и поспешили в ближайшие подвалы. Вот как получилось. Бомбардировку уже нельзя было остановить. Роттердам стал морем огня. Последняя бомба упала в 15.45.

Мы смотрели на горящий город и впервые пережили весь ужас воздушного налета. Огонь повсюду вздымался стеной. По улицам почти невозможно было передвигаться. Наши сомнения насчет переговоров на улицах горящего города были развеяны приказом о срочном отбытии. Мой авангард должен был связаться с подразделениями 22-й воздушно-десантной дивизии в Оверси (на магистрали Роттердам – Гаага).

Мы приблизились к лабиринту загроможденных улиц и искали дорогу к Оверси, углубляясь все дальше и дальше в горящий Роттердам, прикрывая лица. Люди бежали из этого ада в район порта.

Мои мотоциклисты двигались по узким улицам, которые будто оказались во власти дьявола. Витрины магазинов вокруг нас разлетались с грохотом. Горящие одетые манекены и украшения на них создавали неземную картину. Дальше мы продвигались уже по безлюдным улицам города. Не было видно ни одного голландца – всех их выгнал нестерпимый жар пожаров.

Тяжелые бронированные машины двигались сквозь плотную завесу дыма, и иногда только задние огни ехавшего впереди танка или броневика, следовавшего за ним, указывали дорогу. Ошибки быть не могло, поскольку останавливаться было нельзя – жар стал невыносимым. После того как мы миновали торговый квартал и достигли аллеи, я велел сделать короткую остановку, чтобы дать возможность догнать нас мотоциклистам. Покрытые сажей, с опаленными волосами, но улыбающимися лицами, мотоциклисты последнего отделения выехали из горящего города. Позади нас все было уже заблокировано плотной стеной огня. Мы не могли повернуть назад, так что – вперед!

Мы осторожно продвигались в направлении Оверси под защитой дамбы канала и были встречены огнем голландской пехоты. Разводной мост через канал был поднят. Однако мы быстро взорвали приводной механизм, тяжелая машина въехала на мост, и он медленно опустился. Перед нами простиралась дорога на северо-запад. Но как выглядел этот прямой отрезок пути? Наши самолеты один за другим садились на эту широкую бетонированную дорогу. На ней уже находились и полностью выведенные из строя, разбитые или сгоревшие самолеты. Это были транспортные самолеты 22-й воздушно-десантной дивизии, которые использовали эту дорогу в качестве взлетно-посадочной полосы, когда не могли воспользоваться предназначенными для них аэродромами. Они становились мишенью голландской артиллерии. Воздушно-десантные войска стойко отбивали все атаки противника в течение трех дней. Особенно ожесточенный бой завязался в Оверси.

Мы продолжали двигаться вперед по обе стороны дороги. Пулеметный и винтовочный огонь голландцев не смог нас остановить. Мы напрасно прочесывали Оверси в поисках выживших бойцов 22-й воздушно-десантной дивизии, но кроме следов сражения и тел мертвых товарищей мы не смогли обнаружить ни одного германского солдата.

Только когда мы продвинулись дальше в направлении Делфта, к нам выбежали около десяти солдат и лейтенант. Молодой офицер в изнеможении обнял меня. Около 21.00 мы достигли Делфта и вошли в контакт с уцелевшими подразделениями окруженной 22-й воздушно-десантной дивизии. Наш полк 14 мая взял в плен 3536 голландцев.

Разоружение голландских войск в Гааге и Схевенингене (сейчас в черте Гааги. – Ред.) было завершено 15 мая без сопротивления противника. Полк взял в плен 163 офицеров и

7080 солдат. С захватом военного министерства война в Голландии для нас окончилась.

Вторжение во Францию

Полк вступил в Северную Францию. Пройдя перед этим бельгийский Намюр, вблизи франко-бельгийской границы, у Валенсьена, он впервые схватился с французскими войсками.

Задача полка состояла в том, чтобы предотвратить прорыв отрезанных в Бельгии и Северной Франции французов к югу. Все попытки противника это сделать были подавлены нашим огнем с быстро подготовленных оборонительных позиций – полк занимал тогда по фронту целых 30 километров (очень много! – Ред.).

Неподалеку от старой крепости Ле-Кенуа (20 километров к юго-западу от Валенсьена) поле, с которого только что собрали урожай, вызвало у меня ощущение нереальности. За несколько часов до этого здесь должны были располагаться лагерь тысячи французов. Теперь же не было видно ни одного французского солдата. Но бесчисленное множество французских касок лежало на огромном поле, как будто выстроившихся на парад. Аккуратно расставленные каски, как мне казалось, выражали беспомощность и слабость французской армии. Это была армия без морального духа и уверенности в себе. В ней уже не было солдат, выстоявших в битве за Верден. Эта армия сражалась без веры в свое правое дело и не имела, в отличие от нас, ясных целей.

Сражения Первой мировой войны все еще были свежи в памяти французских солдат. Они верили в неприступность своей линии Мажино и, следовательно, в неодолимость защитников этого величайшего в мире фортификационного сооружения. У Франции была не только линия Мажино, она обладала и величайшей танковой мощью (кроме СССР. – Ред.). В распоряжении вооруженных сил союзной коалиции было более 4800 танков (3100 танков. – Ред.). Эта бронетехника противостояла 2200 танкам немцев в начале их наступления (всего у немцев было 2580 танков. – Ред.). Причиной быстрого разгрома французов были, конечно, их устаревшие принципы управления (и распыление бронетанковых сил. – Ред.).

24 мая моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» был передан в оперативное подчинение танковой группе фон Клейста и придан 1-й танковой дивизии. За несколько дней до этого быстро продвигавшаяся вперед танковая группа фон Клейста достигла изрезанных полей сражений у Соммы времен Первой мировой войны (битва на Сомме продолжалась с 1 июля (артподготовка с 24 июня) по 18 ноября 1916 года. Наступавшие союзники потеряли 794 000 человек убитыми и ранеными, заняв в 240 квадратных километров (!) территории, немцы – 538 000. – Ред.). Форсировав каналы и пройдя Камбре, Перон, Амьен и Абвиль, Клейст готов был взять Булонь (пала 25 мая. – Ред.). 24 мая 1-я танковая дивизия вышла к реке А у Холке и получила приказ наступать на Дюнкерк. В рамках этой операции наш полк атаковал Ваттен. В ходе ночного марша я со своим авангардом продвинулся вверх по реке и далее к холму Ваттен, 72-метровая высота которого позволяла господствовать над окружающей местностью – болотистой низменностью. Холм этот усиливал неприятельскую оборону на противоположном берегу реки А, мосты через которую были разрушены, а английские и французские войска занимали подготовленные позиции. В этих условиях холмом можно было овладеть только хорошо продуманной и неожиданной атакой. В ту ночь 3-й батальон «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» приготовился к атаке.

Незадолго перед ее началом переправа через реку А неожиданно была запрещена приказом Гитлера. Ликвидация Дюнкеркского плацдарма противника была поручена люфтваффе. Все наступательные операции танковой группы фон Клейста были немедленно остановлены. Мы были просто шокированы этим приказом, поскольку находились на открытом пространстве на западном берегу реки А, и вздохнули с облегчением, когда услышали о решении Зеппа Дитриха прорываться с боем, несмотря на приказ Гитлера. После эффективной огневой подготовки 10-й роты «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» удалось

переправиться через А и выйти к окраинам Ваттена на восточном берегу реки. Упорное сопротивление англичан и французов помешало продвижению переправившихся частей. Только благодаря атаке 3-го батальона «Лейбштандарта» высота оказалась в наших руках.

Холм, обрамленный развалинами старинного замка, давал нам превосходный обзор в восточном направлении. Мы стояли на развалинах, когда вдруг появился генерал, командовавший XIV танковым корпусом (Виттерсгейм. – Ред.), и потребовал объяснений от Зеппа Дитриха, почему тот наступал, несмотря на запрет. Зепп Дитрих отвечал: «Район к западу от реки А прекрасно обозревался с холма Ваттен. Эта высота стояла у всех поперек горла. Вот почему мы решили овладеть ею». Генерал Гудериан одобрил решение Зеппа Дитриха. Через несколько мгновений после этого разговора мы все лежали в грязи и были вынуждены ползком спасать свою жизнь, ища укрытия под пулеметным огнем противника. Проворность, с которой ветераны-танкисты Дитрих и Гудериан исчезли, укрывшись в развалинах, была поразительной.

В результате Гудериан приказал продолжить наступление еще дальше – в направлении Ворму – Берг. На время этой атаки наш полк был придан 20-й пехотной дивизии (моторизованной). Справа от нас атаковал 76-й пехотный полк; соседом слева был усиленный пехотный полк «Великая Германия».

Начало наступления 27 мая было отложено, потому что наведение мостов через канал не было вовремя завершено. В 7.45 из небольшого лесного участка в двух километрах к востоку от холма Ваттен последовала атака противника, которая была отражена нашей артиллерией. В 8.28 наш полк пошел в атаку и быстро продвинулся вперед. В 10.00 полковой командный пункт подвергся обстрелу тяжелой артиллерии противника, который продолжался до полудня.

В Бользеле 1-й батальон «Лейбштандарта» встретил сильное сопротивление и, кроме того, подвергся интенсивному обстрелу с фланга на участке наступления пехотного полка «Великая Германия», который плелся позади и только через некоторое время смог обеспечить фланг нашего наступления.

Стрелки-мотоциклисты в ожидании результата атаки были наготове. После взятия Бользеля мой авангард планировалось выпустить как стрелу из туго натянутого лука и, застав англичан врасплох, захватить Ворму.

Я не мог больше терять времени и попытался воочию оценить ситуацию после наступления 1-го батальона «Лейбштандарта «Адольф Гитлер». Мотоцикл без коляски казался мне подходящим «конем» для этой цели. Артобстрел на пересечении дорог вынудил меня ехать по дороге на полной скорости. Оборванные телефонные провода лежали на дороге, превращая езду в гонку с препятствиями. Вдруг я ощутил толчок и, отделившись от мотоцикла, подобно ракете, полетел в направлении дерева. С этого момента я уже ничего не помнил.

Видимо, кто-то подобрал меня и доставил в полковой командный пункт. Не особенно дружелюбный голос Зеппа Дитриха вернул меня к действительности. В соответствии с его распоряжениями я был сразу же положен на носилки и получил предписание врача ни в коем случае не вставать, поскольку от удара был контужен. Некоторое время спустя, будучи еще «лежачим больным», я узнал, что наша часть начала движение, и увидел, как мои мотоциклисты едут в направлении Бользеля. Глухой рокот двигателей мотоциклов БМВ был для моих ушей как музыка. Мое столкновение с деревом было в прошлом – я должен был руководить своими солдатами.

Никем не замеченный, я спрыгнул с носилок на дорогу и вскочил на мотоцикл курьера, а затем быстро миновал передовые подразделения роты. Командир авангардной группы Вюнше приветствовал меня вопросительным взглядом, но у него не было возможности задавать вопросы. Ревя мотором, я покатил к передовому взводу и последовал в направлении Бользеля. Мои солдаты последовали за мной; они и понятия не имели, что я только что встал с носилок.

С окраин Бользеля нас встретил огонь из винтовок и пулеметов. Мы попали и под

минометный обстрел – мины рвались по обе стороны дороги. Останавливаться в такой ситуации не рекомендовалось! Так что к въезду в городок мы помчались на полной скорости. Казалось, что мотоциклы летят над булыжниками дороги; я знал, что всего несколько секунд требовалось для того, чтобы миновать опасную зону, и что мои солдаты следуют за мной без колебаний. Слева от дороги я увидел пулеметное гнездо. Мои мотоциклисты уже были вне зоны его обстрела. Во весь опор мы промчались мимо первых домов городка. За поворотом дороги мы увидели, как французы спешно возводят заграждение из сельскохозяйственных машин. Не сделав ни единого выстрела, группе Эриха удалось разоружить строителей баррикады.

Позади нас стрелки-мотоциклисты стреляли по садам слева и заставили потрясенных защитников города прекратить огонь и собраться на улице. Пятнадцать неприятельских офицеров и 250 человек рядового и унтер-офицерского состава отправились по дороге в плен. Нам пришлось доложить о двух жертвах. Во время подхода был убит унтершарфюрер СС Петерс, а у обершарфюрера СС Эриха было прострелено бедро. Наш смелый удар был успешным, но мне на пару дней пришлось передать командование своим авангардом помощнику и подчиниться распоряжениям врача.

28 мая полк, 2-я танковая бригада и 11-я стрелковая бригада двинулись в наступление на Ворму. В 7.45 танки начали движение вместе с гренадерами. Неприятель огнем своей тяжелой артиллерии попытался остановить наши танки. В артиллерии у противника было превосходство. У него также имелись здесь многочисленные пехотные части. Как раз на участке 2-го батальона «Лейбштандарта» были обнаружены два полка противника.

Я был на командном пункте нашего полка, и мне нельзя было его покидать без разрешения. Мои стрелки-мотоциклисты ожидали развития событий в Ворму. Их должны были подключить к операции после того, как городок будет взят. Кольцо окружения вокруг Дюнкерка сжималось все сильнее.

Зепп Дитрих и Макс Вюнше поехали в 1-й и 2-й батальоны «Лейбштандарта», чтобы получить ясное представление о сложившейся ситуации. В 11.50 вернулся посыльный с плохой вестью о том, что они оказались отрезанными на восточных окраинах Эскельберга.

2-я рота «Лейбштандарта» попыталась вызволить своего командира из критической ситуации, но им помешал интенсивный пулеметный и артиллерийский огонь противника. Атака 15-й роты «Лейбштандарта» также была отбита огнем оборонявшихся англичан. Усиленный взвод 6-й роты 2-й танковой бригады под командованием лейтенанта Кордера потерял четыре танка и не смог преодолеть открытое пространство. Лейтенант Кордер и фельдфебель Крамель были убиты в паре сотен метров от Эскельберга.

Оказавшийся в окружении Зепп Дитрих был хорошо виден. Он находился в 50 метрах от позиций противника. Его автомобиль стоял у дорожного препятствия.

Штабной автомобиль горел, а из кювета поднимались густые клубы дыма. Топливо пролилось в кювет, и загорелась сухая трава. В то время как все это происходило, Дитрих и Вюнше, с головы до ног в грязи, спасаясь от огня, залегли в узкой трубе, проходившей под переездом дороги.

Пять наших средних танков Т-IV и взвод легких танков Т-II пошли в атаку в направлении окраины Эскельберга. Танки, двигаясь левее дороги, наступали через парк, который упорно обороняли англичане. Англичане подожгли горючее, которое вылили на дорожки парка, так что дальнейшее продвижение танков стало невозможным. Все расположение нашего полка подвергалось интенсивному артобстрелу. Только около 15.00 3-му батальону «Лейбштандарта» удалось прорваться в юго-восточную часть Ворму.

Наш командир Зепп Дитрих в 16.00 был наконец вызволен из затруднительного положения штурмовой группой 1-го батальона «Лейбштандарта» под командованием гауптштурмфюрера СС Эрнста Мейера. К сожалению, был убит командир одного из штурмовых отрядов, храбрый обершарфюрер СС Обершельп. Обершельп был первым военнослужащим унтер-офицерского состава полка, награжденным Железным крестом 1-го класса за Польскую кампанию.

2-й батальон «Лейбштандарта» неуклонно рвался вперед, несмотря на упорное сопротивление противника, стоявшего насмерть. Наши гренадеры брали дом за домом и около 17.00 смогли пробиться к рыночной площади Ворму. Все контратаки противника были отбиты. Во время внезапной атаки вражеских танков был ранен командир 2-го батальона «Лейбштандарта» штурмбаннфюрер Шютцек. Два танка противника были подбиты и загорелись; полк взял в плен 11 офицеров и 320 солдат противника. В Ворму было захвачено огромное количество артиллерийских орудий, автомашин и боеприпасов. В 23.10 наш полк при поддержке танков возобновил атаку и вынудил англичан отступить. За ночь были взяты в плен еще шесть английских офицеров и 430 военнослужащих рядового состава.

К рассвету полк, не встречая серьезного сопротивления, вышел к дороге Ост-Капель – Рекспуад. Войска противника на участке полка были полностью рассеяны и пытались спастись бегством на север к Дюнкерку, бросая военную технику и снаряжение.

Дороги, ведущие к побережью и гавани Дюнкерка, были полностью забиты. Бесконечные колонны английских грузовиков, танков и орудий сделали невозможным любое движение по ним. Количество брошенной противником военной техники было огромным. Отступление англичан приняло характер беспорядочного бегства. В 15.45 из штаба XIV танкового корпуса был передан приказ выйти из боя и готовиться к маршу. Моторизованный полк СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» переходил под оперативное управление 9-й танковой дивизии и должен был преследовать бегущего в Дюнкерк противника. Но в 18.00 по неизвестным причинам этот приказ был отменен. И опять мы только наблюдали за англичанами, оставаясь в бездействии. Нам не разрешили продолжать наступление. Оставалось смотреть, как англичане оставляют Дюнкерк и под ударами нашей авиации исчезают за Ла-Маншем. Каким бы оказался дальнейший ход войны, если бы танковой группе фон Клейста разрешили продолжить запланированную операцию против Дюнкерка и взять в плен Британский экспедиционный корпус, можно только представить.

Сражение против англичан окончилось; мы не участвовали в завершающей фазе Дюнкеркской операции. 4 июня полк перешел в ведение командования 6-й армии и оказался в районе Камбре.

Сражение на Сомме началось, и французские позиции здесь подверглись мощным ударам германских войск, которые быстро привели к ряду прорывов фронта. Наш полк находился рядом, чтобы двинуться в направлении Амьена или Перона через развилки дорог в БапOME. Противник подтянул свежие силы. Наверное, им было приказано остановить глубокий прорыв германских войск и выиграть время для отхода французских войск, сражавшихся на Сомме, чтобы успеть создать новый рубеж обороны за Уазой. Но существовала возможность и того, что противник попытается в течение ночи быстро отступить к югу.

Поэтому 8 июня планировалось атаковать четырьмя дивизиями и прорваться в юго-западном направлении. Полк был передан под оперативное управление 3-й танковой дивизии. Атака началась по плану. Прорыв французского фронта был расширен. 9 июня мы были вдруг переброшены на участок XXXXIV армейского корпуса и получили приказ выдвинуться к Суасону, Виллер-Котре, а затем в юго-восточном направлении. К тому времени, когда мои стрелки-мотоциклисты переправились через реку Эна к западу от Суасона, они были смертельно уставшими. Но времени на сон не было. Мы должны были за ночь пройти через лес в Виллер-Котре, а потом выйти к Ла-Ферте-Милон.

Глубокой ночью мы въехали в темный лес и медленно двигались по дороге, которая была сильно разбита минами и бомбами. 124-й пехотный полк расположился лагерем по обе стороны большой дороги в лесу Доксуэль. Вскоре мы миновали наши последние позиции боевого охранения и выехали на ничейную землю. Французские солдаты добровольно сдавались. Они большей частью принадлежали к 11-й французской дивизии. Нам мешал густой буковый лес, где мы в любой момент ожидали, что наткнемся на противника, и каждый звук, казалось, говорил о присутствии врага.

Это продвижение через лес, очевидно, имело особый смысл для Зеппа Дитриха.

Именно здесь во время Первой мировой войны он впервые принял участие в танковой операции и уничтожил свой первый вражеский танк.

Около 4.00 мы достигли Виллер-Котре и взяли в плен некоторое количество французских солдат. Вся ситуация уже несла на себе печать неминуемого краха французской армии. Разрозненные части 11-й дивизии французов оказывали лишь слабое сопротивление.

В 5.00 мы выдвинулись в направлении Ла-Ферте-Милон и в лесу в 4 километрах к югу от Виллер-Котре взяли в плен еще некоторое количество солдат 11-й дивизии. На небольшом расстоянии от Ла-Ферте-Милон наши передовые подразделения попали под обстрел пехоты противника, но затем деревня была быстро взята.

1-му батальону «Лейбштандарта» удалось с ходу взять Шато-Тьерри и продвинуться до взорванного железнодорожного моста. Шато-Тьерри, важный для немцев город (здесь в сентябре 1914 года и в июле 1918 года происходили тяжелые бои, во многом предопределившие дальнейший ход войны. – Ред.), был покинут французами, но огонь тяжелой артиллерии обрушился на его пустые улицы, превращая спящий город в довольно неудобное место.

11 июня мой авангард проследовал через Брюмес и Куломбе в направлении Монренила. Мы с ходу прорвали несколько рубежей сопротивления противника. Я с трудом сдерживал своих grenадеров. Начался бросок на Марну. На следующий день в 5.30 мы проехали через Монренил и застали врасплох французов во время их побудки. Они охотно бросили оружие и вышли на главную улицу. В 9.04 мы достигли Марны у Сен-Ож. Огнем из крупнокалиберных пулеметов и автоматических пушек были рассеяны колонны противника на южном берегу реки – еще до того, как мы уступили свою позицию 2-му батальону «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» и взялись преследовать уже разбитого противника.

Несмотря на то что мы достигли намеченных целей (выход к северному берегу Марны), 2-й батальон «Лейбштандарта» форсировал реку у Сен-Ож, чтобы создать плацдарм, и таким образом обеспечил возможность последующей атаки железнодорожной насыпи у излучины Марны. В 18.50 был взят Муайи, насыпь была захвачена. С созданием этого плацдарма дальнейшие операции в течение нескольких последующих дней проходили более гладко, а противник был лишен возможности закрепиться в излучине Марны.

В течение ночи полк опять перешел в подчинение 9-й танковой дивизии. В 12.45 незабываемого 14 июня мы прослушали специальную передачу: «Германские войска с раннего утра входят в Париж...» Солдаты 11-й роты «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» ворвались в церковь в Этрепийи и стали звонить в колокола. Мы молча стояли и слушали торжественный звон. Никто не веселился, не произносилось победных тостов, не жгли костров. Растроганные, мы восприняли это как факт и глазами провожали эскадрильи наших пикирующих бомбардировщиков U-87 «Штука», летевших через Марну и несущих смерть к югу от Парижа. Вечером того же дня пал смертью храбрых один из наших лучших младших командиров, гауптшарфюрер СС Шильдкнехт. Он стал примером для всего своего взвода.

Мы продолжали продвигаться на юг через Монмирай и Невер с приказом создать плацдарм через реку Алье неподалеку от Мулена. Мост на автомобильной дороге был взорван французами на наших глазах. Взрыв произошел в то самое время, когда лейтенант 10-го стрелкового полка попытался перейти на противоположный берег. Офицер упал вместе с мостом в быстрые воды Луары. Однако нам удалось захватить железнодорожный мост. Он был подожжен французами, но огонь не смог разрушить металлическую конструкцию моста, и мы смогли создать плацдарм. Противник оказывал лишь слабое сопротивление, хотя в распоряжении французского Верховного командования находилось все еще 70 боеспособных дивизий. Но французская армия уже не желала воевать. Нам встречались лишь отдельные очаги серьезного сопротивления.

19 июня я получил приказ разведать дорогу от Мулена до Ганны (западнее Виши) через Сен-Пурсен-сюр-Сьюль. На заре мой авангард продвигался через лесистую и холмистую местность, расчищая себе путь огнем пушек и пулеметов. Отступавшие французские части опять попытались создать оборонительный рубеж, чтобы выиграть время. Эти попытки нас

уже сильно не беспокоили. У нас была только одна цель: наступать дальше на юг. Фланги стали не важны. Мы двигались по дорогам подобно огнедышащему дракону. Останавливаться было нельзя. Огонь велся только из боевых машин и мотоциклов на ходу. Наше наступление начинало походить на дикую охоту.

Около 10.30 мы достигли небольшой возвышенности и посмотрели вниз на Сен-Пурсен-сюр-Сьюль. Я двигался с передовым отрядом и видел, как французские солдаты из всех сил старались воздвигнуть на дороге баррикаду у входа в город. Местность по обеим сторонам дороги была открытой, и дорога на протяжении примерно 800 метров в направлении Сен-Пурсена шла под уклон. Эти неблагоприятные условия местности мешали правильной атаке города. Поэтому я решил застать французов врасплох и захватить их позиции молниеносной атакой. Для этой внезапной атаки я выбрал передовое подразделение под командой оберштурмфюрера СС Книттеля. Я велел остальным солдатам атакующего взвода следовать в сотне метров позади и обеспечивать передовому отделению прикрытие огнем.

Французы все еще понятия не имели, что мы уже так близко подошли к Сен-Пурсену. Они спокойно собирали всякий подручный материал, чтобы забаррикадировать въезд в город.

Внезапно (для французов) наш первый мотоцикл с коляской скатился с холма и, как молния, выскочил на дорогу, стреляя на ходу. Остальные мотоциклы на полной скорости последовали за ним. Бронемшины следовали по обеим сторонам дороги и вели огонь из своих 20-мм автоматических пушек, расчищая путь наступавшим мотоциклистам. Минометы били по городу. Всего за несколько секунд разверзся ад. Я поспешил за передовым подразделением и увидел бегущих и перепуганных французских солдат, охваченных паникой, выбегавших из домов на улицу. Бешено жестикулирующие офицеры напрасно пытались заставить солдат сражаться. Потрясение было слишком велико, и эффективная оборона была уже невозможна. Только пули от отдельных винтовочных выстрелов свистели над нашей головой. За короткое время во французской баррикаде была пробита брешь, достаточно широкая для того, чтобы мы могли проехать. Здесь французами была установлена 75-мм пушка, но ее расчет так и не успел открыть огонь, так быстро действовали наши передовые подразделения.

Однако первое замешательство противника прошло, и дальше продолжать атаку на машинах было нецелесообразно. Мы наступали теперь по обе стороны от дороги в пешем боевом порядке. Свернув на главную улицу города, мы были встречены интенсивным пулеметным огнем, который заставил нас поостеречься. Но нам нельзя было дольше задерживаться; атаку нужно было проводить как можно скорее, чтобы не дать взорвать мост, находившийся на дальнем конце города.

Передовой взвод перебежками устремился к мосту. Французские пленные побежали назад, стараясь покинуть опасную зону. В 50 метрах от моста командир штурмовой группы оберштурмфюрер СС Книттель был ранен в бедро и едва успел укрыться за большим вязом до того, как вокруг нас полетели обломки взорванного французами моста. Как только немного рассеялся дым, нас встретил яростный огонь французской пехоты. Противоположный берег реки Сьюль был несколько выше, что создавало прекрасные условия для обороны. В сложившейся обстановке мы оставались на занятом рубеже, и я попросил следовавший за нами батальон миновать Сен-Пурсен и попытаться захватить мост через реку Сьюль примерно в 12 километрах к югу.

Тем временем за взорванным мостом противник чувствовал себя в безопасности и понятия не имел, что его полный разгром вопрос ближайшего времени. В 14.20 Йохен Пайпер, командир роты авангарда 3-го батальона «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» направил донесение о том, что переправа через Сьюль завершена. В довершение в плен была захвачена рота противника со всей военной техникой (во время ее отхода в Ганну). 3-й батальон «Лейбштандарта» был спешно переправлен через реку и брошен в атаку на Сен-Пурсен-сюр-Сьюль. Батальон атаковал французов с тыла и смог завершить бой без больших

потерь.

Мой авангард вышел из Сен-Пурсена и преследовал противника до Ганны. К 16.00 Ганна была взята без боя, и мы стали проводить рекогносцировку в направлении Виши.

Мощные завалы из деревьев на дороге Ганна – Виши не дали нам выполнить задачу до наступления ночи. Незадолго до того, как достичь Виши, мы застали врасплох остановившуюся артиллерийскую часть. Ее устаревшие грузовики не смогли подняться на крутой холм. Пушки, очевидно, остались еще с Первой мировой войны и, конечно, мало на что годились. Вероятно, до этого они находились на консервации где-нибудь на складе.

Мотострелковая рота успешно, не понеся потерь, разоружила французов и отправила их пешим строем обратно в Ганну. Деморализованный французский офицер стоял на дороге, мрачно взирая на пушки. Я увидел, что по его щекам лились слезы. Он запинаясь проговорил: «Какой стыд! Солдаты Вердена не должны были позволить такому случиться».

Мы обнаружили, что мост через Алье цел, и установили контакт с германскими войсками, занявшими Виши. 19 июня были взяты в плен 17 офицеров и 933 солдата. Все пленные выглядели измотанными и деморализованными.

29 июня 2-й батальон «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» вышел к городу Клермон-Ферран и захватил на аэродроме 242 самолета различных типов. В наших руках оказались восемь танков, множество машин и другой техники. Кроме того, батальон взял в плен генерал-майора, 286 офицеров и 4075 солдат.

Взятый в плен сразу после начала атаки в Пон-дю-Шато (к востоку от Клермон-Феррана) французский капитан вызвался быть парламентаром. Несмотря на свой белый флаг, он был убит выстрелами французских солдат, когда поравнялся с позициями французов, чтобы просить о сдаче так называемого «открытого города».

23 июня наш авангард двинулся в направлении Сент-Этьена и в двух километрах к северу от Ла-Фуйоз попал под беглый огонь из-за баррикад на дороге.

Передовое подразделение въехало в подлесок по обе стороны дороги и попыталось разведать подход к дальнему концу баррикад. Я двигался вдоль рва со вторым отделением и едва миновал противотанковые заграждения, как начался интенсивный обстрел и из-за баррикады выкатился танк. Он двигался по открытому пространству, ведя огонь. Мы, как кролики, забились на дно противотанкового рва и смотрели на надвигающуюся стальную громадину. Ни живы ни мертвы, мы смотрели, как гусеницы надвигаются все ближе и ближе к краю и, казалось, соскользнут вниз, в бетонированный ров. Наконец танк остановился прямо над нами, перед самым скатом рва.

Танк и наша противотанковая пушка завязали дуэль на расстоянии всего 20 метров друг от друга. Противотанковая пушка выстрелила первой, и после звонкого удара мы услышали пронзительный свист срикошетившего снаряда. Но и второй снаряд не пробил броню танка. Она оказалась слишком толстой для снарядов нашего 37-мм орудия. Мы видели, как танк покатился прямо на противотанковую пушку и выстрелил в упор по орудийному расчету. Не дойдя всего несколько метров до уничтоженного орудия, танк развернулся и вернулся за баррикаду. Мы с облегчением увидели, что второй снаряд заклинил башню танка и экипаж уже не мог должным образом наводить пушку. К сожалению, трое истребителей танков из расчета противотанковой пушки были убиты. Они стали последними из наших солдат, погибших во Французской кампании 1940 года.

С позиции передового подразделения мне были видны в общей сложности шесть танков противника, скрывавшихся за заграждениями. Они были ветеранами Первой мировой войны, которых построили для планировавшегося и не состоявшегося наступления 1919 года (видя безнадежность продолжения борьбы, германское правительство 11 ноября 1918 года подписало продиктованные союзниками условия перемирия. – Ред.), но ни разу не участвовали в боевых действиях. Спустя полчаса танки были вынуждены отступить под снарядами наших 150-мм орудий. Дорога на Сент-Этьен была открыта. На следующее утро 1-й батальон полка «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» вошел в город и взял в плен еще несколько сотен французов.

В 21.45 24 июня мы узнали, что между Италией и Францией заключено перемирие (перемирие между Германией и Францией было подписано за два дня до этого, 22 июня. – Ред.). Боевые действия во Франции закончились. Было ли это концом войны?

Соглашением о перемирии была установлена демаркационная линия, и 4 июля нам пришлось отойти с занятой территории к северу. Затем наш полк был передан под командование 12-й армии и ранним утром отбыл в Париж. Мы должны были принять участие в предстоящем параде.

Несмотря на поражение, которое потерпела французская армия, французское население было довольно приветливо. Незадолго до того, как достичь Парижа, мы узнали о потоплении или захвате большей части французского флота британскими авианосцами, линкорами и крейсерами в портах Оран, Дакар, Александрия и других. Это глубоко потрясло французов. Никогда прежде и никогда потом я не видел так много плачущих людей, как тогда во Франции. Действия Черчилля рассматривались не как военная акция, а как преступление.

Париж был окружен плотным кольцом частей дивизии фон Бризена. В центр города можно было войти только с разрешения и с пропуском из штаба. Я со своими мотоциклистами воспользовался возможностью осмотреть достопримечательности Парижа. Поскольку планировавшийся парад был сначала отсрочен, а потом в конце концов отменен, полк покинул Париж и двинулся в Мец.

Я попросил у Зеппа Дитриха разрешения отбыть на двадцать четыре часа раньше, чтобы показать своим солдатам политые кровью поля сражений Первой мировой войны у Вердена (битва под Верденом продолжалась с 21 февраля по 18 декабря 1916 года и стоила немцам 600 000 убитыми и ранеными, французам – 358 000. – Ред.). Разрешение было дано, после чего около ста солдат собрались 28 июля 1940 года у форта Дуомон.

Вместе мы пробирались через казематы, которые двадцать четыре года назад были взяты гауптманом фон Брандисом, обер-лейтенантом Хауптом и их храбрыми бранденбургскими гренадерами (25 февраля 1916 года. – Ред.). Мы стояли, под глубоким впечатлением, перед огромным казематом, ворота которого были замурованы и за которым бесчисленное количество германских солдат нашли вечный покой.

Изрытая земля в районе вокруг разрушенного форта Дуомон недвусмысленно говорила сама за себя. Ряды воронок, картина лунного пейзажа. Невысокая трава не могла скрыть страдания этой земли. Траншеи пересекали местность, словно глубокие морщины.

Между фортом Дуомон и казематом-склепом мы обнаружили свежую могилу нашего павшего боевого товарища, который расстался со своей молодой жизнью всего несколько недель назад. С обнаженной головой мы стояли у этой заброшенной могилы и глядели на бесчисленное множество могил слева от нас. Тысячи и тысячи деревянных крестов выстроились стройными рядами. Слова были бессильны выразить переживаемое нами. Здесь находились невидимые полки, прежнее существование которых было отмечено крестами.

От каземата-склепа мы медленно поднялись к форту Во и попытались представить себе неимоверные усилия германских и французских солдат, расставшихся с жизнью на этой высоте в июне 1916 года (форт Во был взят немцами 7 июня. – Ред.). Мы взобрались на перепаханную снарядами вершину холма, на котором стоял форт, и попытались проследить путь лейтенанта Киля, который примерно с сорока гренадерами 2 июля 1916 года вышел к центру форта (переходившего из рук в руки) через восточный ров. Вскоре мы бросили это занятие. В перерытой земле уже ничего нельзя было найти.

В этом месте склонность человека к разрушению изменила лицо земли. В своем воображении мы представляли себе темные тени продвигавшихся вперед гренадеров, прорывавшихся сквозь ураганный огонь и пролом во внешней стене рва. Мы представили себе, как немецкие саперы использовали огнеметы против амбразур, из которых велся огонь, и нейтрализовывали расчет пушки в бронированной башне. Сегодня эта бронированная башня лежала, разбитая, перед нашими ногами.

Когда я рассказывал своим солдатам о положении, в котором находился французский гарнизон, мне казалось, что я слышу оглушительный грохот французской артиллерии,

которая пыталась подавить германских гренадеров, взявших форт Во. В темных коридорах форта мы обнаружили следы огня на стенах и потолках казематов и узнали эффект воздействия немецких огнеметов. Потрясенные, мы стояли у цистерны, которая отчасти стала виновницей падения, после трех месяцев борьбы, форта Во, и живо ощутили агонию умирающих от невыносимой жажды французских солдат. Но и немцы, взявшие 7 июня форт, оказались в таком же положении. Пот и кровь были на каждой бутылке воды, которая попадала в форт, пройдя через бурю огня и металла.

Посещение этого исторического места превратило моих товарищей в молчаливых слушателей. Не произнося ни единого слова, они окружили меня, когда я рассказывал им о героических сражениях 8 июня 1916 года. В тот день французы атаковали семь раз, пытаясь вернуть форт. Но обессиленные немцы сражались как одержимые. Они не собирались сдавать взятую ценой стольких жертв крепость.

В сумерках мы прошли путем группы из двадцати одного солдата и двух германских офицеров, которые прорвались тогда через заградительный огонь французов и усилили отряд оборонявшихся. Это были остатки двух немецких рот. Все прочие остались на поле боя.

Под покровом ночи наши машины двигались в восточном направлении. Посещение поля сражения сделало нас более осторожными. Верден научил нас, что, несмотря на две пережитые кампании, мы все еще не испытали тех ужасных лишений, которые выпали на долю наших отцов.

Формирование разведывательного батальона в Меце

29 июля мы расположились в форте Альверслебен в Меце (Мец был взят немцами 16 июня. – Ред.). Форт находился к западу от Мозеля, и из него открывается вид вдаль на живописную Мозельскую долину.

В форте мы обнаружили старые батареи германских пушек Круппа начала XX века. Имелись даже боеприпасы к ним – они хранились, аккуратно разложенные, рядом с пушками. Инвентарная опись пушек также имела немецкое происхождение. Германские артиллеристы были вынуждены сдать эти пушки, а также земли Лотарингии и Эльзаса, завоеванные Пруссией в 1871 году (после чего произошло объединение, под эгидой Пруссии, немецких земель и образование Германской империи. – Ред.), французам в 1918–1919 годах.

Затратив много труда и усилий, нам удалось приспособить форт для размещения войск. Крепость должна была стать тренировочным лагерем для только что созданного разведывательного отряда «Лейбштандарта «Адольф Гитлер» (с августа полк «Лейбштандарт» развернут в бригаду. – Ред.).

Мне доверили его формирование в августе. Основу подразделений могли составить имевшиеся в моем распоряжении 15-я моторизованная рота, взвод бронемашин и взвод связных-мотоциклистов бывшего полка. Мне разрешили отобрать дополнительный личный состав из мотоциклетного батальона пополнения в Эльвангене.

Мне не пришлось долго заниматься поисками в Эльвангене. Молодые стрелки-мотоциклисты хотели присоединиться к боевым частям и были рады оставить свои тыловые казармы. Отличные, крепкие молодые солдаты окружили меня, как только я спросил, есть ли добровольцы. Это были молодые люди, которым только что исполнилось восемнадцать, и они были солдатами всего шесть недель. В течение нескольких дней новый батальон в Меце был укомплектован и приступил к выполнению программы интенсивной подготовки. Молодым ребятам все было по плечу. Они с энтузиазмом следовали указаниям своих инструкторов и превратились в закаленную как сталь команду. Старые поля сражений Франко-прусской войны 1870–1871 годов при Марсля-Туре (16 августа 1870 года) и Сен-Прива и Гравелоте (18 августа 1870 года) стали тренировочной зоной для мотоциклистов и разведчиков на бронемашинах.

В годы, прошедшие после разгрома Германии во Второй мировой войне, ваффен СС, и особенно об их составе, была написана масса несуразностей. Думаю, что читатель должен

получить представление о происхождении и социальном составе типичного эсэсовского подразделения. В качестве примера приведу выдержку из регистрационного журнала 2-й мотоциклетной роты разведотряда «Лейбштандарта «Адольф Гитлер». Солдаты до призыва были заняты в следующих областях профессиональной деятельности:

технические профессии: 42,73 % (их отцы: 10,9 %);
торговля: 21,69 % (их отцы: 39,03 %);
индивидуальная трудовая деятельность: 14,16 % (их отцы: 26,08 %);
сельское хозяйство: 6,41 % (их отцы: 8,76 %);
не имеющие квалификации: 15,01 % (их отцы: 18,23 %).

Средний возраст солдат был равен 19,35 года. Возраст военнослужащих унтер-офицерского состава равнялся в среднем 25,76 года. Всего у военнослужащих подразделения было 450 братьев и сестер. Были представлены все регионы рейха. Можно сказать с полным правом, что эти войска представляли собой срез германского общества и не были ни подразделением отпрысков важных персон, ни наемниками.

Сорок восемь офицеров, унтер-офицеров и солдат этой великолепной роты были убиты в течение шести месяцев с 10 июля по 31 декабря 1941 года. Еще за этот же период 122 были ранены. В тяжелых оборонительных сражениях под Ростовом в декабре 1941 года численный состав роты сократился до взвода.

Как смеют сегодняшние общественные деятели называть этих честных и готовых к самопожертвованию молодых людей солдатами партии (НСДАП. – Ред.)? Эти парни сражались за Германию и, конечно, умирали не за национал-социалистическую немецкую рабочую партию, правившую в стране в 1933–1945 годах.

Осенью 1940 года меня откомандировали на курсы подготовки штабных офицеров в Мюльхаузене (Мюлузе. – Ред.) в Эльзасе. Главный преподаватель курсов, командир 73-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Билер, был превосходным специалистом. За время обучения я познакомился с парой коллег, с полковником Хицфельдом и майором Штиффатером, с которыми позднее вместе переживу несколько серьезных ситуаций в Греции и России.

В это время подразделения и части «Лейбштандарта» отрабатывали операцию «Морской лев» и тренировались в высадке морского десанта. Река Мозель была излюбленным местом для тренировок. В условиях секретности подготовка переключилась на ведение боевых действий в гористой местности. Мы гоняли на мотоциклах на бешеной скорости по крутым склонам возвышенности Мозель. Местность, окружавшая крепость с ее высокими стенами и рвами, выглядела как в цирке. Мы даже тренировались в подъемах и спусках по скалам – с мотоциклами и противотанковыми пушками. К весне мы рассчитывали стать хорошо подготовленным подразделением, готовым к боевым действиям в любых условиях. Солдаты, унтер-офицеры и офицеры работали с тяжелым вооружением как единая команда и слаженно, как часы. Генерал-полковник Бласковиц в своей речи высоко оценил наши усилия. Генерал фон Корцфлейш высказался в том же духе, когда нас проверяли в Меце в последний раз. Подразделение было готово к действиям и ожидало приказа.

Балканы

Во время Первой мировой войны немцам пришлось несладко на юго-восточном фланге. Осенью 1916 года, в то самое время, когда мы приносили самые кровавые жертвы на западе, на Сомме, на востоке, против русского Юго-Западного фронта генерала Брусилова, и на юге под Изонцо союзные державы завершили окружение Германии в результате вступления в войну на их стороне Румынии. Почти три долгих года центральные державы сражались с армией союзников в труднопроходимых горах Македонии (Салоникский фронт). Но только в сентябре 1918 года силам союзной коалиции (французы, сербы и англичане) под

командованием генерала Франше д'Эспери удалось прорвать оборону немцев и болгар. С двадцатью девятью дивизиями союзников он вышел к Дунаю, решив тем самым судьбу наших союзников (Болгарии, подписавшей перемирие 29 сентября 1918 года, Турции – 30 сентября и Австро-Венгрии – 3 ноября. – Ред.).

Какую роль должны были сыграть Балканы в этой войне, весной 1941 года, можно было только гадать. Ясно было то, что Уинстон Черчилль опять оказывал решающее влияние на британскую стратегию. Как раз он организовывал высадку в Галлиполи в 1915 году и затем в Салониках.

Весной 1941 года Лондон держал в боеготовности экспедиционные войска в Средиземноморье и потом высадил их в Греции. В середине февраля министр иностранных дел Англии Иден и генерал Джон Дилл, начальник британского Генерального штаба, находились в Афинах, чтобы обсудить размещение британских войск в Греции.

В январе первые части германских регулярных войск вошли в Румынию. Эти солдаты, как говорилось, из «учебных подразделений», нашли теплый прием у населения.

В начале февраля мы тоже получили приказ на выступление. Никто не знал, куда приведет этот поход. Мы переправились через Рейн возле Страсбурга, а потом проследовали по изумительной красоты местности Южной Германии в Богемию (Чехию. – Ред.). Миновав Прагу, мы двинулись прямо на юг и на следующее утро увидели очертания Будапешта. Продолжая путь через пушту (венгерские степи. – Ред.), наш поезд приблизился к румынской границе. Мы познакомились с трансильванскими немцами, в основном саксонцами, и с их прекрасной страной в районе венгерско-румынской границы и были встречены с необыкновенным гостеприимством и радушием в Кронштадте (Брашов. – Ред.), Германштадте (Сибиу. – Ред.) и многих других выдающихся городах и селениях в Карпатах, которые издавна были заселены немцами.

Наши войска были расквартированы в районе Кымпулунг. Эта прежде тихая станция узкоколейной железной дороги совершенно преобразилась: повсюду развернулась бурная деятельность. В самый первый час нашего марша по дороге со мной произошел случай, который имел отклик в будущем. Румынский подполковник, на чем свет стоит ругавший плохие дороги, попросил меня вытащить его застрявший небольшой автомобиль из грязи. В машине сидела женщина, очевидно испытывавшая сильные боли. Я быстро забыл об этом случае.

Однако в 1943 году в Дёбериц-Крамнице ко мне подошел румынский полковник и тепло меня поприветствовал. Он все время говорил своим товарищам, что я спаситель его жены и сына. Я довольно долго вспоминал, что он имел в виду. Румын рассказал, что, когда автомобиль застрял, его жена была на пути в родильный дом и вот-вот должна была родить. Они прибыли в роддом как раз вовремя, и жена родила сына. Мы, естественно, отпраздновали нашу встречу в Германии.

После нескольких недель стоянки в Кымпулунге мы двинулись маршем на юг в Болгарию по грязным дорогам с глубокими колеями. Гусеницы танков все глубже и глубже проваливались в грунт, и ремонтные колонны работали непрерывно. Голые широкие пространства почти без возвышений или лесных участков виднелись по обе стороны от дороги. Время от времени мы проезжали очередную бедную деревню, в которой кроме колодца и глубоко вросших в землю нескольких грязных хибар с несколькими открытыми всем ветрам окнами ничего больше не было. Затем однажды утром мы увидели широкую землисто-бурого цвета ленту медленно текущего Дуная. К югу от Дуная в туманной дымке проглядывали поднимавшиеся ввысь горы Болгарии (Стара-Планина. – Ред.).

Солнце заливало своими немилосердно палящими лучами землю, когда мы въехали в Болгарию по мосту, построенному нашими военными инженерами. Болгары радостно нас приветствовали. Пробудились многие воспоминания Первой мировой войны, и болгарские крестьяне с гордостью показывали нам германские награды. Марш через печально знаменитую дорогу на Шипкинский перевал был незабываем. Опасные крутые повороты узкой дороги преодолевались тем не менее стремительно под надзором ремонтных команд.

Когда на подъемах уже ничего не помогало, болгары одалживали своих тягловых быков.

Длинные колонны неуклонно катились в южном направлении, мимо Софии в долину Струмицы. Была опасность разбиться об острые выступы скал на дороге. Водителям с трудом удавалось вписывать свои тяжелые машины на поворотах с узких горных дорог, покрытых толстым слоем пыли. Эти дороги с их выбоинами, крутыми подъемами и спусками, поворотами, требовавшими от машин и водителей максимума возможного, уже много дней не видели такого огромного количества транспорта. В долине Струмицы образовался двадцатикилометровый затор, который стал особенно серьезной помехой для движения наших войск.

Саперы и военные инженеры построили новую дорогу, все время ее выравнивая, взрывая скалы и возводя новые мосты. Опасность задержки выдвижения войск вскоре миновала; колонны быстро пересекли долину и разошлись по нескольким долинам. Высокие горные хребты, скрытые каньоны и широкие долины эффективно скрывали огромные войсковые соединения. Большое количество горючего, боеприпасов и других запасов складировали у дорог. Марш сближения был завершен. Штурмовые роты были готовы.

Тем временем антигерманские круги, подстрекаемые англичанами, захватили власть в Белграде (особую роль сыграли исконные прорусские настроения в Сербии. – Ред.). В ходе восстания в ночь с 26 на 27 марта было свергнуто прогерманское правительство, а принц-регент Павел вынужденно покинул страну. В результате ситуация на Балканах резко изменилась (новое правительство отказалось от союза с Германией и 5 апреля 1941 года заключило договор о дружбе и ненападении с СССР. – Ред.). После переворота в Белграде Гитлер уже решил устранить югославскую угрозу нашему флангу.

Помимо 1-й танковой группы генерала фон Клейста (действовавшей с территории Болгарии) и 2-й армии генерала фон Вейкса (сосредоточившейся в бывшей Австрии), которые должны были прорваться к Белграду и занять север Югославии, 12-я армия под командованием генерал-фельдмаршала Листа (также из Болгарии) наносила удар на юг Югославии (на Скопье) и затем наступала в Грецию. 12-я армия имела в своем распоряжении шестнадцать дивизий плюс пехотный полк (моторизованный) «Великая Германия» и нашу бригаду СС «Лейбштандарт».

Гитлер приказал атаковать Югославию 6 апреля, вслед за заключением 5 апреля пакта о ненападении и дружбе между Советским Союзом и Югославией.

Жаркий весенний день близился к концу. Жара в долине Струмицы была почти невыносимой. Из-за событий в Югославии мы выдвинулись в северную часть долины в Кюстендиле, который расположен в 20 километрах от болгаро-югославской границы. 9-я танковая дивизия уже достигла этого приграничного города и имела приказ идти на Скопье и, если возможно, взять этот важный узловый город. Мы должны были следовать за 9-й танковой дивизией почти до самого Скопье, затем повернуть на юг и следовать к греческой границе через Прилеп и Битолу (Монастир).

Мой усиленный батальон построился на площади передо мной. Темнота окутала нас, когда я сообщил своим товарищам важнейшие подробности нашей предстоящей операции. Они молча слушали, как я объяснял задачу нашего передового отряда и указывал на ожидаемые проблемы. Я также считал необходимым напомнить им о жестоких боях, которые вели наши отцы в Первую мировую войну в горах Македонии и при захвате Монастира (Битолы. – Ред.), города, за который тогда было пролито море крови и который сейчас являлся одной из наших первых целей. Мы хотели взять его стремительно и внезапно. Когда я говорил об этом, то впервые ощутил безграничное доверие, которое связывало меня с моими солдатами. Я мог вести их в ад, и они пошли бы за мной.

Ночь была сырая и теплая, говорили мало, и большинство солдат курили. Каждому хотелось побыть наедине со своими мыслями перед самой операцией. Серебристый месяц отбрасывал тусклый свет на солдат, которые, согнувшись, шли рядом со своими мотоциклами. Крутой голый склон горы зловеще уходил ввысь, открывшись перед нами, как только забрезжил рассвет. Белая дорога змейкой, круто извиваясь, уходила по склону вверх,

и мы знали, что нас ожидали огневые точки и «зубы дракона» (противотанковые надолбы) на перевале (перевал Стичар. – Ред.).

Авангард 9-й танковой дивизии вышел на заре, двигаясь на запад через естественную границу невысокого горного хребта. За перевалом Стичар (1063 метра) он наткнулся на югославские укрепления. Заговорили наши тяжелые орудия. 88-мм зенитные пушки и тяжелые противотанковые орудия разрушили огневые точки противника. В считанные минуты они превратились в дымящиеся развалины. Все выглядело каким-то нереальным. Далеко на востоке поднималось кроваво-красное солнце, а в долинах утренний туман смешивался с плотными клубами пыли. Очереди красных трассирующих пуль наших пулеметов уходили с захваченного нами перевала вниз в долину. Вдруг появились вражеские самолеты. Летя низко над горами, они закружились над дорогой в долине и атаковали Кюстендил. Когда бомбы падали на город, его улицы и дороги в окрестностях были забиты колоннами наших войск. Слава богу, потери были невелики, но, к сожалению, был тяжело ранен командир 2-го батальона нашей мотопехотной бригады СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» оберштурмбаннфюрер Мёнке. Командование батальоном взял на себя гауптштурмфюрер СС Баум.

Двигаясь в колоннах, мы все ближе и ближе подходили к границе и наконец достигли ее ближе к вечеру. 9-я танковая дивизия уже прорвалась через пограничные укрепления и продвигалась в глубь Югославии. Головное танковое подразделение наступало на Скопье, ведя огонь с ходу. Мы спускались с перевала мимо разрушенных пограничных и дорожных заграждений и умело расположенных небольших бетонных огневых точек. Нам попадались многочисленные пленные, среди которых было немало немцев из Бачки и Баната (Воеводина, автономный край Югославии. – Ред.), которые приветствовали нас громкими возгласами и пожимали нам руки. Трупы мертвых лошадей, уже раздувшиеся под южным солнцем, лежали в траншее. Живые лошади скакали по полям или безучастно стояли на краю дороги. На смену труднопроходимой местности пришла несколько иная. Гор стало меньше. Высокие заснеженные вершины остались позади. Мы наткнулись на наши первые подбитые танки и свежие могилы под Куманово, свидетельствовавшие о жестоком бое за город. Темнота опустилась быстро. Над маршевой колонной быстро сгустилась темнота южной ночи. Скоро мы должны были достичь дорожной развилки к югу от Скопье (Велес, ныне Титов-Велес). От Велеса и далее мы должны были взять на себя роль ударного авангарда в ходе наступления на юг через Прилеп и Монастир (Битола).

Мы достигли последних аванпостов 9-й танковой дивизии вскоре после полуночи и готовились вступить на ничейную землю. Прежде чем взвод передового охранения под командованием унтерштурмфюрера СС Варвжинека выступил в авангарде, я еще раз проинструктировал его солдат и командиров, сообщил о складывающейся для нас ситуации и пожелал моим боевым товарищам всего наилучшего. Я напутствовал уходивший в темноту взвод словами: «Ребята, ночь принадлежит хорошему солдату!»

Мотоциклы двинулись в путь, сначала медленно, потом все быстрее. Это напоминало о Голландской кампании. Вскоре я обнаружил, что Варвжинек лично взял на себя командование и без лишних разговоров рванул на юг. Но здесь были не гладкие асфальтовые дороги Голландии и Франции. Наше продвижение вперед было связано с переходом через узкие горные дороги и ущелья. Дорога на Прилеп круто поднималась вверх. Через короткое время первые пули просвистели над нашей головой. Отдельные солдаты противника засели где-то в горах и пытались остановить наше наступление. Я следовал за передовым отделением. Короткой команды было достаточно для продолжения движения. Вперед, и только вперед! Наша цель: овладеть территорией к югу и воспользоваться замешательством противника.

У подножия небольшого холма за деревней мы снова попали под обстрел. Бронемшины оказывали поддержку атакующим стрелкам-мотоциклистам и били трассирующими снарядами по противнику. Мотоциклисты прочесали деревню. Первое участие в боевых действиях нашего батальона привело к полному замешательству более ста

югославов. Офицеры противника проклинали свои сторожевые заставы в горах. Они недоверчиво слушали объяснение нашего переводчика о том, что огонь с их застав не стал для нас помехой и мы просто продолжали двигаться на юг. Через полчаса все было кончено.

Стрелки-мотоциклисты рвались вперед. Их было не удержать. Мы продолжали двигаться дальше! В бешеной гонке по горной дороге и по мостам через пропасти мы застали врасплох батарею противника на марше. Через пару минут возбуждение спало. С лязгом и грохотом захваченные орудия свалились в пропасть.

На рассвете мы прибыли в Прилеп и связались с авангардом 73-й пехотной дивизии. Командовал батальоном майор Штиффатер, с которым я учился на курсах переподготовки в Мюльхаузене (Мюлузе). Штиффатер, двигаясь с востока (по лучшей, чем у Мейера, дороге. – Ред.), достиг Прилепа без больших потерь.

Похоже, день мог выдаться жарким. Мы позволили себе недолгий и так нам необходимый отдых. Мы далеко продвинулись к стратегически важному городу Монастир (Битола). На самой заре закапал мелкий дождь. Он смешался с пылью и превратил ее в серую липкую грязь. Озабоченно всматривались мы в убегающие тени ночи. Дорога теперь вела на равнину, с очертаниями только одной высокой горы (гора Пелистер, 2600 метров), показавшейся справа. Из-за поворота мы увидели реку Црна, где заметили солидный мост со стальными арками – он еще не был взорван.

Несколько грузовиков и запряженных лошадьми повозок противника приближались к мосту. Я видел только мост – ничего больше меня не интересовало. Он должен был попасть в наши руки целым и невредимым. Два броневедомола отделились от маршевой колонны и открыли огонь из своих 20-мм автоматических пушек по дальним подходам к мосту. Наши передовые машины помчались к мосту, как будто их гнал сам дьявол.

Запряженные лошадьми югославские повозки и грузовики, пытаясь уйти от нас, сталкивались в стремлении обогнать друг друга и создавали заторы. Они были всего в 100 метрах от нас. Мимо нас свистели шальные пули. Я уже видел невредимый мост в своих руках, но тут, эхом отдаваясь через всю долину реки, последовал оглушительный взрыв. Мост взлетел на воздух прямо на моих глазах и рухнул в воду. Лошадей, солдат и машины противника подбросило вместе с мостом в воздух, и их поглотили бурные воды Црны. Застрочил югославский пулемет.

Поначалу ужаснувшись, затем придя в бешенство и, наконец, холодно оценив ситуацию, я приблизился к остаткам взорванного моста. Командир 2-й роты 1-го разведотряда СС гауптштурмфюрер Краас стоял рядом со мной. Ситуация была быстро оценена и решение принято. Противнику нельзя было давать времени на передышку! Его нужно было преследовать.

Нам повезло! Металлическая конструкция выдавалась над водой, и ее можно было использовать как основание временного моста. Гренадеры на развалинах быстро подготовили временные позиции. Подошедшие саперные подразделения возводили новую переправу так, как будто делали это на учениях. Мотоциклисты переправились через реку и провели рекогносцировку дороги на Монастир (Битолу). Мост выросал на наших глазах, и в скором времени первые тяжелые бронемашины переправились через реку. Наступление продолжалось.

2-я рота снова вышла вперед. Железная дорога на Монастир (Битолу) шла слева от дороги, по которой мы продвигались вперед. За ее насыпью ползали стрелки противника, тщетно пытавшиеся задержать наше быстрое продвижение. Бронемашины просто дали несколько пулеметных очередей по противнику, залегшему за насыпью и на ней. Все остальные смотрели прямо перед собой. Мы хотели взять Монастир с ходу, все прочее не имело значения. Железнодорожная насыпь все ближе и ближе подступала к автодороге, пересекая ее в нескольких сотнях метров впереди нас. Передовое отделение остановилось, и гренадеры спрыгнули в кювет по обе стороны дороги. Виднелся дом, который и был очагом сопротивления. 50-мм противотанковая пушка заняла позицию под огнем противника и пару раз выстрелила по стенам. Дом с грохотом разлетелся на части.

Только тут я заметил, что противник на насыпи активизировался, осмелев из-за остановки нашего авангарда. Из-за насыпи забил пулемет, осыпая нас градом пуль и не оставляя другого выбора, кроме как принять вызов. Дело было быстро улажено благодаря огню из бронемашин. Оставшиеся в живых югославские солдаты бежали в болотистую низину за железнодорожной насыпью.

Я уже собирался прыгнуть в мотоцикл унтершарфюрера СС Вайля, когда возобновившийся огонь нескольких югославов вновь прижал нас к земле. Мой планшет изрешетило пулями; его обрывки лежали на краю кювета. Пули противника застучали по траве, взбивали сырую землю вокруг нас. Булькающий звук заставил меня посмотреть на Вайля. Он корчился на дне кювета, его нижняя челюсть была раздроблена и повисла.

Мы не могли себе позволить застревать тут! Противнику нельзя было давать прижимать нас на подходах к Монастиру (Битоле) и выбить нас из этих высоких холмов. Я крикнул передовым подразделениям. Мотоциклисты, как акробаты, запрыгнули в свои мотоциклы и помчались вперед. Передовые подразделения, как магнитом, притягивали за собой остальную часть батальона. Мы мчались по смоченной дождем скользкой дороге. Дождь шел весь день, при этом через пелену рваных облаков начинало пробиваться солнце.

Соппротивление югославы нарастало. Трассирующие пули их пулеметов злобно свистели, прошивая насквозь служащие своего рода укрытием стога сена, превращая их в гигантские факелы. Монастир (Битола) находился прямо перед нами. Мы уже видели раскинувшийся среди гор город. На склоне по правую руку я увидел вражескую батарею, которая как раз занимала позицию. Вперед! Нет времени тушить пожары! Мы должны были войти в город. Мы хотели схватить защитников за горло. Нас завораживала скорость! Из пулеметов мы били очередями по противнику по обе стороны дороги. Прямо перед нами возникло наполовину возведенное дорожное ограждение. Огонь! Воздух вспарывали очереди из бронемашин, и в баррикаду полетели ручные гранаты. В полном замешательстве ошарашенные защитники бросились в укрытие.

Вопреки ожиданиям противника, мы не наступали широким фронтом. Вместо этого мы действовали нешаблонно, подобно удару кинжала, – батальон входил в город колонной. С нами не было только артиллерии. Она заняла позиции и вела огонь через наши головы.

Я не видел ни церквей, ни минаретов, ни других зданий – только пулеметные гнезда, оборонявшихся в домах и решительность противника. Батальон все дальше и дальше углублялся в город. Я потерял свои карты, но знал, где находились казармы. Мы хотели добраться до них, потому что именно там мы нашли бы командный пункт, управлявший действиями противника.

Солдаты противника, расположившиеся на площади, бросились врассыпную, как только из-за угла с ревом выскочили наши мотоциклы. Противник стрелял по нас из всех окон, с крыш и из садов. Бронемашины доказали свою надежность. Их оружие доставало до каждого подозрительно выглядевшего угла и заставляло вражеских стрелков искать укрытие. Под прикрытием огня из бронемашин заняли позицию два тяжелых 150-мм орудия. С 200 метров они открыли огонь по казармам. Результат был впечатляющим. В течение двадцати минут Монастир (Битола) лишился почти всех своих защитников, за исключением очага сопротивления на железнодорожной станции. Здесь сражалось саперное подразделение, бой с которым завершился в течение часа.

Наше наступление подтвердило то, что мы узнали за годы учебы. Машина – это оружие.

На протяжении нескольких часов приводились и разоружались безучастные ко всему пленные. Мы захватили без единого выстрела целый артиллерийский батальон. Но бой нужно было продолжать; нам некогда было отдыхать.

Югославские (сербские) силы располагались на Охридском озере и заняли перевал Джяват (1179 метров) в 20 километрах к западу от Монастира – на дороге, ведущей к озеру Пресна и далее к Охридскому озеру. Мы знали, что значительные британские силы, высадившиеся в Греции, подходили с юга и выдвигались в направлении города Флорина

(около 30 километров к югу от нас, на территории Греции). На меня сильно давили, требуя принятия решения о наших следующих действиях. Мы были одни в Монастире (Битоле) и в ближайшие двадцать четыре часа не могли рассчитывать на поддержку. Мне пришлось выдвигаться в двух направлениях, а также удерживать Монастир с захваченными пленными, артиллерией и железнодорожниками.

Усиленной ротой Крааса было поручено пересечь перевал Джяват и попытаться установить контакт с итальянцами, которые находились в Албании западнее Охридского озера. Роте Шредера было приказано разведать британские позиции к югу от Монастира (Битола) и не упускать из виду противника. По возможности следовало не давать британцам уйти с перевала Клиди. Оба ротных командира смотрели на меня в изумлении, когда получали эти приказы. Хуго Краас недоверчиво покачал головой.

Ситуация для Шредера складывалась вовсе не так уж плохо. У него был большой простор для маневра, и, при хорошем состоянии дорог, у него были все возможности для рекогносцировки. Роты двинулись в путь. Мои мотоциклисты, истребители танков, саперы и гранатеры с радостным смехом проезжали мимо меня. Они уходили в темноту, в неизвестность. Личный состав штаба приготовился к обороне и поддерживал радиосвязь.

Мы поддерживали постоянный контакт с ротами и получали сообщения из бронемашин. Нам постоянно было известно их местонахождение. В течение нескольких минут Краас атаковал батарею, расположенную в районе садов к западу от Монастира (Битола), которая сдалась в плен. Я все еще ожидал приказа открыть огонь.

К полуночи Краас прошел через несколько деревень и был у подножия перевала Джяват. Разведка доложила, что перевал занят, и хорошо оборудованная оборонительная позиция была устроена по гребню горного хребта. В плен попали разведгруппы противника. Атака перевала должна была начаться на рассвете.

Шредер также действовал успешно и вскоре докладывал уже с греческой территории – из Флорины и Веви. Между этих двух населенных пунктов с ротой произошел курьезный случай. Как гласит старая поговорка, ночью все кошки серы. На следующее утро Шредер представил следующий отчет:

«Я направил несколько разведгрупп с перекрестка дорог и медленно следовал за первой, производившей рекогносцировку в направлении Флорины. Вскоре после этого из темноты возникли две разведывательные бронемашин, направлявшиеся в нашу сторону. Ни о чем не подозревая, мы продолжали двигаться вперед. Я думал, это были наши. Мы поняли свою ошибку только тогда, когда они оказались в двух метрах позади нас. Два английских броневедомола остановились перед нами, затем медленно двинулись дальше. Они не поняли, кто перед ними. Видимо, они приняли нас за сербов. Успокоившись, я двинул роту на несколько сотен метров вперед и ожидал возвращения английских бронемашин. Через полчаса они стали жертвой нашей засады на дороге. Мы смогли узнать о намерениях противника. Австралийские войска (в составе британских сил) заняли возвышенность и перекрыли долину обширными минными полями».

Шредер держал в поле зрения британцев и продолжал свою разведку боем. Наши тяжелые орудия и минометы, очевидно, обманули противника относительно истинной численности наших сил, и англичане из-за своих заграждений не высовывались.

Атака Крааса на перевал Джяват началась рано утром. Дорога здесь круто поднималась в гору, так что о внезапной атаке не могло быть и речи. Крутые повороты следовали один за другим. Почти отвесные пропасти, ущелья, нависающие скалы и голые, безлесные пространства довершали картину. Перевал был 1179 метров высотой; граничило с безумием рискнуть атаковать его только одной усиленной ротой. Но нашим козырем была внезапность. Никто не ожидал такого быстрого продвижения, и совсем уж никому и в голову не могло прийти, что одна только рота может рискнуть атаковать перевал.

Я отправился вперед к ротой Крааса еще до рассвета. Я очень беспокоился и хотел сам участвовать в атаке. Мы миновали мемориал Первой мировой войны сразу к северу от Монастира (Битола). Там, на высотах, в чужой земле покоится бесчисленное множество

германских солдат. Вдруг я увидел, как 20-мм трассирующие снаряды автоматических пушек, как жемчужные ожерелья, взмыли вверх в горы. Атакующую роту Крааса могли поддерживать только бронемашин.

Мотоциклисты превратились в горных егерей. Всю ночь они карабкались к перевалу по обе стороны дороги и оказались прямо перед позициями противника на хребте. Несколько позиций югославов были обойдены и атакованы с тыла. Довольно энергично командир роты повел своих солдат в атаку, и они быстро овладели позициями сербов на хребте. На удивление значительный вклад в победу внес психологический эффект применения тяжелых орудий. Разрывы снарядов крупного калибра создавали адский шум.

Я увязался за бронемашинной и принял участие в последнем бое за перевал. Группа Ткоча ликвидировала здесь последний очаг сопротивления. Я нашел Хуго Крааса за небольшой часовней и поздравил его с успехом. Несколько сот пленных лежали или стояли перед нами. Сдался целый батальон. Результат был просто непостижимым. Наш батальон на месте противника смог бы выдержать атаки не одного полка, а здесь атаковала (с нашей стороны) одна рота. Командир батальона противника так объяснил нам случившееся. Он сказал: «Когда мои солдаты вчера услышали, что немецкие войска уже достигли Монастира и появятся перед нашими позициями к ночи, их воля к сопротивлению была значительно ослаблена. Сам факт, что нам придется воевать с немецкими солдатами, нервировал мой батальон. Ваша «бомбардировка» (имелся в виду обстрел из тяжелых пехотных орудий) довершила дело».

С гребня перевала мы смотрели вниз на матовый блеск голубого озера Пресна на юго-западе. А с горы Пелистер (2600 метров) были видны и яркие огни Флорины. Город был наш еще до того, как противник узнал, что его окруженный на перевале Джяват батальон сдался. У нас не было под рукой свободных мотоциклов, но несколько бронемашин были готовы спуститься в долину и застать противника врасплох. В то время как мы медленно, на ощупь пробирались вниз, следуя поворотам серпантина дороги, рота Крааса собралась и ожидала свои машины. Мы добрались до долины, не встречая противника, и устремились к городу Охрид. Я был в бронемашине Бюгельзака – этот обершарфюрер СС был командиром моей лучшей разведгруппы и прекрасно ориентировался в складывающейся ситуации.

Убегавшие сербы устремились прочь от дороги и искали укрытия в зарослях. Другие побросали оружие и двинулись к перевалу. В данном случае мы не могли останавливаться; мы должны были войти в город и воспользоваться замешательством. Под пулеметными очередями дорога становилась свободной. Фактор внезапности сработал на 100 процентов. Уже через несколько минут мы пускали в небо красные ракеты. Рота Крааса в скором времени ворвалась в город и направила разведывательные группы в горы к западу от Охридского озера, чтобы установить связь с итальянцами. В течение нескольких часов это было сделано. Первая задача разведывательного батальона была выполнена быстро, успешно и без лишних потерь. Я гордился своими солдатами и знал, что во всем мог на них положиться.

Я доложил о последнем успехе своего батальона командиру «Лейбштандарта» в Монастире (Битоле) и вместе с ним отправился в роту Шредера, где мы встретились с командиром 1-го батальона «Лейбштандарта «Адольф Гитлер», штурм-баннфюрером СС Виттом. Его батальон получил приказ взять ключевые позиции британцев, оборонявших перевал Клиди, давая таким образом осуществить прорыв «Лейбштандарта» и 9-й танковой дивизии. Новозеландцы и австралийцы как следует окопались на горном склоне перевала Клиди. У противника было время, чтобы создать здесь внушительную систему обороны.

У их артиллерийских наблюдателей был широкий обзор равнины, на которой должны были появиться наши войска. Монастир (Битола) был своего рода шлюзом, перекрывающим путь с перевала Клиди, а перевал – воротами из Югославии в Грецию. На стороне противника были все преимущества. Многочисленные минные поля на перевале исключали атаку бронетехники. Брать высоты нашей пехоте пришлось в тяжелом бою.

Вторжение в Грецию

Солнечный летний день, как это часто бывает в горах, сменился дождливым вечером, а затем ледяным холодом ночи. Снег покрыл склоны. Солдаты 1-го батальона «Лейбштандарта «Адольф Гитлер»» столкнулись со значительно превосходящими силами противника. Он основательно окопался в ожидании нашей атаки.

Это произошло на рассвете 12 августа. Свист тяжелых снарядов разорвал тишину. Тяжелые зенитные орудия начали уничтожать обнаруженные очаги сопротивления, самоходные орудия покатались вперед. Я стоял у оптической трубы, наблюдая за атакой 1-й роты моторизованной бригады СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер»» под командованием оберштурмфюрера СС Герда Пляйса.

С горы все еще градом сыпались выстрелы; вся вершина была в дыму, а в воздухе пахло землей и порохом. Вдруг огонь артиллерии прекратился. Пехота ринулась в атаку, пробираясь вверх по горе. Тяжелые самоходные орудия из долины взбирались вверх по склонам. Мы с изумлением смотрели, как самоходки двигаются вперед. Они были все выше и выше, а потом включились в бой. Никто не думал, что их можно будет здесь использовать, но теперь они были там, наверху, оказывая неоценимую поддержку пехоте.

Совершенно потрясенные в результате неожиданного орудийного обстрела немцев, сдавшиеся в плен британцы спустились с перевала. Это были высокие, крепкие парни и серьезные соперники. Наша пехота продвигалась все глубже и глубже в систему английской обороны. Чтобы расчистить дорогу для бронетехники, наши саперы занялись минными полями. Но самую трудную работу, выбивая британцев с их позиций, приходилось выполнять все же пехоте. Мы видели, как стоял, потрясенный, над останками своего погибшего брата Францла штурмбаннфюрер СС Витт. Францл Витт пытался перейти минное поле и был разорван на части взорвавшимися минами.

Рота Пляйса сражалась уже прямо под перевалом. Самоходные орудия уже больше не могли оказывать поддержку нашей пехоте. Нам не были слышны взрывы ручных гранат, а только видны облачка дыма от них. Огневые точки противника были захвачены нашей пехотой в рукопашной схватке, и перевал был взят штурмом.

Храбрые бойцы роты Пляйса одержали верх над противником. Были взяты более 100 пленных, захвачены 20 пулеметов и другая военная техника. Сам Герд Пляйс был ранен, но оставался со своими гренадерами до конца боя. Ворота в Грецию были распахнуты. Однако бои продолжались. 1-й батальон нашей мотопехотной бригады СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер»» атаковал отступавшего противника в бешеном темпе. Вражеские танки уничтожались противотанковыми и самоходными орудиями. Самолеты противника пытались помешать нашему наступлению, но их бомбы не достигали желаемого англичанами эффекта из-за трудности бомбардировки в горах.

Гауптштурмфюрер СС Фендт, командир батареи 88-мм орудий, был взят в плен и провел ночь в британской колонне. На заре наша пехота освободила его, а заодно взяла в плен значительное число новозеландцев. Рано утром был взят южный спуск с перевала. Крупные силы британцев и греков пытались вернуть потерянное и отбросить немцев обратно за перевал. В распоряжении британцев имелось большое количество танков, и они серьезно угрожали нашему авангарду. 1-й батальон мотопехотной бригады СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер»» уже вышел на открытую местность, а наши самоходные орудия были все еще на горной дороге, что создавало опасную ситуацию. Первые танки противника были уже на полпути от головной роты, когда вдруг появился оберштурмфюрер СС Науман со своими двумя 88-мм орудиями, открыл огонь и положил конец кошмару. Британские танки один за другим взлетали в воздух или, дымясь, замирали. Танковая атака захлебнулась в огне, смертях и обломках.

В то время как 9-я танковая дивизия двигалась на юг, мой разведывательный батальон устремился в направлении озера Кастория. Тени ночи уже окружали нас, когда мы увидели темные горы и нужный нам перевал Клисурса. Нашей целью был город Корча и штаб III

греческого корпуса, но до этого перед нами был перевал Клисурса, который сам по себе был серьезным препятствием для техники, не говоря уже о противодействии противника. Когда мы поднимались до высоты почти 1400 метров, окружающие горы, казалось, давили на нас. Продвижение было быстрым; два хребта, протянувшиеся перед нами, были преодолены в ближайшие полчаса.

Перед нами лежал широкий горный массив, по нему шла, извиваясь, дорога, уходя вверх чередой узких извилин серпантина. Обратного пути уже не было; повернуть назад было невозможно. Слева горы круто обрывались в ущелье, в то время как справа вздымались ввысь отвесные скалы. Маленькие горные деревеньки казались вымершими и покинутыми. В последней деревне ее обитатели смотрели на нас с ужасом. Их лица выражали вопрос и ожидание. Нас охватило жуткое напряжение. Запах выхлопных газов заполнил чистый горный воздух.

Следующий хребет появился прямо перед нами несколькими рядами. Дорога слегка отклонялась вправо, а затем проходила по мостику через узкое, но глубокое ущелье. Мы осторожно маневрировали в направлении поворота дороги. В любой момент мы ожидали града пуль или камней, обрушивающихся на нас сверху. Мы чувствовали себя так, будто шли по горячим углям. Авангард остановился. Солдаты спрятались за укрытия и приготовились открыть огонь. Что происходило? Огня все еще никто не открывал. Охваченный нервным напряжением, я побежал вперед. Вдруг перед нами на дороге разверзлась пропасть. Мост через ущелье был взорван; массивный каменный пролет моста грудой камней лежал на дне ущелья и образовал низкую седловину.

Мы были удивлены, что препятствие не охранялось и не было никаких признаков вражеских позиций. Мы осторожно пробрались вперед к обрушенной седловине; ущелье было, наверное, 15 метров шириной, и его легко могли перейти пешие солдаты. Однако оно было непроходимо для мотоциклов. Головному взводу было приказано прикрывать дальний конец моста и обеспечить безопасное возведение временного моста. Едва только гранадеры добрались до обломков моста, как вокруг нас засвистели пули пулеметных очередей.

Мы смогли различить позиции противника справа от нас, на вершине горы. Вспышки огня из пулеметных стволов указывали их местоположение. В воздухе со свистом пролетели мины и взорвались в ущелье позади нас. Это неприятельские минометы пытались отогнать нас от препятствия. Мой батальон попал в очень неприятное положение – он не мог ни двигаться вперед, ни назад. Не было никакой альтернативы. Мы были на единственной дороге, идущей через горы в тыл III греческого корпуса.

Преодоление такого горного массива действительно было по плечу только горнострелковым частям, а не разведывательному батальону моторизованной бригады – но эти размышления были поглощены текущими событиями. Под рукой не было горных войск, поэтому нам приходилось выполнять их работу, и мы это делали! Обе наши мотоциклетные роты на рассвете атаковали позиции противника, в то время как я продолжал движение по дороге с водителями, штабом и ротой бронемашин, отвлекая внимание противника от направления основной атаки. Тяжелое вооружение и артиллерия понадобятся нам только позднее.

Между тем на ущелье опускалась темнота. Противник время от времени открывал по препятствию беспокоящий огонь. Наши саперы, чтобы выровнять взрывом подходы к прежнему мосту, пробурили отверстия для зарядов взрывчатки. Взрыв, и в считанные секунды массы земли и камней рухнули в ущелье поверх обломков моста. Теперь мой подвижный разведбатальон превратился в стройбат. Крепкие гранадеры перетаскивали валуны и сбрасывали их вниз на обломки моста, живой конвейер передавал камень за камнем. Вскоре после этого по временному мосту прошла первая противотанковая пушка. Как только новый мост был закончен, две мотоциклетные роты начали подъем на горный массив. Мотоциклисты стали горными егерями! Гранадерам пришлось взобраться вверх на 800 метров, прежде чем атаковать очаги сопротивления противника. Обе роты шли на штурм. Каждой из них, отделенной от другой пропастью, приходилось действовать самостоятельно.

Хоть они и шли по отдельным маршрутам, у них была общая цель: перевал!

Теперь перед нами был враг; усталость солдат как ветром сдуло. Нервы были напряжены, все инстинкты к действию обострены. Наши воины пользовались традиционной тактикой, применяемой в труднопроходимой местности, поддерживали друг друга, находили при подъеме уступы для опоры. Рота Крааса также удалилась от пропасти вправо и взбиралась на гору; ей выпало пройти самый длинный путь. Я взял на себя заботу об отделении, которое должно было наступать по дороге. Оно состояло из 30 бойцов. В нашем распоряжении было несколько бронемашин, противотанковых пушек и отделение 88-мм зениток.

Дорога серпантинном уходила все выше и выше, и у нас совсем не было связи с другими ротами. Было тихо. Ничто не нарушало тишину ночи, не раздавалось ни единого выстрела. Луна исчезла за горами, и ночь становилась все темнее и темнее. Судя по карте, мы достигли большого изгиба дороги, которая должна была идти вокруг последней скалы в тыл противника. Его позиции должны были находиться высоко над нами. Наш замысел состоял в том, чтобы обойти его фланг и отрезать пути к отступлению.

Дорога сворачивала за гору и тянулась еще на 400 метров в северном направлении, прежде чем снова повернуть на запад, к группе крестьянских домов. Возле этих домов и находился перевал, где дорога пересекала гребень хребта, а затем спускалась к озеру Кастория. Я не осмелился двигаться дальше вперед. У меня было ощущение, что что-то было не так. Нужно было подождать рассвета.

На перевале было ветрено и холодно; мы плотно прижимались к скале. Взвод Наумана вытянул на позицию 88-мм зенитку – так, чтобы она могла накрыть своим огнем крестьянские дома и гребень хребта.

Постепенно становилось нестерпимо холодно. Поскольку у нас не было ни шинелей, ни одеял (внизу от жары мы обливались потом!), мы сильно страдали, дрожа от холода. О сне не могло быть и речи. Если бы можно было хотя бы покурить! Медленно полз вверх автомобиль радиосвязи. Под его прикрытием я покурил и вновь изучил карту. Чем дальше я на нее смотрел, тем сильнее меня охватывала дрожь. Сначала я думал, что мои зубы стучат из-за ужасного холода, но затем я понял, что был очень напуган. Чем больше проходило времени, тем напряженнее я становился. Я уже больше не мог находиться в машине. Радиопередатчик с его бесконечным «бип, бип, бип» действовал мне на нервы.

Снаружи я старался ни с кем не разговаривать; я боялся, что кто-нибудь услышит, как стучат мои зубы, и поймет, что я напуган. Мы все молча сгрудились за скалой, вглядываясь в темноту. Боялись ли мои товарищи тоже? Я не знал. Мотострелок Йон из 1-й роты разведывательного подразделения СС прибыл с докладом. Однако он не выглядел напуганным. Он коротко и четко доложил мне ситуацию, а потом ему дали хлебнуть спиртного из фляжки медика.

Стало светлее. Вскоре мы смогли различать очертания деревни. Атака трех наших боевых групп должна была начаться огнем 88-мм орудий. Я склонился за щитом пушки и попытался что-нибудь разглядеть в темноте через бинокль. Чем ближе приближалось время открывать огонь, тем сильнее во мне крепла уверенность в успехе атаки. Она просто должна была быть успешной. Я рассчитывал на то, что противник выучил азы военной науки в военной академии и предугадывал, какие меры мы можем предпринять в данном случае. Из всего, чему был научен греческий командир, он будет ожидать от меня продвижения моей моторизованной части по дороге. Вот почему я атакую его через два хребта, а на дороге предприму только отвлекающую атаку.

По мере того как таяли ночные тени, можно было различать очертания домов. Прижавшись к земле, я дал Науману приказ открыть огонь. В считанные секунды мы оказались как в кипящем котле ведьмы. 88-мм зенитка посылая снаряд за снарядом по хребту справа от нас; минометы и пехотные орудия также осыпали обороняющихся минами и тяжелыми снарядами. Высоко над нами мотоциклисты штурмовали оборонительные позиции противника. Мне не было видно, как атакуют две мотоциклетные роты, но я

слышал яростный пулеметный огонь и взрывы их гранат.

Командир батареи тяжелых 150-мм гаубиц сообщил мне, что не может больше оказывать огневую поддержку атакующих рот, не ставя под угрозу личный состав расчетов. Орудия заняли позиции вдоль горной дороги, одно за другим. Но из-за того, что дорога была слишком узкой, они не могли закрепить в земле свои сошники. Командир отказывался принимать на себя ответственность. Такого рода чушь была последней каплей в чаше моего терпения. В гневе я приказал ему открыть огонь. Мы должны были это сделать. Тяжелые снаряды прогрохотали над первым гребнем и взрывались на позициях противника с каждой стороны маленькой горной деревушки.

Пулеметный огонь противника полоснул градом по дороге и по скалам над нами, вызвав камнепад по склону, – камни с грохотом проносились вокруг нас. Ничего не оставалось делать, как двигаться вперед. Мы стремительно, прыгая как лягушки, бросились к первому повороту дороги и укрылись, преодолев еще несколько метров вперед, за скалой. У следующего поворота мы будем находиться прямо под позицией противника в 100 метрах выше. После такого спринта я рухнул, в изнеможении, за каменной глыбой и ловил ртом воздух. Наше продвижение вперед было затруднено тем, что приходилось перебегать от одной груды камней к другой, используя их как укрытия, чтобы не стать мишенью для вражеских снайперов.

Мы слышали над собой крики и яростные звуки сражения. Подразделения 2-й роты 1-го разведывательного батальона СС прорвались на позиции противника на первом гребне. Мы ринулись вперед. На последнем большом повороте серпантина дороги мы наткнулись на нескольких солдат, которые в ходе атаки оказались отделенными расселиной от остальной роты. Среди них был унтерштурмфюрер СС Варвжинек, который кратко доложил мне об операции на гребне хребта. Из сведений от пленных мы узнали, что нам противостоит усиленный пехотный полк, находящийся на левом фланге греческой обороны. У него была задача удерживать перевал Клисурса, обеспечивая отход с албанского фронта III греческого корпуса, который отводился, чтобы избежать окружения германскими моторизованными частями и продолжать сражение за Грецию во взаимодействии с британскими силами. Нельзя было допустить осуществления греческого плана. Отход не только должен был быть предотвращен, но и потерпеть полный провал. Мы должны были завершить переход по горам и заблокировать долину за Касторией.

Мы продолжали продвигаться по дороге. Вдруг земля перед нами взметнулась вверх. Я не верил своим глазам. В том самом месте, где только что была дорога, образовалась огромная воронка. Дорога оборвалась в пропасть. Пот оставлял светлые полосы на наших лицах. Мы ужаснулись. Ведь в следующие несколько секунд мы тоже могли взлететь на воздух! Еще через 100 метров земля снова затряслась, и, когда улеглась пыль, на дороге была еще одна гигантская воронка.

Мы спрятались за скалами, не осмеливаясь пошевеливаться. Меня душила тошнота. Я крикнул Эмилю Варвжинеку, что надо атаковать. Но добрый старый Эмиль посмотрел на меня так, будто сомневался в том, что я нормален. Пулеметный огонь резанул по скалам перед нами; наше головное подразделение состояло всего из десяти солдат. Черт подери! Мы, конечно, не могли тут оставаться, в то время как на дороге образуются воронки от взрывов, а пулеметный огонь прижимает нас к камням. Однако я, как и все, забился в укрытие и боялся за свою жизнь. Как я мог приказать Варвжинеку идти первым? Продолжая переживать, я ощутил гладкую округлость яйцеобразной гранаты в своей руке. Я окликнул группу. Все ошеломленно посмотрели на меня, когда я показал гранату, выдернул чеку и она покатила к последнему гренадеру. Я еще никогда не видел такого дружного рывка вперед. Как будто укушенные тарантулом, мы рванули через скалы и сиганули в только что образовавшуюся воронку. Состояние ступора было сломлено; граната сделала свое дело. Мы дружно усмехнулись и рванули вперед к новому укрытию.

На вершине гребня хребта наши атакующие роты все дальше и дальше углублялись в оборону греков. Наши 88-мм орудия были в облаках пыли и дыма от разрывов снарядов

горной артиллерии греков, но зенитки Наумана продолжали вести огонь. Снаряды зенитных 88-мм пушек пробили для нас дорогу, похоронив очаги греческого сопротивления под горами обломков.

Мы находились прямо под гребнем хребта. Пот застилал мне глаза. Я наблюдал за боем через пелену пыли и грязи. Мы как бешеные бросились на хребет. Греки выбирались со своих позиций, поднимая вверх руки, прекратив сопротивление. Их путь отхода уже был накрыт огнем 2-й роты 1-го разведывательного батальона СС, пулеметы которого с господствующей высоты напрямую обстреливали позиции противника. Мои солдаты сломили сопротивление греков, поддерживаемых батареей горных пушек, с помощью ручных гранат. Мы на пределе сил совершили переход по горам. Мои гренадеры совершили то, что другие считали невозможным и что даже сегодня считают безумием. Перевал Клисуре – наш! Но времени на передышку не было. Только стремительное преследование противника принесло бы нам полную победу.

Наши саперы взрывами обрушили обломки скал в воронки на дороге. Артиллерия сменила позицию и вела огонь по отступающему противнику – целые колонны отходили на запад и далее на юг. Сопротивление греков, которые, как правило, храбро, до последнего вздоха, удерживали свои позиции, было сломлено. Нами было взято в плен более тысячи человек, включая полкового и трех батальонных командиров. Только тогда для нас стала ясной вся стратегическая важность захваченной нами позиции. С перевала мы могли непосредственно видеть пути отхода греческих войск из Албании, на которые теперь был направлен огонь всех видов нашего оружия.

Я хотел двинуться дальше за бегущим противником, но снова на дороге, круто спускающейся вниз, прогремели оглушившие нас взрывы. На засыпание гигантских воронок от фугасов было потеряно драгоценное время. 2-я рота 1-го разведывательного батальона СС для начала поехала по дороге и вошла в маленькую деревню. Все ее жители покинули свои дома и ушли. Я хотел перегруппировать свой батальон там, а затем двинуться по главному пути отступления греков. Я ждал 1-ю роту 1-го разведывательного батальона СС. Вскоре появились молодые солдаты. По их лицам я все понял. На пропитанной кровью плащ-палатке они несли останки своего ротного командира. Рудольф Шредер лежал передо мной, его грудь была разорвана на куски. Он добился выдающихся военных успехов, но был убит во время прорыва системы обороны противника, командуя головной штурмовой группой.

Мы спустились с гор ближе к вечеру и разведали подходы к Кастории, городка на берегу одноименного озера на высоте 630 метров над уровнем моря. Я хотел провести рекогносцировку и последовал за разведгруппой. Перед небольшим мостом мы замедлили шаг. Дальше была видна высота 800, господствовавшая над подходами к Кастории (а также над путями отхода III греческого корпуса). На мосту не было видно никакого движения, он еще не был взорван. Внезапно по нас был открыт пулеметный огонь. Военный корреспондент Франц Рот, который шел с разведгруппой, неожиданно вскрикнул от боли. Пуля буквально раскроила ему череп. С окровавленной головой, но живого, корреспондента отправили назад, к коллегам.

2-я рота 1-го разведывательного батальона СС достигла моста с наступлением ночи, создав небольшой плацдарм. Рота провела рекогносцировку к северу от озера Кастория и встретила упорное сопротивление противника. Атака высоты 800 к юго-западу от Кастории началась на рассвете.

Снова наши снаряды с гулом проносились над нами и разбивали каменные глыбы, но греческая артиллерия здесь была мощнее. Мост рухнул от прямого попадания. Мы лежали на дне окопа, вжавшись в грязную землю. Интенсивность артиллерийского огня говорила мне, что внезапный штурм не будет удачным. Требовалась продуманная атака. Примерно в середине дня атака была возобновлена при поддержке более тяжелой артиллерии и 3-го батальона моторизованной пехотной бригады СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер». Батальон выдвинулся для охвата греческих позиций слева и должен был до вечера выйти на главный путь отхода греков. Чтобы подавить сильную греческую артиллерию и помочь

разрушить позиции противника на высоте 800, в поддержку моему батальону были вызваны пикирующие бомбардировщики U-87 «Штука».

Операция проводилась с непревзойденной точностью. «Штуки» наносили удар по позициям противника как хищные птицы, делая широкие круги вокруг горы, а затем пикировали – с воем, глубоко вниз. На высотах и горном массиве возникли вспышки от сброшенных бомб, доносился грохот. В небо поднялись грибообразные столбы пыли и камней, соединяясь друг с другом и дрейфуя темной дымкой над озером. Плотная пелена покрыла гору, показывая разрушительный эффект от наших бомб и артиллерийских снарядов. Там разверзся настоящий ад.

Когда упали первые бомбы, мотоциклисты выскочили из своих окопов и побежали через открытое поле с трудом переводя дыхание. Отличная стрельба 88-мм защитных орудий завершила работу «Штук» и тяжелой артиллерии. Пройдет много времени, прежде чем греки опомнятся от атаки U-87. К тому времени будет уже поздно. Солдаты 2-й роты 1-го разведывательного батальона СС взобрались на гору и закрепились среди скал.

Остальная часть батальона устремилась в Касторию через наспех починенный мост. Ничего не подозревавшие греческие роты и батареи, отходившие с гор, были настолько ошеломлены, что не сделали ни выстрела и добровольно сдались в плен. Однако одна из греческих батарей продолжала вести огонь и была нами вдребезги разбита. Бронемашины нашего батальона с ревом проследовали мимо греческих колонн к центру Кастории. Хаос был полным. На рыночной площади меня приветствовал местный священник. Никогда не забуду его братские объятия. Потом от меня несколько часов воняло чесноком.

В сумерках мои brave товарищи взяли на себя оборону северных подходов к Кастории. Греческие части шли и шли из Албании к Кастории после боев с итальянскими войсками (итальянцам греки как следует всыпали, но теперь были вынуждены отходить под угрозой окружения немцами. – Ред.). Постоянно шел дождь. Раскаты грома сильной грозы чередовались с грохотом снарядов и бомб. Наши силы были на исходе. Мы засыпали прямо на месте. Размах нашего успеха стал виден только на следующее утро. За последние двадцать четыре часа мой разведывательный батальон взял 12 000 пленных и захватил 36 орудий. За то, как проявили себя мои храбрые гренадеры, я был награжден Рыцарским крестом.

Бои с оказавшейся в западне греческой армией продолжались. Бригада СС «Лейбштандарт», преодолев немалые трудности, взяла, пройдя городок Мецовон, перевал Катара (1705 метров) через горы Пинд и заставила капитулировать 16-ю дивизию греков. Капитуляция была подписана 21 апреля в Ларисе. Ближе к вечеру 24 апреля, когда я был в Янине (к западу от перевала Катара), мне было приказано преследовать разбитые британские войска. Мои боевые товарищи перед этим как раз успели впервые с начала Балканской кампании спокойно выспаться ночью. Утром растолкали, пробудив от сна без сновидений. Топливные баки наших мотоциклов и машин были заполнены до краев из канистр, взятых в гараже у греков. Никто не удосужился собрать греческие пулеметы, сложенные у мечети Али-Паша в старой турецкой крепости, а также несметное количество оружия, оставшегося в городе.

Греческие солдаты, которые отходили сюда, через горные перевалы, из Албании, оставили свое оружие, прислонив его к стенам домов, сбрасывали свои темные бороды, шли в ближайшую пекарню и выходили оттуда с буханками свежего хлеба, пучком лука порея и если повезло, то и с несколькими рыбешками, нанизанными на прут. Затем они снова брели на юг.

Мы их перехватили. Этот перехват еще раз наглядно продемонстрировал нам разницу между дорогой победителей и дорогой побежденных. Эти люди, которые были раньше рыбаками, крестьянами, пастухами, торговцами или профессиональными военными, видимо, были до разгрома Греции вполне уважаемыми людьми. Теперь же они хаотично брели через долины и перевалы, возвращаясь домой с позором. Война закончилась для них в безнадежном смятении, даже если мы случайно видели одинокого полковника, прямо

сидящего в седле. Это было разложение.

Мы же продвигались все дальше и дальше. Мы собирались рано или поздно прижать британцев. Батальон нигде не останавливался, но по ходу мы задавали несколько вопросов в каждой деревне или небольшом городке. Тот, кто успевал по пути отрезать себе кусок хлеба с намазанным на него жиром, до тех пор, пока не съедал, прикрывал его сверху рукой, чтобы не съест заодно и быстро налипающий слой пыли и грязи.

Только однажды, у залива Амараккос, я позволил себе короткую остановку. Я нашел здешние апельсиновые рощи просто чарующими. Солдаты набрали в свои каски ароматных фруктов; мы хотели попробовать их и убедиться, что мы на юге! На узкой горной дороге стоял несчастный пони греческой армии, белая лошадка с синими тенями, проступавшими между ее ребер. Брошенная, без упряжи, на последнем издыхании. Она не шевелилась; она стояла как памятник разгрому. Мимо нее проезжали наши бронемшины и мотоциклы. Лошадь тоже была ветераном проигранной войны, обессиленным, жалким существом.

Далее на юг мы двигались, пересекая бурлящие горные реки, и видели в них безоружных солдат, наслаждавшихся прохладной водой. Но нам, покрытым грязью и потом, нельзя было насладиться ни единой каплей. Мы видели тысячи людей, лежавших в тени оливковых деревьев. Вместо этого нам приходилось следить за уровнем топлива и за поворотами дороги. Нам приходилось избегать выбоин и крепко держаться за руль, когда наши машины подбрасывало на ухабах. Мы, конечно, помнили несчастные польские дороги, но эта дорога была чертовой «теркой для сыра», которая, казалось, хотела вытрясти из нас душу. На смену вечеру наступала ночь, а мы все еще не достигли цели. Отбившиеся от своих британские солдаты и подрывные команды разбежались перед нами. Греческие крестьяне говорили нам, что британцы развертывали шипованные ленты на дорогах, чтобы задержать наше наступление, и это оказалось правдой. Водители ругались, пока им приходилось менять очередное спущенное колесо. Мы сделали короткую остановку в маленьком городишке – батальону нельзя было привлекать к себе внимание.

Преследование британцев продолжалось на заре. Мы мчались все время на юг, вверх через невысокую горную гряду и снова вниз – в долину. Мы пересекали глубокие ущелья. Развалины классической Греции приветствовали нас. Кто-то вспомнил лорда Байрона, который был убит здесь в сражении с турками в 1824 году (Байрон умер действительно здесь, в Месолонгионе, но от лихорадки. – Ред.). Но у нас не было времени думать об истории. Прямо перед нами возник город Месолонгион. Скоро мы достигнем Коринфского перешейка, а затем сможем перехватить британцев. Авангард осторожно двигался своим маршрутом по направлению к городу и выехал на его узкие улицы. Население Греции приветствовало нас. Последние британские войска только что оставили город и отступали вдоль побережья по ведущей на восток дороге, уходящей в направлении Коринфского перешейка.

Бросок через Пелопоннес

Мы выдержали 250-километровый поход через гористую страну и остановились напротив темных гор, возвышавшихся над полуостровом Пелопоннес. У нас не было радиосвязи с полком. Мы были одни.

Над нами летали английские разведывательные самолеты и делали круги над портом Патры на другой стороне залива. Нам видны были суда в гавани, и мы увидели британский эсминец, отчаливавший, чтобы взять курс на юг. Мы шли по следам английских команд подрывников и скоро должны были выйти к Коринфскому перешейку. Но такого рода преследование мне стало уже неинтересным. Зияющие воронки на дороге снижали нашу скорость. Я думал, что скорее приобрету огромный опыт в строительстве дорог, чем перехвачу англичан. Горы на другой стороне Коринфского залива все чаще привлекали мое внимание. По дороге вдоль побережья Пелопоннеса, на дальнем конце залива британские части двигались от Коринфа в Патры, чтобы добраться до судов и эвакуироваться. Я должен

попасть туда! Но как пересечь залив?

Я стоял на моле у Нафпактоса, маленькой, невзрачной гавани с башнями средневековой крепости, когда строй пикирующих бомбардировщиков U-87 «Штука» атаковал порт Патры. Клубы дыма и взрывов взметнулись в воздух из скопления судов. Вдруг я заметил телефон. Он все еще был подключен, он работал, а Патры отвечал! Вздрогнув, я положил трубку обратно на рычаг древнего аппарата.

Но меня прельщала идея пересечь залив и спутать планы британцев. Я послал за переводчиком, потребовал вызвать греческого коменданта в Патрах и попросить его доложить о ситуации. Комендант был под впечатлением от атаки пикирующих бомбардировщиков и с готовностью ответил на все вопросы. За считанные минуты я получил точные сведения о движении английских войск между городами Коринф и Патры. Я велел коменданту направить офицеров связи в Нафпактос.

В скором времени я заметил небольшую моторку, следовавшую в Нафпактос. Тут сам дьявол вступил в игру. Еще одна эскадрилья «Штук» с ревом пронеслась над нами и повторно атаковала британские корабли в гавани. Неприятным результатом стало то, что комендант города подумал, что это я приказал снова атаковать Патры. В довершение всего на обратном пути легчики атаковали моторку, на которой ехал связной офицер. Лодка сразу же повернула на 180 градусов, и обозленный греческий офицер сообщил по телефону, что в таких условиях никто не захочет пересекать залив.

Пот с моего лба капал на карту. Она давно устарела. Где были англичане? На левом крыле вслед за овладением Фермопилами наши войска должны либо достичь Афин, либо продвинуться еще дальше, к Коринфскому перешейку. Следовательно, британцам приходилось либо оборонять Пелопоннес, либо взять под контроль греческие порты. Я представил себе, как немецкие парашютисты высадятся на перешейке, чтобы блокировать узкий проход и канал возле Коринфа.

Обратили ли англичане внимание на наше быстрое наступление? Хорошо ли работала их разведка? Стояли ли наготове эсминцы и другие суда, чтобы помешать нашим попыткам пересечь залив? Никто не мог мне дать ответа на эти вопросы. Мои солдаты и офицеры выжидательно смотрели на меня. Они видели, как я стою на моле, вновь и вновь оценивая расстояние. Более 15 километров водного пространства отделяли нас от пути отступления британцев. Самое позднее на следующий день объектом противоборства станет Коринфский перешеек, и я хотел участвовать в этом бою. Я хотел переправиться.

Настал момент истины: в условиях, когда вся ответственность ложится на меня, я не буду действовать в соответствии с традиционными правилами войны. Я пересеку Коринфский залив (здесь – залив Патраикос, Коринфский залив начинается к востоку от Нафпактоса. – Ред.) с теми силами, которые были в моем распоряжении. Будет ли это смелым или безрассудным шагом, станет известно в следующие несколько часов. Мои товарищи откликнулись с энтузиазмом, но вскоре возникли возражения практического характера: артиллерия не сможет поддержать высадку; расстояние слишком велико. Военные инженеры обратили мое внимание на высоту волн и состояние жалких рыбачьих катеров. Возражения накапливались, но я уже принял решение. Неожиданная атака должна быть успешной.

В гавани нами были обнаружены два убогих рыбачьих катера. Их экипажи были доставлены на место. 2-я рота 1-го разведывательного батальона СС должна была попытаться провести рекогносцировку. Сильные руки эсэсовцев подняли тяжелые мотоциклы БМВ и поставили их в катера. Первый катер взял на борт два мотоцикла с коляской и 15 человек. На следующий катер мы погрузили противотанковую пушку и несколько мотоциклов. Боевая задача: перекрыть дорогу, а в случае чрезвычайной ситуации уйти в горы.

Затем моторные катера вышли из гавани. Я простился с Хуго Краасом и со штурмбаннфюрером СС Грецахем. Те, кто остался, окрестили мотоциклистов «группой смертников». Кто-то в шутку сказал: «Осторожно, мина по курсу!» Все засмеялись. Молодой

солдат крикнул в ответ: «О какой мине речь? Для этого «ялика» хватит и гранаты!» Катерок сильно закачало. Волны окатывали нас солеными брызгами. Пулеметчики заняли позицию на носу. Противотанковая пушка была готова вести огонь.

Все лодки с нашего берега были направлены в Нафпактос. Вскоре и остальная часть роты была погружена на плавсредства. А первые катера уже едва можно было разглядеть. На волнах прыгали две крошечные точки.

Я опять стоял на пристани и наблюдал за темными точками на воде. Красная ракета возвестила бы о провале миссии и о наличии крупных сил противника. Именно так я договорился со своими солдатами. У меня появилась резь в глазах. Вскоре я уже был больше не в состоянии ничего разобрать, но никак не мог оторваться от бинокля. К тому времени, когда я уже потерял из виду лодки, моя одежда была мокрой от пота. Мы стояли в ожидании на берегу целый час. Напряжение достигло предела. Через полтора часа опять показались две точки. Были ли это наши катера? Они становились все ближе и ближе. Вскоре можно было ясно различить их очертания, и нам даже видно было движение. Возле меня уже образовался круг из окурков, а я зажигал очередную сигарету. Однако я уже успокоился и начал верить в успех нашей операции.

Вдруг на берегу остановился, весь в пыли, штабной автомобиль, а из него выпрыгнули возбужденные офицеры. Я узнал своего уважаемого командира, Зеппа Дитриха, и доложил о своем решении и о ходе операции к настоящему моменту. Делая доклад, я обратил внимание на его прежнюю чертову одышку и взгляд, окинувший меня с головы до ног. Затем надо мной разразилась буря: «Вы что спятили, принимая такое идиотское решение? Вас следует отдать под трибунал! Как вы можете так обращаться с моими солдатами?» Я не осмелился что-либо ответить на этот поток несомненно оправданного негодования. Я стоял у старой стены гавани «поджав хвост» и желал только, чтобы все это кончилось. Вдруг возникла неловкая пауза. Только мои солдаты тихо посмеивались, как будто хотели сказать: «Держись, не обращай внимания на его «лай». Может быть, он и прав, но переправь нас через залив сейчас, чтобы мы могли еще что-нибудь совершить!»

Тем временем катера приблизились, и в бинокль можно было различить детали. В обоих катерах было полно солдат. Обратное возвращалось больше людей, чем я посылал. Я не смел сказать это вслух, но было именно так. На обоих катерах обратно везли захваченных в плен английских солдат. Зепп Дитрих посмотрел на меня, повернулся и пошел. Больше не было произнесено ни слова.

У меня больше не было причин для отсрочки. Грузные моторные лодки поплыли в направлении возвращавшихся катеров. Напряженно я ожидал донесения с другого берега. Что там произошло? Ротенфюрер СС докладывал: «Через полчаса движения на этих скорлупках перед мачтами предстала глыба гористого побережья полуострова Пелопоннес. Теперь наступило последнее испытание. Все внимательно рассматривали в бинокли берег. До него 800 метров, 700 метров, 600 метров, 500 метров – оттуда, конечно, должен застрочить пулемет. Каких-то людей в форме между домами и на берегу можно было разглядеть в бинокли и невооруженным глазом. Мы уже ни о чем больше не думали. Мы лежали в катере, держа винтовки и пулеметы на изготовку, и к десантированию были готовы. Едва достигнув суши, мы спрыгнули за борт и помчались к домам. И как раз в тот самый момент, когда бежали, на дорогу из-за поворота, примерно в 50 метрах от нас, вырвался коричневый броневый автомобиль, повернул свою башню и навел стволы своего орудия на берег. Нас, только что высадившихся, сначала парализовало от неожиданности, но потом мы, взяв себя в руки, «дружески» помахали бронемашине. Стоявшие на берегу в рубашках с короткими рукавами и без головных уборов, мы выглядели как бандиты. Машина томми взревела, повернула обратно свою башню и удалилась.

Что произошло? Эти парни не признали в нас немцев? Мы стояли у первых домов, прищурился глаза и напрягшись. Посмотрев назад, на другую часть Греции, мы не увидели ничего, кроме воды, а вдали за ней – крутые, мрачные горы. Надо было действовать. Мы знали, что наши товарищи на той стороне залива ждут. До подножия гор от берега здесь

было чуть более 100 метров, где проходили железная и автомобильная проселочная дороги. Мы мчались вверх по дороге и прикрывали наш восточный фланг – с той стороны, откуда появились англичане. Едва мы добрались до дороги, как снова слышали шум двигателя. Командир взвода велел нам уйти в укрытия. К тому времени из своих домов уже вышли местные жители – виноградары и рыбаки.

Увидев иностранных солдат, до того скрывавшихся среди валунов и в кустарнике, они в страхе бросились на землю. Но и наши сердца бешено колотились от волнения.

Из-за поворота появился английский посыльный на мотоцикле, а за ним ехал грузовик. Британцы двигались по дороге, ни о чем не беспокоясь, поскольку броневладелец уже провел разведку. Мы подпустили англичан настолько близко, что можно было прочесть номерные знаки, пока щит с пером, рыцарским шлемом с крестом – эмблема 4-го гусарского полка – не оказался над нами. Тогда мы быстро вскочили и крикнули: «Руки вверх!» Взвизгнули тормоза. Англичане подняли голову и спрыгнули с грузовика. Нога посыльного на мотоцикле нащупывала землю. Один томми что-то крикнул, его автомат полетел в кусты. «Руки вверх! Руки вверх!» Все английские солдаты побросали оружие и подняли руки. Вдруг один из наших выбежал из-за поворота и крикнул: «Еще один грузовик приближается!» В считанные секунды эсэсовец вскочил в первый грузовик и отогнал его с дороги. Пленные были быстро отведены за дома. Появилась вторая машина, опять с посыльным на мотоцикле впереди. Удивление и изумление повторились. Один из томми только и успел воскликнуть: «Немцы?!» И в самом деле, немцы были уже здесь. За несколько минут мы взяли в плен более сорока человек, в их числе трех офицеров. Они нам сказали, что направлялись в порт Патры. Никому из британцев и в голову не приходило, что мы уже пересекли залив. Их часть все еще сражалась возле Коринфа».

Дайте мне плавсредства! Все моторные катера и лодки в округе мы собрали. Весь батальон должен был переправиться в течение ближайшей ночи. У моего верного водителя Эриха Петерзили висела, погруженная в воду гавани, последняя бутылка игристого вина. Я взял ее под мышку и пошел навестить Зеппа Дитриха, который беседовал с английскими офицерами. Я пригласил англичан выпить с нами по бокалу. Мы сели в тень густой листвы дерева. Прежде чем я успел вымолвить хоть слово, английский офицер поднял свой бокал и выпил за здоровье своей сестры, у которой, очевидно, как раз был день рождения. Уверен, что во время этой выпивки мы не выглядели как ученые мужи.

Я простился и прыгнул в одну из добытых нами проклятых лодок. Через полчаса болтанки по волнам я вымотался как собака. Уже не верил, что эта скорлупка, в которой мы находились, доберется до другого берега, но она нас туда доставила. Совершенно выдохнувшийся, я поприветствовал роту Крааса. Согласно приказу рота, получив машины, должна была провести рекогносцировку вплоть до Коринфа.

Штурмбаннфюрер СС Грецах связался с комендантом города Патры и заказал у него большие моторные катера, которые должны были доставить нашу тяжелую технику из Нафпактоса. В это же время последние англичане покинули район Патр и отошли к югу.

Во второй половине дня воздушная разведка доложила о частях противника, выдвигавшихся от Коринфа к Патрам. Дело принимало интересный оборот. Разгрузка была завершена молниеносно, и суда могли вернуться к дальнему берегу как можно быстрее. Что касается тяжелого вооружения, в нашем распоряжении было несколько противотанковых орудий и легкая бронемашинка. Мы готовили англичанам «теплую встречу». Но английский полк, о котором сообщали, не прибыл; очевидно, он изменил направление движения в сторону южного побережья Пелопоннеса.

Через службу разведки мы узнали об операциях наших парашютистов близ Коринфа и что там был размещен 2-й парашютно-десантный полк. Контакт с парашютистами следовало установить немедленно. 2-я рота 1-го разведывательного батальона СС получила приказ очистить от противника южное побережье Коринфского залива и выдвинуться для соединения с парашютистами. 1-я рота 1-го разведывательного батальона СС заняла Патры и провела разведку в южном направлении. Роты отправились на захваченных и

конфискованных машинах и мотоциклах. Элегантный лимузин тащил за собой противотанковую пушку, а минометы выглядывали из спортивной машины. Взвод ротных саперов сел в автобус, и они производили такое впечатление, будто вся война их уже не касалась.

Хотя значительная часть нашей техники все еще находилась на северном берегу залива, батальон тем не менее был моторизованным и двигался по дорогам Пелопоннеса. Но я не был удовлетворен скоростью. Догнав 2-ю роту 1-го разведывательного батальона, я максимально быстро помчался к Коринфу. Интуиция говорила мне, что британцы уже ушли на юг. Наш лимузин бешено мчался по размытой дороге вдоль берега. Мелкие рыбацкие деревушки выглядели под лучами палящего южного солнца спящими и покинутыми. Проехав очередной небольшой поселок, прямо за поворотом я заметил, как по дороге уезжала машина, гнавшая на полной скорости к усадьбе. Тут мы с ней поравнялись. Мои боевые товарищи, закричав «Томми!», молниеносно вскинули оружие. Я бросил еще один взгляд на этого томми и увидел в его руках немецкий автомат MP.38. Тут же я заметил и каску немецкого парашютиста. Парашютисты тоже нас узнали и опустили свои автоматы. Они тоже поначалу приняли нас за британцев. Еще через несколько минут прибыла вся моя рота и установила контакт со 2-й парашютно- десантной ротой. Полковник Штрум начал преследование англичан в южном направлении.

Мы немедленно развернулись и помчались обратно в Патры. Ночные тени уже опускались на землю. Тем временем 3-й батальон моторизованной бригады СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» тоже переправился через залив Патраикос и начал преследование британцев, отходивших на юг Пелопоннеса. В этом батальоне был и машинист. Он раскочегарил топку паровоза в Патрах и повез батальон на юг по железной дороге вдоль западного берега полуострова. На командном пункте бригады в тот день я встретил теперь уже дружелюбно настроенного Зеппа Дитриха. Все молчали, пока я докладывал ему об установлении контакта с десантниками. С усмешкой он протянул мне руку и сказал на своем баварском диалекте: «Эй, Курт, вчера я думал, что ты рехнулся. Теперь беру свои слова обратно. Это было блестяще. Давай-ка расскажи мне, как тебе пришла в голову эта безумная идея».

Я видел, как сзади мой адъютант уже отмечает на нашей карте новые проходы и все посматривает на часы. Я едва успел предоставить Зеппу Дитриху нужную ему информацию, как он дал мне новое задание. Батальон должен был снова собраться и, продолжая преследование противника, провести рекогносцировку в направлении Калумата (административный центр Месинии) через Пиргос, Олимпию и Триполис.

Мои товарищи лежали в кюветах по обе стороны дороги и спали как убитые. Тем временем прибыла новая бронетехника и другие машины. Батальон снова был готов к операции. Перед рассветом началось наше движение на юг Пелопоннеса. Бесчисленные британские машины выстроились на дороге. Англичанам пришлось их бросить из-за нехватки горючего. Некоторые трофеи оказались нам весьма кстати. Мы даже нашли в целостности и сохранности бронетранспортеры и небольшие пулеметы Брена (7,7-мм) на них. Греки в Пиргосе (административный центр Элиды) встречали нас вином и субтропическими фруктами. Я прервал движение в Олимпии и сводил своих солдат на знаменитый древнегреческий стадион. Мэр Пиргоса провел нас через классическую арену, а также не забыл показать памятник Генриху Шлиману (немецкому археологу, открывшему местонахождение Трои, проводившему раскопки в Микенах). Более часа мы бродили по усыпанной камнями земле, восхищаясь удивительной мозаикой и впечатляющими постройками этого исторического места.

В Триполисе (административный центр Аркадии) мы соединились с армейскими частями, атаковавшими англичан в южных портах. Унтерштурмфюрер СС Теде, командир разведывательной группы на бронемашине, вернувшись из Каламата, докладывал: «Идет разгром противника, оказавшегося в безвыходном положении между огнем и водой». Сражение в Греции было практически закончено.

Дорога вела нас через Патры и Коринф в Афины. Предполагалось, что в Афинах мы примем участие в параде под командованием фельдмаршала Листа. После стольких впечатлений мы пересекли глубоко врезающийся в перешеек Коринфский канал и в тот же вечер стояли у Акрополя. Многие из моих соратников, никогда ранее ничего не знавшие о классической античной культуре, были поражены ее техническими и культурными достижениями, сделанными две с половиной тысячи лет назад. Любители классицизма, имевшиеся среди нас, воодушевились и, наверное, впервые именно в Акрополе и Пропилеях (парадный вход в Акрополь) смогли по-настоящему приобщиться к классической античной культуре. Для них посещение древней Эллады было как бы возвращением в юность нашей цивилизации. (Пришедшие с севера эллины завоевали Грецию около 2220–2000 года до нашей эры. Затем около 1125 года до нашей эры сюда пришла новая волна – греки-дорийцы. В это время другая часть индоевропейского массива (из которого вышли эллины, хетты и др.), около 1500 года до нашей эры давшая начало близкородственным германцам, славянам и балтам, оставалась практически на месте. На это и намекает Мейер, чтобы показать, насколько глубоко закладывался фундамент, на котором возводился тысячелетний рейх. – Ред.) Мы повидали места, которые до этого никогда не видели, но именно здесь мы, окутанные мистической силой, черпали новые силы из наследия эллинов и были готовы шагнуть дальше, идя на жертвы во имя родины.

Греческий солдат стоял в карауле у памятника неизвестному солдату. Здесь была увековечена память храбрых солдат, пожертвовавших за свою страну всем. Мы двигались через Фермопилы, Ларису и перевал Клиди мимо сгоревших танков и бронемашин и свеженасыпанных могильных холмов, через Монастир (Битолу), Белград и Вену в район восточнее Праги. Здесь мы вновь обрели чувство реальности и занялись приведением в порядок своего оружия и военной техники. Мы не имели понятия, что нас ожидало. Войска были в лихорадочном возбуждении. Прибыла новая военная техника и более совершенное вооружение. Был проанализирован опыт Балканской кампании, и опять началась интенсивная подготовка.

Все, что мы делали, было подчинено скорости исполнения. Опыт нас научил, что только тот, кто действует быстрее, одерживает победу, а в бою выживает только самый проворный солдат.

Товарищеские отношения в моем батальоне были подобны содружеству большой семьи. Железная дисциплина была стеновым хребтом этого сообщества. Мы подходили к каждому последующим учениям проникнутыми этими основополагающими ценностями и выковали инструмент, на котором я мог «играть все симфонии» боя. Ротные командиры и командиры взводов виртуозно владели искусством игры на этих «клавишах». И мои молодые товарищи стали солдатами, которыми я мог командовать, не особенно «держа в узде», а они понимали меня с полуслова. Мои солдаты не были несведущими болванами, которых удерживает вместе славянское зомбиподобное послушание. Нет, передо мной стояли молодые личности, которые верили в себя, в свои собственные ценности и в свои собственные силы.

Война с Советским Союзом

Новость о нападении на Советский Союз поразила нас как удар молнии. Находясь в Чехии, мы слушали по радио, как Адольф Гитлер оправдывал свое решение стремлением окончательно разделаться с большевизмом, угрожающим всему миру. С дурным предчувствием того, что нам может достаться та же лихая доля, что и нашим отцам, ставшим жертвой войны на нескольких фронтах в 1914–1918 годах, мы готовились к самой жестокой из войн, в которой когда-либо приходилось участвовать солдатам.

Утром 27 июня 1941 года наш батальон двигался маршем на восток мимо ликующих жителей через Оломоуц в Моравии, Рацибуж и Бытом в Силезии. 30 июня мы переехали через Вислу возле Аннополя и в 8.00 достигли русской границы возле населенного пункта

Устилуг.

Тем временем наши силы уже продвинулись далеко на восток. Развернутая из бригады в дивизию «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» была придана группе армий «Юг» (командующий фельдмаршал фон Рундштедт), ближайшей задачей которой был прорыв моторизованными частями в направлении Киева, в ходе которого силы русских к западу от Днепра должны быть уничтожены. Для выполнения этой задачи в распоряжении группы армий было 26 пехотных дивизий, 4 моторизованные пехотные дивизии, 4 егерские (стрелковые) дивизии и 5 танковых дивизий. Поддерживал наступление группы армий «Юг» 4-й воздушный флот под командованием генерал-полковника Леера (всего в группе армий «Юг» насчитывалось 57 дивизий и 13 бригад, в том числе 13 румынских дивизий, 9 румынских и 4 венгерские бригады. – Ред.). Фельдмаршалу фон Рундштедту противостоял маршал Буденный (Буденный был главкомом войск Юго-Западного направления с июля по сентябрь 1941 года; войсками Киевского Особого округа на направлении главного удара группы армий «Юг» командовал генерал-полковник Кирпонос. – Ред.) с 40 пехотными (стрелковыми) дивизиями (советская дивизия начала войны более чем в полтора раза уступала по численности личного состава германской пехотной дивизии; в дальнейшем – еще больше. – Ред.), 14 моторизованными дивизиями, 6 механизированными корпусами и 21 кавалерийской дивизией.

Русские упорно и стойко сражались за каждую пядь земли. Ожесточенные бои шли по всему фронту, когда мы 1 июля достигли автострады «Север» у Луцка. 2 июля мы получили приказ двигаться на Ровно через Клевань и установить там контакт с III моторизованным корпусом (генерал фон Макензен). Было получено донесение, что III моторизованный корпус окружен под Ровно. Крупные механизированные соединения противника атаковали наши растянутые фланги.

Ситуация с противником была чем-то совершенно новым для нас. Слегка обескураженный, я посмотрел на свои карты, чтобы проинформировать своих солдат о ситуации. Прежние критерии были уже не применимы. Где же четкое разграничение между нами и противником? Далеко впереди танковые дивизии III моторизованного корпуса развернули боевые действия к востоку от Ровно. Немецкие пехотные части вели бои в нескольких километрах впереди нас, а войска русских сражались к северу и югу от нас. После безуспешных попыток дать своим товарищам ясную картину позиций, я суммировал положение следующими словами: «На сегодняшний день противник повсюду!» Я еще не осознавал, когда обращался к своим солдатам, насколько близок был к истине, резюмируя создавшуюся ситуацию.

В паре километров к востоку от Луцка, рядом с железной дорогой мы наткнулись на последние аванпосты пехотного батальона. Клубы густого дыма показывали нам местонахождение подбитого русского танка. Темный лес тянулся по обеим сторонам дороги, по которой мы двигались в восточном направлении. Нам предстояло преодолеть расстояние в 60 километров, чтобы добраться до Ровно. Достигнем ли мы своей цели вовремя и сможем ли обеспечить нашим товарищам из 25-й пехотной (моторизованной) дивизии ощутимую поддержку? Я дал сигнал передовым подразделениям начать движение в надвигавшуюся ночь. Впереди был Фриц Монтаг. Монтаг был ветераном Первой мировой войны и командиром мотоциклетного взвода 1-й роты 1-го разведывательного батальона СС.

Сначала медленно, затем все быстрее, авангард двигался вперед в темные леса. Мне хотелось крикнуть: «Стой! То, что я вам вдалбливал, неправда! Машина – не ваш друг. Двигайтесь медленно, или вы приедете к своей смерти!» Но мои губы оставались сжатыми. Они были сжаты так, что не оставляли щели для потока воздуха. Прищурился, я проследил взглядом за передовыми подразделениями колонны, все дальше и дальше углублявшимися в лес.

По обочинам дороги стояли подбитые русские танки. Грузовики и гужевого транспорт были брошены под деревьями. В одном месте мы нашли 12 замаскированных русских легких танков Т-26. В них не было горючего, и они были также брошены. Готовый к бою батальон

двигался через огромную пустошь, протянувшуюся на север. Вдруг я увидел, как передовой взвод исчез, а 20-мм пушка нашей бронемашины открыла огонь по отдельным кустам. Затем четыре или пять этих «кустов» двинулись на нас и стали стрелять с расстояния около 150 метров. Хорошо замаскированные русские танки (видимо, устаревшие легкие пулеметные. – Ред.) атаковали маршевую колонну. В мгновение ока все попрятались в зарослях и наблюдали за дуэлью между нашими бронемашинами и танками противника. Несколько наших противотанковых пушек вступили в бой и положили конец сумятице. Через несколько минут мы возобновили марш. Горевшие танки еще долго освещали ночное небо за нами. Так в 19.30 мы обменялись первыми выстрелами с советскими войсками. Для того чтобы быть уверенным, что мы выполним задачу, я направил боевую разведгруппу в южном направлении и велел выйти к Клевани через Олыку и ждать батальон в Клевани.

Когда мы достигли Стовека и двинулись дальше на восток, нас уже окутала сплошная темнота. Вскоре после полуночи я разглядел грузовик, пересекавший дорогу прямо передо мной, а затем и другие машины на узкой лесной дороге. Русские! В течение нескольких минут мотоциклисты открыли в их направлении пулеметный огонь. Несколько вражеских грузовиков вспыхнули как факелы, и высокие снопы огня осветили перекресток лесных дорог. Лес оказывал неземное воздействие. Темнота действовала подавляюще и чрезвычайно нагнетала напряжение. Мне было не по себе; такой бой был для меня слишком непредсказуемым, и, помимо всего прочего, у меня не было необходимого опыта войны с русскими. Час за часом мы двигались в темноте. Более 30 километров все еще отделяли нас от Ровно. В паре километров от Клевани – сразу за лесом, который, слава богу, миновали, мы остановились, и батальон сомкнул строй.

Мы слышали шум ожесточенного боя, доносившийся со стороны Клевани. Поднимавшиеся вверх огненные вспышки указывали нам место сражения. Когда я уже собирался двинуться на Клевань, позади меня раздался ужасный крик. Среди взрывов гранат, ругавшихся солдат, скрежета танковых гусениц и грохота ломающегося металла я смог различить очертания танка в колонне. К своему ужасу, я увидел, что танк шел напролом прямо через мотоциклы. Затем он резко вывернул через дорогу влево и исчез в темноте. Едва мы оправались от этой неожиданности, как такой же трюк был повторен несколько поодаль, в конце колонны. Два вражеских танка въехали в нашу маршевую колонну в темноте и заметили свою ошибку только во время остановки. Мы, со своей стороны, приняли их за наши собственные бронемашины и, таким образом, двигались по лесной дороге в компании с русскими. Другие русские танки были замечены слева от дороги.

Боевая разведгруппа, которую я направил к Олыке, связалась с частью 3-го батальона 1-го пехотного полка СС и испытывала сильное давление со стороны крупных русских сил.

12-я рота 1-го пехотного полка СС запросила помощи, поскольку русские ее окружили. Так что нам, как только рассвело, пришлось спасать оказавшиеся в угрожающем положении подразделения и продолжать наступление в направлении Ровно. Мы быстро устремились вперед. Русские вели бой за дорогу. Тем временем стало совсем светло, и мы смогли различить длинную колонну брошенных грузовиков. Пехота противника находилась прямо перед нами в полях высокой пшеницы и пыталась одержать верх над 12-й ротой 1-го пехотного полка СС. Пока что попытки противника были безуспешными. Эсэсовская рота как раз вовремя получила подкрепление в виде нашего броневедомола.

Не теряя времени, мы вернулись через лес в Клевань. Поселок был взят, и наступление на Ровно продолжилось. Дорога шла в юго-восточном направлении. В паре километров от Клевани дорога опускалась, затем опять круто поднималась в гору. Я двигался за взводом передового охранения и осматривал местность в свой бинокль. Вдруг мне показалось, что я вижу на склоне брошенную пушку. Среди зеленого злакового поля я различил пару светлых участков. Орудие было легкой полевой пушкой калибра 75 мм, которая была оставлена на огневой позиции. Она оказала на нас угнетающее впечатление. Впервые мы нашли брошенное на поле боя немецкое орудие. В нескольких шагах от пушки стояла выпотрошенная санитарная машина. Ее дверцы были распахнуты и залиты кровью. Молча

мы обследовали опустошенный район. Не было обнаружено ни живых, ни мертвых солдат. Мы медленно двинулись вверх по подъему дороги.

Выдававшиеся светлые участки становились видны все отчетливее; мы могли различить большой и маленький участки очень ясно. Я выпустил из рук бинокль, протер глаза и опять взял бинокль. Боже мой! Неужели такое возможно? Могло ли быть то, что я только что увидел, реальностью? Последнюю пару сотен метров мы преодолели быстро. Взвод передового охранения спешил и побежал вместе со мной к светлым участкам. Наши шаги замедлились. Мы замерли. Мы не осмеливались идти дальше. Стальные каски держали в руках так, как будто были на молитве. Ни единым словом не осквернялось это место. Даже птицы умолкли. Перед нами лежали голые тела безжалостно искромсанный роты немецких солдат. Их руки были связаны проволокой. На нас смотрели широко раскрытые глаза. Офицеры этой роты нашли еще более жестокую смерть. Они лежали в паре метров в стороне от своих товарищей. Мы нашли их разорванные на куски и растоптанные ногами тела.

Все еще не было произнесено ни слова. Тут говорила ее величество смерть. Медленно прошли мы мимо наших убитых товарищей.

Мои солдаты стояли лицом ко мне. Они ожидали, что я дам им объяснение или руководство о том, как в будущем вести себя в России. Мы посмотрели друг на друга. Я вглядывался в глаза каждого солдата. Не сказав ни слова, я повернулся, и мы двинулись навстречу неизвестности.

Вплоть до 7 июля мы снова и снова отражали атаки русских к северу от Ровно. Противник нес большие потери, наши же потери были минимальными. В 14.00 мы получили приказ прикрывать фланг 11-й танковой дивизии и провести разведку к северо-востоку от Мирополя (на Житомирском направлении). В полдень следующего дня мы завязали бои с крупными силами противника в лесном районе к северу от поселка Джержинск (бывший Романов. – Пер.). Артиллерия противника вела беспокоящий огонь. Из данных, полученных разведывательными подразделениями, и от перебежчиков мы распознали моторизованный батальон с несколькими танками и батареями. К вечеру в результате прямого попадания русского снаряда мы потеряли 20-мм зенитную установку. Получивший ранения орудийный расчет был эвакуирован.

Тем временем на автостраде «Север» ситуация стала критической. Танковые дивизии III моторизованного корпуса продвигались дальше вперед в направлении Житомира и Киева, а 25-я пехотная моторизованная дивизия, которая должна была обеспечивать прикрытие растянутого фланга корпуса, была атакована с севера крупными силами противника. Угроза нависла над автострадой «Север», жизненно важной артерией корпуса. Поэтому 9 июля мы получили приказ атаковать противника к северу от Джержинска, выдвинуться через лесистые районы на север и установить контакт с 25-м мотоциклетным батальоном вблизи Соколова.

После массивной артиллерийской подготовки я хотел провести атаку силами моторизованных подразделений с тем, чтобы сразу же вклиниться в глубь обороны русских и реализовать преимущество фактора неожиданности. 1-я мотоциклетная рота 1-го разведывательного батальона СС заняла позицию для атаки за небольшим подъемом. Фриц Монгаг опять пошел в передовой дозор. Командир роты, мой старый и верный товарищ Герд Бремер, еще раз повторил боевой приказ и пошел к своей машине. Я запретил роте вступать в бой с противником или снижать скорость, прежде чем она достигнет кромки леса. Предполагалось помчаться на полной скорости через боевые порядки противника, а все остальное предоставить сделать следующему батальону. С каждой стороны дороги были установлены две 88-мм зенитные пушки. Им была поставлена задача открыть огонь, как только рота пойдет в атаку, обеспечивая огневую поддержку. Зенитки будут расчищать путь атакующей роте.

Ровно в 17.30 заговорили наши орудия, круша лес по обеим сторонам дороги. Взрели моторы мотоциклов; мотоциклы с колясками и сидевшие на них солдаты были похожи на хищников. Прильнув к своим БМВ, мои товарищи рванули вниз с подъема и гнали в

направлении разрывов снарядов и стука пулеметов противника. За несколько секунд рота достигла края леса и пропала из вида. Мой водитель Петер нажал на педаль акселератора, и мы помчались вслед за ротой. Огонь нашей артиллерии все еще велся по опушке леса. Однако нам в ответ не было сделано ни выстрела. Маленькие грязные лошади жевали удила. Русские бежали на север по обе стороны дороги. Но что произошло потом? Рота остановилась. Она открыла огонь по бегущим русским и отдельным очагам сопротивления.

Рота стала наступать в пешем строю и теряла драгоценное время. Этого нельзя допускать! Мы должны были достичь перекрестка дорог в нескольких километрах дальше к северу и помешать организованному отходу русских из леса к левому краю нашего фронта наступления. Разозлившись, я двинулся вперед, чтобы возобновить продвижение. Бронемашин и штурмовые (самоходные) орудия расчищали путь мотоциклистам. За считанные минуты нами были захвачены русские орудия, тягачи и грузовики. Одного нельзя было делать – это останавливаться. Нужно было продолжать движение и использовать замешательство противника!

Измотанные безоружные русские приблизились к нам что-то крича. Сначала я не понимал, что они кричали, но потом услышал: «Украинские, украинские!» Они радовались как дети и без конца обнимали друг друга. Война для них была окончена.

Перекрестка дорог достигли в 18.15. Мы опередили колонны Красной армии, отступавшие на восток, и разоружили их. Теперь русские оказывали сопротивление лишь время от времени. Они совершенно потеряли присутствие духа от молниеносного наступления батальона. Сотни пленных были собраны на дороге, захвачено много стрелкового и прочего оружия. Противник оказался в ситуации, которая была нам на руку. Их части только начали отход. К сожалению, мы потеряли легкий броневедомоцикл, который был подбит огнем противотанковой пушки во время боя, но, слава богу, мы могли пожаловаться лишь на то, что за время всей операции только один наш товарищ получил ранения. Хотя мы приспособились к русской манере ведения боевых действий и чувствовали свое полное превосходство, я посчитал разумным отойти и провести ночь в освобожденном районе в лесу. Основные силы нашей дивизии все еще вели где-то бои и могли догнать нас только к утру.

Лес был «живым». Мы слышали, как русские колонны отступали в восточном направлении. Это были последние части, отходившие с «линии Сталина» (линия укрепрайонов вдоль старой (до 17 сентября 1939 года) государственной границы с Польшей. – Ред.). Они искали путь на восток между наступающими германскими войсками – по лесам, болотам, относительно скрытым для наблюдения местам. Мы прилегли с готовым к бою оружием под рукой и ожидали нового утра. Шелест ветвей высоких деревьев смешивался с отдаленным грохотом выстрелов нескольких наших пушек где-то на востоке.

Утреннее солнце было поистине благодатным, и Господь подарил нам чудесный летний день. Я неохотно отдал приказ двигаться на север. 1-я рота 1-го разведывательного батальона СС опять ушла вперед и ожидала на дороге, готовая к движению, когда я велел Бремеру прорываться к автостраде. Обгоняя мой броневедомоцикл, солдаты махали руками, улыбаясь мне и доедая остатки завтрака. Что-то принесет новый день?

Я быстро и кратко проинструктировал командира 2-й роты 1-го разведывательного батальона СС Крааса и последовал за ротой боевого походного охранения. Около пяти минут я следовал впереди. Помимо моей командирской машины (переделанной из средней бронемашины связи) компанию мне составили двое посыльных на мотоциклах. Гейнц Дрешер, мой блестящий переводчик, и я сидели на бронемашине, когда преодолевали небольшой подъем, и смогли разведать маршрут на несколько километров. Издали нам было видно, как исчезают за поворотом последние мотоциклисты. Основные силы батальона последуют за нами через несколько минут; они ждали, когда к колонне присоединится артиллерия. Мы молча смотрели вперед и наслаждались прекрасным солнечным днем. Поразительно, как в ходе боевой операции быстро забываешь кровопролитные сражения и считаешь даже несколько минут покоя даром Божиим. Глубокая тишина была нарушена

событием, которое, пожалуй, было самым интересным из всего случившегося со мной за годы фронтовой жизни.

К своему великому удивлению, я увидел русскую противотанковую пушку на огневой позиции, уже проезжая мимо нее. За щитом пушки были видны напряженные лица нескольких русских солдат. Я хотел крикнуть, но подавил крик и дал своей бронемашине проехать вперед еще метров двести, прежде чем остановил ее. Посыльные на мотоциклах были кратко проинформированы о пушке, а я направился с двумя офицерами и четырьмя солдатами в лес, чтобы нейтрализовать «забытую» противотанковую пушку с тыла. Словно краснокожие на тропе войны, мы пробирались через высокие заросли вереска и черники, от дерева к дереву. Я рассматривал пушку сквозь деревья. Орудийного расчета уже не было видно. Может быть, русские артиллеристы убежали? Неужели они бросили свое орудие? Я крепко сжимал в руках, держа палец на спусковом крючке, свой автомат МР.38. Мои глаза все еще были прикованы к артиллерийской позиции. Я слышал дыхание Дрешера за своей спиной и не осмеливался обернуться. Шаг за шагом мы приближались к пушке.

«Стой! Стой! Руки вверх!»

На меня смотрели, смешно гримасничая, русские. Я стоял, окруженный русской ротой. Все это время мои товарищи и я пробирались в проходе между двумя русскими взводами. У меня кровь застыла в жилах. На нас было наведено множество винтовок. Ошеломленно смотрел я на окруживших меня людей. Сила тут уже ничего не решала. Приглушенным голосом я скомандовал своим товарищам: «Не стрелять». Стволы опустились. Атлетического сложения, симпатичный офицер стоял в 10 метрах от меня. Я пошел к нему. Он тоже отделился от своих товарищей и направился ко мне. Стало тихо. Русские солдаты и мои товарищи наблюдали за этой встречей. Мы остановились в двух метрах друг от друга, каждый взял свое оружие в левую руку и почти одновременно приветствовал противника. Затем мы сделали последний шаг и пожали друг другу руки.

Все это время я не испытывал никаких эмоций. Я не чувствовал себя ни побитым, ни победителем. Когда мы выпрямились после легкого наклона, то каждый объявил другого своим пленником. Русский смеялся, как будто я выдал лучшую шутку года. Его большие голубые глаза задорно сверкали, глядя на меня, в то время как я сунул руку в карман и вытащил для него пачку сигарет. Он вежливо подождал, пока я зажму сигарету между губ, затем спичкой зажег огонь. Мы оба вели себя так, будто были одни на широкой равнине и будто война уже давно забыта. Русский говорил только на ломаном немецком, а я не говорил по-русски. Я подозвал Дрешера и успел шепнуть ему: «Нам нужно выиграть время!» Дрешер и русский пустились в длительные переговоры о том, чья сторона должна сложить оружие.

Пока все это происходило, я ходил от одного русского к другому и предлагал сигареты. С усмешкой молодые русские солдаты брали сигареты и нюхали, прежде чем вставить конец сигареты между губ. Они наслаждались ароматом сигарет. Я дружески похлопал по плечу каждого русского, показывая, что им следует положить оружие на землю. Но в мгновение ока пачка опустела. Только тогда я осознал, что несколько удалился от Дрешера и стоял среди русских один. Я был несказанно рад, как только воссоединился с группой своих вокруг Дрешера. По интонации офицера я понял, что его терпению скоро придет конец. Очень медленно я придвинулся поближе к краю леса, чтобы заставить Дрешера и русского продолжить свои переговоры вне леса. Я ждал подхода батальона. Он мог появиться в любой момент и прекратить этот кошмар.

Мы все трое стояли на опушке леса и пытались еще раз объяснить русскому, что его подразделение окружено, а авангард нашей 1-й танковой группы уже почти достиг Киева. Тогда русский энергично покачал головой и велел Дрешеру сказать мне, что он офицер, а не тупица. В этот момент на дороге прогремел взрыв, и я увидел объятый пламенем легкий броневедомитель. Русская противотанковая пушка подбила его с расстояния примерно в двадцать метров. Клубы густого дыма поднимались в небо. Поскольку я знал, что все мои машины всегда двигались довольно рассредоточенно, чтобы иметь достаточный сектор обстрела, следующая машина могла появиться в любой момент. Ее башня появится из-за

подъема в любую секунду. Русский настойчиво требовал, чтобы я положил на землю автомат. Я попросил Дрешера объяснить русскому офицеру, что я не понял последнего предложения и что он должен показать мне, что имеет в виду.

Русский посмотрел на меня недоверчиво и положил свой прекрасный автомат (видимо, автоматическая винтовка Симонова образца 1936 года – Ред.) с оптическим прицелом на дорогу. Ему не следовало этого делать. С быстротою молнии я оказался возле оружия, наступив на него, и встал, напирая своим плечом на плечо соперника. И мы оба стояли, как статуи, между русскими с одной стороны дороги и моими товарищами с другой.

Все мои солдаты перебрались на нашу сторону дороги. Из глубины леса голос комиссара фанатично призывал к действию. Все больше русских винтовок было наведено на меня, и я даже еще теснее прижался к офицеру. Даже Дрешер спрятался в кювете. В этот момент мимо меня пробежала тень. Я не смел оглянуться, но тем не менее я понял, что это были мои бронемшины. Все произошло молниеносно. Команды комиссара не оставляли сомнений в том, что огонь может быть открыт в любой момент. Я последний раз посмотрел в глаза своему противнику. Он чувствовал, что надвигалось. Спокойно он посмотрел в ответ. Затем я прокричал: «Огонь!»

Взрывы осколочных снарядов 20-мм автоматических орудий бронемашин сотрясли лес. Мои товарищи бросили гранаты через дорогу, а я мгновенно прыгнул в кювет. Русский командир лежал на дороге. Война для него была окончена.

Мы попытались ретироваться, но это было невозможно. Впереди был небольшой мост. Бронемашине оставалось пройти вперед пару сотен метров, когда русская противотанковая пушка перенесла туда огонь. Становилось неудобно. Мы ожидали, что русские атакуют через дорогу в любой момент. В этот момент произошло то, чего я никогда не забуду. Наш самый юный посыльный на мотоцикле Гейнц Шлунд (впоследствии ставший чемпионом Германии в беге на 1500 метров) вскочил, побежал к своему мотоциклу с коляской, прыгнул на сиденье и исчез. Я видел, как он ехал к бронемашине, крикнул что-то ее командиру, а потом вернулся к нам. Он помахал мне. Я вскочил и опустил поперек между сиденьем и коляской. И мы помчались назад к своему батальону.

2-я рота 1-го разведбатальона СС спешивалась, а руководил атакой Хуго Краас. Тяжелые орудия, минометы и пехотинцы со стрелковым оружием быстро заняли позиции. Бой был тяжелым. Русские сражались за каждым деревом. Но это было бесполезно. Через пятнадцать минут все было кончено.

Я искал русского командира и нашел его с пробитой пулями грудью. Он был похоронен в той же могиле, что и мои павшие в этом бою товарищи.

После боя у Маршилиевска мы достигли автострады «Север», по которой двигались части 25-й пехотной моторизованной дивизии и части обеспечения 13-й и 14-й танковых дивизий. В числе убитых в Маршилиевске русских был комиссар Нойман. Нам было любопытно, не немец ли он. 25-й мотоциклетный батальон завязал ожесточенный бой к северу от Соколова и запросил нашей помощи. Я предоставил в их распоряжение пару штурмовых (самоходных) орудий, которые в скором времени оказали поддержку батальону.

Наш батальон в качестве сил прикрытия занял участок восточнее Соколова, примерно 20 километров по фронту. Примерно в 14.55 движение по автостраде было прервано. Силы противника пересекли ее западнее Соколова и перерезали, таким образом, все пути снабжения III моторизованного корпуса. Участок нашего батальона подвергся ураганному огню. Наш штаб разместился под чудесным дубом в 100 метрах к югу от автострады. Пулеметный огонь пробивал густую листву дерева так, что зеленые листья, кружась, опускались на землю. Петер раздобыл для меня тарелку рисового пудинга, который я съел с большим аппетитом под защитой толстого ствола. Только теперь, спустя много часов после случая с русским командиром, я нашел время подумать о еде. Неожиданно рис сделался безвкусным, а у меня мурашки побежали по всему телу.

На рассвете штаб оказался в пределах досягаемости тяжелой артиллерии. Роты

докладывали о концентрации противника в лесистых районах к северу от автострады. Мы при помощи артиллерии и других тяжелых видов оружия пытались ликвидировать обнаруженные скопления противника. Но русские не собирались терять присутствия духа. Я волновался за своих мотоциклистов, поскольку участок был необыкновенно большим, а под рукой не было резервов. Бронемашин роты сновали взад-вперед по автостраде, чтобы прикрывать бреши в нашей обороне. Похоже, ночь обещала быть жаркой. Я опять поехал к правому флангу сектора, чтобы побывать в двух мотоциклетных ротах. 1-я рота 1-го разведывательного батальона СС со своим правым флангом на мосту Тения подверглась особенно жестоким атакам. Обе роты хорошо окопались. Мои мотоциклисты впервые в этой войне зарылись в землю.

На всем отрезке пути по моей бронемашине велся огонь из пулеметов и стрелкового оружия. Русские пули стучали по броне и рикошетили, издавая «поющий» звук, заполняющий все вокруг. Личный состав батальона окопался, и все, от поваров до писарей и последнего водителя, были на огневых позициях и ждали ночи.

В 23.30 ожидавшаяся атака русских началась. Ужасный град металла обрушился на наш участок. От отвратительных криков «Ур-ра, ур-ра!» кровь стыла в наших жилах. Эти нервующие крики были для нас чем-то новым. Вспышки осветили темноту. Трассирующие пули создавали цветную дорожку в ночи. Русские прорвались к автостраде, и атака захлебнулась только в результате фланкирующего огня нескольких бронемашин.

Еще одна атака последовала около полуночи. Ее основные усилия были направлены на 1-ю роту 1-го разведбатальона СС. Русские прорвались на ее позиции и уничтожили два пулеметных гнезда, но были отброшены саперными лопатками и штыками в ходе рукопашного боя. Прежние позиции были отбиты. Огонь артиллерии противника впервые стал более интенсивным. Батарея тяжелых «рельсовых пушек» обстреливала интенсивным огнем перекресток дорог к югу от Соколова и штаб батальона к востоку от перекрестка.

У мотоциклетных рот кончались боеприпасы, и мотоциклисты просили срочного их пополнения, но как нам доставить боеприпасы на правый фланг? Путей подхода к правому флангу не было, а автострада являлась разграничительной линией между русскими и нами. Только дорога отделяла ведущие боевые действия подразделения противников друг от друга. Я снова услышал голос Крааса в своих головных телефонах и видел страшный «фейерверк» на его участке справа от меня. 1-й роте 1-го разведывательного батальона СС и минометам позарез нужны были боеприпасы. Крики «Ураа! ураа!» послышались справа от меня – это русские атаковали наш штаб. По атакующим открыл огонь взвод 20-мм зениток – он стрелял зенитными снарядами, дающими при разрыве массу осколков. Зенитные установки сосредоточили огонь прежде всего на зарослях кустов в дальнем конце дороги. Тогда Петер снял маскировочное покрытие с левой фары и поехал, освещая себе путь вниз по дороге. Во время движения в бронемашину несколько раз попадали пули, но боеприпасы ротам были доставлены.

Напрасно я просил подкреплений. Прибытия других батальонов можно было ожидать самое раннее к полудню. Они еще только снимались с укрепленного рубежа возле Мирополя. И снова огонь тяжелой артиллерии противника дождем накрыл правый фланг участка. Снаряды русских 152-мм орудий, установленных на железнодорожных платформах, потрясли лес на участке 1-й роты 1-го разведывательного батальона СС, и около 1.00 третья лавина русских обрушилась на нас. Спустя несколько минут фланговая рота запросила подмоги. Противник вклинился в ее оборонительные позиции, и завязался рукопашный бой. Безумные существа, русские и немцы, дрались за свою жизнь. Каждый сам за себя.

Я не мог больше этого вынести. Я сорвал головные телефоны, прыгнул в бронеевтомобиль и погнал. Не глядя ни налево, ни направо, мой водитель ехал напролом через группы атакующих русских, которые пересекали автостраду там, где были бреши в нашей обороне. Мы двигались, не включая фар, и поэтому видели только тени тех, кто пересекал дорогу. Тормоза взвизгнули, когда автомобиль сделал левый поворот на дороге, а затем скрылся за небольшой сельской постройкой. Мотоциклисты как раз отбивали

последнюю атаку русских. Она совершенно захлебнулась, получив отпор оборонявшихся. Атакующие были полностью уничтожены.

Крики людей, смешиваясь со стуком пулеметов и глухими взрывами гранат, делали невозможной всякую связь. Краас и я отползли за обломки стены, наверное метрах в двадцати к югу от дороги, и пытались что-то разглядеть в утреннем тумане. Огонь тяжелых минометов русских накрыл весь участок. Несколько мотоциклистов вынесли из боя тяжело раненного товарища, а затем разорвали на нем гимнастерку, чтобы оказать первую помощь. Я выглянул и увидел моего старого товарища Грецека. Его глаза были закрыты, а грудь слабо вздымалась и опускалась. Он был смертельно ранен. Я окликнул его, позвал по имени – я хотел вернуть его к жизни, но все было напрасно. Смерть уже вступала в свои права. Его губы шевелились, как будто Грецек хотел, чтобы я передал последние его прощальные слова жене и детям. Его веки приподнялись так, что стали видны глаза, которые уже больше ничего не видели. Затем голова медленно упала набок. Пуля в сердце оборвала его жизнь.

Гауптшарфюрер СС фон Берг, ветеран-фельдфебель сначала 14-й, а затем 15-й роты 1-го пехотного полка СС, был в первом одиночном окопе. Он был командиром взвода 1-й роты 1-го разведывательного батальона СС. Удар снаряда в грудь вырвал его из наших рядов. Юпп Хансен, давний друг Берга, криками взывал о помощи. Его крики захлебнулись хлынувшей кровью. Осколком или пулей ему пробило легкое, и ранение оказалось смертельным. Хансена оттащили в укрытие, положив на плащ-палатку. Юпп узнал меня, хотел заговорить, но уже не смог этого сделать. Он умер несколько часов спустя.

Наступивший новый день высветил мрачный пейзаж. Выжженная местность, воронки, вывороченные с корнем деревья, разбитая техника и чернеющие развалины могли довести молчаливого слабонервного свидетеля до безумия. Передо мной был 1-тонный тягач. Ночью он представлял собой хорошую освещенную цель и теперь был дымящейся развалиной. Слабый дымок вился через дорожную обочину. Водитель сидел за рулем. Его форма сгорела на теле; только черный пепел покрывал в отдельных местах обуглившуюся грудь. Почерневший череп с пустыми глазницами все еще был устремлен в направлении движения. Мне хотелось кричать, ругать все это безумие войны, но я бросился в следующий окоп и ответил на огонь русского, который лежал за кустом не более чем в 50 метрах на другой стороне дороги. Глядя на распростертых, скребущих землю людей вокруг меня, я представил себе кровавые поля Вердена. Мои товарищи и русские солдаты лежали мертвые в окопах – они убили друг друга. Выжившие выбрасывали из мелких окопов мертвых – они хотели жить и искали укрытия.

Наступил день. Не было видно ни одного живого русского; поле боя было пустым. Перед нами были заросшие цветами луга и колышущиеся поля зерновых. Ни один выстрел не нарушал тишину утра. Мои прижавшиеся к земле товарищи присели, затем встали – сначала боязливо, а потом уже не опасаясь. Вот встал первый солдат, зажег сигарету и посмотрел в направлении противника. Все замороженно смотрели на стоявшего мотоциклиста. Ничего не случилось. Возгласы и слова ободрения передавались из окопа в окоп. Жизнь снова захватила нас в свои объятия. Она брала свое.

Я пожал руку Хуго Краасу. В течение ночи он был становой хребтом обороны. Он нервно моргал. Мы пожали друг другу руки, а в его словах была горечь. Мы оба за последние два дня потеряли больше своих боевых товарищей, чем за все предыдущие кампании, вместе взятые.

По радиосвязи сообщили, что нас сменит 3-й батальон 1-го пехотного полка СС, который должен прибыть на место к полудню. Как раз тогда, когда мы собирались вернуться в штаб батальона, унтерштурмфюрер СС Баумхардт попросил меня разведать заросли в 150 метрах к северу от дороги. Он совсем недавно заметил там какое-то движение. Петер вырулил по направлению к зарослям и хотел обогнуть их на расстоянии. Он огибал заросли по все меньшему радиусу, но я не замечал противника. Тогда Петер подъехал совсем близко. Я стоял, высунувшись из люка башни. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочил русский офицер. Сделав один прыжок, он уже стоял на склоне перед нашей машиной и стрелял. Всем телом

отшатнувшись назад от такой его необыкновенной прыти, я выстрелил из пистолета и пригнулся. Машина остановилась; она не двигалась. Я заорал на Петера. Последовал громкий удар в коробке передач, бронемашина задергалась и поехала рывками. Петер попытался бросить в заросли гранату, но она сразу же закатилась под нашу бронемашину, где и взорвалась. Петер больше никогда не повторял подобной тактики ближнего боя.

По прибытии в 1-ю роту 1-го пехотного полка СС мы попали прямо под обстрел русских орудий, что нисколько не поколебало боевой дух батальона. Гренадеры под командованием Фрица Витта никогда не проявляли нерешительности. Этот батальон уже был сильной, бесстрашной «пожарной командой». В дорожном кювете я встретил старого товарища, с которым проходил подготовку в Ютербоге в 1934 году. Квасовский, парень ростом выше 1,9 метра, получил серьезное ранение ноги. Осколок снаряда раздробил ему ступню. Своим складным ножом этот уроженец Восточной Пруссии сделал последний разрез и отделил ступню от тела.

Смена прибыла на место без задержек. Вскоре был убит гауптштурмфюрер СС Хемпель; он был хорошим приятелем Грецеха. Мы похоронили погибшего под грохот русской артиллерии. Прощальные речи заглушил шум ревуших двигателей. Автострада снова была открыта. Колонны германских войск покатались на восток.

Мы двигались на Житомир и вели бои на подступах к Киеву вместе с 13-й и 14-й танковыми дивизиями. Затем наш батальон был заменен разведывательным батальоном пехотной дивизии и высвобожден для выполнения других задач.

В то время как 1-я танковая группа Клейста наступала через Житомир на Киев, части 6-й армии атаковали силы русских возле Умани, взяв перед этим Винницу. Южнее наступала 17-я немецкая армия. Дивизии III моторизованного корпуса, задействованные в наступлении на Киев, затем были заменены частями 6-й армии и повернули на юго-восток, на Кировоград и Кременчуг.

Около 3 часов 30 июля мы остановились в южных предместьях Зибермановки и прикрывали правый фланг нашей дивизии, который подвергся атаке. К 5 часам утра мы вышли к Лещиновке, которую обороняли крупные силы противника. 2-я рота 1-го разведывательного батальона СС увязла в болоте на подходе к деревне и была прижата к земле огнем тяжелой русской артиллерии. 1-я рота 1-го разведывательного батальона СС также была под сильным обстрелом. Около полудня русские войска попытались прорваться на восток. Танки противника на полной скорости мчались прямо на мотоциклистов и пытались раздавить наши противотанковые средства. Выход из боя мотоциклетной роты оказался невозможным из-за огня русской артиллерии.

Во время этого жесточайшего боя был убит унтерштурмфюрер СС Баумхардт, командовавший взводом во 2-й роте 1-го разведывательного батальона СС. Командир роты гауптштурмфюрер СС Краас был ранен. Временное командование ротой взял на себя оберштурмфюрер СС Шпет. Осколок снаряда оторвал нижнюю челюсть одному из наших самых молодых товарищей, мотоциклисту СС Гусману. Рискуя собственной жизнью, боевые товарищи эвакуировали его.

Внезапной атакой нескольких бронемашин была взята в плен русская рота. У роты был приказ обеспечивать проход по мосту возле Лашевого.

31 июля батальон перешел в оперативное управление XXXXVIII моторизованного корпуса, который получил задачу выйти к Новоархангельску и завершить окружение русских в Уманском котле. Новоархангельск мы достигли ровно в полдень без боев. Это крупное село раскинулось на левом берегу небольшой реки Синюхи, которая протекала с севера на юг и была непроходима для танков из-за своих крутых берегов.

Как только мы вышли к первым домам села, то попали под интенсивный артиллерийский обстрел с запада. К северо-западу от города я заметил немецкую батарею, несколько бронемашин и мотоциклов, удалявшихся на северо-восток. Эти немецкие войска, видимо, приняли нас за русских. Мы безуспешно пытались связаться с этой немецкой частью сигнальными ракетами. Однако их огонь невозможно было остановить, а потом они

удалились. Как мы узнали позднее, это был 16-й разведбатальон. Он оторвался от противника не в том направлении и, соответственно, заставил нас лишний раз потрудиться.

В селе по нас был открыт огонь из стрелкового оружия и к мосту пришлось пробиваться с боем. Там мы нашли брошенный броневладелец 16-го разведбатальона. Сам мост был поврежден минами. У нас в тылу 1-й батальон 1-го пехотного полка СС уже достиг Новоархангельска и с боем захватил юго-восточную часть села. После этого я почувствовал себя значительно спокойнее. Мы могли положиться на Фрица Витта. 1-й батальон 1-го пехотного полка СС и 1-й разведывательный батальон соединились. Мы всегда хорошо ладили друг с другом.

К 18.00 село было целиком в наших руках. Однако кроме моих бронемашин, других доступных резервов не было. Когда наступила темнота, русские атаковали позиции батальона, наступая с северо-восточной окраины села крупными силами пехоты и восемью танками. Наши 37-мм противотанковые орудия открыли огонь прямой наводкой. Но что такое? Танки это ничуть не беспокоило! Они продолжали наступать на мотоциклистов. Снаряды рикошетом отскакивали от брони русских танков. Слава богу, мотоциклисты были среди домов и, таким образом, смогли укрыться от танков. Русская пехота также вклинилась в наши позиции и потеснила нашу роту. Танки произвели большое впечатление на моих солдат. Я надеялся, что это не превратится в полный разгром!

Я подумал, что, может быть, нашей пушке на мосту повезет больше. Я прыгнул в штурмовое орудие (САУ) и поехал к мосту, где встретил взвод Монтага, который собирался расположиться на ближнем берегу реки. Я не верил своим глазам! Мотоциклетные роты мчались к мосту и хотели перебраться на противоположный берег. Пары слов было достаточно для того, чтобы нормализовать ситуацию. Роты развернулись и отбросили уже просочившихся русских. Четыре русских танка стали жертвой штурмового орудия и 47-мм противотанковой пушки.

В 3.30 ночи последовала массированная атака пехоты, которая захлебнулась под огнем мотоциклистов. Русские атакующие войска проникли в село по ручью с юга. Однако мосту, который охраняли мои саперы, опасность не угрожала. На заре прорвавшиеся войска русских были частью отброшены, а частью взяты в плен. Все другие атаки также были отбиты с большими потерями у противника.

Кольцо окружения в котле под Уманью 6-й и 12-й армий русских сжималось все сильнее. Со 2 августа против них были использованы 158,5-мм шестиствольные минометы и батареи 211-мм мортир.

С небольшого возвышения я наблюдал за передвижением войск противника. Несколько колонн русских с различным вооружением скрылись в лесах в пяти километрах от позиций 1-й роты 1-го разведывательного батальона СС. Очевидно, противник хотел с наступлением ночи сделать попытку еще одного прорыва на восток. Беспокоящий артиллерийский огонь обрушился на весь участок нашего батальона. Все больше и больше колонн русских войск исчезали в лесу. Стройные деревья скрывали тысячи людей. Пехота, кавалерия и артиллерия искали в тени деревьев укрытия от наблюдателей. Разве они не понимали, что мы могли следить за всеми их передвижениями? Русские офицеры вели своих солдат и себя самих к смерти. Этим сосредоточенным силам нельзя позволить атаковать, их нужно разгромить до этого. Иначе мы не сможем выстоять перед этими массами в темноте; они задавят нас и прорвутся, как вода в ворота шлюза. И в Уманском котле образуется дыра.

Все тяжелое вооружение батальона, подразделение шестиствольных минометов и батарея 211-мм мортир были задействованы для выполнения боевой задачи: накрыть сосредоточенным огнем участок леса. Я оставил за собой право лично отдать приказ открыть огонь. К этому моменту шестиствольные минометы оставались для нас неизвестным оружием. Мы не имели понятия о его эффективности. Стрелки часов отсчитывали время. Я терпеливо ждал самого благоприятного момента. Поток русских солдат еще не иссяк. Котел переполнился настолько, что из него уже начинал образовываться выступ наружу. Критический момент настал; появились признаки наступающей ночи. Очертания деревьев

становились едва различимыми. Все напряженно ожидали приказа открыть огонь.

Огонь! И разверзся ад.

Над нами стоял жуткий вой. Это дымовые шлейфы реактивных мин описывали над нашей головой дугу и исчезали между темными деревьями. Эти 158,5-мм мины беспрерывно со свистом летели на врага и взрывались, неся смерть и разрушения. 211-мм снаряды тяжелых мортир неслись по воздуху грохоча, как товарные поезда, добавляя звуки к шипению реактивных мин. Лес буквально раскололся пополам, как муравейная куча под ступней доисторического монстра. Люди и животные боролись за свою жизнь, но все равно бежали навстречу смерти. Припустившие галопом лошади как безумные мчались прочь вместе с повозками и орудиями, гибли под огнем пулеметов и автоматических пушек наших бронемашин. Ущербное солнце закатывалось за горизонт над этим полем смерти. Люди погибали или становились калеками. Животных ожидал завершающий смертельный удар. Тысячи людей сдались в плен.

Я уже не желал больше ничего видеть и слышать. Такая бойня вызывала у меня отвращение. Русские и немецкие врачи с огромной болью воспринимали человеческие мучения. Мы впервые увидели русских женщин в форме. Я восхищался их поведением; они вели себя зачастую достойнее, чем мужчины. Чтобы облегчить страдания раненых, женщины-санструкторы работали всю ночь напролет.

После полуночи разверзся настоящий ад! Крик «Парашютисты!» эхом раздался по позициям. И действительно, я увидел большие четырехмоторные транспортные самолеты над нами, а затем мы услышали шуршание парашютов. Повсюду вокруг нас на землю спускались парашюты. Складывалась чрезвычайно серьезная ситуация. У нас не было резервов. Мы поджидали спускавшихся парашютистов с винтовками и автоматами на изготовку, но ничего не произошло. Через несколько минут поступило первое донесение и был доставлен первый парашют. Это были не парашютисты – противник сбрасывал боеприпасы, питание и горючее для окруженных войск.

Ближе к вечеру наш участок был передан 297-й пехотной дивизии. Батальон был отведен к центру села. В течение следующей ночи по мосту вдруг помчалась толпа тыловиков – подвозчики боеприпасов, повозки... Это пехота противника проникла в артиллерийский парк, где возникла паника. Батальон немедленно пошел в контратаку и захватил в плен несколько сот русских солдат.

Бои за Умань закончились. 6-я и 12-я русские армии были большей частью уничтожены. До 140 000 пленных, оба командующих армиями, 317 танков и 858 пушек попали в руки немцев.

1-я танковая группа опять была высвобождена и направлена на юго-восток, чтобы перерезать пути отхода русских, отступавших перед фронтом 11-й армии. 9 августа батальон получил приказ провести разведку в направлении населенного пункта Бобры. В течение многих часов мы шли по толстому слою пыли и грязи на юго-восток. Русская кавалерия тенью следовала за нами на почтительном расстоянии, не давая нам возможности избавиться от такой назойливой компании. На рассвете 10 августа я заметил облако от взрыва – на горизонте, правее направления нашего наступления. Это бронеавтомобиль 16-го разведывательного батальона наехал на противотанковую мину.

Вскоре мы захватили команду русских минеров. Команда была сформирована, чтобы откопать недавно поставленные мины. Пленные были из 12-й кавалерийской дивизии, которая с боем отходила на восток. Я вел батальон прямо на восток через высокое зерновое и картофельные поля, а потом повернул на юг. Вдруг мы оказались в тылу арьергарда противника. Наши мотоциклисты уничтожили несколько бронемашин, грузовиков и противотанковых орудий. Клубы густого дыма поднимались прямо в небо. Преследуя отступающих русских, передовой взвод наткнулся на полевые укрепления, которые были настолько удачно расположены, что их заметили только в последний момент. В ходе боя был убит один из наших лучших унтер-офицеров. Всегда веселый Буби Бурозе погиб, когда шел во главе своего взвода. Командир взвода, унтерштурмфюрер СС Вавржинек был ранен.

Целью наступления 16-й танковой дивизии был порт Николаев. Нам поставили задачу прикрывать левый фланг дивизии от возможных атак с востока. Генерал Хубе вел свою дивизию через Ингул, а затем продвинулся по восточному берегу реки на юг. Делая это, он отрезал путь отступления на восток для многих русских частей.

Добравшись до моста у Кирьяновки, наш батальон попал под сильный артиллерийский огонь с юго-запада. Это означало, что противник был у нас в тылу и пытается помешать нам форсировать Ингул. Но этот огонь не помешал нам выполнять свою задачу. Увеличив интервалы, машины промчались по мосту. Не было потерь ни в живой силе, ни в технике.

16-я танковая дивизия стремительно наступала через отступающие русские войска и вышла своим авангардом на подступы к Николаеву. Мы также непрерывно продвигались вперед, отрезая отступающие русские части, и достигли далеко протянувшегося вдоль дороги на Новополтавку поселка Заселье. Во время пятидневного наступления мы много раз попадали в критические ситуации, выдержали много боев с отходящими частями русской армии. Мы привыкли не бояться противника, но, конечно, уже начинали уважать бесконечные русские пространства.

От Заселья до Херсона

Два озера ограничивали этот протяженный поселок на западе, и с этой стороны его удобно было оборонять. Последние русские войска оставили Заселье около полудня, отступив на восток. Они принадлежали к 162-й стрелковой и 5-й кавалерийской дивизиям. Церковь при большевиках использовалась как амбар и кинотеатр. Лестница с колокольни, очевидно, была пущена на дрова и сгорела в печках. С потолка свешивались красные знамена. Вдруг к нам подошел немощный, беззубый человек, представившись православным священником. Он попросил разрешения отслужить службу. Слезы текли по морщинистому лицу священника, когда сельчане вошли в скромное помещение и он дрожащим голосом читал первую за много лет проповедь. Старые люди с благоговением внимали его словам. Молодые же с любопытством, но в некотором замешательстве стояли на площади перед церковью.

Ночью с запада доносился шум ожесточенного боя. Это 16-я танковая дивизия наступала на Николаев. На рассвете я забрался на колокольню и рассматривал типичный сельский пейзаж Южной России. Огромные поля простирались во всех направлениях, а к поселку, подобно паутине, тянулась сеть глубоко вдающихся в чернозем пыльных проселочных дорог.

Было видно, как по всем дорогам клубилась пыль, а возле соседнего села Новопетровка поднимались и садились самолеты противника. Как и ожидалось, русские окружили наш батальон. Не нужно объяснять, что произойдет, если Николаев продержится еще какое-то время и противник попытается охватить фланги 16-й танковой дивизии. Густые клубы пыли на западе и востоке говорили сами за себя. Будет жарко!

Мотоциклетные роты выдвинулись на позиции на окраинах Заселья, и у них как раз была утренняя поверка, когда на востоке были замечены крупные силы противника. В то же время колонна противника двинулась по направлению к Заселью с запада. Русские понятия не имели, что Заселье взято нами еще вчера, и поэтому шли прямо в западню, устроенную нашим саперным взводом и несколькими бронемашинами. Дамба, которая разделяла два озера, стала русским погибелью. Много солдат противника, не успевших оказать сопротивления и даже сделать хотя бы один выстрел, было захвачено в плен.

Колокольня стала моим командным пунктом. Оттуда я мог наблюдать за передвижениями противника и вовремя принимать меры. Все больше и больше русских появлялось со стороны Шуванки и исчезало в колышущемся поле пшеницы, чтобы развернуться оттуда для намеченной атаки Заселья. Я спокойно наблюдал за развитием ситуации, потому что к поселку подходила полоса поля по меньшей мере 400 метров. В таких условиях любая атака противника захлебнулась бы в собственной крови.

На горизонте занимали позиции батареи русской артиллерии. Верховые посыльные галопом скакали по черной земле. Перед нами была масса целей для наших орудий, но приходилось беречь боеприпасы. Наши линии коммуникаций были бесконечно длинными, и боеприпасы становились поистине драгоценными. Мы ждали нужного момента, когда каждый выстрел удачно выполнит свою кровавую работу. Маленькие черные точки двигались к нам через созревающие поля. Время от времени солнце отражалось в блестящем металле, ярко сверкая на фоне более ровного дневного света. Точки становились все ближе и ближе. Они уже больше не напоминали муравьев – в них можно было четко распознать русских пехотинцев. Их боевые порядки были отличными. Они наступали широко рассредоточенным строем. Группы солдат тянули противотанковые орудия; лошади оставались сзади. Я тщательно, как шахматный игрок, оценил ситуацию и приготовил то оружие, которое стало бы наиболее смертоносным для противника.

Русские наступали упрямо, но осторожно. Ни одного немецкого солдата не было видно на окраинах Заселья. Поселок должен был выглядеть для русских незанятым. Только усиленные взводы мотоциклетных рот оставались на позиции. Все прочие мои подразделения ожидали приказа атаковать к северу и югу от поселка. Я хотел не просто отбить атаку, но и уничтожить русскую войсковую часть! Такой момент наступил в 11.00. Русские были накрыты огнем из всех видов оружия, и в их рядах образовались ужасные бреши. Наши минометы и полевые орудия старались уничтожить пушки противника точным огнем. Атакующие русские цепи залегли. Потом они вскочили и побежали вперед навстречу своей смерти. Офицеры и комиссары пытались восстановить ход атаки, но я видел только отдельных русских солдат, бежавших вперед; большинство оставались лежать на земле, как будто их пригвоздили.

Настал момент для мотоциклистов и бронемашин, ожидавших своего часа на флангах. Они двинулись на восток, а затем развернулись и погнали русских к нашим позициям. К середине дня мы взяли в плен 650 человек и более 200 было убито. Согласно показаниям пленных, командир 962-го стрелкового полка застрелился после того, как застрелил одного из своих офицеров. Поскольку этот полк первоначально насчитывал только 900 солдат, то он был практически истреблен в результате понесенных потерь.

В течение следующих нескольких часов нас еще несколько раз атаковали. Во второй половине дня по поселку был открыт сильный артиллерийский огонь. Он велся с запада. И хотя мы ожидали атаки с обоих направлений, все-таки этот удар застал нас врасплох. В мгновение ока линия фронта изменилась, и мы заняли заранее подготовленные позиции к западу от поселка. В отличие от первой атаки эту осуществляли моторизованные силы. Несколько легких танков-амфибий (устаревшие легкие танки Т-38 с противопульной броней 4—9-мм толщиной, вооруженные 7,62-мм пулеметом. Вес 3,3 тонны. Экипаж 2 человека. – Ред.) и бронемашин образовывали головное подразделение русских. Удар русской артиллерии пришелся по позиции нашей батареи, где взорвался грузовик с боеприпасами. Мы снова подпустили русских поближе, и они снова нарвались на наш сосредоточенный огонь.

Танки-амфибии были первыми жертвами – они взлетели на воздух. Черные клубы дыма накрыли поле боя, в то время как вперед двинулись наши бронемшины и истребители танков (самоходки на базе легкого танка Т-1, вооруженные 47-мм пушкой чешского производства. – Ред.). Они били по дезорганизованным и частично рассеянным боевым порядкам русских. Один наш истребитель танков остановился и задымил. Красные языки пламени вырывались изнутри и поглотили механика-водителя прежде, чем его можно было спасти. Двух других членов экипажа Р21-1А вытаскивали из огненного ада и гасили на них пламя. У меня звон стоял в ушах от криков сгоравшего заживо тяжело раненного механика-водителя. Однако я оторвал взгляд от происходившего вокруг горящего истребителя танков и направил бинокль на юго-запад. Клубы густой пыли возвещали о прибытии новых колонн русских войск, которые пытались прорваться на восток. Наши бронев автомобили и истребители танков, подобно пантерам, набросились на эти колонны и расстреливали

машины, превращая их в пылающие обломки. Русские солдаты пытались разбежаться во всех направлениях, но лишь немногим удалось скрыться. Большинству атакующих вскоре пришлось брести по дороге, ведущей в плен.

Во время доклада о ситуации я слышал вопли раненых и душераздирающие крики нашего обожженного товарища. Он лежал на носилках и умолял меня прикончить его. Обгоревшие руки лежали на обуглившемся теле. Голова без волос, провалившиеся губы и почерневшее туловище были одной сплошной раной; нижняя часть его тела была защищена от огня брюками и поэтому пострадала не столь сильно. Я чувствовал себя пристыженным и не мог произнести слова утешения. В такой ситуации они были бы беззащитной ложью. Мои солдаты пристально смотрели на меня. Снова и снова молодой солдат умолял облегчить его страдания. Врач сказал, что нет никакой надежды; он даже не видел, куда можно было сделать инъекцию обезболивающего средства. Врачу оставалось только беспомощно пожать плечами. Леденящий душу крик выгнал меня из полевого перевязочного пункта. Я был не в состоянии попрощаться. Я даже не мог опустить ладонь на его лоб. Один последний взгляд, и я выбежал. С окончанием дня наступил и конец жизни нашего товарища.

Мы удерживали Заселье, отбивая атаки русских до 17 августа, и провели рекогносцировку далеко на юг, до самой Снигиревки. О том, что станция Снигиревка очищена от противника, было доложено в 19.00. В бронеавтомобиль унтерштурмфюрера СС Теде попал снаряд из противотанковой пушки. Доложили, что Теде пропал без вести. Теде всего за несколько часов до этого узнал о рождении своего первенца. 16-й танковой дивизии удалось овладеть городом Николаевом и отбросить русских назад к Херсону. В Николаеве пораженные гренадеры обнаружили строящийся линкор водоизмещением 36 000 тонн, который еще не сошел со стапелей.

18 августа наш батальон получил задание провести разведку в направлении Херсона. Этот город особенно быстро развивался с конца XIX века и в 1930-е годы. Однако на наших картах он был обозначен как убогий поселок. Задолго до рассвета мы двинулись на юг. Несколько часов спустя сияющий красный лик солнца взошел над Днпром и согрел застывшие суставы. Клубы пыли вились вслед за нами, когда мы быстро продвигались вперед. Группа мотоциклистов, прикрываемая двумя бронемашинами, следовала впереди. Остальная часть 1-го взвода и мой командирский броневик следовали за ними. Командиром авангарда был гауптштурмфюрер СС Эрих, на которого я мог положиться.

Через короткое время мы наткнулись на русскую колонну, которая искала брода. Мы ее разоружили и отправили в направлении Заселья. Русские грузовики были взяты как трофеи, и они примкнули к нашей колонне. Пленные были рады, что война для них закончилась, и охотно подчинялись командам. По обе стороны пути нашего следования мы обнаружили огромные виноградники и поля помидоров и огурцов. Вскоре уже весь батальон жадно поглощал помидоры. Фруктовые сады покрывали западные склоны долины Днепра, но фрукты еще не созрели. Наше продвижение на юг продолжалось. Мои солдаты улыбались мне, когда я проезжал мимо них, или передавали мне радиосообщения. Как люди опытные, они, конечно, успели заметить, что в данный момент мы не ведем разведку, а валяем дурака.

В докладах вермахту такие действия обозначались как «внезапный удар», но этот «внезапный удар» был далеко не детищем порыва или идеей какого-нибудь бесшабашного командира. Нет! «Внезапный удар» был в большинстве случаев заблаговременно запланированной ответственной командиром операцией. Такой командир владел обстановкой и горел желанием добиться большого успеха благодаря хладнокровному планированию, бесстрашию и отваге, быстрым действиям.

Необходимым условием для такого рода боевых действий были, помимо военных способностей, выдающиеся человеческие качества. Командир должен пользоваться абсолютным доверием солдат и быть в истинном смысле слова боевым лидером своего подразделения или части. Приказ нанести «внезапный удар» не может быть отдан сверху! У Генерального штаба нет возможности отдавать команды на «фактическом поле боя», опираясь на подсказанные интуицией заключения. Прерогативой нанесения «внезапного

удара» обладает исключительно и полностью сам боевой командир.

Нередко молниеносная операция кажется безрассудством со стороны командира, которому сопутствует удача, но у реальности есть другая сторона. Такой командир буквально ставит себя на место противника. Ему известны неудачи и провалы, которые терпит противник. Ему знакомо физическое и душевное напряжение, которое испытывает противник; он хорошо знает его сильные и слабые стороны. Он не полагается на донесения разведки вышестоящих инстанций. Они дают только общую обстановку и расстановку сил в текущей операции, и ни на йоту больше. Боевой командир вырабатывает свою собственную оценку ситуации. Из тысяч обрывков информации у него складывается представление о противнике. Он может читать оперативную обстановку на местности как книгу. В нем пробуждаются глубоко спрятанные инстинкты охотника и воина. Такой командир видит и чувствует врага. Лица пленных открывают для него больше, чем страницы допросов. Боевой командир – не только офицер-начальник, но человек, который руководит своим примером! Его воля – это воля его солдат. Он черпает свою силу в своих гренадерах, которые верят в него и пойдут за ним даже в ад.

На горизонте уже можно было различить очертания Херсона. Над Днепром высились элеваторы с зерном. Западный район города изобиловал высокими трубами заводов. Перед нами высились тенистые, манящие к себе деревья. Нас обжигало палящее солнце. Мы мечтали о воде и тени в городе.

В нескольких километрах от Херсона я долго стоял на бронемашине и осматривал раскинувшийся перед глазами город. По Днепру, который протекал здесь с востока на запад, наблюдалось оживленное движение судов, взад-вперед сновали канонерские лодки. Большие паровые паромы лениво тянулись к дальнему берегу, освобождались там от своего груза и возвращались в Херсон. До города, казалось, было рукой подать. Он соблазнял, он манил к себе и, казалось, смеялся над моей нерешительностью. Ротные офицеры смотрели на меня выжидающе. По лицу артиллериста было видно, что он уже определил позиции, с которых будет осуществляться огневая поддержка наступления батальона. В это время мои солдаты опять сидели в помидорных полях и с удовольствием ели чудесные плоды. Я позавидовал их беззаботности.

Я закурил еще одну сигарету, пуская дым в дрожащий воздух. Я чувствовал себя абсолютно уверенным в себе, и у меня не было никаких дурных предчувствий в том, что огромный город может нас поглотить. Мое решение было твердым. Город должен был пасть под внезапным ударом. Русские ожидали атаки с северо-запада от Николаева. На этом направлении они и подготовили свою оборону. Именно там находилась готовая к атаке дивизия «Лейбштандарт». (Еще одна причина для прорыва в Херсон с «черного хода».) Мы поехали к городу по проселочной дороге вдоль Днепра и с ходу смяли роту красноармейцев, возводившую заграждение в предместьях города. От неожиданности солдаты Красной армии забыли поменять лопаты на оружие. Но вот перед нами выросли современные многоэтажные здания. Вражеский пулемет взбил землю вокруг. Бой за Херсон начался.

Гауптштурмфюрер СС Эрих коснулся указательным пальцем своей стальной каски, крикнул «Пошел!» головному отделению и на полном ходу понесся через широкую площадь. Он исчез за широкой улицей, ведущей к центру Херсона. Взвод последовал за своим лидером. Бронемшины простреливали из своих 20-мм орудий пространство перед домами. Глухие взрывы ручных гранат свидетельствовали о том, что завязался ближний бой. Я последовал за передовым взводом и неожиданно опять оказался у Днепра. Дорога извивалась как змея, проходя через старый район крепостей. С юго-восточного берега реки русская артиллерия начала интенсивный обстрел дороги. Советские моряки сражались с яростью диких кошек. Огонь заставил нас покинуть машины и продолжить бой в пешем боевом порядке.

Ряд домов укрывал нас от обзора с восточного берега реки. Плотно прижимаясь к стенам, мы сражались за каждый дом по обеим сторонам улицы. Эрих дрался как лев; этот воин-блондин из Шлезвиг-Гольштейна ревел, прыгал от прохода к проходу, задавая темп

атаке. Пулеметный огонь высекал искры с тротуара. Атака остановилась. Пулеметный огонь был почти непреодолимым препятствием для головных подразделений.

Но для Эриха остановки не было. Он знал, что мы должны были достигнуть порта, чтобы помешать советским войскам организовать оборону. Эрих лежал в нескольких шагах, крепко держа автомат в своих сильных руках, ноги подтянуты к телу. Закинув каску назад, он скомандовал: «Первый взвод выдвигается, пересекает дорогу. Приготовиться. Пошел!» Я видел, как молодые солдаты вскочили, стремительно понеслись через улицу и упали на тротуар так, будто их подкосила очередь. Их согласованный рывок обманул вражеского пулеметчика; вскоре он уже больше не стрелял.

Мы достигли маленькой площади. Моряки заняли позицию среди декоративных кустов и пытались остановить наше наступление. Совершая бросок, я вдруг увидел, как Эрих упал на мостовую. Автомат с металлическим звоном упал на асфальт. Эрих согнулся, его руки искали, за что ухватиться. Он скреб руками по земле. Гренадеры подтащили своего командира взвода к стене дома и криком позвали санитаров. Пуля раскроила Эриху череп. Я хотел сказать несколько слов и пожать ему руку, но он уже больше ничего не слышал; это был его последний бой. Еще через два дня, после того как продиктовал письмо своей жене, он навсегда закрыл глаза. В лице Эриха рота потеряла одного из своих лучших унтер-офицеров, а я потерял одного из своих самых верных солдат.

Бой становился ожесточеннее. По улице били русские орудия. Горели склады горючего. Высоко в воздух клубами повалил густой дым, от взрывов все взлетало вверх. Желая найти укрытие на простреливаемой улице, я всей тяжестью тела навалился на какие-то ворота, но они были на засове. Пули били по тротуару и с визгом рикошетировали. Я подумал, что игра окончена, и побежал по улице, обстреливаемый моряками. Мне показалось, что укрытием будет киоск. Но пули расщепляли его тонкие деревянные стенки, и от пулеметных очередей киоск разлетелся на куски. Бензопила не смогла бы сделать этого лучше. Плотнo прижавшись к земле, я ожидал окончания перестрелки между советскими солдатами и солдатами моего 1-го взвода. Опять я был между двух позиций. Через несколько минут ситуация разрядилась, и наступление на порт продолжилось.

Советские войска отошли в район порта. Два больших парома, находившиеся на пристани, подбирали спасавшихся бегством. Мы подбирались все ближе. Со свистом падавшие минометные мины создавали помеху нашему быстрому продвижению к порту, но нас было уже не остановить. Улица за улицей, дом за домом переходили в наши руки. Подбитые гвоздями с широкими шляпками, наши сапоги звонко стучали по тротуару этого стратегически важного города на Днестре.

Наши пулеметы били по причалу. Они не относились к тяжелому виду оружия, но эффект от их стрельбы был убийственный. Не обращая внимания на все еще бежавших к ним людей, суда отчалили и направились к юго-восточному берегу. В то время как паромы тяжело и неуклюже отходили от пристани, люди цеплялись за борта судов, висая как виноградные гроздья. В воздух летели бочки с маслом и горючим, а охваченные огнем люди прыгали навстречу своей смерти, исчезая в потоке сильного течения реки.

Некоторые русские выходили из этого ада в слезах, некоторые искали спасения, бросаясь в Днепр. Тягач с 88-мм зенитной пушкой прошел через густой дым от горящих бочек и занял удобную огневую позицию. Едва орудие было приведено в боевое положение, как первый снаряд вырвался из ствола и разорвался в носовой части одного из больших паромов. Пушка стояла под градом огня на самом виду у русских артиллеристов. Боеприпасы, машины и горючее, оставленное сзади, горели и взрывались, обломки со свистом носились вокруг пушки, одиноко стоявшей на пристани. Брошенные лошади, не зная, куда деваться, и прыгая наугад, попадали, захлебываясь, в коричневатый быстрый поток. Большая баржа дрейфовала, никем не управляемая, к берегу и села на мель. Русские солдаты пытались вплавь добраться до спасительного берега. Лишь немногим удался побег; большинство из них были унесены течением в море.

Я слышал, как кричал оберштурмфюрер СС Науман, направляя второе орудие своего

взвода на огневую позицию. Он орал в пылу сражения и помчался к первому орудью. Боже мой! В этот момент я увидел опасность, но гранадеры у пушки, очевидно, ее не замечали, поглощенные перестрелкой. Орудие медленно покатило по пристани и плюхнулось в Днепр. К счастью, все солдаты остались живы, но наша пушка пропала. Это была большая потеря.

Стрельба в порту стихла; лишь несколько снарядов с воем пролетели над нами и взорвались где-то в городе. Соединение с дивизией «Лейбштандарт», атаковавшей с северо-запада, произошло в 16.00. Сражение за Херсон было окончено. С ликвидацией возгораний в порту начались работы по восстановлению и поддержанию порядка в городе. Он был очищен от обломков, граждане вышли из укрытий, и первыми дети начали общаться с немецкими солдатами. 22 августа на смену нашему батальону пришел полк Хицфельда. 73-я пехотная дивизия достигла Днепра и подготовилась к переправе через него севернее Херсона.

От Днепра до Дона

Непрерывные бои до самого последнего момента предъявляли непомерные требования к нашему батальону и дорого ему обошлись. Тяжелые потери красноречиво говорили о необходимости отдыха людей и ремонта техники. Офицеры и солдаты сделали все, что было в их силах для выполнения поставленных задач. Батальон давно уже кормился сам по себе и требовал тщательного медицинского осмотра. И наконец, мы испытывали острую потребность в пополнении – как в личном составе, так и в боевой технике. Дивизия «Лейбштандарт» была отведена с линии фронта и должна была быть переоснащена и пополнена в течение недели. Мы были рады этому перерыву и наслаждались несколькими оставшимися солнечными днями отдыха как даром Божиим. Все наши желания удовлетворялись. Мы ложились спать в конце дня и нежились в относительном мире, но вскоре появилась обеспокоенность.

Вскоре нам стало ясно, что ни о каком ремонте не может быть и речи. Ремонтно-восстановительные службы действительно пытались отремонтировать оружие и военную технику, но их усилия были каплей в море. Не хватало запасных частей. Батальон частично взял на вооружение трофейную технику. Пополнения личного состава тоже пришлось ждать долго. День пролетал за днем, а с нетерпением ожидаемого из Германии пополнения все не было. Результатом этого «переоснащения» стало то, что серьезные проблемы пришлось поднимать перед старшими командирами. В начальный период войны перед нами была конкретная и достижимая цель – Днепр. Мы были полностью укомплектованы, когда с боями начинали движение к этой цели и сражались в абсолютной уверенности в ее достижимости.

Но теперь, после стольких боев и выхода к этому водному рубежу, наш батальон уже больше не был полноценной боевой группой. Мы могли выставить лишь часть своего прежнего состава. Не требовалось много усилий для того, чтобы подсчитать, как много времени пройдет до того момента, когда наш гордый батальон прекратит существование как боеспособная единица. Что произойдет, когда с этим потрепанным батальоном мы форсируем Днепр и двинемся на восток? Каковы наши цели? Сможем ли мы их достичь до наступления зимы? Мы говорили о Доне, Волге и Кавказе. Бесконечная протяженность русских пространств подавляла нас. Мы начинали думать по-русски: «Ничего! Прорвемся!»

Я снова повел свой авангардный батальон к Днепру 8 сентября и переправился через реку 9 сентября в 16.30. Плацдарм на левом берегу реки был взят 73-й пехотной дивизией под командованием генерала Билера (у Манштейна в «Утерянных победах» это сделала Нижнесаксонская 12-я пехотная дивизия. – Ред.). Мы медленно переправлялись по шаткому понтонному мосту через ширь грязных вод. Самоходные (штурмовые) орудия и танки были переправлены отдельно на паромах. Командир района переправы вручил мне приказ из LIV армейского корпуса и одновременно сообщил, что мой батальон по завершении

форсирования реки должен быть придан 73-й пехотной дивизии. Командир дивизии ожидал меня юго-восточнее Берислава. В сопровождении двух посыльных на мотоциклах я медленно поехал на командный пункт. Вдоль дороги повсюду были видны свежие могилы павших немецких и русских солдат. Ввиду ожидавшейся ночной операции я позволил своим солдатам сходить на реку искупаться.

Я нашел штаб 73-й пехотной дивизии во фруктовом саду. Я получил задание прорваться с плацдарма на юг, наступая на населенный пункт Новая Маячка, нацелившись на Копани, и занять на ночь круговую оборону. Полк полковника Хицфельда должен был быть нашим соседом слева.

Сразу после первых слов генерала я дал сигнал одному из своих посыльных мотоциклистов, чтобы тот передал в батальон команду быть готовыми к выступлению. Он помчался обратно в батальон, чтобы там начали готовиться к маршу. В ходе получения приказа я передал через еще одного посыльного приказ батальону начать движение. Он погнал свой мотоцикл и передал этот приказ. Спустя несколько минут я увидел, что меня уже ждут мои командиры рот. Они болтали с майором Штиффатером. После подробного инструктажа генерал Билер предложил мне чашку кофе и спросил: «Когда вы сможете двинуться в путь?» Он с изумлением проследил за моим взглядом, а я показал на ожидавших командиров рот, приближавшееся пыльное облако и ответил: «Господин генерал, батальон уже в пути». Никогда не забуду его ошарашенного вида.

Провалившаяся, разбитая и пыльная дорога замедляла темп нашего движения. Вскоре мы оставили позади последние передовые посты 73-й пехотной дивизии и двигались в темноте. Бремер был впереди. Медленно и осторожно двигаясь вперед, мы катились в ночь, глухо урча двигателями. Нас окутала кромешная тьма. В 21.00, в четырех километрах к северу от Новой Маячки, мы вошли в боеконтакт с противником, русское боевое охранение мы застали врасплох и захватили без боя. Советские солдаты производили впечатление совершенно изможденных людей и с готовностью предоставили нам нужную информацию. Согласно их показаниям, Новая Маячка удерживалась значительными силами. После восьми дней отдыха я чувствовал некоторую неуверенность в себе. Я не имел четкого представления о противнике. Мы оказались в ситуации, в которой чувствовали себя чужими, и по этой причине продвигались вперед неуверенно. Я ждал наступления нового дня. Яркий утренний свет даст нам необходимую безопасность. Плотное оборонное построение «дикобраз» составляло нашу «крепость». Я сидел в автомобиле радиосвязи и разговаривал с пленным командиром Красной армии о том, какого рода действия могут предпринять его вышестоящие начальники. Перекоп и Татарский ров (древний ров, пересекающий весь Перекопский перешеек, глубиной до 15 метров. – Ред.) все вновь и вновь проскальзывали в разговоре. Пленный был убежден, что Татарский ров был подготовлен к обороне.

Ночь была тихой, не прогремело ни выстрела. Это спокойствие было призрачным. Пара выстрелов обнаружила бы, где противник. А пока мы чувствовали себя так, будто полностью окружены советскими войсками. Роса опустилась на сухую поверхность листьев, когда первые слабые лучи солнца возвестили о наступлении нового дня. Я был напряжен и нервозен, когда старался сквозь едва забрезживший рассвет рассмотреть Новую Маячку. Очертания городка медленно проступали из окружавшей его мглы. Мотоциклисты сели на свои мотоциклы и ожидали приказа на атаку. В 4.00 наступил конец миру и покою. Полк Хицфельда атаковал Новую Маячку с севера. Шум битвы наполнил воздух и как рукой снял усталость. Пехотинцы 73-й пехотной дивизии двигались вперед при еще слабом утреннем свете. Все сметающие на своем пути снаряды русской артиллерии не могли остановить людей, которые неотступно пробивались к городу. В исчезающих утренних сумерках мы смогли рассмотреть фортификационную систему противника. Она была хорошо приспособлена к местности западнее города и сооружена на славу, как всегда это бывает у русских. Они были мастерами в строительстве полевых оборонительных позиций.

Атакующая 73-я пехотная дивизия занимала все новые участки местности, и наступило время атаковать саму систему укреплений. Наш батальон приготовился к атаке за широкой

живой изгородью лесополосы. Советские войска пока не замечали нас, и их артиллерия прилагала все усилия к тому, чтобы подавить атаку 73-й пехотной дивизии. Нам же нужно было преодолеть два километра, чтобы добраться до позиций противника, а на местности не было никаких укрытий. Нигде не было видно никакого лесистого участка, кроме нашей лесополосы. Перед нами лежала степь Северной Таврии – гладкая, как доска, с твердой, в трещинах, почвой и с кое-где произраставшей степной травой.

Я вместе с командиром 1-й роты 1-го разведбатальона СС наблюдал за движением на оборонительных позициях русских и понял, что стремительной атакой моего батальона противник будет полностью разбит. Более того, наша атака будет также способствовать наступлению дивизии. Я размышлял, какое атакующее подразделение покроет пространство ничейной земли без потерь с максимально возможной скоростью.

Степные пространства наводили меня на мысль о стремительных атаках кавалерии прошедших времен. Сам дьявол, наверное, нашептывал мне в этот момент: «А что, если стремительная атака моих мотоциклистов приведет к успеху?» Я не осмеливался озвучить свои мысли; я все еще считал такую атаку безумием. И все же, пока здравый смысл и интуиция сражались между собой за окончательное решение, мысленно я уже видел своих мотоциклистов, несущихся как черти на ревущих БМВ через степь и вклинивающихся в позиции противника.

Мои солдаты молча смотрели на меня, а я снова и снова взглядом окидывал степь, прикидывая расстояние. Я опустил бинокль и испытующе посмотрел в глаза Бремера. Как он отреагирует, оценив ситуацию, если я прикажу его мотоциклистам атаковать? Ожидает ли он, что что-то необычное ожидается уже в скором времени? Его взгляд был открытым, а лицо не выразило никакого удивления, когда я изложил свое намерение атаковать противника на мотоциклах и бронемашинах. Мои «борзые» получили приказ с ледяным спокойствием и как само собой разумеющееся.

Артиллерия и другое тяжелое оружие заняли намеченные позиции. Мотоциклисты развернулись по широкому фронту, пока под защитой лесополосы. Бронемшины двинулись вперед в заранее определенные промежутки, так чтобы быть в состоянии беспрепятственно открыть заградительный огонь. Охваченный лихорадочным возбуждением, я залез в свой броневик и вскинул руку вертикально вверх. Пути назад не было! Жребий был брошен, неопределенность испарилась. Наш броневик медленно выкатился из-за укрытия. Мы были в поле зрения русских.

Первые снаряды противника вот-вот должны были обрушиться на нас. Я подтянулся, выглянул из бронемшины и посмотрел вперед. Мы двигались между двумя мотоциклетными ротами. Мотоциклисты с ловкостью обезьян вскочили в свои машины. Проехав 100 метров, я уже не мог ничего разобрать. Перед нами носились и падали тени. Атака превратилась в гонки. Будут ли это гонки со смертью?

Снаряды русских с воем пролетали над нами и взрывались там, где мы были всего несколько секунд назад. Огонь артиллерии подгонял нас даже еще больше, скорость возросла. Мы должны были перехитрить систему управления огнем русских и ворваться на позиции советских войск как сущие дьяволы.

Охваченные азартом скорости и опьяненные ревом двигателей, пронизывавшим нас до мозга костей, мы высматривали противника, прищуриив глаза. Наша цель была там, где наша артиллерия выполняла свою смертоносную задачу, где кровь русских солдат уже окропляла землю. Картина разрушения подстегивала нас. Мы спешили к смерти как одержимые.

Вдруг появились первые русские. На нас смотрели лица, искаженные ужасом. Они побросали свое оружие и побежали на запад. Мы наступали через систему обороны, мимо окопов, мимо смятых тел мертвых и смертельно раненных солдат. Множество советских солдат в беспорядке бежали в западном направлении, где были окружены.

Однако русская артиллерия все еще оставалась где-то на огневой позиции. Мы никак не могли прервать свою бешеную погоню! Грузовики противника пытались скрыться, но были подожжены огнем 20-мм автоматических пушек наших бронемашин. Мы проезжали мимо

брошенных орудий и устремлялись дальше, минуя Новую Маячку и следуя в направлении Старой Маячки. Напряжение постепенно спало. Вокруг нас уже больше не было видно никаких признаков жизни. Степь лежала перед нами как вымершая. С другой стороны, местность за нами напоминала муравейник. И свои и чужие наравне оказывали помощь раненым.

Обмен рукопожатиями с полковником Хицфельдом, короткая ориентировка по ситуации у командования 73-й пехотной дивизии и наступление на юг продолжилось. Пятьсот тридцать четыре, в основном раненых, советских солдат было взято в плен в ходе атаки. Что касается наших потерь личного состава, то двое солдат были убиты в бою, сержант и еще двое рядовых умерли от ран. Атака увенчалась полным успехом, но тем не менее никогда больше я не отдавал приказ на подобную «мотоциклетную» атаку.

С наступлением темноты мы вышли под Каланчак, используя фактор внезапности, атаковали город и взяли его. Объятая пламенем, взорвалась вражеская бронемашина, 221 русский солдат пополнил ряды военнопленных. Разведывательные группы доложили, что район на 10 километров к востоку от Каланчака свободен от противника.

В полночь я получил приказ из пехотной дивизии внезапным ударом прорываться через Перекопский перешеек и ожидать дальнейших распоряжений на подходе к Ишуню. В ходе различных кампаний я часто получал приказы и задания, которые ничего не имели общего с азами классического военного руководства, но этот приказ превзошел их все. Неужели мои ответственные начальники действительно считали, что внезапный удар по Перекопскому перешейку сможет открыть ворота в Крым? Мои ротные командиры смотрели на меня в некотором изумлении, когда я передал им этот приказ и кратко проинструктировал о ситуации.

Крым отделен от материка заливом Сиваш или, как его еще называют, «Гнилым морем». Это так называемое «море» представляет собой систему мелких заливов с сильно минерализованной водой и почти непроходимо (в ночь на 8 ноября 1920 года вброд по грудь в ледяной воде Сиваш пересекла ударная группа Красной армии, пройдя так 7 километров. – Ред.). Из-за мелководья оно было непреодолимым препятствием даже для штурмовых катеров. Три основных пути вели в Крым: Перекопский перешеек на западе, железнодорожный переезд через Чонгарский полуостров в центре и узкий пролив у Геническа, ведущий на Арабатскую стрелку, на востоке. Перекопский перешеек 8 километров шириной в самом узком месте перекопан древним Татарским рвом до 15 метров глубиной. Местность здесь плоская как блин и пересечена несколькими балками – сухими или с временным водотоком долинами. Они служили батальону единственным укрытием. Прямо у северной стороны Татарского рва располагался старинный укрепленный городок Перекоп. Железная дорога шла через Перекопский перешеек в Крым. Ввиду таких благоприятных для обороны возможностей и того факта, что за последние несколько дней мы взяли пленных из трех разных дивизий противника, никто не верил, что перешеек будет несложной преградой.

12 сентября около 4.30 утра мой батальон двинулся к Перекопу. Мы установили контакт с передовым батальоном 73-й пехотной дивизии под командованием майора Штиффатера в 4.55. Штиффатер присоединился к моему батальону. Дальний горизонт медленно вырастал из полумрака зари. Степь сверкала самыми изумительными красками. Не было видно больше ни одного живого человеческого существа; лишь мои солдаты двигались вперед, прыгая как лягушки. Унтерштурмфюрер СС Монтаг вел передовой взвод. Унтерштурмфюрер СС Вестфаль находился в головном походном дозоре. Я двигался следом, нервно рассматривая горизонт, пытаюсь увидеть признаки какого-либо движения. Но не было видно ни людей, ни животных. Лишь игра красок от поднимающегося солнца придавала равнине удивительный, сказочный вид. Я направил взвод Бютгнера далеко вперед разведать местность вдоль побережья Перекопского залива близ второй Александровки. Оттуда должна была хорошо просматриваться местность к северу и к югу от Татарского рва.

Вдруг я заметил на горизонте несколько всадников, которые окружили на месте, а

затем исчезли в направлении поселка Преображенка. Их мимолетное появление возбудило нас. Преображенка находилась за небольшим подъемом, и были видны лишь несколько домов. Сильно встревожившись, мы рассматривали горизонт, продолжая движение. Мы ехали, увеличив дистанцию между машинами. У нас было ощущение, что покой может быть нарушен в любой момент завыванием снарядов и мин крупнокалиберных минометов. Советские войска должны были использовать эти удобные оборонительные позиции. Призрачное спокойствие предвещало сражение. Не было никаких убежавших русских, никаких бешено скачущих отрядов конницы, никакого рева моторов машин – ничто не указывало на бегство или даже отход. Степь была пустой. Нигде не было видно ни души. Один только этот факт указывал на жесткое управление и строгий контроль со стороны командования противника.

Мои солдаты снова свешивались по сторонам машин; даже мотоциклисты ведущего взвода сидели вкось на своих машинах. Я стоял на подножке мчавшегося броневедомого, следовавшего в центре нашего боевого порядка. Мои часы показывали 6.05, когда вестфальское отделение медленно приближалось к домам Преображенки. Огромное стадо овец перегородило вход в поселок; оно уходило в степь. Вдруг тишину нарушил взрыв, за ним другой, третий... Овец подбрасывало в воздухе. Обезумевшие животные помчались, ища спасения, наскочив друг на друга, чтобы выбраться, но они взлетали в воздух. Сворачивая в сторону, овцы попадали на минное поле. Жалобное блеяние погибавших животных наполнило воздух. Оно смешивалось с глухим звуком взрывающихся противотанковых мин. Припадая к земле, готовые к броску и дрожавшие от возбуждения, мы ожидали ярких вспышек выстрелов со стороны советских войск. Мы бежали рядом с машинами, намереваясь войти в поселок и закрепиться там. Однако все еще не было сделано ни выстрела; только мины завершали свою смертоносную работу. Все, что осталось от большого стада овец, было дергавшейся кровавой массой и парой животных, с трудом вырвавшейся на волю.

Но потом это случилось! Прозвучал давно ожидавшийся голос фронта! Русские снаряды со свистом проносились над нами и взрывались в походной колонне Штиффатера. Его солдаты побежали назад, сначала по одному, а потом большими массами. Я же устремился вперед, желая добраться до первых домов поселка, откуда должен быть виден Перекоп. После нескольких прыжков я нырнул в дорожную пыль под градом осколков рвущихся снарядов. Темное чудовище выдвинулось на небольшой подъем и стреляло прямо по нас. Всего в нескольких сотнях метров впереди нас был огнедышащий дракон, сеющий смерть и опустошение в наших рядах. На пути батальона, оцетинившись дулами орудий, встал бронепоезд.

Я подал условный знак, означавший, что надо отходить. Мои мотоциклисты развернулись на месте и помчались назад широким фронтом, в то время как бронемшины вели огонь по поезду и отходили, прикрываясь дымовой завесой. 37-мм противотанковая пушка выпускала снаряды по бронепоезду, а спустя несколько секунд сама взлетела на воздух. Лязг и грохот сокрушенного стального лафета заглушил крики моих погибающих солдат.

По нас стреляли пять батарей тяжелых и две – легких орудий. Позади нас можно было видеть лишь столбы пыли. Я вздохнул с облегчением. Не было видно ни горящих танков, ни бронемашин. Я прополз вперед еще на несколько шагов и смог различить глубоко эшелонированные полевые укрепления с полосой заграждений из рвов и колючей проволоки. Бронепоезд, пыхтя, удалился в направлении Перекопа.

Мне были видны русские пехотинцы в своих окопах на расстоянии всего лишь 50 метров от нас, их стучавшие пулеметы, заставлявшие нас прижиматься к земле. Мы должны были от них избавиться, или нам грозила дорога в плен. Теперь настал черед наших снарядов, пролетающих со свистом над нами, вынудить русских искать укрытия, хотя и нам самим приходилось вжиматься в каждую складку местности.

Вокруг меня лежали раненые солдаты; унтершарфюреру СС Вестфалу оторвало руку;

ротенфюрер СС Штолль был в нескольких метрах от меня – он стонал от боли. Не был ранен Гельмут Бельке. Мотоцикл с коляской Штолля был все еще в порядке; его мотор работал на фоне стука пулемета. Бельке что-то крикнул Штоллю, указал на мотоцикл и начал пробираться к Штоллю. Я склонился над унтерштурмфюрером СС Перлом. Все усилия были напрасны; шрапнель разорвала ему спину. Когда он глотал ртом воздух, я видел, как ходуном ходили его легкие. Рев мотора провозгласил спасение Штолля. Бельке отвозил раненых солдат в безопасное место, пренебрегая огнем русских. Он сделал три ездки, рискуя жизнью ради своих товарищей. Три раза он возвращался за грузом из стонущих раненых. Еще один наш товарищ все еще лежал в степной траве. Как и мы, он находился в «мертвой зоне» за небольшим подъемом. Солдат Г. был резервистом, женатым, счастливым отцом двух маленьких сыновей.

Он заполз в неглубокую низину, копна его светлых волос была забрызгана кровью. С его губ со стоном сорвались слова: «Уходите отсюда. Бесполезно – со мной все кончено». Я попытался успокоить его, но напрасно. Несколько мотоциклов с ревом подъехали за остатками передовой группы. Я не мог оторвать взгляда от Г., его рука сжимала рукоятку пистолета. Он медленно поднял оружие, нажал на спуск, дернулся всем телом и затих. Ужаснувшиеся мотоциклисты закинули его на один из мотоциклов. Нам повезло – мы все добрались до позиций батальона, несмотря на огонь русской артиллерии и пехоты. С дрожью в голосе я поведал доктору Гаттерингу то, что произошло с нашим боевым товарищем Г., и только тогда узнал, что он страдал и застрелился, потеряв в этом бою «мужские достоинства», оторванные осколком снаряда. Перл умер, когда врачи бились, спасая его; того, что было в их силах, оказалось недостаточно.

Отступив, мы вместе с отрядом Штиффатера заняли позицию в четырех километрах к западу от Преображенки, где и ожидали подхода 73-й пехотной дивизии. В 6.50 взвод Бюттнера сообщил, что западный берег Перекопского залива свободен от противника. Оттуда хорошо просматривалась местность к югу от Перекопа, включая Татарский ров. Фон Бюттнер доложил о сильных полевых укреплениях, заграждениях из колючей проволоки, врытых в землю орудиях и танках. Через полчаса я убедился в точности его донесения. Наступление на перешеек можно было осуществить только ударом нескольких дивизий при поддержке тяжелой артиллерии.

Поэтому я был как громом поражен, когда в середине дня получил приказ продолжать наступление на перешеек. Я отказывался вести своих товарищей на верную смерть, ссылаясь на свой первый доклад и на необыкновенно сильные укрепления в полосе наступления. В дивизии мне велели лично доложить об этом дивизионному командиру. После нескольких часов пути я прибыл на командный пункт в небольшую деревню к северо-востоку от Каланчака. Я ожидал большого разноса из-за своего отказа выполнять приказ и немало удивился, когда генерал Билер весьма дружелюбно приветствовал меня и согласился с моей оценкой ситуации.

Вечером я кратко изложил полковнику Хицфельду обстановку на участке нашего батальона, а потом повел батальон в Чаплинку, где нас ожидали новые директивы. Мы уходили с фронта, преследуемые вражескими пикирующими бомбардировщиками и под аккомпанемент артиллерии противника.

В Чаплинке я получил приказ от Зеппа Дитриха наступать восточнее, к центральной части перешейка Чонгарского полуострова возле Салькова и, если возможно, взять его внезапным ударом. Между тем было уже 16.00, и нам приходилось проводить операцию в наступающей ночи. Когда я прибыл в батальон, мои молодые солдаты уже уселись на свои машины, и через пять минут мы тронулись на восток севернее Сиваша, углубляясь в тускло поблескивавшую степь. В 17.50 мы миновали Владимировку, где подверглись обстрелу с Крымского полуострова «носорогов» – батареи 122-мм орудий, пытавшейся остановить наше наступление. Мы проследовали на восток без потерь. Я хотел, пока светло и не наступила темнота, преодолеть как можно большее расстояние. Мы заночевали в Громовке, не вступая в соприкосновение с противником.

В 4.30 15 сентября 2-я рота 1-го разведывательного батальона СС стояла готовая двинуться в авангарде. От горячего кофе в руках моих солдат исходил пар, а я вместе с оберштурмфюрером СС Шпетом взвешивал обстановку и оценивал самые последние данные разведки и показания пленных. Воздушная и наземная разведка доносила о хорошо оборудованных полевых укреплениях, которые тянулись полукольцом вокруг железнодорожного разъезда Сальков. Прорыв сквозь укрепления казался невозможным. В нашем распоряжении не было ни необходимых сил, ни соответствующего вооружения.

Кроме того, на аэрофотоснимках самолетов-разведчиков к югу от Салькова были видны орудия на железобетонных огневых позициях, которые господствовали над узким перешейком. Густой туман ложился на степь, а видимость была менее 20 метров. Последний фактор навел меня на мысль использовать туман для того, чтобы появиться прямо под носом у вражеской батареи и прорваться к линии обороны у Салькова. Я был уверен, что ближайшие к берегу укрепления были слабее и никому в голову не придет, что мотоциклетное подразделение может быть настолько ненормальным, чтобы штурмовать систему оборонительных укреплений в двух-трех сотнях метров перед стволами артиллерийских батарей. Туман продержится по крайней мере еще час. За это время нужно было во что бы то ни стало овладеть разъездом.

Я быстро объяснил свое намерение авангардной роте и пожал руку оберштурмфюреру СС Шпету. Шпет двигался в головном взводе. 88-мм орудия оберштурмфюрера СС Наумана, включая ту, что была вытащена из Днепра, примкнули к маршевой колонне и следовали за передовой ротой. Они должны были вести огонь по дотам южнее разъезда.

Мотоциклы, бронемшины, тягачи и орудия медленно катились в непроницаемую стену тумана. В несколько секунд серое небытие поглотило их. Петер громко ругался, когда заводил наш броневедомоцикл и направлял его в туман. Мой адъютант, маленький, но жилистый оберштурмфюрер СС Вейзер, выглянул направо, пытаясь разглядеть берег Сиваша. Было важно, чтобы мы двигались ближе к берегу Гнилого моря. Хотя мы были, самое большее, в 50 метрах от берега, мы не могли его разглядеть.

Через двадцать минут мы наткнулись на дорожную развилку, от которой во всех направлениях расходилось несколько дорог. Из тумана к нам приблизился солдат, и мы решили, что это Шпет оставил позади себя проводника, чтобы мы не сбились с пути. Я окликнул этого человека, спрашивая, куда нам отсюда ехать. Только потом мы установили, что проехали в 150 метрах к югу от русского поста.

Мы подходили все ближе и ближе к разъезду. Вскоре мы смогли различить мощеную дорогу. Туман рассеивался. Наступило время действовать! Улыбнется ли нам военная удача, или же нам придется заплатить высокую цену за свое нахальство? Мы молча всматривались в стену тумана. Справа от нас вода плескалась у невысокого берега. В нескольких километрах к югу, за Сивашом, выглядывал из тумана темный крымский берег. Но что было на нашем берегу? Где противник? Шаг за шагом мы продолжали двигаться на восток. Гусеницы тягачей увязали в песке, их двигатели были еле слышны. Во всем ощущалось какое-то невероятное напряжение. Я указал на юг и обратил внимание расчетов 88-мм орудий на доты и полевые укрепления, о которых сообщалось.

Все пока что было тихо. Шли ли мы опять навстречу смерти? Будет ли повторен внезапный удар, как у Преображенки?

Глухое гремяние нарушило утреннюю тишину. Неожиданно покой был нарушен. Как только был открыт огонь, мы узнали резкий треск выстрелов одной из наших 37-мм противотанковых пушек. Одновременно мы услышали лающие звуки нашей 20-мм автоматической пушки и злой стрекот немецких пулеметов. 2-я рота 1-го разведбатальона СС достигла перешейка у Салькова и остановила поезд снабжения, который вез оружие и военную технику. 37-мм пушка подбила паровоз. Мы вклинились в систему обороны удачнее, чем думали, и фактически смогли наступать на русские позиции с тыла. В 8.55 железнодорожный разъезд был полностью в наших руках. Мы захватили командный пункт обороны русских и нарушили их линии коммуникаций. Замешательство русских было

неописуемым; они просто не верили, что мы можем быть здесь. Русская артиллерия с позиций к югу от разъезда открыла огонь только тогда, когда по русским дотам стали бить наши 88-мм орудия.

Туман рассеялся и уже не скрывал ни своих, ни врагов. Бремер продвинулся на север и прорвался на окраины Ново-алексеевки. Obersturmführer СС Науман пригнал 88-мм орудие на позицию, с которой смог подбить несколько русских пушек. Благодаря решительным действиям расчета задача нейтрализации русских орудий была решена. К сожалению, в ходе ее решения был тяжело ранен доктор Науман. Он был доставлен на бронев автомобиле в безопасное место. Мы полностью уничтожили кольцо обороны к северу от перешейка. Однако продвинуться дальше на юг и пересечь его было невозможно. Доты и дзоты с заграждениями из толстой колючей проволоки и минные поля требовали подключения тяжелой артиллерии и пехотных подразделений. Батальону удалось взять в плен несколько сот человек, которые принадлежали к 871-му и 876-му стрелковым полкам. Перешеек, ведущий на Чонгарский полуостров, обороняла 276-я стрелковая дивизия. Мы захватили 86 новых грузовиков, 26 гусеничных тягачей, две 45-мм противотанковые пушки и несколько машин боеприпасов с грузом снарядов 122-мм калибра с поездов снабжения, прибывших из Мелитополя. Боеприпасы предполагалось доставить в Севастополь.

Мы были рады, что захватили поезд; скоро мы уже были экипированы новыми русскими грузовиками «Форд». (Это «полуторка» ГАЗ-АА, выпускавшаяся по лицензии фирмы «Форд» в 1932–1946 годах. – Рей.) Наш собственный инвентарный список автомашин сильно сократился; ощущалась нехватка мотоциклов. Я с облегчением узнал спустя несколько часов, что мы потеряли всего одного солдата, его убило шрапнелью. Наш успех сделал возможным нестандартный способ ведения боевых действий.

Ночью нас сменил 2-й батальон 1-го пехотного полка дивизии «Лейбштандарт». Машины были дозаправлены и опробованы на полной скорости для проведения следующей операции. Нам была поставлена новая задача: сразу же взять Геническ и перекрыть дорогу через третью косу (Арабатскую стрелку).

К 5.00 мы опять сидели в своих машинах, двигаясь навстречу солнцу. Спустя короткое время мы впервые увидели Азовское море. Его гладь зеркалом раскинулась перед нами. Один большой пароход и пять меньшего размера двигались на восток и вскоре исчезли за горизонтом.

Мы достигли Геническа примерно в 6.30. В предместьях города царил тишина, не было видно ни души. Была ли эта тишь частью оборонительной тактики русских, или этот портовый город просто не был защищен? Мотоциклетное отделение осторожно приблизилось к домам, но, вопреки ожиданиям, не встретило никакого сопротивления. Тогда мы на полном ходу устремились вперед, углубляясь в восточную часть города и район порта. Там ситуация была иной. Колонна грузовиков пыталась скрыться в направлении Мелитополя. Пехота противника в панике бежала в ближайшие дома и спустя некоторое время сдалась в плен.

Взрыв в гавани возвестил о подрыве моста, соединявшего Геническ с Крымским полуостровом (Арабатской стрелкой). 2-я рота 1-го разведывательного батальона СС быстро захватила пешеходный мост через узкий пролив, соединяющий Сиваш с Азовским морем, и уберегла его от подрыва. Во время атаки на мост пулей в голову был убит командир роты оберштурмфюрер СС Шпет. Потери в офицерском составе привели к опасной диспропорции. Почти все прежние командиры рот и командиры взводов были убиты или ранены. Во 2-й роте 1-го разведбатальона был уже третий командир, оберштурмфюрер СС Беттхер.

С крутого берега в Геническе нам было далеко видно на юг, и через пролив мы могли наблюдать за всеми передвижениями противника. Соответственно, для нас не было неожиданностью, когда советские войска атаковали нас со стороны Арабатской стрелки, представ перед нами как мишени на стрельбище.

Рота за ротой медленно, но неуклонно двигались к нашему крутому возвышению на верную смерть или в плен. Для меня было загадкой, почему советский командир проводил

эту атаку. Прежде чем наши пулеметы собрали свою кровавую жатву, мы дали вражеской пехоте подойти примерно на 200 метров. Результат был ужасным. В считанные минуты бесчисленные тела убитых красноармейцев покрыли поросшую редкой травой местность, в то время как уцелевшие шатаясь побрели к нашим позициям с поднятыми руками.

Позиции русских минометов были накрыты огнем наших 88-мм зенитных орудий. К 9.00 был дан отбой отражению атаки, и 1-я рота 1-го разведывательного батальона СС прошла по пешеходному мосту на Арабатскую стрелку, чтобы произвести разведку в южном направлении. Я намеревался создать плацдарм и продвинуться по этой узкой полоске суши как можно дальше. К сожалению, разведка застопорилась всего через три километра. Полевые укрепления и береговые батареи, установленные на конструкциях из бетона, образовали непреодолимое препятствие, а открытый с них огонь вместе с несколькими атаками русских бомбардировщиков привели в течение ночи к некоторым жертвам в личном составе.

17 сентября около 21.00 на смену нашему батальону заступил 3-й батальон 1-го мотопехотного полка дивизии СС «Лейбштандарт». Мы же получили задачу вести разведку в северо-восточном направлении и попытаться соединиться с авангардным батальоном Боддина XXX армейского корпуса. В течение ночи наш батальон получил в качестве пополнения шесть офицеров и 95 солдат. Первое, с начала войны в России, пополнение произвело прекрасное впечатление и быстро вошло в состав батальона. За несколько дней молодые солдаты стали «воинами-ветеранами». Под обычный надоедливый воздушный налет мы покинули Геничеськ и двинулись в направлении Мелитополя. Мы испытали на себе всю тяжесть пути на северо-восток по осевшим, песчаным дорогам, через лесистые участки и вскоре вошли в контакт с батальоном фон Боддина, расположившимся к югу от Акимовки, занятой крупными силами русских.

У фон Боддина и у меня было много общих знакомых в Мекленбурге, в котором мы оба провели несколько незабываемых лет. Типичный кавалерист, фон Боддин сменил форму в начале 30-х годов и работал с генералом фон Сектом в Китае, пока не был отозван на службу в германской армии. Он был стремительным, почти горячим по характеру офицером, не боявшимся рисковать и решительным в атаке. Он погиб в январе 1942 года в бою у Евпатории в Крыму. Его убили коварные партизаны.

Два авангардных батальона вели бой на южных подступах к Мелитополю до 21 сентября, ожидая подхода 72-й пехотной дивизии. Дальнейшее наступление на Мелитополь и к северу от города без поддержки крупных сил пехоты было невозможным. Мы оторвались от остальных сил XXX армейского корпуса на 200 километров.

21 сентября я получил приказ выйти из боя и вести батальон обратно в Каланчак. Подразделение отошло почти на 200 километров за двенадцать часов и 22 сентября уже стояло готовым к предстоящему штурму Крымского полуострова.

Во время длительного похода через Ногайские степи Северной Таврии я впервые ощутил ужасную пустоту открытых пространств. Мы часами двигались на запад, не встречая ни одного немецкого солдата. Предоставленные самим себе, быстро продвигавшиеся авангардные батальоны устремились в глубь русской территории и пробивались вперед далеко на восток, но немецкие войска не овладевали регионом. Разверзшаяся пустота степи оказывала на нас угнетающее воздействие. Как мы будем проводить дальнейшие операции на востоке? Какие части и соединения будут брошены против сил противника в Крыму?

Мы стали смотреть дальше сиюминутного конкретного сражения и угадывать оперативную задачу армии на востоке. Никто уже не верил, что имевшиеся под рукой формирования достаточны для того, чтобы удерживать фронт в течение зимних месяцев. Немецкие части и соединения были потрепаны и срочно нуждались в отдыхе, пополнении и ремонте.

Мы были приданы LIV армейскому корпусу, и, после того как бравой 73-й пехотной дивизии (а также 46-й пехотной. – Ред.) удалось 26 сентября штурмом взять Перекоп и преодолеть Татарский ров, мы должны были быстро пересечь перешеек и вклиниться в

отступающие порядки противника. Батальон стоял наготове для проведения операции к исходу дня, в четырех километрах к северо-западу от Перекопского залива.

Последовало сражение, отличавшееся необычайной интенсивностью и ожесточенностью с обеих сторон, и только 27 сентября батальон 72-го пехотного полка смог ворваться в Армянск. Однако и 28 сентября не было условий для использования моторизованных подразделений.

Советские войска снова и снова контратаковали крупными силами при поддержке танков. В 4.30 батальон был придан 46-й пехотной дивизии и выдвинулся на позицию в трех километрах к северо-западу от Перекопа. Расположившийся к северу от Татарского рва, наш батальон в 9.00 был отозван. Поскольку никакой возможности для ведения боевых действий в оперативном районе 46-й пехотной дивизии не было, в 11.00 батальон вернулся в ведение «Лейбштандарта».

Советские оборонительные позиции на перешейке к югу от Перекопа были сокрушены только после десяти дней тяжелых боев. Через перешеек не удавалось прорваться вплоть до 28 сентября (автор ошибается. Через Ишуньские позиции немцам удалось прорваться только 28 октября (по Манштейну, в наших источниках 20 октября), действительно через десять дней тяжелых боев. – Рей.). После этого дорога на Крым была открыта. 29 сентября (октября. – Рей.) началось преследование разбитых советских войск, кульминацией которого стал последний штурм Севастополя 29 июня – 4 июля 1942 года. В то время как LIV армейский корпус упорно сражался за каждую пядь земли к югу от Перекопа, а главное армейское командование планировало направить «Лейбштандарт» преследовать противника после успешного прорыва (который подзадержался на месяц. – Рей.), на Восточном фронте между Азовским морем, Мелитополем и Днепром произошли события, которые потребовали немедленной переброски дивизии.

Русские укрепили здесь линию фронта и вслед за прибытием двух новых армий, 18-й и 9-й, развернули наступление на позиции XXX армейского корпуса и 3-й румынской армии – силами в общей сложности двенадцати дивизий. Их атака на позиции XXX армейского корпуса захлебнулась из-за оказанного немецкими войсками упорного сопротивления, но севернее, на участке 3-й румынской армии, была смята 4-я румынская горная бригада, две другие горные бригады понесли тяжелые потери, а во фронте армии пробита 15-километровая брешь.

Из-за этого изменения ситуации 29 сентября мы были отброшены к северу и нам вместе с другими нашими частями была поставлена задача атаковать и уничтожить противника на участке прорыва им линии обороны румын. Во взаимодействии с частями 49-го германского горного корпуса брешь в обороне 3-й румынской армии была ликвидирована, а советские войска понесли тяжелые потери.

Вне сомнения, неожиданное появление двух новых русских армий вблизи Мелитополя заставило германское Верховное командование пережить немало часов страха, но из-за того, как русские проводили операцию, они предоставили группе армий «Юг» уникальную возможность. Вследствие массированных, давшихся дорогой ценой атак, направленных на срыв немецкого наступления на Крым, у русских не хватило резервов для того, чтобы предотвратить прорыв 1-й танковой группы фон Клейста с днепровских плацдармов. 1-я танковая группа фон Клейста начала 1 октября наступление на юго-восток, угрожая прервать линии коммуникации обеих русских армий и вместе с XXX армейским корпусом и 3-й румынской армией уничтожить их. Началось преследование отступающих русских войск севернее Азовского моря.

Со 2 по 4 октября батальон фон Боддина, истребительно-противотанковый батальон 72-й пехотной дивизии и наш батальон вместе сражались против крупных сил противника в районе Елизаветовки к северо-западу от Бердянска. Советские войска понесли в этих боях тяжелые потери. Они раз за разом обращались в бегство перед нашим более совершенным вооружением и более мобильными батальонами и при этом несли большие потери. Степь естественным образом давала нашим авангардным батальонам огромное преимущество и

ставила имевшую значительное численное превосходство пехоту противника в невыгодное положение.

5 октября наши пехотные дивизии атаковали глубоко эшелонированные позиции между Мелитополем и Днепром. Глубокий противотанковый ров тянулся на всем протяжении сектора атаки и упорно оборонялся советскими войсками. Минные поля и проволочные заграждения препятствовали нашему продвижению вперед.

Нашему батальону была поставлена задача захватить переправу через реку Молочная и удерживать мост, обеспечив продвижение по нему пехоты.

Опять мы следовали за атакующим пехотным батальоном и ожидали сигнала к началу операции. Нашей храброй пехоте приходилось прокладывать себе путь через множество минных полей. Русские противотанковые мины были заключены в деревянные корпуса и не улавливались миноискателями (а при срабатывании как минимум отрывали ступню. – Ред.). Были и противотанковые мины в деревянных корпусах. Около полудня германская пехота все же преодолела противотанковый ров, прорвав главную полосу русской обороны. Через ров сразу же был создан переезд для того, чтобы ввести в прорыв мой батальон.

В тревожном ожидании 1-я рота Бремера 1-го разведбатальона СС расположилась во главе колонны позади моего броневедомокола. Советские войска отступали. Нам видны были отдельные батареи, отходившие на тыловые позиции. Настало наше время. Мы должны были вклиниться в отступающие порядки противника и захватить плацдарм за мостом через реку Молочная.

Охота началась! Полный воодушевления передовой взвод бросился вперед, как спущенная с поводка борзая. Бремер и я следовали за ним в облаке подымавшейся пыли. Помехи нашему продвижению создавали только отдельные минометные снаряды. Батальон наступал через порядки отходящего противника и в 12.30 проследовал через Федоровку, где были захвачены первые батареи орудий и несколько сотен пленных. Мы видели, как русские отступали на всем обозримом пространстве. Весь фронт пришел в движение. Прямым попаданием снаряда была подбита наша головная бронемашина. Мотоциклисты ликвидировали вражескую противотанковую пушку, стрелявшую с кукурузного поля. Тягач нашего двигавшегося впереди противотанкового орудия нарвался на мину. Темп преследования ускорился. Мы шли как по тонкому льду, поскольку отступающие советские войска всегда широко использовали свои эффективные мины.

Перед нами был поселок Терпенье, который с севера на юг перерезала река Молочная. Местность к востоку опускалась. Тысячи советских кавалеристов бешено мчались на своих лошадях параллельно с нами, пытаясь раньше нас добраться до переправы. Они устремились к реке широким фронтом. Мы достигли первых домов поселка Терпенье. Дорога резко уходила вниз и побуждала нас ускорить темп движения. В поисках укрытия обезумевшие советские солдаты заскакивали в дома. На повороте дороги орудия, машины и дико рвущиеся лошади сбились в беспорядочную кучу. Был открыт пулеметный огонь. Я оглянулся на мост.

Несколько русских колонн скопилось на берегу реки, пытаясь найти спасение на другом берегу, переправившись вброд. Снаряды 20-мм калибра, выпущенные из бронемашин, засвистели над этим хаосом и окрасили воду реки в красный цвет. Очередями из автоматических пушек мы, как кнутом, стегали советских солдат.

Наш передовой взвод приблизился к мосту, ведя огонь по обе стороны от него. Возникла ни с чем не сравнимая суматоха. Плотный поток бегущих людей запрудил мост. Слева и справа от переправы боролись за свою жизнь люди и лошади. Всего каких-то 50 метров отделяли нас от моста. Но толчее и суете вскоре пришел жестокий конец. Как только передовой взвод вырвался к дороге на мост, ведя огонь из 20-мм пушки, образовавшей кровавую тропу в живой массе, я увидел, как людей, лошадей и машины подбросило высоко в воздух. На мгновение вместе с балками моста они зависли в грибовидном облаке взрыва, а затем исчезли в грязной жиже реки. Противник подорвал мост, не считаясь со своими собственными потерями.

Я стоял на месте взрыва с горьким привкусом сгоревшего пороха во рту и отчаянно искал путь через реку, чтобы помешать воссоединению отступающих советских войск. И хотя мы вели огонь преимущественно по местности на дальнем берегу реки, мы заметили в трех километрах небольшой ряд холмов, где русские устраивали оборонительные позиции. Нужно было прорваться через них; нельзя было допустить стабилизации фронта.

В нескольких метрах справа от моста мы обнаружили брод. Мотоциклисты 1-й роты 1-го разведывательного батальона СС уже добрались до противоположного берега и захватили небольшой плацдарм. Взрывом потрясло нашу бронемашину; объятая пламенем, она задымила. Бронемашина на подходе к броду нарвалась на противотанковую мину. Только тогда мы обратили внимание на то, что русские заминировали район вокруг берега и некоторое количество советских солдат стали жертвой своих собственных мин. Я предупредил Бремера о минах и дал указание нейтрализовать их прежде, чем остальные войска будут переправляться через реку. Бремер, стоявший в нескольких метрах впереди меня, вдруг стал жестикулировать, возбужденно указывая на мои ноги и крича: «Посмотри туда, вон ты стоишь на одной из них!» Он был прав – я стоял на одном из этих адских устройств и в любой момент мог привести в действие взрывное устройство легким переносом тяжести тела (Мейер, видимо, встал на противотанковую мину – она срабатывала при нажатии от 200 до 700 килограммов. – Ред.). Мы постарались как можно скорее убраться с этого негостеприимного места.

К 15.00 уже можно было провести весь батальон по временному мосту через реку Молочную. На восточном ее берегу нам удалось создать плацдарм в три километра по фронту. К нам присоединился батальон Витта. Преследование должно было продолжиться с раннего утра.

С облегчением я узнал, что наши потери составили всего четыре солдата убитыми, а из раненых только один скончался от ран. Советские войска понесли огромные потери в живой силе и технике. Пленных с трудом удавалось подсчитывать. Ночью расположение батальона подверглось беспокоящему огню, характер которого указывал на продолжающийся отход советских войск.

На основании показаний пленных, хода боевых действий все это время и данных фронтовой разведки за ночь я делал вывод о том, что русские отступают. Натиск 1-й танковой группы фон Клейста, которая с Днепропетровского плацдарма наступала в юго-восточном направлении, очевидно, был принят во внимание русским командованием. Пока еще была ночь, я отвел назад посты боевого охранения и подготовил батальон к наступлению дня. Мои солдаты знали, что мы собирались глубоко вклиниться в боевые порядки отступающего противника и, может быть, целые дни напролет будем зависеть от своих собственных ресурсов. Атаки и контратаки будут сменять друг друга, в том числе, вероятно, грубые и безжалостные удары в спину. Мы хотели привести в замешательство советские войска, расстроить их планы и нанести им смертельный удар.

Как только забрезжил рассвет, я посмотрел на своих спящих солдат, съезжившихся и свернувшихся у своих мотоциклов, орудий и танков, которые вместе с плащ-палатками защищали их от ночного холода. Как всегда, когда я сталкивался с необходимостью принимать решение, а в моих руках были жизнь и смерть моих солдат, все мое тело охватывала дрожь и я выкуривал сигарету за сигаретой. Время перед первым обменом выстрелами, первым боевым контактом с противником, всегда давило на меня как самый тяжелый груз. Но когда боевое столкновение уже произошло и я стоял посреди схватки, это давление, как казалось, улетучивалось.

Вперед двинулись солдаты инженерно-саперных подразделений. Их крепкие спины сгибались под тяжестью взрывчатки. В нескольких сотнях метров перед нами была переправа через противотанковый ров. Ночью она была взорвана. Нам пришлось обрушить стенки рва в сам ров, чтобы выровнять крутые края и использовать массы осыпавшейся земли для сооружения переправы. Мотоциклисты находились неподалеку, чтобы сразу же ринуться через ров. Наши минометы и артиллерия также уже были готовы открыть огонь.

Стрелки моих часов неумолимо двигались вперед, и, опять своим чередом, наступила ночь, поглотив свет дня. Из темноты вырисовывались зеленые заросли и деревья. Прогремело несколько единичных выстрелов русских по нашему плацдарму. Петух прокукарекал свое утреннее приветствие. Наступило утро. Я шел к своему броневому автомобилю, делая негнушимися ногами большие шаги, и взобрался на него. Отсюда я мог обозревать заросли далеко за противотанковым рвом и за продвигавшимися вперед нашими саперами. Бронемшины заставили замолчать несколько вражеских пулеметов. Слабый заслон противника был сбит – этим мы обезопасили переправу через ров. Как и ожидалось, русские ночью отошли, так что, очевидно, нам не повстречаются их крупные силы, по крайней мере в течение двух-трех ближайших часов.

В тот день впереди шла 2-я рота 1-го разведывательного батальона СС. Я испытывал некоторое беспокойство после того, как у роты появился новый командир, который до этого вел занятия по тактике в юнкерской школе в Брауншвайге и со скептицизмом относился к моим нестандартным методам ведения боевых действий. Я еще раз поговорил по душам с гауптштурмфюрером СС Л. и велел ему не останавливаться без моего приказа. Он должен был двигаться вперед на максимально возможной скорости в назначенном направлении. Я двигался с передовой ротой. После короткого боя у поселка Широкий арьергард противника был смят, и в 8.45 мы достигли Астраханки. Захваченные к тому времени русские пленные принадлежали 35-му, 71-му и 256-му стрелковым полкам. Полки спешно отступали в юго-восточном направлении. Мы вошли в полосу наступления 30-й дивизии.

Интересная, поистине впечатляющая картина предстала перед нами. Насколько мог охватить взор, русские части бежали, ехали и скакали на восток. Артиллерийская часть с орудиями на конной тяге спускалась вниз по склону. Орудия болтались в разные стороны. Она пыталась занять огневую позицию, чтобы встретить нас как следует и нарушить наше дальнейшее движение. По нас били русские минометы, мины из которых ложились уже в опасной близости от нашего батальона. Но отступление советских войск превратилось в беспорядочное бегство, когда командиры уже плохо владели ситуацией. Было бы бессмысленно ввязываться в перестрелку с русским арьергардом и терять драгоценное время.

Я отдал гауптштурмфюреру СС Л. приказ продолжать наступление, не сбавляя темпа, и не беспокоиться об угрозе нашему флангу. Мой приказ и соответствующие сигналы моим молодым солдатам добавили масла в огонь. Мотоциклисты обрушились на советские войска как тропический шторм и своим пулеметным огнем раскололи надвое массу бегущих людей. Тяжелые бронемшины находились за флангами мотоциклистов, обеспечивая их прикрытие. Штурмовые (самоходные) орудия посылали снаряды по дальним целям. Вражеские грузовики с боеприпасами с грохотом взлетали на воздух, а артиллерийские батареи образовали беспорядочное скопление из лошадей, расчетов и орудий. На заднем плане два старых советских самолета летали над широкой степью как обожженные мотыльки. Они не осмеливались приблизиться до пределов досягаемости нашей 20-мм зенитной установки.

Через несколько секунд Бремер стоял возле меня. Я указал на выдвигавшуюся на позиции артиллерию противника и передовые подразделения нашего батальона, исчезавшие в облаке пыли. Слова были не нужны. То, чему мы научились в долгих изнурительных тренировках в учебных лагерях и на полигоне, в этот момент в полной мере принесло свои плоды. Широко рассредоточившись, рота мчалась на стрелявшие орудия. С флангов рота ворвалась на позиции русской артиллерии как стая волков, заставив замолчать четыре 122-мм и два 76-мм орудия. Oberштурмфюреры СС Гесс и Вольф были тяжело ранены в рукопашном бою. Множество солдат Красной армии брело в западном направлении с поднятыми вверх руками.

Повсюду, куда только достигал взор, были видны советские войска, обратившиеся в беспорядочное бегство. Бремер неистовствовал, как спущенная с поводка гончая, ведя свою роту в самую гущу столпотворения. Снова оправдались слова Гудериана: «Машина – оружие». Наша молниеносная скорость буквально деморализовала советские войска. Я вел

передовую роту и пронесся со своими посыльными-мотоциклистами сквозь ряды советских войск. Основные силы батальона следовали позади с интервалом в пять минут. Перед нами был колхоз. Фруктовые сады и высокие лиственные деревья окружали крестьянские дома. Приблизившись к этой небольшой группе домов, я начал сомневаться. Я не видел никакого движения. Не было видно ни советских солдат, ни гражданских лиц. Почему-то я продолжал сомневаться, несмотря на то что 2-я рота 1-го разведбатальона СС только что проследовала через поселок; пыль все еще висела в воздухе. Чего можно было ожидать?

Петер держал ногу на педали и не беспокоился по поводу моих сомнений. Но после того, как мы миновали первый дом, я крикнул: «Жми на газ! Уезжай!» В домах слева и справа было полно русских. Во дворе фермы я заметил радиоузел русских со все еще поднятой антенной. Очевидно, мы проехали прямо через командный пункт русских, уничтожение которого 2-я рота 1-го разведбатальона СС хотела оставить для остальных подразделений батальона. Выполняя мои распоряжения, 2-я рота 1-го разведбатальона СС без остановки с ревом пронеслась через колхоз.

Вспомнив о горьком опыте происшествия на автостраде «Север», я постарался на предельной скорости догнать авангардную роту. У основных сил батальона не будет проблем с выкуриванием русского штаба. Мы вздохнули с облегчением, когда наш броневладелец выехал в открытую степь, которая, следует отметить, была неровной. Справа от нас в юго-восточном направлении продолжалось отступление русских. Позади нас и несколько правее был слышен шум боя, который вела рота Бремера. Передовой роты все еще не было видно. Новый командир роты действительно быстро приспособился к нашему стилю ведения боя. Мотоциклисты, видимо, были опьянены скоростью.

В небольшой низине была деревня Инриевка. Она тянулась вдоль дороги. Казалось, что и эта деревня вымерла; у развилки дороги мы обнаружили 20-мм зенитную установку, у которой были незначительные механические повреждения. Вскоре она снова была на ходу. Командир артиллеристов хотел ехать по дороге на восток, даже несмотря на то, что на самом деле верной была дорога на юг. Мне не без труда удалось направить артиллеристов по правильной дороге. Артиллеристы все еще что-то порывались сказать мне и продолжали показывать на восток. Разозлившись из-за задержки, я жестом приказал им двигаться куда велено – по дороге на юг и на полной скорости. Артиллерийский командир пожал плечами в знак согласия и последовал за моей машиной. Дорога шла параллельно лесозащитной полосе, которая была шириной, наверное, не более пяти метров и состояла из кустарников и отдельных деревьев. Однообразие пейзажа скрашивали небольшие подъемы.

В низине мы наткнулись на группу вооруженных советских солдат, которые двигались маршем на юг и, увидев нас, остановились на месте как вкопанные. Я сердито жестом указал советским солдатам, чтобы они бросили на землю оружие и двигались на север. Одновременно я стал выражать недовольство своему адъютанту, потому что 2-я рота 1-го разведбатальона СС даже не разоружила этих русских. Едва мы вышли из низины, как я заметил других русских, оживленно шагавших прочь на юг и уносивших с собой свои винтовки. У некоторых офицеров все еще были при себе планшеты. Тут я совсем потерял терпение и обругал командира 2-й роты 1-го разведбатальона СС. Конечно, мы должны были двигаться быстро, но не за счет неразоружения пленных. Последнему отделению роты нужно было поставить именно эту задачу.

Перед нами и справа от нас были видны тысячи советских пехотинцев и артиллерийские батареи противника, устремившиеся по склонам и гребням прочь. Мы вклинились в поток бегущих русских примерно на 30 километров. Скоро для батальона наступит время приблизиться вплотную к селу Новоспасовка и, возможно, рискнуть пойти на штурм. Массы отступающих советских войск должны будут сгрудиться перед этим селом. Там мы смогли бы пожинать плоды нашей операции. Герман Вейзер, мой верный адъютант, кивнул в знак согласия, когда я проинформировал его о своем решении.

В нескольких сотнях метров впереди нас был колхоз Романовка. Ветрозащитная лесополоса кончилась, и местность здесь немного поднималась. Вместо полосы на юг текла

небольшая речка, сразу перед колхозом образовывавшая небольшое болотце. Я не мог рассмотреть левую сторону деревни; я смог лишь окинуть взором ряд домов справа, простиравшихся с севера на юг. Деревенская улица была по меньшей мере 20 метров шириной. К западу от колхоза вдоль гряды курганов продолжалось бегство советских войск. Мне еще не приходилось видеть такого массового бегства.

Еще 50 метров, и мы достигли первых домов Романовки. Тем временем стрелки часов уже приближались к 14.45, и солнце жгло немилосердно. Грозовая атмосфера нависла над сельской местностью и над охваченными паникой массами убежавших от нас людей. На длинной сельской улице между домами колебался жаркий воздух. Как и в других селах, тут не было видно признаков жизни. Спасавшиеся бегством обходили деревню стороной.

Пронзительный крик Вейзера ударил меня как бичом. Петер остановился. Тень мелькнула из-за стены слева от нас. Я видел, как Вейзер стрелял из пистолета в угол стены, другой рукой бросил в то же место гранату. Проклятье! Я заметил русскую противотанковую пушку на огневой позиции и ряд красноармейцев, залегших в углу. Я прыгнул вправо, прыжками пересек улицу, влетел в навозную кучу и вдруг увидел ужас в глазах двоих русских, залегших у своего пулемета; очевидно, они только что проснулись. Мы лежали напротив друг друга и ждали, кто первый сделает движение. Я не осмеливался посмотреть на дорогу. Прямым попаданием разметало в стороны расчет нашей 20-мм зенитной установки. Крики солдат перешли в вой. Петер окликнул меня и искал меня глазами. Он должен был быть позади меня и несколько левее. На другой стороне дороги раздался лязг танковых гусениц. Второй снаряд ударил по нашей зенитке.

Я должен был действовать быстро, если хотел покинуть эту навозную кучу живым. Двое русских все еще ошеломленно смотрели на меня. Они, должно быть, думали, что мы атаковали село крупными силами и наступил их последний час. Когда я жестом велел им убираться, они сиганули прочь, как пара кроликов. Почти одновременно с двумя красноармейцами и в один прыжок я проскочил мимо нашей разбитой зенитной установки и прижался к небольшому склону, где нашел посыльного Дрешера и Петера. Вейзер исчез. Дрешер утверждал, что Вейзер прыгнул в дом слева.

Только тогда мне стало ясно, почему мы по пути наткнулись на вооруженных русских. Передовая рота у Инриевки взяла неправильное направление, и я сразу же обогнал ее, попав в щекотливую ситуацию. Скорее бы показались основные силы батальона! Я жаждал появления гаупштурмфюрера СС Фендта с его 88-мм орудием (с надеждой, что русские не будут контратаковать; в противном случае нам всем придет конец).

Я чуть было не открыл огонь по Герману Вейзеру. Как он умудрился забраться на крышу? Он все время возбужденно показывал налево. Хотел ли он привлечь наше внимание к танку? Нам чрезвычайно повезло, что склон защищал нас от возможного русского танка. Я продвинулся немного выше по склону, пока не заметил на окраине деревни небольшой самолет. Этот драндулет взлетал с колхозного аэродрома. Может быть, мы опять добрались до штаба?

Минуты тянулись как часы. Справа от нас русские все еще отходили через курганы. Мы плотнее прижались к земле. Танк сменил позицию. Звук его гусениц приблизился, а потом опять удалился. Вдруг из первого колхозного двора на полной скорости выскочил штабной автомобиль, сделавший такой резкий поворот, что некоторое время балансировал на двух колесах. Сначала мы онемели от удивления, но затем открыли по автомобилю огонь из всех видов оружия. Однако он ушел, оставив огромное облако пыли.

Наконец мы услышали позади себя звук моторов и лязг гусениц. Подходило отделение 88-мм зенитных орудий. Наша позиция и разбитая 20-мм зенитная установка для гренадеров были достаточным руководством к действию. Ловким поворотом водитель развернул тягач так, что орудие сразу же оказалось в позиции для ведения огня. Спустя несколько секунд по дороге прогрехотали взрывы осколочных снарядов. Гаупштурмфюрер СС Фендт попытался уничтожить самолет на летном поле, но это было не так легко сделать, как казалось. Штабной автомобиль подъехал к самолету, и вскоре он, как усталая птица, взлетел. Самолет

сделал большой круг над колхозом и исчез за горизонтом.

88-мм зенитная пушка совершала чудеса. К нам вернулся боевой дух, и паралич последнего получаса прошел. Как славно было, что ее снаряды со свистом пронеслись мимо нас! Что за приятная музыка для солдат, которые уже записали себя в число мертвых и похороненных. Однако через сады позади нас прорвался тяжелый русский танк. Мы не могли по нему бить, потому что склон загораживал нам обзор. На огневую позицию были доставлены пехотные орудия, подошла и противотанковая пушка и вместе с 88-мм орудием открыла огонь по отступавшим колоннам противника. Наконец, в моем распоряжении был и взвод саперов. С их помощью я мог продвинуться дальше в деревню. Я хотел знать, что там происходило!

Мы вошли в первый дом без боя. Подошел возбужденный Вейзер и повел команду саперов ко входу в погреб. В изумлении я увидел, как из темного подземелья вылезали советские командиры. Вейзер подвел меня к зданию и доложил: «Неожиданно слева от нас я заметил русский танк. Его экипаж завтракал. Прежде чем я даже успел дать вам знать о своем открытии, против нас оказалась противотанковая пушка. Я не знал, что делать. Прыгая, я открыл огонь по экипажу и бросил в них гранату. Я не знал, что стало с русскими; я только хотел как можно скорее унести ноги в какое-нибудь безопасное место. Я распахнул дверь дома и оказался перед несколькими высокопоставленными советскими командирами, которые обсуждали обстановку, сгрудившись вокруг разложенной на столе карты. Мое появление произвело потрясающий эффект – красные командиры стали выпрыгивать через окно головой вперед. Охваченный ужасом, я запрыгнул по лестнице на чердак и за навозной кучей увидел вас. С противоположной стороны дома множество советских солдат и офицеров спасались бегством. Несколько высших офицеров вскарабкались на танк и уехали. Мы определенно захватили штаб командования!»

Прежде чем осмотреть трофеи, я дал нагоняй появившемуся к тому времени командиру 2-й роты 1-го разведывательного батальона СС. Его виноватое выражение лица уберегло его от основательного разноса, и он с рвением принялся выполнять новые поручения. Радостный возглас Вейзера побудил меня войти в дом. Петер уже нацепил гимнастерку русского генерала. На столе лежали многочисленные карты, а в соседней комнате была радиостанция. Мы ворвались в штаб 9-й русской армии, но, к сожалению, командующий сбежал на самолете вместе с генералом ВВС, а перед этим – на штабном автомобиле, который мы обстреляли. В числе пленных было несколько штабных офицеров и секретарь генерала ВВС. Все они вели себя корректно и достойно, и только на допросе мы узнали, что перед этим в колхозе захватили штаб 30-й стрелковой дивизии русских. 9-я армия отступала, охваченная паникой, в направлении Ростова.

Гордый таким необыкновенным успехом, я направил соответствующий доклад в дивизию и был как громом поражен, когда радист передал мне ответ из дивизии: «Что это еще за похвальба?» Ушат ледяной воды не имел бы такого ошеломляющего эффекта. Несколько успокоившись, я отправил в дивизию взятых в плен штабного офицера и секретаря.

Вскоре мои радисты стали передавать в эфир приказы по-русски. Мы хотели обмануть отступающих русских и заставить их перейти к обороне, тем самым дав возможность моторизованному корпусу Макензена захлопнуть крышку котла. Но советские войска было не остановить. Их беспорядочное отступление продолжалось.

Рота Бремера просила поддержки. В ходе преследования она ввязалась в бои. Мы должны были дожидаться наступления следующего дня и пехоты, следовавшей за нами. Впервые нам не удалось сделать опись трофеев. Повсюду вокруг нас были брошенные орудия, тягачи и конская упряжь. Многочисленные пленные шагали в западном направлении, много русских было убито. Мы потеряли трех человек убитыми, двадцать семь получили ранения и один солдат пропал без вести. Как раз перед наступлением темноты прибыл батальон Витта и завершил прочесывание деревни. Бремер вернулся в батальон к полуночи.

С 1-м батальоном 1-го моторизованного пехотного полка СС, находившимся у нас в арьергарде, мы продолжили наступление 7 октября с приказом взять портовый город Бердянск. Аванпосты мы миновали в холодном осеннем тумане. 1-я рота 1-го разведывательного батальона была впереди. Нам встречались подбитые и брошенные русские пушки, бронемашины и танки. В Бердянске мы натолкнулись на незначительные силы противника, которые отступали так быстро, как только могли, на восток. На главной улице Бердянска мы обнаружили множество расстрелянных русских мирных жителей. Некоторые жертвы с тяжелыми пулевыми ранениями ползли к нам, умоляя помочь им. К сожалению, я так и не выяснил, почему советские войска учинили расправу над гражданскими лицами.

Колхоз в Андровке был взят после короткого, но интенсивного боя, и мы продолжили преследование на полной скорости. Сильные артиллерийские колонны противника отступали через невысокие холмы перед нами и справа от нас. Они были настигнуты и захвачены нами так быстро, что у советских артиллеристов даже не было времени привести свои орудия в боевое положение. К 10.00 мы уже больше не могли подсчитывать своих пленных и трофеи. День был точной копией предыдущего, и мы не смогли прибавить в темпе.

Потом мы двигались по холмистой местности. В нескольких километрах впереди была небольшая река Берда, которая текла на юг, впадая в Азовское море вблизи Бердянска. Если бы советские войска собирались отход осуществлять планомерно, то они должны были удерживать западный берег этой реки и вступить здесь в бой с нашими силами, задерживая наше наступление, чтобы отступающие войска могли быть направлены на организацию обороны на рубеже реки Миус или даже до самого Дона. Русским приходилось сражаться за время и пространство, а мы не должны были им этого позволить. Их части и соединения, теснимые нами, должны были быть уничтожены, пока не закрепились. Мобильность немецких частей и соединений должна была обеспечить им победу. Немцам уже нельзя было позволить втянуть себя в длительные, затяжные бои.

В то же время, если подсчитать наши потери, то выяснялось, что боеспособность наших войск уже была ниже критического уровня. Ни одно из подразделений не было полностью укомплектовано, и каждое из них могло развернуть лишь остатки былой боевой мощи. Даже самый последний солдат знал, что мы должны были использовать переправу у села Новоспасовка, проскочив через нее на полной скорости, и, главное, предотвратить подрыв моста. И снова все решали минуты.

Авангардный взвод 1-й роты 1-го разведывательного батальона СС обогнул невысокий холм, и ему открылся вид вниз на село Новоспасовка. Село находится в низине. Русло реки подмыло берега, которые были почти отвесными. Через реку был перекинут современный бетонный мост. Лошади переходили реку вброд и с трудом поднимались на противоположный берег. Вся низина была вспучившейся массой отступающих – людей, повозок, техники. Но направо от нас, вдоль высот, разбитые советские части отступали в восточном направлении и далее по мосту или же пытались форсировать реку вброд, чтобы ослабить нагрузку на мост. Предполагалось, что 1-я рота 1-го разведбатальона СС, используя замешательство противника, возьмет мост внезапным ударом.

Из середины нашей колонны мотоциклисты, бронемашины и истребители танков широким фронтом с ревом понеслись вниз по гладкому склону в самую середину русских войск. Бежавшие советские войска и не помышляли о сопротивлении. Они в дикой панике устремились вниз по склону в самое русло реки. Артиллерия на конной тяге, машины армейского обоза и пехотинцы образовали хаотичную толчею. Лошади стояли в воде, не в состоянии взобраться на противоположный берег. Все большее число людей переправлялись через реку, чтобы избежать плена, но они бежали навстречу своей смерти! Из бесчисленных стволов вылетали снаряды и пули, которые сеяли смерть среди бегущей массы. Управление отступающими войсками уже было невозможным. Люди в панике бежали, спасая свою жизнь. 1-я рота 1-го разведбатальона СС ворвалась в этот хаос и, стреляя из всех стволов,

устремилась к мосту. Несколько бронемашин очистили мост огнем с высот. На нем остались лежать только мертвые и умирающие.

Вдруг я увидел, как первый взвод рванул вперед, как будто укушенный тарантулом. Он проскочил через преграду, соскочил со своих все еще двигавшихся машин и ликвидировал расчет русской тяжелой противотанковой пушки. Пушка эта уже занимала огневую позицию. Еще несколько секунд, и переправа стала бы и для нас кровавой баней.

При огневой поддержке 2-й роты 1-го разведывательного батальона и бронемашин на холме 1-я рота 1-го разведывательного батальона СС на скорости атаковала и вскоре уже была на восточной окраине села. Я двигался с ротой вперед по главной улице села и боролся со своими сомнениями. Продолжать или нет наступление на Мариуполь? Ввиду быстрого отступления русских ситуация требовала, чтобы мы двигались дальше на Мариуполь, пытаясь вытеснить крупные силы русских войск к побережью Азовского моря. Отход проходил в юго-восточном направлении, то есть к Мариуполю. Зачем нам тогда тратить драгоценное время на захват Бердянска? Город неизбежно падет, когда падет расположенный еще восточнее Мариуполь.

Я стоял с несколькими солдатами, углубившись в изучение карты. Мы находились за последними домами, намереваясь выйти за ветрозащитную лесополосу, которая не давала нам обозреть местность впереди. Франц Рот, военный корреспондент, был с нами, когда вдруг вскрикнул как ужаленный. Он толкнул меня за полосу, и не особенно вежливо. Франц не мог вымолвить ни слова и был буквально вне себя. Он хотел начать снимать все происходящее своей кинокамерой. На расстоянии не более двадцати шагов впереди находился чудовищный русский танк, который, казалось, в любую секунду собирался двинуться или открыть огонь. Улица опустела в мгновение ока.

Унтершарфюрер СС Бергман схватил взрывчатку и пробирался под огневым прикрытием через небольшой фруктовый сад, чтобы подорвать танк. Мы, сдерживая дыхание, следовали по пятам этого человека. Танк не двигался. Его двигатель молчал. Может быть, у этого чудовища были механические неполадки?

Бергман приготовился к броску, глубоко вздохнул и бросился к танку. В любой момент взрывчатка могла полететь на корму машины, в следующую секунду выводя из строя двигатель. Это должно было произойти в любую секунду. Выстрел разорвал тишину. Я увидел, как Бергман упал и взрывчатка упала в песок, в нескольких метрах от танка. Пистолетный выстрел из танка стал смертельным для нашего товарища. Раздался взрыв, но русский танк остался невредимым. После этого на позицию вышло штурмовое орудие и посылало снаряд за снарядом в стального гиганта с расстояния не более 25 метров. Ничего не произошло; снаряды не пробивали броню. Русские казались неуязвимыми. Командир орудия Изеке обреченно покачал головой и витиевато выругался. Его орудие попался достойный соперник. Раньше нам удавалось уничтожать первые Т-34, с которыми мы уже имели удовольствие познакомиться, в основном при помощи зажигательной смеси из ранцевых огнеметов или выстрелами 88-мм зениток.

Во время боевого столкновения с Т-34 я стоял в саду небольшого дома с несколькими солдатами и поднялся на небольшое возвышение, чтобы иметь лучший обзор. Возвышение было, очевидно, погребом для хранения картофеля. Мы стояли некоторое время на возвышении, когда вдруг мой верный пес Пэт яростно бросился в дыру. Собака обнаружила в погребке более десятка русских. Мы посмотрели в замешательстве друг на друга, а затем русские вылезли из своего схрона с ручными гранатами, автоматами и другим оружием. Мы лишний раз убедились в том, что солдату на войне для того, чтобы остаться в живых, нужна немалая удача.

Мое намерение продолжать преследование противника до Мариуполя на данный момент было невозможно осуществить, так как по радио было передано распоряжение захватить Бердянск. И снова 1-я рота 1-го разведывательного батальона СС пошла впереди и, перейдя через холмы, вышла к Азовскому морю. Несколько русских батарей были захвачены неожиданной атакой и разоружены без единого выстрела. Холодный ветер свистел у нас над

головой, а самолет-разведчик пролетел над колонной и сбросил перед бронемашинами послание, прикрепленное к дымовой шашке. В послании говорилось: «В городе только незначительные силы. Вражеская колонна – в десяти километрах к западу от Бердянска. Еще несколько колонн противника двигаются параллельно друг другу в направлении Мариуполя, находясь восточнее Бердянска».

Я получил послание в восьми километрах к северу от Бердянска. Холод, голод и усталость были забыты. Противник должен был быть уничтожен, пока он еще находился к западу от Бердянска. Ему нельзя было позволить добраться до города раньше нас! Пары слов Петеру было достаточно для того, чтобы погнать мимо ротной колонны наш легкий броневедомобиль как гоночный. Облака пыли висели позади нас, а впереди уже была видна дрожащая гладь моря. Герд Бремер и передовые подразделения получили приказ: «Следуйте за мной!»

С севера город был неразличим. Он находился прямо на берегу под крутыми обрывами. Петер затормозил, как только мы различили аэродром, с которого как раз взлетел и удалился на восток последний самолет. Мы осторожно подъезжали к первым городским домам. Мотоциклетное отделение двигалось впереди. Улица казалась совершенно вымершей, не было видно ни души. Ямы и разбитая дорога вынуждали мотоциклистов ехать медленно.

Я дал сигнал Петеру обогнать их и пересечь город как можно быстрее. В этот момент наша машина стала в колонне первой и вскоре вырвалась вперед более чем на 100 метров. Мы углубились в этот «призрачный» город. Перекрестки привлекали нас как магнитом. «Нос» бронемашин выглядел из-за угла и «вынюхивал» ситуацию на улице. Потом наша машина делала быстрый рывок и останавливалась у следующего угла. Так мы двигались от одной улицы до другой, задавая темп мотоциклистам. Встав на подножку, я прятался за башней и мертвой хваткой держал свой карабин, пока Петер готовился гнать машину до следующего угла. Не было слышно ни звука, все окна были наглухо закрыты, не было видно ни малейшего движения. Прежде чем броневедомобиль исчез за углом, я оглянулся назад, чтобы проверить, следуют ли за нами мотоциклисты. Вдруг броневедомобиль дернулась назад, а я уже лежал на боку прямо на улице. Над головой засвистели пули; по улице вставали на дыбы и понеслись галопом лошади. Ведя беспорядочную стрельбу, казаки спешили к ближайшим домам. Их командир выхватил свой наган и открыл огонь. В этот самый момент я услышал позади себя голос Петера: «Штурмбаннфюрер, я уже снял его!» Он был прав. Наган упал на дорогу. Лошади без седоков поскакали на запад, а раненые казаки прислонились к стенам домов.

Наш командирский броневедомобиль наткнулся на русский кавалерийский отряд. Если мы собирались застать врасплох и уничтожить колонну к западу от города, требовалась еще большая спешка. Бремер молнией погнал к окраинам города и ожидал там дальнейших распоряжений. Советская колонна подходила все ближе и ближе, совершенно не замечая нашего присутствия. Мы уже могли различить каждого солдата и каждую машину. Это, видимо, были остатки пехотного полка, который вел бой на берегу к югу от Мелитополя и теперь пытался соединиться с основными силами.

Тем временем батальон вышел на позицию по обе стороны дороги и ожидал моего приказа на атаку. У меня было время. Я ждал, пока колонна скроется в низине и начнет подниматься по ближайшему склону. Минуты тянулись в томительном ожидании того, что произойдет. Мотоциклисты сидели на своих БМВ и наслаждались последними затяжками сигарет. В этот момент передовые подразделения противника были всего в 300 метрах и двигались, ни о чем не беспокоясь. Мне даже как-то стало жаль эту русскую часть. Они прикрывали отход своих товарищей, а потом были предоставлены самим себе. Прежде чем обреченная русская часть поняла, что происходит, мотоциклетные роты и бронемашины помчались вниз по обе стороны русской колонны и окружили ее почти без боя. Более 2000 советских военнослужащих были взяты в плен с вооружением и боевой техникой. Были захвачены две артиллерийские батареи.

С 7 октября наши потери исчислялись только одним убитым: brave унтершарфюрер

СС Бергман погиб в бою с танком.

Взяв в плен колонну противника, мы установили контакт с передовым охранением батальона Боддина. Я лично отправился в батальон и поздравил Боддина с наградой – Рыцарским крестом. Его батальон занял Бердянск, в то время как мы двинулись обратно в Новоспасовку и готовились к дальнейшему преследованию противника в направлении Мариуполя. Впервые мы получили преимущественное право на краткий отдых под прикрытием пехоты; 3-й батальон 1-го пехотного полка прикрывал нас с востока. В полночь прибыла почта из дома; ее доставил наш офицер снабжения, штурмбаннфюрер СС Вальтер Эверт. Он всегда использовал любую возможность помочь фронтовикам, зная об их потребностях все. Мы были ему безмерно обязаны.

Не успели оглянуться, как настал новый день. Мне был слышен рев двигателей заводившихся машин и лязг посуды полевой кухни, но не было сил подняться и окончательно отойти ото сна. Однако Петер беспрестанно пытался разбудить меня, пока я наконец не встал посреди комнаты, поднося к губам кружку с горячим «Макефак» (эрзац-кофе).

Глухой рев моторов штурмовых орудий и, более высокого тона, мотоциклов выгнал меня на деревенскую улицу. Шум двигателей всегда для моих ушей был музыкой. Для того чтобы смягчить нагрузку на подразделения, в наступлении передовых частей мы решили использовать движение «перекатами», то есть чередовать подразделения, шедшие в авангарде. Передовой взвод, усиленный бронемашинами и противотанковыми орудиями, шел на полной скорости впереди основных сил и ожидал их подхода в заранее определенных пунктах. Батальон следовал за передовыми подразделениями с постоянной скоростью.

Местность была очень холмистой и безлесной; недавно разбитые сады можно было видеть только в районах застроек. В первые двадцать минут мы двигались по широкой пыльной дороге, не встречая противника. Не было ни брошенной техники, ни русских бойцов, что указывало бы, что это был путь отступления.

Мы двигались навстречу свету наступающего нового дня с 5.00 и в любой момент ожидали огня оборонявшихся, но столкнулись с сопротивлением противника только около 7.45 у Мангуша. 1-я рота 1-го разведывательного батальона СС атаковала в походном порядке и прорвалась прямо через этот поселок. Было трудно понять, по какому принципу он был спланирован. Мангуш занимал складку местности по обе стороны нашего пути наступления. Продвигаясь через поселок, я заметил между домами и в садах пехоту противника. Но у нас не было времени защищать этот населенный пункт. Перед нами была более значительная цель. Мы должны были добраться до Мариуполя. Уничтожением остатков подразделений противника займется следовавшая за нами пехота. Наш батальон безостановочно продвигался дальше. Огонь открывался на ходу.

В двух километрах к востоку от Мангуша передовые подразделения обнаружили хорошо сконструированные советские полевые укрепления. Это было кольцо внешней обороны Мариуполя. Эти укрепления из-за стремительного наступления германских войск не могли быть полностью использованы русскими (войск для обороны города осталось немного), но тем не менее все возможности для упорной обороны были.

Оборонительная позиция тянулась вдоль гряды, на пути нашего следования, и полностью господствовала над местностью. Мы снова выбрали необычную форму атаки, намереваясь въехать на гряде под прикрытием огня нашей артиллерии и тяжелых пехотных орудий. Авангардная рота получила приказ завязать бой, только обойдя русские позиции, ударив по обороняющимся русским с тыла. Следовавшие за нашим батальоном части должны были при поддержке штурмовых орудий наступать на позиции противника с флангов.

Приказ был отдан в устной форме и через посыльных на мотоциклах. Я был с Бремером, когда он готовился вместе с моими старыми боевыми соратниками к рывку через гряде в неизвестность. Самоходки с ревом двигались вперед вслед за наступающей ротой; снаряды ложились среди оборонявшихся и прижимали их к земле. Позиция на гряде была

достигнута в несколько минут, в нее вклинились передовые подразделения, а затем с обоих флангов ее охватили двигавшиеся следом части.

В ходе наступления был ранен командир взвода передового охранения унтерштурмфюрер СС Шульц. Но русские довольно быстро оправались от неожиданного удара. Ожесточенный бой продолжался, особенно справа от дороги. Молодой, воодушевленный комиссар снова и снова подстегивал свое подразделение. Но не только крики комиссара раззадоривали его солдат. Его собственный пример личной храбрости побуждал их не прекращать сопротивления. Никогда не забуду последнее впечатление, которое у меня осталось об этом человеке – вытянувшийся во весь рост, метавший последние гранаты на участке Мааля. Затем он бросил последнюю гранату на землю перед собой и упал на нее всем телом. Взрыв подбросил тело – его куски упали на землю, – таким был конец фанатика.

Две советские батареи, которые вели огонь во время нашего наступления, были захвачены. К сожалению, во время этой операции был убит Эрих, младший брат нашего уже павшего товарища. Я переправил его тело в обоз, чтобы сохранить его. Более 300 советских пленников были выстроены перед только что захваченной оборонительной позицией. Пленные утверждали, что у них был приказ отходить к Ростову. Значит – вперед! Нельзя было терять время. По советским войскам нужно было наносить удар, пока они были на марше.

В 9.30 я стоял на самой высокой точке справа от дороги и смотрел на Мариуполь. Он был в нескольких километрах. Дорога вела прямо к городу. На окраине города были видны заграждения на дороге, прибывающие и убывающие бронемшины. Но что еще происходило? Длинная колонна входила маршем в город с северо-востока. Эта колонна советских войск растянулась на несколько километров. От колонны отделилась артиллерия и заняла огневую позицию напротив нас. Мы также видели группу советских войск на марше к западу от города. Русские войска отходили по дороге Бердянск – Мариуполь. Судя по карте, обеим колоннам, если они хотят продолжать отход на восток, придется использовать единственный мост в Мариуполе.

Я сосредоточенно несколько минут рассматривал колонны советских войск и никак не мог принять решение. Огромный город с его гигантскими сталелитейными заводами, верфями и аэродромами, солдатами, которых город беспрестанно поглощал в себя, смог произвести на меня впечатление. Восточная колонна советских войск вытянулась до горизонта. Темная, как туча, она неумолимо катилась в направлении города. Мыслимо ли было даже рассматривать возможность атаки такой массы силами менее чем в тысячу солдат?

Вот взлетел и улетел на восток советский самолет. Разве не было это прямым вызовом нам для того, чтобы рискнуть и атаковать, несмотря на наши дурные предчувствия? Не означала ли отправка самолетов то, что город оставляют? Как всегда в моменты принятия решения, я направился к передовому подразделению и послушал, о чем говорят мои молодые солдаты. Если план был «плох», если он не выглядел многообещающим, то мои парни становились своего рода «лакмусовой бумажкой», смотрели на меня с безразличием или слонялись бесцельно со своим оружием. Однако если был малейший шанс на успех, то я чувствовал их готовность атаковать, их молчаливое доверие, которое побуждало меня отдать приказ на атаку.

Командовал авангардными подразделениями Зепп Мааль, мой боевой товарищ еще по 15-й роте 1-го пехотного полка СС. К Зеппу перешло командование взводом после того, как был ранен его командир. Он кивнул мне, козырнул на прощание и нервно закурил сигарету. Командир роты Герд Бремер спокойно смотрел на меня. Я всегда видел по его глазам, что он последует за мной на край земли. Никогда я не замечал в нем сомнения или даже намек на сомнение.

Мои солдаты ожидали приказа продолжать преследование. Интуиция и опыт, приобретенный в многочисленных боях, заставляли их верить в наш успех. Их уверенность, их вера в боевое братство и в свои собственные силы вели меня вперед. Боязнь своей

собственной трусости также побуждала меня идти вперед!

Часы показывали 9.45, когда наши передовые подразделения пошли в атаку, а первые русские снаряды разорвались в опасной близости от них. Пехотные орудия и 88-мм зенитная батарея вступили в бой с вражескими батареями и обстреливали аэродром. В ходе наступления я заметил полевые укрепления по обе стороны дороги – они находились прямо на окраине Мариуполя. Фонтанчики пуль пулеметных очередей пробежали по земле поодаль, а взрывы мин из минометов всколыхнули черную землю далеко за нами. Наше наступление было уже не остановить. Мотоциклисты мчались к городу по обе стороны от дороги. Заграждение на дороге было не достроено; обороняющиеся упали под огнем штурмовых орудий. Всего в нескольких сотнях метров левее дороги вражеские самолеты взлетали и исчезали, низко пролетая над плоскими крышами. Они летели в восточном направлении. Но ни один из самолетов не атаковал нас. Может быть, у авиации противника не хватило времени взять боезапас и бомбы?

В отличие от других советских городов на окраинах Мариуполя были высокие, многоэтажные здания. Поскольку там не было ни единого дерева или маленького дома, резкая смена обстановки угнетала, даже подавляла.

Передовые подразделения остановились после первых крутых подъемов и стали продвигаться вперед в пешем порядке. Я тоже хотел спрыгнуть со своего броневедомобиля и полностью использовать его как укрытие. Высокие стены угрожающе нависали над нами. Я оторвался от своих мыслей, только когда Петер выехал на круглую площадь. Гауптштурмфюрер СС Фриц Бюгельзак вдруг оказался слева от нас. В нашу сторону двигались трамваи. Грузовики, тягачи, конные упряжки и сотни людей делали эту большую круглую площадь оживленной. Наш броневедомобиль вдруг оказался перед пожарной машиной, водитель которой в замешательстве ее остановил.

Осколочные снаряды из бронемшины Бюгельзака буквально разорвали машину пополам. Пулеметный огонь наших мотоциклистов жутким эхом отдавался среди домов за площадью. Охваченные огнем солдаты противника живыми факелами бегали по площади – от взрыва бензобака пожарной машины загорелись десятки людей. Охваченная паникой людская масса толпами бросилась в переулки, растапывая все, что им попадалось под ноги.

Едва переводя дух, мы продолжали двигаться вперед и перекрывали улицы. Мы кричали и орали. Снаряды наших штурмовых орудий стали ложиться на переполненных улицах. Колонны советских войск, входившие в город, были разбиты на части. Всякое подобие порядка в них было утрачено. Мы же, как саранча, роем ринулись через улицы и старались найти дорогу на Ростов.

Площадь была усеяна дымящимися обломками. Оставались только тяжело раненные или мертвые солдаты. Основная же масса советских войск исчезла. Угловое здание превратилось в командный пункт, с которого можно было руководить дальнейшими боевыми действиями. Бремер наступал в направлении Таганрога. В 13.10 1-я рота 1-го разведывательного батальона СС была в Сартане, в двух километрах к северо-востоку от Мариуполя. Крупная колонна противника отступала по главной дороге на восток.

Когда мы сообщили о падении Мариуполя, то получили следующий ответ из дивизии: «Видимо, это ошибка. Вы могли иметь в виду только Мангуш». Однако это не было ошибкой. Город был взят дерзким штурмом горстки германских гренадеров, скорость которых возобладала над инертностью и нерешительностью оборонявшихся. Успех дня дался ценой раненого офицера, унтер-офицера и жизни четырех солдат, которые ушли от нас навсегда. Шедшая следом пехота взяла на себя операции по зачистке в городе и установила сторожевые посты за его пределами и далее в направлении на восток. Мы были поражены при осмотре огромного завода «Азовсталь». Он протянулся на несколько километров вдоль берега моря и был оснащен современными производственными мощностями. Завод попал в наши руки в целостности и сохранности.

Битва на Азовском море с падением Мариуполя завершилась. Всего в этой битве были взяты в плен более 100 000 советских военнослужащих; захвачены 212 танков и бронемашин

и 672 орудия (у Манштейна в книге «Утерянные победы» 65 000 пленных, 125 танков и свыше 500 орудий. – Рей.).

С 10 по 12 октября батальон вел бои на участке между Мариуполем и рекой Миус, в нескольких километрах к западу от Таганрога. В 4.30 12 октября батальон попытался захватить плацдарм на восточном берегу Миуса и внезапным ударом занять мост через реку. Наступая, мы попали под ураганный огонь вражеской артиллерии с восточного берега Миуса. 1-я рота 1-го разведбатальона была брошена на 700 метров от моста и была вынуждена держаться там под огнем противника до темноты. Основные силы батальона смогли выйти из боя у Миуса без потерь, но передовые подразделения были сильно потрепаны советскими войсками.

Получили ранения более двадцати солдат и пять офицеров. В числе раненых были также двое батальонных врачей. В сумерках я забрал тело своего верного Петера, унтершарфюрера СС Эриха Петерзиле. Его сразила шрапнель. Это был первый случай, когда рядом со мной был убит водитель. Я не мог даже представить, что в ходе этой войны еще семь моих водителей будут обречены на смерть.

В серых утренних сумерках зарождающегося нового дня мы стояли у могил наших павших товарищей. Мы опустили четыре завернутых в плащ-палатки тела в чужую землю. Молча стояли мои солдаты у края могилы, прощаясь с боевыми товарищами. Раздавался грохот советских тяжелых орудий, бивших из Таганрога, а их снаряды со свистом пролетали над нашей головой, отыскивая нашу артиллерию.

Отделение связных на мотоциклах, близкие друзья Петера, Вейзер и другие офицеры штаба ждали моей прощальной речи. Меня душили переживания, я не мог вымолвить ни слова. Слезы потекли у меня по лицу. Несколько полевых цветов упали в темную могилу; я отдал честь Петеру и отвернулся. Потом я напишу его матери.

Батальон вел бои, очищая от противника западный берег Миуса, до 16 октября и последовал за батальоном Витта, который закрепился у Козелкина. 17 октября в ходе наступления на Таганрог наш батальон выдвинулся на юг. Батальон Витта наступал слева от нас, а далее на штурм города шел батальон Фрея. Наша пехота атаковала северные предместья Таганрога с невероятной решительностью и ворвалась в город. К сожалению, батальон Фрея попал под огонь двух советских бронепоездов. Их огонь пробивал огромные бреши в наших боевых порядках, пока бронепоезда не были уничтожены нашими 88-мм орудиями. Более восьмидесяти солдат были убиты огнем ошестившихся множеством стволов стальных монстров.

Во время штурма Таганрога мы впервые имели возможность наблюдать организованное разрушение города советскими войсками. Заводы и учреждения взлетали на воздух друг за другом. Густые клубы дыма отмечали путь отступления советских войск. Когда мы ворвались в город, то увидели огромные груды сожженного зерна; в Таганроге нам была на практике продемонстрирована политика «выжженной земли». Убегавших на судах топили артиллерийским огнем. Никто из русских на берегу и не думал спасать людей с тонущих судов. Только по приказу Дрешера уцелевших стали спасать и доставлять на берег. На крутом берегу возвышался памятник Петру Великому. Русский царь, сражавшийся за выход и к южным морям, смотрел на тонущие суда.

Было холодно. Ледяной ветер дул с моря и возвещал о скором наступлении зимы. На юге виднелись заснеженные шапки гор Большого Кавказа. Гиганты сверкали, завораживали, и их не трогало неистовство человечества. Мы замерзали; наша форма висела лохмотьями. Зимней одежды не было. План наступления нашей части все еще не был сорван, но новый объект наступления не был определен. Огромная, по-настоящему не занятая нашими войсками территория без всякой системы коммуникаций лежала позади нас. Линии железных дорог тянулись в основном с севера на юг. Мы впервые подумали об обороне.

Под холодным дождем и по развороченным дорогам 20 октября мы двинулись в направлении Ростова-на-Дону. Главный удар наносился 14-й танковой дивизией и моторизованной дивизией «Лейбштандарт», входивших в III моторизованный корпус

Макензена. Я безучастно смотрел на остатки русского батальона на обратном склоне высоты у Самбека. Я уже больше не мог читать карту. Буквы расплывались перед моими глазами. Слабость и тошнота мучили меня до такой степени, что пришлось просить дивизионного командира, чтобы меня сменили. Четырех месяцев боев в России хватило для того, чтобы приковать меня к постели. Я больше не годился для боевых действий. Временное командование батальоном взял на себя гауптштурмфюрер СС Краас и бросил его в чрезвычайно тяжелые бои.

Я вернулся в Таганрог, когда уже стемнело. Меня положили в полевой госпиталь с желтухой и дизентерией, сопровождавшейся тошнотой. Тогда свирепствовала эпидемия дизентерии, и она опасно ослабила фронт. Полноценных германских полков и дивизий уже больше не было. Восточный фронт удерживался слабыми остатками некогда сильных боевых частей. Немецкие гренадеры вступали в тяжелейшую битву за время своего существования – они были обескровлены и не готовы к ней. Они видели надвигающееся бедствие широко раскрытыми глазами, выполняли свой долг и ни секунды не сомневались в этом. Они верили в необходимость самопожертвования.

Я покинул полевой госпиталь спустя почти две недели. Я еще довольно слабо держался на ногах, но доложил о прибытии в часть, после чего без особых церемоний был переведен командиром в офицерский резерв и должен был находиться при штабе дивизии. К этому времени дивизия «Лейбштандарт» перешла к обороне к западу от Ростова. Она тесно взаимодействовала с 13-й и 14-й танковыми дивизиями и отбивала все удары советских войск. Район операций III корпуса пролегал через голые поля, и жестокий холод выморозил землю, сделав ее твердой как камень. Было невозможно вырыть окоп или даже оборудовать приемлемую позицию. Погода стала нашим самым жестоким противником.

Мой батальон занял оборонительные позиции и вел боевые действия против 253-й русской дивизии под командованием полковника Охатского, сформированной только в августе на Северном Кавказе. Дивизия была набрана из кубанских казаков, которые не слишком любили советскую власть.

В мое отсутствие батальон стал еще слабее; особенно ощущался недостаток офицеров. 2-й ротой 1-го разведбатальона СС командовал оберштурмфюрер СС Ольбутер. Он получил ранение, однако отказывался покинуть свою роту. 3-я рота 1-го разведывательного батальона была поражена дифтерией в тяжелой форме, что еще больше ослабило боеспособность батальона. 1 ноября возле населенного пункта Александровский был ранен оберштурмфюрер СС фон Бюттнер.

Вместе с командиром дивизии я навестил 2 ноября в Александровском своих старых товарищей и присутствовал на вручении Рыцарского креста Герду Бремеру. С удовлетворением я отметил неподдельную радость мотоциклистов в связи с награждением Бремера. Рота заслужила это признание ее достижений.

Мороз сменялся дождем. Вода накапливалась в окопах и в глубоких дорожных колеях и все время заливалась в форменную одежду. Автомобили, пушки и танки увязали в грязи. Гренадеры шли в ней по колено. Снабжение стало почти невозможным и могло обеспечиваться только гужевым транспортом. Машины ползли как черепахи. Потребление горючего и потери боевой техники не соответствовали результатам. Армия утопала в грязи. Потери из-за болезней бесконечно возрастали. Период морозов начался уже в середине ноября. Нам приходилось одну за другой выковыривать из грязи вмерзшие машины и разогревать двигатели, используя дополнительные средства. Мы стали армией-калекой.

Как раз в это время я присутствовал на очень важном совещании в командном пункте в Лаханове. Оно касалось важной роли нефти. Присутствовали генерал-полковник фон Клейст, генерал фон Макензен, Зепп Дитрих и несколько экспертов по нефти. Они были убеждены в необходимости захвата русских нефтяных месторождений в Баку для того, чтобы продолжать войну. В связи с этим взятие Ростова становилось абсолютной необходимостью.

Военнослужащие более низких званий молча слушали, когда приводились цифры производства и потребления нефти, обсуждались потребности в ней экономики и армии. У

нас не было необходимых данных и опыта для того, чтобы дать оценку этих выступлений.

Однако с военной точки зрения дело обстояло иначе. Все предостерегали от наступления на Ростов, указывая на большие потери в частях и к тому же на то, что армия была просто не готова к такой операции. Дивизии были обескровлены, недоставало боевой техники, из рук вон плохо обстояло дело с зимней форменной одеждой, необходимой для ведения зимней кампании. меховые полушубки и шапки доставлялись из Мариуполя с огромными трудностями. Германских солдат невозможно было отличить от русских уже на расстоянии 100 метров. Состояние здоровья военнослужащих также оставляло желать лучшего. Командиры подразделений, частей и соединений оценивали ситуацию с абсолютной точностью, когда говорили: «Мы атакуем, мы возьмем Ростов и будем преследовать советские войска за Доном, но мы не сможем надежно защитить захваченный город».

В середине ноября 11 солдат 2-го батальона 1-го пехотного полка СС были найдены в выгребной яме здания НКВД в Таганроге. Они попали в плен в сентябре и, судя по показаниям гражданского населения, были брошены в яму чекистами живыми.

Решение о наступлении на Ростов было принято 14 ноября. (Немцы наступали на Ростов с 5 ноября. – Рей.) Главный удар должна была наносить с запада моторизованная дивизия «Лейбштандарт», а также 13-я танковая дивизия, с севера – 16-я танковая дивизия. Атака должна была начаться 16 ноября. Однако ее пришлось отсрочить на день, потому что вследствие жестоких морозов не было достаточного количества готовых к операции танков и бронемашин. Мой батальон наступал по дороге через Султан-Салы и сразу же попал под сильнейший заградительный огонь на сильно заминированной и укрепленной местности. Каждую пядь земли приходилось отвоевывать, прилагая беспрецедентные усилия при температуре минус 30 градусов по Цельсию. Дорога на Ростов была отвоевана лишь благодаря исключительному упорству эсэсовцев.

Мои солдаты впервые воевали без меня и вели, пожалуй, тяжелейшие из боев, в которых когда-либо участвовали. Ожесточенные бои развернулись по всему фронту вокруг Ростова. Атакующие дивизии несли тяжелые потери, сражаясь на сильно укрепленной и заминированной местности. Герд Пляйс, храбрый командир 1-й роты 1-го разведывательного батальона СС, потерял обе ноги и умер по дороге в полевой госпиталь. Фриц Витт сражался бок о бок со своими гренадерами. Генерал-полковник фон Макензен демонстрировал блестящий пример настоящей прусской доблести. Терпеливо, собрав всю волю в кулак, руководимые им войска III моторизованного корпуса продолжали шагать по снежным сугробам и шли в атаку вместе с «Лейбштандартом».

Гренадеры и генералы шли на штурм плечом к плечу по обледенелым полям под Ростовом. Контратакующие Т-34 смяли легкие противотанковые орудия 60-й моторизованной дивизии и угрожали прорывом, но затем встали, объятые пламенем, под огнем 88-мм зенитных орудий. Слезы ярости бежали по лицам артиллеристов легких 37-мм противотанковых орудий; они были бессильны против стальных монстров. Немецкое 37-мм противотанковое орудие стало музейным экспонатом; его калибр уже больше не был достаточным для того, чтобы уничтожить средние (Т-34) и тяжелые (КВ) танки противника.

Гренадеры и танкисты продолжали атаковать с поразительным упорством и стойкостью и 21 ноября взяли штурмом отчаянно защищавшийся Ростов. 1-й роте 1-го пехотного полка СС удалось захватить мост через Дон и занять небольшой плацдарм. Командир этой роты, Гейнц Шпрингер в ходе этой операции был шесть раз ранен, а в роте осталось двенадцать штыков.

Итог битвы за Ростов был подведен в следующем приказе:

*Командующий III моторизованным корпусом
Штаб корпуса, 21 ноября 1941 года*

ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ

Солдаты III моторизованного корпуса!

Битва за Ростов выиграна!

17 ноября до полудня корпус начал наступление, выполняя задачу по овладению Ростовом и захвату моста через Дон. Задача была успешно выполнена к 20 ноября (21 ноября. – *Ред.*).

Мы захватили более 10 000 пленных плюс, по последним подсчетам, 159 орудий, 56 бронемашин, 2 бронепоезда и большое количество другой боевой техники.

Солдаты моего корпуса! Мы все можем гордиться этой великой, новой и успешной демонстрацией действий подразделений, в которую каждый отдельный солдат внес свой неоценимый вклад.

Ни ледяной ветер, ни жестокий мороз, ни нехватка зимней одежды и боевой техники, ни темень безлунных ночей, ни танки противника, его ракетная артиллерия и тысячи мин, ни полевые укрепления, на заблаговременное возведение которых ушла не одна неделя и огромные размеры которых мы все видели, ни тем более сами красноармейцы – ничто не смогло остановить наше триумфальное наступление.

В результате тщательно и умело подготовленного неожиданного фронтального наступления на восток энергичной дивизии «Лейбштандарт» при активной поддержке танков 13-й танковой дивизии оборона противника была сметена со своих позиций. Противнику уже больше не сопутствовал успех, несмотря на его яростные контратаки, особенно против 14-й танковой дивизии, в попытках предотвращения смелого прорыва двух наших формирований в северные предместья крупного города Ростова и до самого Дона и мостов на нем.

Остатки отступающих войск противника попытались спастись, переправившись через Дон. Благодаря своей решительности 1-му батальону 1-го пехотного полка СС дивизии «Лейбштандарт» – подразделению, привыкшему побеждать, – даже удалось захватить железнодорожный мост Ростова в целостности и сохранности.

В то же время решительным наступлением, осуществленным далеко на восток и юго-восток, 60-я моторизованная дивизия успешно прикрыла открытые фланги корпуса и взяла Аксайскую, в то время как части и подразделения 13-й танковой дивизии быстро и решительно преследовали отходящего на восток противника.

Кроме того, все части корпусов, как и военно-воздушные части – в особенности наши чудные, безупречно действующие летчики воздушной разведки, – внесли значительный вклад в наш общий успех! Мы отрезали единственную действенную связь русских с Кавказом раз и навсегда.

Теперь мы должны удержать то, что завоевано, для того, чтобы открыть дверь новым победам, как только фюрер прикажет их одержать.

Мы также салютуем ему своим «Зиг хайль!».

Подпись: фон Мзкензен, генерал кавалерии

Победа была одержана, но, как оказалось, уже назревала катастрофа. Корпус был основательно растянут и слишком ослаблен для того, чтобы осуществлять длительную оборону захваченных объектов. Наши части, которые были потрепаны и обескровлены, подвергались непрерывным атакам превосходящих советских сил.

Мой батальон под командованием гауптштурмфюрера СС Крааса вел бои на Мертвом Донце. Мертвый Донец ответвляется от Дона возле Ростова и образует самый северный, правый, рукав в дельте Дона. Батальон занимал позицию в восемь километров по фронту – на этом оборонительном рубеже находилось менее 300 солдат. Сюда входили и водители, связисты, работники штабов и все офицеры. Не было больше обозов – все, кто мог сражаться, были на фронте.

В то время как советские войска вновь и вновь атаковали фронт немцев к северовостоку от Ростова, они бросали одну за другой только что сформированные дивизии через

скованный льдом Дон, пытаясь смять ослабленные тяжелыми потерями германские силы. Стойкость, проявленная немецкими солдатами в этих тяжелых боях, почти достигала предела человеческих возможностей. Широко рассредоточенные позиции (обычно отделения) располагались на крутом обледенелом северном берегу Мертвого Донца (а восточнее проходили и по правому берегу основного русла Дона. – Рей.) и были обращены на юг, в сторону замерзших плавней дельты и основного русла Дона. Только с большим трудом и с помощью взрывчатки удалось выбить в твердой земле неглубокие окопы. Чтобы уберечься от жестокого мороза, теплую одежду стягивали с мертвых немецких солдат и даже с убитых советских солдат.

В течение трех дней на нашем слабом фронте обороны русские вели активную разведку – это указывало на грядущее наступление. Мои товарищи смотрели на все это без страха и ажиотажа; они выполняли свои обязанности почти фаталистически. Немногочисленные офицеры находились в своих секторах, как пастушьи собаки, опекая доверенных им солдат. Я нашел Хуго Крааса и Германа Вейзера в небольшом доме, где они оценивали показания дезертира из 62-й кавалерийской дивизии русских и готовили свои части для предстоящих оборонительных боев.

Позиция 1-го разведывательного батальона, слабо удерживаемая, но обороняемая закаленными в боях солдатами, 25 ноября в 5.20 была подвергнута обстрелу русской артиллерии всех калибров, а затем атакована. Потери от этого огненного вала были почти нулевыми: где ничего не стоит, ничего и не может быть уничтожено. Но потом у моих солдат чуть кровь не застыла в жилах! В сумраке утренней зари появились большие массы русской пехоты, которые с песнями и криками бросились в наступление на наши позиции. Передние ряды сомкнули руки, образуя таким образом непрерывную цепь, которая ступала по льду в такт дикому пению. Мины наших минометов проделывали большие пробоины во льду, вынуждая советские войска разорвать свою цепь. Но мины не могли остановить пришедшую в движение массу, наступавшую на моих товарищей как отлаженный механизм. На середине реки советские солдаты попали под наш обстрел и валились на лед, как спелая пшеница под косой.

Мои солдаты потеряли веру в Бога и человечество, когда продвигавшиеся вперед русские солдаты наступали, перебираясь через упавших и продолжая штурм. Атаку вели 343-я и 31-я стрелковые дивизии и 70-я кавалерийская дивизия. Три только что созданные дивизии в атаке на несколько сотен человек, растянувшихся на 8000 метров и практически в одиночестве – каждый был предоставлен сам себе и должен был справляться с такой массой!

Два батальона 1151-го стрелкового полка русских прорвались на участке 2-й роты 1-го разведывательного батальона СС и были уже на наших оборонительных позициях, угрожая прорвать весь фронт. 177-й и 248-й стрелковые полки атаковали центральную часть обороны батальона и тоже были близки к прорыву.

Контратаку на участке 2-й роты 1-го разведывательного батальона СС нужно было проводить сразу, но в данный момент под рукой для выполнения этой неотложной задачи никого не было. Советские войска атаковали по всему фронту с неослабеваемой интенсивностью, угрожая лишить присутствия духа горстку солдат, лежащих за своими пулеметами. Русский штурм был похож на приливную волну, несущуюся со стороны Кавказа и разбивавшуюся о крутой берег Дона, теряя здесь свою силу. Первые лучи солнца, пробивавшиеся из-за густых облаков, осветили ужасную картину. На всем пространстве, куда только доставал взгляд, Дон и его протоки были усеяны темными точками, некоторые из которых двигались с большим трудом, а другие постепенно засыпал снег. Атака советских войск была отбита с тяжелыми для них потерями по всему фронту. Однако тысячи советских солдат залегли и дожидались ночи. Лошади без седоков ускакали на юг, их пронзительное ржание звучало как зов смерти.

Силы противника, прорвавшиеся на участке 2-й роты 1-го разведывательного батальона СС, были сметены нашей немедленной контратакой. Шесть офицеров и 393 солдата Красной армии были взяты в плен. Только на одном этом участке насчитали 310 убитых русских

солдат. Судя по показаниям пленных, атака имела целью отрезать Ростов с запада.

Атаки продолжались, не ослабевая, 26 и 27 ноября, несмотря на огромные потери. Для нас было загадкой, как люди с такой охотой могли позволить вести себя на бойню, как ягнят на заклание. Несмотря на массы мертвых, искалеченных тел, лежавших неподвижно на льду, новые русские формирования включались в бой и устремлялись навстречу смерти. Русская атака 27 ноября началась в 16.00 с артиллерийской подготовки и огневого вала из орудий всех калибров, особенно с использованием ракетной артиллерии, но и эта последняя атака в районе действий 1-й роты 1-го разведбатальона СС была отбита к 19.50. Отдельные подразделения противника прорвались на позиции роты и были заблокированы. Контратака была намечена на 28 ноября.

Потери батальона были тяжелыми и затронули унтер-офицеров и офицеров. Батальонный адъютант оберштурмфюрер СС Г. Вейзер принял командование 2-й ротой 1-го разведывательного батальона СС. Оберштурмфюрер СС Ольбутер опять получил ранение. Последняя атака против 2-й роты 1-го разведбатальона СС пришлась большей частью по левому флангу и была отбита с ужасными потерями для русских. Атакующее русское соединение было сформировано в июне в Краснодаре в качестве 128-й пехотной дивизии и впервые введено в бой именно здесь. Батальон, атаковавший наш левый фланг, в начале штурма насчитывал более 450 человек личного состава. В атаке через Дон 135 солдат этого батальона были убиты и более 100 раненых взяты в плен. Другие 37 попавших к нам в плен были невредимы.

Огромные заслуги нашей части могут быть по-настоящему оценены только тем, кто сам испытал на себе парализующий эффект жестокого мороза и психологическую нагрузку бесконечных боев. Я видел солдат, лежавших за своими пулеметами со слезами отчаяния, катившимися по их лицам, когда их руки мелькали, меняя одну за другой пулеметные ленты с патронами, – и снова пули дождем сыпались на атакующие массы. Ольбутер, исполняющий обязанности командира роты, вел своих мотоциклистов в контратаку без сапог. Они были срезаны с ног незадолго перед атакой. Обе его ноги были сильно обморожены.

В этом бою победителем стал каждый боец. Целиком полагаясь на свои собственные силы, каждый второй солдат находился на позиции лежа за пулеметом – он сражался в тяжелейшем в своей жизни бою без подсказок, приказов или других действий вышестоящих командиров.

Раненые были перевязаны (как можно было на таком сильном морозе) и на грузовиках переправлены в Таганрог. Раздирающие душу крики наших раненых солдат, испытывавших невыносимые боли, было вынести труднее, чем самую страшную атаку. Поскольку мы понимали, что наши каждодневные потери не позволят долго успешно обороняться, оставалось гадать, в каком месте рухнет наш фронт. (Автор лукавит – немецкий фронт к северо-востоку от Ростова рушился начиная с 17 ноября. – *Ред.*)

Бой не прекращался и с наступлением темноты. Район перед позициями 1-й роты 1-го батальона СС был очищен от противника с помощью нескольких штурмовых орудий, к 9.00 прорыв был ликвидирован. На подходах к позициям остались лежать более 300 убитых. Пленные тащили с собой своих раненых товарищей. Но даже после этого дорого обошедшегося советским войскам боя они продолжали атаковать. Только примерно к 14.00 противник отступил на расстояние 2–3 километра, но постоянно усиливал огонь своей артиллерии.

Бои на других участках фронта проходили в сходных условиях и серьезно ослабили немецкую оборону. Опасность прорыва в любом месте фронта вокруг Ростова нельзя было не замечать, и в штабе командования 1-й танковой армии (до октября танковая группа) это прекрасно понимали. Мы все были единодушны в том, что линию фронта следует сократить, если мы хотим предотвратить катастрофу, которая в сложившихся обстоятельствах может привести к обвалу всего фронта. У нас не оставалось резервов. Степь была пуста. Только глубокие снежные сугробы и телеграфные столбы нарушали монотонность снежных пространств. Наилучшим вариантом для обороны был бы рубеж по реке Миус к западу от

нас. Только там мы могли надеяться остановить намного превосходящие силы русских и предотвратить прорыв фронта. Некоторое время назад для того, чтобы установить пункты следования по направлению в тыл, были высланы головные походные заставы. Всякий отход должен был иметь конечным пунктом оборонительные позиции на реке Миус – они должны быть заняты всем личным составом до последнего солдата. Дальнейший же отход по заснеженной степи принес бы немыслимые потери в живой силе и технике.

В то время как тяжелые бои на Дону несколько стихли и атаки советских войск были отбиты с жестокими для них потерями, превосходящие силы русских возобновили атаки на участке 60-й моторизованной дивизии и прорвали слабый фронт немцев к северо-востоку от Ростова. Русские также прорвались на широком фронте, смяв левый фланг 1-й танковой армии. Фронт дрогнул! В это время тяжелые упорные бои продолжались почти на всем советско-германском фронте вплоть до Ленинграда. Германская армия на востоке уже больше не могла успешно противостоять такой огромной, превосходящей силе, как Красная армия. Ледяной холод, совершенно не подходящая одежда и ужасные потери, а также недостаточное пополнение в личном составе и боевой технике делали успешные операции просто невозможными. Мы сражались за свою собственную жизнь!

Во второй половине дня III моторизованному корпусу было приказано оставить Ростов и осуществить отход на заранее подготовленный оборонительный рубеж на Миусе. В жесточайших боях дивизии «Лейбштандарт» удалось 29 ноября оставить Ростов, отойти без больших потерь и при поддержке 13-й танковой дивизии к исходу 2 декабря закрепиться на подготовленных оборонительных позициях на реке Миус. Я участвовал в отходе вместе со штабом дивизии. Мы обрадовались приказу на отход из города и сокращение фронта. Это решение предотвращало возможную катастрофу. Поэтому приказ из штаба фюрера не эвакуироваться из Ростова ни при каких условиях и оборонять захваченные позиции до последнего патрона был для нас как гром среди ясного неба.

Выполнить этот приказ было невозможно. Он самым ужасным образом показывал, что вся серьезность ситуации на фронте должным образом не оценена. Как раз в это самое время наши части шли во мраке ночи, едва способные держаться на ногах от холода. Глубокие сугробы, жгучий восточный ветер и чувство безграничной оторванности превращало жизнь немецких солдат в пытку.

Как мог быть издан такой приказ? Это было для меня загадкой. Приказ был проигнорирован, и отход на Миус был продолжен. Фельдмаршал фон Рундштедт, генерал фон Макензен и другие заслуживали благодарности войсковых частей. Своим решением продолжить отход они сохранили жизнь множества солдат и предотвратили развал фронта группы армий «Юг». Следует также упомянуть о том, что Зепп Дитрих (старый друг Гитлера, иначе не сносить бы ему головы. – Рей.) осудил «фанатичный» приказ фюрера в самых сильных выражениях и отстаивал решение командования группы армий «Юг» на отход III моторизованного корпуса как единственно возможное. Думаю, что я прав, когда утверждаю, что он однозначно встал на сторону фельдмаршала фон Рундштедта (и фон Клейста. – Рей.) в тот трудный для него час. Однако фельдмаршал фон Рундштедт был все же отстранен от командования группой армий «Юг» и заменен фельдмаршалом фон Рейхенау.

Тем временем русские дивизии атаковали наши оборонительные позиции с неослабеваемой силой. Прорывы можно было ликвидировать, только приложив чрезвычайные усилия.

Мой батальон был на левом фланге дивизии «Лейбштандарт» и поддерживал контакт с 60-й моторизованной дивизией. Подразделениям удавалось удерживать позиции, взаимодействуя друг с другом в ходе боя, и создать опорные пункты, причем с помощью русских добровольцев. Боеспособность наших подразделений настолько ослабла, что командиры даже стали использовать антибольшевистски настроенных русских во фронтовых частях. Поэтому я не удивился, когда, посещая своих солдат на позициях, я встречал иногда чуть ли не больше русских, чем немцев. Добровольцы были в основном родом либо с

Северного Кавказа, либо с Украины. Их энтузиазм был тогда безграничен, и именно по этой причине они были приняты нашими солдатами.

В декабре во время ураганного артиллерийского обстрела я потерял одного из своих лучших товарищей. Наш прекрасный переводчик, храбрый Гейнц Дрешер, был одним из наиболее одаренных офицеров в батальоне. Он всегда был примером для других и в жизни и в бою. Он нашел свой последний покой на железнодорожной насыпи в Таганроге.

Незадолго до Рождества мне непостижимым образом повезло – я получил разрешение слетать домой. Я вылетел с несколькими товарищами из Таганрога на транспортном U-52. Мы летели через Умань в Львов, а там я сел на поезд. Через восемнадцать часов я уже стоял, жалкий и потрепанный, на железнодорожной станции Фридрихштрассе и первый раз за столь долгий срок говорил по телефону со своими родными. Жаль, что это счастливое время прошло слишком быстро и момент расставания подобрался семимильными шагами.

30 декабря я получил приказ явиться 1 января для доклада к Гитлеру. Приглашение было передано мне из рейхсканцелярии. Пронизывающий холод господствовал тогда и в Германии. Я простился с женой на железнодорожной станции Зоопарк в Берлине и поднялся в ледяной от холода вагон поезда. Моим попутчиком был японский посол, который тоже ехал в Восточную Пруссию и который, на основании прежнего опыта поездок в спецпоездах, запасся коньяком. И не прошло много времени, как мы уже пытались согреться горячительным напитком.

Меня встретили товарищи в Кентшине и проводили в ставку фюрера через густой лес (1 километр). Нас проверили на нескольких постах и сообщили по телефону о нас на последнем посту. Охранные функции здесь выполнял личный состав моторизованной гренадерской дивизии СС «Великая Германия». Ставка состояла из нескольких железобетонных бункеров и обычных деревянных казарм, великолепно замаскированных – они были скрыты за высокими деревьями. Расквартирование и обеспечение питанием соответствовали обстоятельствам. Несомненно, целесообразность и простота были тем, чем руководствовались при строительстве ставки фюрера («Вольфшанце» – «Волчье логово». – Ред.).

Гауптштурмфюрер СС Пфайфер принял меня и проинформировал о причине моего вызова сюда. Из слов Пфай– фера я заключил, что Адольф Гитлер обеспокоен ситуацией на фронте и желал бы получить информацию, так сказать, из первых рук.

Адольф Гитлер производил впечатление простого и энергичного человека. Я был удивлен тем, что он прекрасно разбирался в вооружениях и был точно проинформирован о преимуществах и недостатках различных типов танков и бронемашин. Однако больше всего меня поразило то, что он был знаком с боевыми действиями моего батальона и хотел получить ответ на вопросы по тактике. С учетом предыдущих успехов батальона он был усилен гренадерской ротой легких бронемашин и огневым взводом тяжелых пехотных орудий.

Я не смягчал выражений, говоря о боевых действиях под Ростовом-на-Дону, и доложил о непосильных требованиях, которые были предъявлены к частям и соединениям. Я особенно акцентировал внимание на не соответствующем ситуации поступлении пополнений. Генерал Йодль поддержал меня и сослался на донесения из других подразделений. Из разговора у меня создалось впечатление, что ситуация с войсками на востоке очень мучила Адольфа Гитлера и он был озабочен тем, как помочь делу.

3 января вместе с полковником Цейцлером я вылетел на He-111 обратно в Мариуполь. В Мариуполе я пересел на «Шторьх», который должен был доставить меня в Таганрог. Вскоре мы пролетели над дымищимися обломками сбитого U-52. Чтобы сократить мне путь в штаб дивизии, пилот посадил легкий самолет в пределах видимости командного пункта, и я сел в следовавшие мимо запряженные лошадей сани. Насквозь промерзший, я прибыл обратно в свою часть после 16-дневного отсутствия.

В ту же ночь я сменил Хуго Крааса, временно исполнявшего обязанности командира батальона, и в серых утренних сумерках впервые после столь долгого перерыва проковылял

по позициям моей части. С начала Русской кампании до 15 декабря 1941 года в моем батальоне были отмечены следующие потери:

Убитыми:

6 офицеров;

9 военнослужащих унтер-офицерского состава;

79 военнослужащих рядового состава.

Ранеными:

20 офицеров;

33 военнослужащих унтер-офицерского состава;

308 военнослужащих рядового состава.

Пропавшими без вести:

1 офицер;

2 военнослужащих унтер-офицерского состава;

7 военнослужащих рядового состава.

Полученное пополнение:

11 офицеров;

1 военнослужащий унтер-офицерского состава;

186 военнослужащих рядового состава.

За тот же период времени 1-м разведбатальоном СС были взяты в плен 112 командиров и 10 142 солдата Красной армии.

Наша оборонительная позиция проходила прямо через поселок Самбек, располагаясь на переднем склоне длинной гряды. Заливные луга тянулись перед нами, их ледяное покрытие лишь кое-где прерывалось небольшими зарослями ивняка. Русские занимали свои позиции напротив нас. В некоторых местах до них было всего 100 метров. Фронт успокоился. Если не считать разведки и артобстрелов, никаких иных боевых действий не велось. В сложившейся ситуации я считал излишним патрулирование, и, соответственно, у меня неделями не было потерь. Позиции продолжали основательно оборудоваться; особое значение придавалось установке глубокоэшелонированных минных полей.

Земляные работы велись с помощью местного населения. Войска обеспечили местным жителям питание и медицинскую помощь. Я отказался силой вытаскивать людей из их домов и охотиться за ними по снежным пространствам. Следствием этого могли бы быть неизбежные потери. Проявленное нами уважение привело к тому, что население помогло – ради хороших отношений между ним и военными. Поэтому неудивительно, что через короткое время у батальона были лучше всех оборудованные оборонительные позиции и нас посещали офицеры соседних подразделений и частей. В наших землянках и блиндажах было почти по-домашнему уютно.

В начале года я узнал кое-что, чего не хотел бы скрывать от читателя. Однажды мой водитель, Макс Борнхефт, поставил передо мной тарелку с маленькими кусочками мяса, объяснив, что это голубиные бедра, которые он «достал» благодаря «хорошим связям» в Таганроге. Когда я начал есть этот деликатес, у меня возникли сомнения. Я сказал Максу, что, хотя все это очень вкусно, ни одно из бедрышек никогда не летало по воздуху, как у голубя. Но Макс не заставил меня долго строить догадки. Он сказал довольно сухо: «Нет, они не летали, они прыгали! Вы едите лягушачьи лапки!»

Вслед за тем, как кончились морозы, наступил период непролазной грязи, которая делала снабжение войск почти невозможным и препятствовала наступательным действиям. Как следовало продолжать войну? Этот вопрос вызывал у нас жгучий интерес. Оборонительный вариант был немислим, но немецким войскам на Восточном фронте не

хватало сил для крупномасштабного наступления. Дивизии, которые могли быть использованы для наступления, все еще находились на своих позициях, хотя кадровый состав был достаточным лишь для отдыха и пополнения. Мы боялись, что однажды нас выведут со своих позиций и нам придется идти в атаку вместе с наскоро собранными частями.

После того как 1-я танковая армия и часть 17-й армии (а также 6-й армии. – Ред.) уничтожили русские войска, прорвавшиеся к югу от Харькова (23 мая 1942 года немцы окружили здесь советские войска, взяв в плен 240 000 человек. – Ред.), мы были выведены со своих зимних позиций и в конце мая переброшены в район Сталино (Донецк. – Ред.). Именно там новые, созданные за зиму части усилили нашу дивизию, а новое пополнение влилось в ряды ветеранов. Упражнения на стрельбище быстро вернули моему батальону отличную боевую форму. Он был лучше вооружен, чем в 1941 году, и, имея за плечами опыт предыдущих боев, снова стал достойным соперником любого противника. Моральный дух части был высоким. Военнослужащие всех званий твердо верили в свои собственные силы и в своих офицеров – прежде всего, благодаря их сверхчеловеческим способностям, проявленным в боевых действиях как в наступлении, так и в обороне, умению противостоять превосходящим силам противника.

Совершенно неожиданно в начале июня 1942 года дивизия «Лейбштандарт» была выведена из состава войск, готовившихся к большому наступлению на юге Восточного фронта, и переброшена во Францию в ожидании возможной высадки сил союзной коалиции. Мой батальон был переведен в район Кана, и штаб расквартировался в Бретвиль-сюр-Лез. Прошло немного времени, и в Нормандии для нас уже не было никаких секретов. Все возможные ситуации были отрепетированы как с войсками, так и без них, и в результате был достигнут такой уровень подготовленности, который можно было бы уверенно противопоставить самой лучшей воинской части мирного времени.

Осенью мы готовились к отправке в Северную Африку, но судьба распорядилась иначе. Трагедия 6-й армии под Сталинградом призвала нас обратно в Россию. Только везение спасло нашу дивизию от разгрома под Сталинградом. Дивизии, которые воевали рядом с нами в 1941–1942 годах, шли здесь в свой последний бой. Другие ждали нашей помощи. Мы покинули Францию на самой высокой скорости и опять двинулись на восток. Нашей целью был фронт к востоку от Харькова.

Боевые действия зимой 1942/43 года

19 ноября 1942 года началось крупнейшее с начала войны наступление, организованное советской Ставкой Главного командования, – наступление под Сталинградом. Об общей обстановке складывалось следующее представление.

Противник развернул большое количество живой силы и техники, особенно танков, которых до этого не было видно. (Маскировка и внезапность были отличными. – Рей.) Судя по данным германского командования и исходя из общего анализа обстановки на основании разведанных, наступление носило массированный и планомерный характер. По своей точности и поэтапному развертыванию наступление советских войск напоминало работу часового механизма.

Прорыв к Дону у Серафимовича; одновременный прорыв у Красноармейска, южнее Сталинграда. В результате были уничтожены две румынские армии, а 6-я армия под Сталинградом за короткое время была полностью окружена и в последующем ликвидирована.

За этим последовало наступление на запад двух армейских группировок, сосредоточенных к западу и северо-западу от Сталинграда. В результате советские войска Южного фронта выдвинулись с двух сторон Дона, наступая в направлении района Ростова. Попутно прерывались линии коммуникации через Ростов к германским войскам на Северном Кавказе (которые пришлось отводить. – Ред.).

Советский Юго-Западный фронт стал затем развивать наступление между железнодорожными ветками Сталинград– Морозовск и Кантемировска – Миллерово. Оно было нацелено на Северский Донец. 8-я итальянская и 2-я венгерская армии к северо-западу от первого пункта прорыва на Дону были поставлены под угрозу русских ударов с фланга и тыла. В результате этих угроз обе армии оставили свои укрепленные позиции, не оказывая сколь-нибудь значительного сопротивления. (В январе 1943 года советские войска совершенно разгромили 8-ю итальянскую и 2-ю венгерскую армии, взяв в плен 86 000 человек. 2-я венгерская армия, потеряв 135 000 человек, фактически перестала существовать. – *Ред.*) Их уклонение от боевого контакта с противником в конечном счете было равносильно бегству. Части советского Юго-Западного фронта на широком фронте перешли Дон северо-западнее Сталинграда.

После того как войска советского Южного фронта достигли низовьев Дона, а группировка Юго-Западного фронта достигла Оскола, южное крыло Воронежского фронта также подключилось к наступлению на запад.

Участок обороны VII и XIII армейских корпусов, который выдавался далеко на восток, после отхода венгерской армии был взят в атакующие клещи на северном и южном флангах. Два немецких корпуса (а также венгерский зак) были окружены после соединения двух советских наступающих группировок у города Касторное.

Вследствие этого перешел в наступление на запад весь советский Воронежский фронт. Его войска прорвались через позиции на реке Тим, которые в большой спешке создавались командованием 2-й немецкой армии. В ходе дальнейших наступательных боев в западном направлении советскими войсками были взяты Курск и Рыльск.

Южное крыло Брянского фронта наступало из района Ливны, угрожая правому флангу 2-й танковой армии, которая совершала отход. Центральная группировка фронта выдвинулась из района юго-восточнее Орла, наступая на сам Орел.

Стратегическая цель зимнего наступления русских и его поэтапность были совершенно очевидны. Выдвижение ударных группировок было синхронизировано, так что рубеж обороны немцев – главным образом протянувшийся с юга к северо-западу – был атакован с флангов, взломан и по частям отрезан каждой из ударных группировок.

В соответствии с планом операция велась на территории южнее Сталинграда до возвышенностей у Орла. Результаты не заставили себя ждать. Вслед за разгромом 6-й немецкой, 3-й и 4-й румынских, 8-й итальянской и 2-й венгерской армий был прорван и немецкий фронт к северо-западу – на ширину более 500 километров – между Славянском и районом к северу от Курска. Армии двух советских армейских группировок неуклонно продвигались в западном направлении.

Цель операции, развал Восточного фронта немцев, похоже, была достигнута на его южном участке.

Ставка Верховного главнокомандования русских объявила следующей целью наступления Днепр. Они не считались с измотанностью войск, с растущими проблемами снабжения, с потерями, понесенными в ходе наступления. Казалось, что командование русских мало волновало, что лишь часть их артиллерии успевала за быстрым наступлением и что стрелковые части почти полностью состояли из только что мобилизованных гражданских лиц. Артиллерия почти не использовалась, а укомплектованность подразделений обеспечивалась за счет мобилизации неподготовленных и плохо вооруженных призывников.

С другой стороны, значительное численное превосходство Красной армии было достигнуто в результате потери немецким командованием пяти германских и союзных армий. Предполагалось, что большая масса наступающих советских войск одержит верх над намного уступающих ей в числе остатках немецких войск, оборонявшихся на южном участке советско-германского фронта.

Однако решающим фактором стало то, что советское командование упустило кульминационный момент своего наступления. А он наступил, видимо, на Северском Донце.

Части тылового обеспечения и наземные службы военно-воздушных сил Красной армии вынуждены были пускаться перед огромными расстояниями в условиях зимней кампании; боевая мощь ударных группировок была растратчена в ходе наступательных боев на глубину в несколько сотен километров.

Превосходство германской системы командования и управления, как и превосходство германских боевых частей, следовательно, могло иметь решающее значение, несмотря на большой численный перевес противника. Моторизованный корпус СС, состоящий из 1-й гренадерской моторизованной дивизии СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер», 2-й гренадерской моторизованной дивизии СС «Рейх» и 3-й моторизованной дивизии СС «Мертвая голова», сыграл в этот решающий момент основную роль. (В наших источниках их часто называют танковыми дивизиями, хотя официально они стали называться танковыми с октября 1943 года. – Ред.)

Сражение за Харьков

К концу января 1943 года русские достигли рубежа на Северском Донце и его притоках: Ворошиловград (Луганск) – Старобельск – Валуйки – Старый Оскол. Они подтягивали свои части для дальнейшего наступления на запад. Что касается наших сил, то 320-я пехотная дивизия находилась в Сватово; 298-я пехотная дивизия после того, как была сильно потрепана во время отступления, доукомплектовывалась в Купянске; части гренадерской моторизованной дивизии «Великая Германия» оборонялись к западу от Валук; а в районе Корочи корпус особого назначения Крамера собирал остатки потрепанных немецких и венгерских войск, отходивших с верховьев Дона.

Между соединениями германских войск образовались огромные бреши. Командовать 8-й итальянской армией (остатками. – Ред.) был назначен германский генерал. К этому времени моторизованный корпус СС с его подразделениями, основные силы гренадерской моторизованной дивизии СС «Рейх» и ударные подразделения 1-й гренадерской моторизованной дивизии «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» уже прибыли в район Харькова. Дивизия «Лейбштандарт» расположилась по обе стороны от Чугуева на реке Северский Донец. Решение штаба главного командования вооруженных сил задействовать моторизованный корпус СС в массированной контратаке после его перегруппировки было расстроено стремительным наступлением советских войск. Сначала нужно было предотвратить прорыв в район дислокации корпуса. Части гренадерской моторизованной дивизии «Рейх» были выдвинуты вперед для прикрытия района к западу от Валук.

Глубокие сугробы и сильный мороз препятствовали продвижению подразделений. Мы выгрузились к востоку от Харькова, и батальон получил приказ создать плацдарм у Чугуева и установить контакт с 298-й пехотной дивизией. За многие годы у нас выработалась привычка не обсуждать приказы, которые кажутся невыполнимыми, и не считаться с превосходящими силами противника. Обычные стандарты для ведения этой войны уже не годились. От германских солдат ожидали проявления поистине феноменальных способностей. Нас не удивляло, когда предполагалось, что «Лейбштандарт» должна оборонять фронт шириной 90 километров (!) и сорвать наступление 6-й русской армии! (Численность любой советской полевой армии была в несколько раз меньше, чем германской; кроме того, наступавшие здесь советские войска имели большой некомплект как в личном составе, так и в технике. Наносившие контрудар под Харьковом немцы превосходили наши войска здесь в людях в два раза, в танках – еще больше. – Рей.)

Толстые доски трещали под весом бронемашин, осторожно двигавшихся по длинному деревянному мосту через Северский Донец у Чугуева. Я вел свой батальон на старые русские позиции зимних боев 1941/42 года. Они протянулись вдоль Донца, и я, таким образом, избавил своих солдат от необходимости рыть новые окопы в мерзлой земле. Через снежные пространства к нам периодически выходили группы из остатков разгромленных итальянских частей. Со стороны Купянска к реке вышли отдельные подразделения германского обоза с

ранеными немецкими солдатами и полуголодными лошадьми. Отступавшие солдаты молча протащились через мост. Они уже не годились для ведения боевых действий.

Батальон должен был прикрывать фронт шириной примерно 10 километров, и, кроме того, две роты должны были помогать выходу из боя 298-й пехотной дивизии в Купянске. 298-я пехотная дивизия отчаянно сражалась против превосходящих сил русских и отступала через этот город. 2-я рота 1-го разведбатальона СС под командованием оберштурмфюрера СС Вейзера вела бои к северу от Купянска у Двуречной и в данный момент пробивалась в Купянск. Сплошной линии немецкого фронта больше не существовало. Ситуация продолжала неумолимо ухудшаться.

Созданные немцами опорные пункты были охвачены с флангов и отрезаны от коммуникаций превосходящими силами русских. Снежные заносы на сильно пересеченной местности делали ведение боевых действий почти невозможным и вынуждали германские войска передвигаться по немногим проходимым дорогам. Артиллерия застревала на подъемах; ее невозможно было тащить ни тягачами, ни лошадьми. Обледеневшие дороги были гладкими, как стекло. Ознакомление с обстановкой по карте и посещение на месте частей 298-й пехотной дивизии привели меня к выводу, что позиция дивизии стала незащищенной и будет смята самое позднее через двадцать четыре часа. А через несколько дней русские атакуют мой батальон и попытаются захватить переправу у Чугуева. Рота Книттеля осталась с 298-й пехотной дивизией. Она должна была вести арьергардные бои, используя свои бронемашину, на дороге, а затем вернуться в свой батальон на позиции к востоку от Северского Донца. Я возвратился в батальон в сумерках и обнаружил в его расположении множество отставших от своих частей немецких солдат. Они были страшно довольны тем, что смогли присоединиться к германской части.

Ситуация стала еще более угрожающей. Советские войска рвались вперед к Северскому Донцу, угрожая отрезать части, которые вели бои к востоку от реки. Я очень беспокоился по поводу роты Книттеля, которая все еще была с 298-й пехотной дивизией. Тем временем всеми имевшимися в нашем распоряжении средствами мы улучшили свои позиции и оборудовали их для круговой обороны. По счастливой случайности наше вооружение также пополнилось новыми системами. С подъездных путей железной дороги нам доставили с десятков 75-мм противотанковых орудий и шесть тяжелых пехотных орудий. Недостаток в личном составе был восполнен из числа отставших от своих частей солдат.

3-я рота 1-го разведбатальона СС смогла оторваться от советских войск на дороге Купянск – Чугуев и прибыть в батальон без серьезных потерь. 298-я пехотная дивизия продолжала вести бои, пробиваясь на запад через сугробы и на ледяном ветру по бездорожью к югу от дороги), потеряв всю свою артиллерию на открытых заснеженных пространствах. В данный момент всякая связь с дивизией была прервана.

Я двигался в направлении Купянска с двумя бронемашинами сопровождения, чтобы сориентироваться в ситуации относительно противника. Злая снежная буря била нам в лицо, когда я увидел сани в воловьей упряжке в нескольких километрах впереди. Мы медленно приблизились к ним. Две бронемашину остановились и обеспечивали прикрытие. Были ли сани ловушкой?

На них оказался унтершарфюрер СС Крюгер, который, несмотря на свое ранение, смог доковылять до саней и ускользнул от русских. Я узнал у Крюгера, что в окрестностях есть еще отбившиеся от 298-й пехотной дивизии солдаты. Через полчаса на огромных заснеженных равнинах по обе стороны дороги мы обнаружили около двадцати солдат этой дивизии. Мне редко приходилось видеть такую благодарность, как у этих солдат. Ведь они чуть было не расстались с жизнью. За ночь бесконечные снежные заносы похоронили бы их здесь навсегда.

Мы наблюдали за смутными очертаниями русских танков, медленно пробивавшихся на запад по левую и правую стороны дороги. Танки избегали движения по дороге, лавируя по сильно пересеченной местности, очевидно пытаясь с ходу взять наш плацдарм в клещи и размолоть своими бронированными челюстями.

В результате моих наблюдений наша противотанковая оборона была соответствующим образом эшелонирована, а истребители танков подготовились к встрече с противником. Столкновение должно было произойти в ближайшие двадцать четыре часа. Сможем ли мы выстоять против натиска советских войск или уступим перед превосходящими силами противника? Опыренные победами красноармейцы собирались вынести нам смертный приговор.

Мои солдаты до мельчайших подробностей изучили ситуацию, а также усвоили то, как предполагалось вести боевые действия. Я намеревался нанести сокрушительный удар по советским войскам, не подвергая свои большому риску. В то время как противотанковые пушки заняли позиции по обе стороны дороги, юркие истребители танков и штурмовые (самоходные) орудия расположились по флангам батальона. Я поддерживал контакт со всеми подразделениями либо по радио, либо по телефону. Подразделения отвечали в доли секунды и были уверены в своих силах – они не испытывали страха перед наступающими русскими.

На заре следующего дня белые снежные пространства все так же лежали, сверкая, перед нашими позициями, а солнце предвещало чудесный зимний день. Местность с небольшим наклоном поднималась перед нами примерно на протяжении 1500 метров, что не давало возможности атакующим для укрытия или маскировки. Горе атакующим, если они будут действовать так, как я ожидал, и пустят свою пехоту вниз по обе стороны дороги. В этом случае длинный склон станет гибельным для наступавших русских солдат. Мы располагались под высокими деревьями и могли быть замечены только в последний момент. Чтобы обеспечить полный успех, я дал приказ не спешить открывать огонь, и делать это только по моей команде. Хорошо подготовившись, мы ожидали начала боя.

С наблюдательного пункта высоко над западным, правым берегом Северского Донца мне уже сообщили о приближении авангарда русских. Наша артиллерия молчала. Предполагалось, что советские войска поверят, что они уничтожили последнюю германскую боеспособную часть к востоку от Донца (298-ю пехотную дивизию) и что в районе моста находятся только слабые силы этой дивизии.

Около полудня русские двинулись на наш плацдарм, наступая левее дороги. Сначала они остановились на гряде, рассматривая с высоты Северский Донец и его лесистые берега; затем опять двинулись дальше и наступали уже в атакующих порядках. На крайнем правом фланге советских войск я видел два танка КВ, которые, если они не изменят направление движения, попадут прямо в «сеть» противотанковых орудий. Их судьба уже была предрешена.

Головное атакующее подразделение нерешительно приблизилось к нашим позициям. К этому моменту нами еще не было произведено ни единого выстрела. Все было спокойно. Я был не в состоянии наблюдать за участком Бремера, но меня постоянно держали в курсе происходящего в его роте. Все больше русских перебиралось из-за гряды и шагало вниз по склону. Весь склон покрылся маленькими черными точками. То и дело головное подразделение останавливалось и внимательно прислушивалось. Ничего не услышав и не увидев никакого движения на наших позициях, наступавшие русские солдаты снова зашагали в западном направлении.

А как обстояли дела у нас? Мои солдаты согнулись в своих окопах и ожидали приказа «Огонь», который заставит их действовать. Они мерзли. Они давно находились на морозе, лежа на льду и на снегу, прижимая к себе окоченевшими пальцами оружие. В следующие несколько секунд они вступят в бой с советскими войсками.

Я услышал в своей телефонной трубке отчет расстояния с левого фланга. Телефон все время работал. Артиллерия сообщала координаты целей. Бор передал по радио: «Еще пятьсот метров!» Через несколько минут уже только 200 метров отделяли русских от 1-й роты 1-го разведывательного батальона СС. Рота попросила разрешения открыть огонь. Я запретил. Оба русских танка двигались вниз по склону, чтобы поравняться с головным атакующим подразделением.

В приемнике послышался голос Бора, который исполнял обязанности командира 1-й роты 1-го разведбатальона СС: «Еще 100 метров!» Голос стал озабоченным, потому что я все еще не реагировал. Танки продвинулись до отметки примерно в 150 метров до наших позиций, когда после моей команды «Огонь!» смерть обрушилась на цепи советских солдат, а один из танков был подбит штурмовым орудием. Урожай смерти был ужасающим. Арьергардные подразделения русских войск вскоре прекратили всякое движение. Они попали в смертельную ловушку; склон стал для них гибельным.

Однако что толку было в наших успешных действиях в обороне к востоку от Чугуева, когда фронт был неустойчивым на протяжении нескольких сот километров! 8 февраля кризис развивался уже на обоих флангах фронта нашей обороны под Харьковом. Две русские армии замыкали кольцо окружения с флангов. Южнее 320-я пехотная дивизия получила приказ к отходу слишком поздно, и с 5 февраля ей пришлось медленно, с боями пробиваться на запад.

Русские прорывали «Лейбштандарт» с фронта и обходили южный фланг у Змиева. Между нашим флангом и флангом 320-й пехотной дивизии был разрыв в 40 километров. Продвижение русских к западу от Змиева ставило под угрозу южный рубеж обороны под Харьковом у Мерефы. Оперативная группа «Кемпф» с танками из «Лейбштандарта» была брошена в направлении Мерефы с заданием перекрыть русским дорогу на Харьков.

Наш северный фланг также был под угрозой. Немецкие войска вели бои к северо-востоку от Белгорода и уже были обойдены с фланга. Операция русских по окружению и штурму Харькова уже началась, и не было сил, которые могли бы этому помешать. (Во время штурма 15–16 февраля Харькова наши войска имели всего 80 танков против 200 немецких. – Ред.) Одновременно советское Верховное главнокомандование готовило наступление на Донецкий бассейн. Помимо наступления по всему фронту от Белгорода до Харькова в намерения нашего противника входило внезапным ударом отрезать немцев, оборонявшихся в Донбассе, нанеся удар от Славянска к Азовскому морю. Затем русские надеялись уничтожить окруженных в Донбассе немцев.

Этот смертельный удар должен был быть нанесен в направлении Лозовая – Павлоград – Днепропетровск – Запорожье. Для проведения этой операции к северу от Славянска были сосредоточены пять танковых и три стрелковых корпуса. 1-я советская гвардейская армия вслед за взятием Изюма двинется на юго-запад, не встречая никакого сопротивления; советская 6-я гвардейская армия присоединится к наступлению на правом фланге после того, как будет отрезана 320-я пехотная дивизия. Если этой операции суждено стать успешной, то группа армий «Юг» будет отрезана от своих линий коммуникаций, русские выйдут на Днепр и дорога на Западную Украину будет для них открыта.

После отражения русской атаки нам удалось установить контакт с остатками 298-й пехотной дивизии, и выжившие были переправлены на пароме через Северский Донец. В частях на плацдарме преобладало мрачное настроение. Было очевидно, что над нашей позицией висит угроза проникновения противника к нам в тыл и что нам придется отступить за Северский Донец.

Противник на широком фронте вышел к Северскому Донцу. Он наступал между правым флангом «Лейбштандарта» и 320-й пехотной дивизией такими крупными силами, что требовались отчаянные действия. Ситуация заставляла нас либо атаковать силы противника, собиравшиеся осуществить окружение Харькова с юга, что привело бы к эвакуации наших войск, либо к плотному сосредоточению всех наших сил вокруг города с целью круговой обороны, что будет равносильно окружению.

9 февраля батальон получил приказ отойти с Северского Донца и приготовиться к атаке к югу от Харькова у Мерефы. Выход из боя прошел без потерь и трудностей. Мы были рады снова быть на марше и слышать шум работающих двигателей. Мы двинулись на запад по тщательно расчищенным лесным дорогам, через глубокий снег и по полуразрушенным мостам, достигнув района Мерефы в полночь.

Только там я узнал о серьезности ситуации и что моторизованному корпусу СС (в

наших источниках обычно называется танковым, как и танковыми зовутся дивизии «Лейбштандарт «Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова», но официально они стали танковыми в октябре 1943 года. – *Ред.*) грозило полное окружение, если он выполнит приказ Гитлера защищать Харьков до последнего патрона. Выполнение приказа будет означать уничтожение корпуса и, более того, даст возможность русским выйти к Днепру. За моторизованным корпусом СС не было другого подобного соединения, которое могло бы быть брошено в бой против стремительно наступавших русских. Чтобы ликвидировать угрозу нашему правому флангу и предотвратить окружение Харькова с юга, командующий корпусом генерал Хауссер решил двинуться на юг, атакуя тремя боевыми группами.

Глубокий снег затруднял выдвижение на рубеж наступления, но в первые утренние часы все было готово. Моя боевая группа располагалась на правом фланге и имела приказ продвигаться в направлении Алексеевки. Эта задача предполагала, что мы должны были прорваться на 70 километров по наводненной противником территории и нанести контрудар по одной из главных наступающих группировок русских войск. Я распроштался со штабом дивизии, догнал наши головные подразделения и быстро проинструктировал батальон о его задаче.

Каждый солдат знал, что от нас ждут и что нам предстоит трудные дни. Мои солдаты внимали каждому моему слову, когда я обрисовал чрезвычайно критическую обстановку и сказал им об опасном контрударе, который мы собираемся нанести. Я ожидал увидеть озабоченные лица, но никто, казалось, не был особенно удивлен таким заданием. Мои молодые солдаты стояли передо мной с раскрасневшимися лицами и руками глубоко засунутыми в карманы. Я знал всех офицеров, в том числе из приданных нам частей, причем большинство из них не один год. Унтер– офицерский и рядовой личный состав из молодых солдат был предан мне, а молодое пополнение образовало сплоченную общность людей. С такой боевой группой я мог пойти на такой «рейд» через русские полчища без колебаний. Нашим сильнейшим оружием было боевое братство и абсолютное доверие, которое связывало нас и одновременно делало уверенными в себе.

Боевая группа расположилась для атаки на заснеженной дороге к югу от Мерёфы. Дорога перед нами постепенно шла под уклон и исчезала через несколько сотен метров между домами поселка. Там же были видны два подбитых автомобиля-амфибии из 2-й гренадерской моторизованной дивизии СС «Рейх». Очевидно, они остались от уничтоженного русскими разведдозора дивизии. Не было видно никакого движения. Лесная полоса тянулась вдоль дороги, уходя вправо за поселок; там также не было видно ни души. Рядом со мной был командир авангарда оберштурмфюрер СС Шульц, который вместе со мной участвовал в наступлении на Ростов. Оберштурмфюрер СС фон Риббентроп был командиром первой бронемашин.

Мы не осмелились наступать в рассредоточенных порядках. Глубокий снежный покров делал всякие маневры на пересеченной местности почти невозможным и отнимающим много времени делом. Да и расход топлива подскочил бы до немыслимой величины. Нам пришлось оставаться на дороге, сохранять свой темп движения и использовать фактор неожиданности. Шульц получил приказ двигаться через поселок под прикрытием огня бронемашин и ждать батальон у небольшого леса. Ни в коем случае он не должен был ждать нас в поселке или тем более ввязываться там в бой. Я хотел сбить противника с толку быстрым наступлением авангардного взвода и с бешеной скоростью вести свою боевую группу на юг.

Шульц влез в коляску мотоцикла и поднял вверх руку. Он махнул мне и крикнул водителю «Поехали!». В считанные секунды первое отделение исчезло между домами, а остальная часть взвода мчалась позади головного отделения.

Макс Вертингер, мой новый водитель, слышал о наших последних операциях и ворвался в поселок. Боевая группа в полном составе следовала сразу позади нас. В этот момент все оживило! Советские солдаты в панике выбегали из домов и попадали под нашу маршевую колонну, но лишь немногие открывали огонь. Основная масса красноармейцев пыталась добраться до небольшого леса. Слева от нас оказалась советская противотанковая

пушка с расчетом, уже готовым открыть огонь. Она попала под обстрел нашей колонны. За следующим поворотом мы увидели, что в снегу лежит оберштурмфюрер СС Шульд. Несмотря на мое предупреждение, он соскочил с мотоцикла и открыл ответный огонь по советским солдатам. Пуля, попавшая в грудь, оборвала его жизнь. Обершарфюрер СС Зандер подобрал тело своего павшего командира взвода. Позднее для него была вырыта могила в мерзлой земле с помощью взрыва.

Наши пикирующие бомбардировщики U-87 покружились над нами и улетели в западном направлении – они взлетели с аэродрома в Харькове. Они покачали крыльями в знак солидарности и обстреляли вражеские колонны из своего бортового оружия. Мы узнали из показаний пленного, что вклинились в авангард 6-го гвардейского кавалерийского корпуса и двигались прямо через расположение корпуса. Мы кинжалом вонзились в его наступающие в западном направлении головные колонны. Во второй половине дня 11 февраля начался сильный снегопад с метелью. Снежные заносы делали всякое продвижение вперед невозможным. Нам приходилось расчищать себе путь лопатами. Метель со страшной силой держала нас в своих объятиях. Наши машины шли буквально впрытык. Обгон был невозможен. «Дорога» стала глубокой траншеей в снегу. Бронемшины пробивались через снег, как снегоочистители; метр за метром мы продвигались через сверкающую белую стену. Противник появлялся лишь в смутных очертаниях. Обе стороны сражались со всемогущей погодой.

В сумерках мы оказались перед широкой низиной. Я раздумывал, следовало ли нам рискнуть повести боевую группу в заснеженную долину. Судя по карте, долина должна была быть 1000 метров шириной и на 50 метров ниже, чем окружающая местность. На другой стороне этой преграды была деревня; мы должны были добраться до нее, если не хотели быть совершенно занесенными снегом. Несколько человек на лыжах были отправлены на разведку. Вюнше и я в ожидании возвращения разведки находились с нашим передовым охранением. Когда она вернется, мы узнаем, можно ли нам двигаться через снежную долину.

Прячась за снежными сугробами, мы продвигались вперед, когда караульный вдруг возбужденно указал прямо вперед и прошептал: «Танк!» Он был прав! Затем мы услышали глухой рев двигателя. Танк должен был преодолеть вверх по склону несколько сот метров прямо перед нами. Нашему головному танку сразу же было передано предупреждение. Наводчик держал руку на спуске, готовый вести огонь. Мы молча поджидали советский танк. Вот он; я его вижу! Он медленно полз вверх по склону. Макс Вюнше прошептал: «Господи Иисусе, он поворачивает башню прямо на нас! Разве ты не видишь пушку!»

Вдруг караульный громко рассмеялся. Перед нами был огромный бык, голову которого мы приняли за башню танка, а рога – за ствол орудия. Метель сыграла с нами забавную шутку. Несмотря на жестокий холод, мы посмеялись от души.

Еще через час мы выбили красноармейцев из теплых жилищ и заняли деревню. Было только 18.00, но очень темная ночь опустилась на нас, не позволяя распознать ни друга, ни врага. Машины и танки продвигались медленно. Темнота исключала всякую ориентацию. Мы застряли среди частей 6-го русского гвардейского кавалерийского корпуса. Наша артиллерия и обоз были отрезаны от главных сил боевой группы. Вклинившийся противник расколол маршевую колонну на две половины. Артиллерия заняла круговую оборону. Я узнал по радиосвязи, что атакующие подразделения противника находились уже в 25 километрах к западу от нас и пошли на штурм Краснограда. В Краснограде уже были войска гренадерского моторизованного полка СС «Туле» 3-й танковой (см. примечание ранее. – *Ред.*) дивизии СС «Мертвая голова». Он был спешно брошен в прорыв, чтобы помешать наступлению противника. Главные силы этой дивизии все еще ехали в эшелонах по железной дороге между Францией и Днепром!

Две усиленные полковые боевые группы вели тяжелые бои к востоку от Харькова. Силы немцев, оборонявших Змиев, не могли соперничать с большими массами атакующих русских, которых поддерживала сильная артиллерия. Наша собственная, неглубоко эшелонированная оборона у Рогани восточнее Харькова сдерживала необыкновенно мощные

атаки русских, поддерживаемые все новыми силами, постоянно подтягиваемыми к полю боя. В этом бою уже не было ничего человеческого. Он был жестоким, и в нем применялись самые бесчеловечные методы. Советские войска совершили ужасающие акты насилия в отношении пленных солдат на аэродроме Рогани. После немецкой контратаки здесь были обнаружены 50 убитых эсэсовцев. У десятирх были выколоты глаза, а у одного отрезаны гениталии. За редким исключением, на их телах были страшные ожоги. Десять человек были полностью сожжены и обуглились.

Вслед за взятием Белгорода армия врага углубилась также в район к северо-западу от Харькова. К 13 февраля левый фланг обороны Харькова простирался на участке Русские Тишки – северная часть Русская Лозовая – железнодорожная станция Емцов-Фески. Батальону мотопехоты на бронетранспортерах (SPW) «Лейбштандарта» под командованием Йохена Пайпера удалось установить контакт с 320-й пехотной дивизией восточнее Змиева и уничтожить прорвавшиеся группы противника южнее. Остатки 320-й пехотной дивизии были совершенно вымотаны и оставляли жалкое впечатление. Более 1500 раненых все же выжили в ходе полного лишения марша сквозь ужасную метель и были немедленно переправлены в тыл, где о них позаботились. Долго голодавшую дивизию (точнее, то, что от нее осталось) накормили в «Лейбштандарте».

Лавина наступающих советских войск катилась все дальше на запад и приближалась к Днепропетровску. Под угрозой был весь фронт немецкой группы армий «Юг». В результате такого развития событий я получил приказ двинуться в направлении Алексеевки и преградить путь наступающему на запад противнику.

Метель на харьковском фронте все еще буйствовала, забивая снегом оптические приборы наших танков. Русские войска и моя боевая группа двигались мимо друг друга. В середине дня самолет-разведчик покругил над нами и сбросил послание, прикрепленное к дымовой шашке. Вокруг нас находились наступающие советские войска. Спустя 24 часа мы добрались до Алексеевки и перешли к круговой обороне. В этот момент мы были самым восточным соединением на харьковском фронте.

Сможет ли боевая группа выполнить свою задачу? Она была предоставлена самой себе – почти без артиллерии, танков и обозов. Поселок был довольно большим; он протянулся по обе стороны от дороги. Тем временем в ходе разведки местности мы наткнулись на русский дозор и открыли огонь с расстояния не более пяти метров. Метель делала видимость нулевой. Obersturmführer СС фон Риббентроп рухнул в нескольких шагах справа от меня. Пуля, пробившая легкое, свалила его на землю. Но на следующее утро состояние Риббентропа было неплохим. Он отказывался от эвакуации в безопасное место на «Шторьхе» до тех пор, пока в котле находится хотя бы один раненый солдат. Советские войска хлынули потоком мимо нас по обе стороны поселка.

Я был рад услышать донесение Макса Вюнше о ситуации. Он пробивался к нам вместе с бронетехникой, артиллерией и обозом. Мы надеялись, что он прибудет вовремя; нам срочно нужны были горючее и боеприпасы.

Утром 13 февраля моторизованный корпус СС получил приказ фюрера удерживать Харьков любой ценой. Вслед за этим в течение ночи на 13 февраля, для того чтобы высвободить хоть какие-то резервы, было произведено дальнейшее сокращение фронта обороны вокруг города. Новый рубеж обороны Харькова пролегал по линии Лизогубовка – Большая Даниловка. Однако к вечеру 13 февраля штаб корпуса сообщил, что новый рубеж может удерживаться только до 14 февраля, поскольку город уже окружен. В полночь было приказано взорвать все склады, а также военные сооружения и все, что пригодно для военной экономики.

Утром советским войскам удалось прорвать неглубоко эшелонированную линию нашей обороны к северу от Затишья. Атака 40 вражеских танков у Рогани также привела к прорыву. Опасались также удара по району тракторного завода. Мы также потеряли Ольшаны к северо-западу от Харькова. Это позволило русским держать под обстрелом главную линию снабжения – железную и шоссейную дороги из Полтавы в Харьков.

Советские войска непрерывно атаквали южный и крайний восточный пункты рубежа обороны Харькова и угрожали опрокинуть нас в Алексеевке. Мы подбили несколько противотанковых орудий и нанесли большой урон пехоте противника в ходе контратаки в направлении села Берека (к северу от Алексеевки), но и наши ряды поредели. Гауптштурмфюрер СС Книттель, командир роты мобильного дозора, получил четвертое в этих сражениях ранение. Ночные атаки русских были особенно опасными, поскольку мы не видели подкрадывавшегося противника и должны были экономить боеприпасы.

Противник прорвался в Алексеевку в ночь с 13 на 14 февраля и потеснил нас к центру поселка. Бой достиг своей кульминации. Солдаты сражались с мужеством, происходившим от отчаяния, но вскоре выяснилось, что отступать уже некуда. В этой безнадежной ситуации события развивались стремительно. Расположившись вплотную друг к другу, наши бронемашины открыли ураганный огонь, обстреливая разрывными снарядами атакующие советские войска. Запылали дома с соломенной крышей. Мы находились посреди огненного кольца и вели огонь в темноте по ярко освещенным рядам русских. Их атака была сорвана. Своей контратакой мы отбросили их от Алексеевки и вернулись на свои прежние позиции.

Приблизительно в это же время полк Витта попытался установить контакт с нашей боевой группой, осуществив прорыв с севера. Однако к северу от Береки Витт натолкнулся на такое сильное сопротивление советских войск, что не смог пробиться к Алексеевке. С рассветом мы увидели новые приготовления Красной армии к востоку и западу от деревни. Если обе атаки будут развернуты одновременно, наша судьба будет предрешена.

Я обошел позицию и поговорил чуть ли ни с каждым солдатом. Все сгрудились, образуя опорный пункт. Пулеметы кольцом окружили противотанковые орудия. Мои молодые солдаты шутливо отвечали на мое приветствие. Мы ни в каком отношении не чувствовали себя побежденными. Превосходство русских почти не беспокоило нас, но нехватка горючего, потеря мобильности и ощутимый недостаток боеприпасов приводили нас почти в отчаяние.

Нам обещали сбросить груз с припасами еще в течение прошедших сорока восьми часов, но я еще не видел ни одного нашего самолета. Погодные условия сделали такое снабжение невозможным. Я снова направил донесение об обстановке и потребовал срочной доставки боеприпасов. В то же время группа Вюнше пробивалась все ближе и ближе к Алексеевке. Успеет ли Вюнше?

Я был потрясен, когда стоял в классной комнате местной школы среди своих раненых солдат. Они знали, что происходило, и умоляли меня не позволить им попасть в руки к русским. Мы вспомнили ужасный конец германского полевого госпиталя в Феодосии в Крыму. Он на какое-то время попал в руки советских солдат, высадившихся в январе 1942 года в городе с моря. Раненых раздетыми выбрасывали из окон, а потом лили на них воду. В госпитальном дворе, после того как он был отбит в ходе контрнаступления немцев, было обнаружено более 300 замороженных тел. (Это следствие. А о причине автор не вспоминает, – летом и осенью 1941 года большая часть попавших в это время в плен красноармейцев была уморена голодом, погибла от эпидемий или была расстреляна немцами – погибло более 1 000 000 человек. Только через год немцы начали относиться к пленным, так сказать, «терпимее» – используя для тяжелых работ, а позже – и в тыловых службах. – *Ред.*)

Доктор Гаттеринг пожал плечами, покачал головой и отвернулся. Голоса моих солдат разрывали мне сердце. Что мне было делать? Молодые солдаты посмотрели на меня с облегчением, когда я велел выдать раненым пистолеты. Я был готов стоять в огне пожарища, чтобы не вести еще один подобного рода разговор.

Облака висели низко в небе. Мы услышали шум двигателей. По реву двигателей мы могли предположить, что нас ищут. Вдруг мы заметили тень «Хейнкеля-111». Принесет ли он нам спасение? Спустя несколько минут тень опять оказалась над нами; самолет летел прямо над Алексеевкой. Вскоре с неба падали контейнеры с боеприпасами и горючим, но, к сожалению, лишь немногие остались неповрежденными. Большинство взорвалось при ударе

о землю.

В этот момент я потерял всякую надежду. Сохранившееся в целости топливо было сразу же распределено по самоходным орудиям, танкам и бронемашинам. Если нам суждено погибнуть, то мы хотели умереть в бою, прорываясь через степь в своих боевых машинах – чтобы и русским пришлось несладко. Без боя мы им не сдадимся.

Закончив составлять донесение об обстановке, в котором я докладывал о неминуемой гибели боевой группы, я простился с солдатами, которые вместе со мной шли навстречу судьбе. Я смотрел на лица своих солдат в некотором изумлении. В выражении их расслабленных лиц, казалось, сквозило любопытство. Не было ни одного лица, черты которого были бы искажены фанатизмом. Они серьезно прислушивались к моим словам. Я определил цель атаки и залез в свой броневладелец. Идем ли мы все вместе в свою последнюю атаку?

Мы медленно выдвинулись из центра деревни – мимо развалин и могил наших товарищей – к окраине деревни. В нескольких сотнях метров перед нами взад-вперед сновали красноармейцы. Они могли позволить себе такую свободу движений, поскольку в нашем распоряжении почти не было артиллерии, а боеприпасов не хватало. Похоже, советские войска не верили в возможность нашей контратаки. Между тем наступил полдень. Метель стихла; несколько робких лучей солнца скользнули над головой. Что будут делать русские у нас в тылу, когда мы атакуем в восточном направлении?

Наша бронетехника находилась на дороге, которая вела прямо через самую середину скопления русских войск. Я намеревался на полной скорости промчаться по этому отрезку дороги и ударить по советским войскам, направляя наши бронированные машины прямо в центр позиций противника. Мы могли добиться успеха только в случае нанесения молниеносного удара по советским войскам и выиграть для себя по меньшей мере сутки. Я надеялся, что за эти сутки смогу справиться с русскими к западу от Алексеевки, и полагал, что Вюнше к тому времени сможет прорваться. Мой маленький казак, русский доброволец, который сопровождал меня с Ростова и был мне предан, указал на группу советских солдат сзади. Темные точки были видны повсюду. Мы, фигурально выражаясь, сидели по уши в дерьме!

Только несколько секунд отделяли нас от начала движения в полную неизвестность. Мой водитель слегка нажал на акселератор, отпустил сцепление, и броневладелец медленно тронулся. Штурмовые орудия рванули вперед по обе стороны дороги, оставляя после себя развалины деревенских домов. Скорость нашего движения увеличилась. Бронетранспортеры с моторизованной пехотой и броневладельцы мчались впереди самоходных орудий, которые прикрывали их огнем. Наша бронемашина была головной. Скорость была нашим оружием против русских. Пули, выпущенные из пулеметов, градом застучали по броне. Я видел впереди только бесконечную дорогу и старался увеличить скорость. Гусеницы бронетранспортеров и самоходок взбивали в воздух столбы снежной пыли, которые напоминали брызги воды от носа миноносца, рассекающего волны. Мы, построившись клином, врезались в волны атакующих русских, глубоко вклинившись в их ряды. Огонь русских тяжелых минометов накрыл дорогу впереди нас. Вперед, и только вперед! Остановки в этот момент быть не должно! Мы должны были уничтожить атакующие порядки, либо всем нам предстояла встреча с дьяволом.

Особенно сильный удар в броню заставил напрячь мускулы во всем теле. В ноздри ударил запах гари. Второй удар, обрушившийся на броневладелец с невероятной силой, заставил его остановиться. Наш водитель ротенфюрер СС Небелунг дико кричал. Вокруг моего тела поднялось пламя. Я выскочил из башни и залег в глубокой гусеничной колее вместе с казаклом Михелем. Крики из броневладельца сводили меня с ума. Я пополз по колее, намереваясь помочь нашему водителю. Он, наверное, зацепился за что-нибудь внутри машины своей толстой зимней одеждой, потому что его люк был открыт. Вдруг меня крепко схватили за ногу. Михель потащил меня назад и крикнул: «Назад! Командир для подразделения важнее! Назад! Я доставлю товарища!» Казак прыгнул в горящую машину,

вытащил водителя и покати́л его в снегу. В это время нас накрыл минометный и пулеметный огонь. Плотнo прижимаясь к земле, мы отползли назад по гусеничной колее. Нас подобралi наступающие солдаты.

Только тогда я убедился, что мы опрокинули атакующие порядки советских войск и советская пехота разбежалась в разные стороны. К сожалению, мы не могли развить этот успех, потому что горючего оставалось все меньше, а еще одна штурмовая группа советских войск заняла позиции для атаки с противоположной стороны.

После того как мы вернулись в Алексеевку, обнаружили, что Михеля ударило сзади в шею шрапнелью, а наш водитель не получил серьезных ранений, а лишь небольшие ожоги. Шум боя к западу от Алексеевки привел нас в радостное возбуждение. Этот шум мог означать только то, что наступление Макса Вюнше было успешным. Так оно и было. Танковый батальон пробился через плотные порядки противника, доставив нам большое количество боеприпасов и горючего. Мы снова были полностью боеспособным соединением и по приказу из дивизии на следующее утро с боем вышли из окружения.

Когда мы пробивались на запад, то познакомились с новой фазой этой бесчеловечной войны. Советских солдат было невозможно отличить от безобидных гражданских лиц. Впервые солдаты противника устраивали засады в городах и в сельской местности, когда в них нельзя было распознать регулярные воинские части. Мы стали нервничать. Местные жители не осмеливались выдавать замаскированных под гражданских лиц красноармейцев. Энтузиазм наступающих советских войск и отношение (к ним и к нам) со стороны населения требовали особой бдительности с нашей стороны. Мой старый товарищ Фриц Монтаг, которому поручили исполнять обязанности командира штабной роты, попал на поставленные мины и ему оторвало обе ноги ниже колена. Когда его доставили ко мне на мотоцикле с коляской, он был еще в полном сознании. Спустя несколько дней он умер и был похоронен в Полтаве рядом с генералом фон Бризенoм. Бои приобретали коварный характер.

Тем временем ситуация вокруг Харькова стала катастрофической. Вопреки всякому здравому смыслу, город было приказано удерживать. Поскольку просьбы моторизованного корпуса СС об оставлении города были отклонены (со ссылкой на приказ фюрера от 13 февраля), командующий корпусом генерал Хауссер принял решение издать собственный приказ о выводе войск с тем, чтобы не допустить окружения и дать им свободу маневра для необходимого контрнаступления.

Части противника, прорвавшиеся на восточном участке фронта с юго-востока, вышли 14 февраля на северо-восточные окраины Харькова. Батальон мотопехоты Пайпера, который предпринял немедленную контратаку, завязал ожесточенный ночной бой с русскими, не имея возможности очистить район от постоянно подтягивающихся сил противника. В самом городе жители начали оказывать помощь наступающим русским. По ходу движения наши колонны попадали под обстрел, который велся из домов.

В этой ситуации ударной группе моторизованного корпуса СС было приказано остановить атаку в южном направлении и удерживать занятую территорию. Корпус должен был снять войска, оборонявшие Харьков, и направить танковое соединение к северо-западу, чтобы отбить занятые врагом Ольшаны. Этот приказ не мог быть выполнен, поскольку для выполнения этой задачи при существующем состоянии дорог только на сосредоточение и выдвижение войск требовалось два дня.

Командующий корпусом генерал Хауссер в тот вечер еще раз обрисовал ситуацию, чтобы получить приказ на оставление Харькова. В ночь с 14 на 15 февраля враг прорвал наши боевые порядки в северо-западной и юго-восточной частях города. Танковый батальон 2-й гренaдерской моторизованной дивизии СС «Рейх» смог нанести атакующим тяжелый урон в ходе контратаки в северо-западном направлении. Наступление противника было временно остановлено. Командование моторизованного корпуса СС еще раз доложило армейскому командованию о серьезности обстановки. К полудню 15 февраля никакого решения по-прежнему не было принято.

Используя последнюю возможность, в 12.50 15 февраля командующий корпусом

генерал Хауссер отдал приказ 2-й гренадерской моторизованной дивизии «Рейх» оставить свои позиции и с боем пробиваться в северную часть города для того, чтобы предотвратить окружение там полутора немецких дивизий. При поддержке бронетехники дивизии «Рейх» этим соединениям удалось выйти из окружения и пробиться через город и далее в южном направлении.

Об этом решении было доложено в штаб группы армий «Юг» и в штаб армии в 13.00. Генерал Хауссер присоединился к сражающимся частям. В 16.30 вновь пришел приказ с требованием держать оборону любой ценой. Ответ генерала Хауссера был следующим: «Вопрос утрачен. Войска эвакуируются из Харькова!»

Благодаря решению генерала Хауссера тысячи людей остались в живых или избежали многолетнего плена. Более того, оно позволило создать более или менее плотный передний край обороны к юго-западу от Харькова. Арьергард 2-й роты гренадерской моторизованной дивизии СС «Рейх» пробился с боем через город 16 февраля.

Контрнаступление

Операцию можно было считать успешной хотя бы потому, что было предотвращено окружение полутора дивизий благодаря оставлению Харькова, а мы теперь могли держать оборону вдоль значительно более короткой линии фронта. Решающее же значение нашего отступления из Харькова состояло в том, что большая часть моторизованного корпуса СС могла быть теперь высвобождена для атаки в южном направлении, чтобы соединиться с контратакующими войсками группы армий «Юг», которой мы теперь подчинялись.

Ситуация на северном крае Донбасса развивалась следующим образом: противник охватил с фланга группу армий «Юг» у Славянска большими силами танковых и стрелковых частей генерала Попова и неуклонно наступал к Днепру через Павлоград и Новомосковск. Передовые подразделения противника уже продвинулись почти до Днепропетровска и Запорожья, а на левом фланге наступления – до Красноармейского. На Днестре в нашем распоряжении почти не оставалось боеспособных соединений. Группа Штайнбауэра, личный состав которой был представлен отпускниками и остатками разбитых боевых частей, была переброшена из Днепропетровска в Новомосковск и прикрывала западные окраины последнего. Противник уже занял восточную часть города. В Днепропетровске выгружалась 15-я пехотная дивизия, направившая полковую оперативную группу на прикрытие Синельникова.

Левое крыло 6-й армии русских, сильные соединения которой заняли позиции напротив линии фронта дивизии «Лейбштандарт «Адольф Гитлер», уже приступили к окружению моторизованного корпуса СС. Передовые части русских уже пересекли дорогу Красноград – Новомосковск, ведущую на юг. Войска этой группировки рвались на запад. Другие русские силы нацелились на Днепропетровск. Немедленные контрмеры были для группы армий «Юг» вопросом жизни и смерти.

Вслед за отступлением из Харькова две дивизии СС смогли быть передислоцированы. 2-я гренадерская моторизованная дивизия СС «Рейх» сосредоточилась на правом фланге корпуса в районе Краснограда и 19 февраля двинулась на северо-восток, чтобы противостоять натиску противника. В ходе постепенного отвода своего левого фланга 1-я гренадерская моторизованная дивизия СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» оставалась на ранее установленной линии фронта, поддерживая армейский корпус Рауса. Она оказывала косвенную поддержку «Рейху» в его наступлении, проводя на своем участке фронта локальные атаки и оттягивая на себя русские силы.

Наши войска обрели второе дыхание. Наконец-то дни, когда мы только отступали, прошли и наступило время контрнаступления. Серьезность ситуации и важность предстоящего сражения были ясны каждому солдату.

Моя боевая группа получила приказ сменить батальон мотопехоты на бронетранспортерах Пайпера у Еремеевки и пресекать здесь всякое дальнейшее

продвижение советских войск. Мы наступали через позиции, удерживаемые батальоном Крааса. Он закрепился на широко рассредоточенных вдоль линии фронта опорных пунктах. Батальон должен был удерживать полосу обороны шириной по меньшей мере в пять километров. Мы решили проблему, уничтожив советские подразделения, прорвавшиеся через эти опорные пункты в течение дня, а вечером поставили между опорными пунктами проволочные заграждения, прикрываемые огнем.

Я вместе с Йохеном Пайпером занял 10 километров фактической линии фронта. Пайпер захватил деревню Еремеевку после жестокого боя и должен был передать мне образовавшийся в результате его атаки передовой бастион нашей обороны. Несколько подбитых танков Т-34 служили защитой от ветра в холодную метель, постоянно обрушивавшуюся с востока на наши передовые посты. Йохен Пайпер кратко обрисовал мне ситуацию и обратил мое внимание на активное движение войск к востоку от Еремеевки. Похоже было, что советские войска готовились к атаке.

На ледяном холоде мы превратили Еремеевку в настоящий опорный пункт. Отсюда я собирался выводить подразделения танков и бронемашин боевой группы в молниеносные рейды против наступавших советских войск. Мы обнаружили сильные части и соединения русских, двигавшиеся к югу от нашей позиции в направлении Краснограда и оставившие против нас лишь слабые заслоны. Со своих выдвинутых вперед наблюдательных пунктов мы могли проследить маршрут движения русских колонн во всех подробностях. Усиленный полк русских проследовал мимо нас и устремился на Красноград. Он выставил против нас лишь слабое охранение. Это было для нас прямым вызовом. Надо было атаковать!

На следующий день, как только начало светать, боевая группа двинулась на юг; она оставила в опорном пункте только артиллерию, снабженцев и истребителей танков. Мы покинули опорный пункт незаметно для противника. Пасмурная погода благоприятствовала нашим намерениям. Наша артиллерия накрыла отвлекающим огнем известные позиции восточнее Еремеевки, чтобы ввести в заблуждение противника относительно наших истинных намерений.

Наша колонна была едва различима среди снежных просторов. Каждая машина была покрыта белой камуфляжной краской, а солдаты надели белые маскхалаты или белую зимнюю форму. Мы быстро, змеей, двигались по пересеченной местности.

Боевая группа остановилась у небольшого подъема. Вражеские колонны непрерывно двигались в западном направлении. Деревня, протянувшаяся вдоль дороги, поглотила очередную колонну советских войск, и она скрылась из вида. Около 1000 метров все еще отделяли нас от советских войск. Следует ли нам воспользоваться этим и броситься в атаку по этой слегка наклонной дороге? Красноармейцы шагали в западном направлении уже почти двадцать четыре часа. Будет ли их превосходство слишком огромным? Не побежим ли мы под защиту наших противотанковых орудий? Я стоял в авангарде боевой группы вместе с Вюнше, командиром танкового батальона, и командирами рот 1-го разведывательного батальона СС и выбирал наилучший способ атаки. Считая скорость нашим лучшим оружием, так как это уже было у меня в других ситуациях раньше, я намеревался вклиниться в самую гущу советских войск силами роты 1-го разведывательного батальона СС. Несколько танков будут прикрывать роту огнем. Рота отрежет половину советской маршевой колонны и погонит ее в направлении на запад.

Отделение в автомобиле-амфибии вызвалось действовать в качестве головного подразделения. Молодые солдаты знали, на что идут. Почти наверняка фланги вражеской колонны на марше прикрывали мины.

Через несколько минут все были готовы к атаке. Колеса и гусеницы, крутанувшись в снегу, зацепились за грунт, и машины на полной скорости с ревом помчались к окраине деревни. Пересечь открытое пространство следовало на такой скорости, чтобы у противника не было времени принять контрмеры. Боевые машины мчались вниз по склону, как лавина с гор. Танки двигались слева и справа от дороги и обстреливали советские войска. Огонь из тяжелых минометов усилил эффект от действия танков.

Я оказался в головной роте, когда первый автомобиль-амфибия взлетел на воздух, а бывшие в нем солдаты попадали на землю с оторванными и раздробленными конечностями. Второй автомобиль-амфибия встал во главе колонны без колебаний и заминок. Он тоже почти сразу буквально разлетелся на части. Рота стрелой пролетела через места взрывов. Наши товарищи в буквальном смысле слова проложили нам дорогу, и мы прорвались через минное заграждение. Оба водителя амфибий с оторванными конечностями лежали в снегу вместе с менее тяжело ранеными пулеметчиками. Их взводный командир также потерял обе ноги. Мы не могли помочь раненым, но идущая следом рота занялась ими.

Советские войска покинули деревенскую улицу в большой спешке и бросались в дома или искали спасения в бегстве. Наши пулеметы косили их на белых, покрытых снегом полях. Их артиллерия поддержки была смята нашими танками, отброшена в сторону или сбита в кучу. Разгром был неопиcуемый. Несколько танков посылали снаряд за снарядом в шагающую в западном направлении колонну. Они обратили ее солдат в беспорядочное бегство.

Колонна была смята атакующими танками, как гигантским кулаком. И снова скорость проявила себя ужасной силой. Русских противотанковых орудий, которым удалось бы сняться и поменять позицию, почти не осталось. Все сминающие под собой гусеницы тяжелых танков раздавили большинство из них. Мы промчались через вытянувшуюся в длину деревню за считанные минуты, и путь вражеского наступления превратился в дорогу страданий. Разбитая сталь смешалась с плотью быков, которые служили тягловой силой для противотанковых пушек. Преследование продолжалось и за окраинами деревни. Советские войска были застигнуты врасплох. Они не понимали, как смертельный удар мог быть нанесен им сзади. Колонна советских войск пала жертвой нашей неожиданной бешеной атаки.

Поврежденный немецкий танк стоял между несколькими последними домами деревни. Он был подбит русской противотанковой пушкой, находившейся не более чем в 150 метрах, во фруктовом саду. Пехота уже занималась уничтожением орудия, когда пулеметная очередь пробежала между нами. В мгновение ока мы укрылись за танком. Однако Франц Рот, вездесущий военный корреспондент, не успел этого сделать.

Пуля попала ему в грудь. Мы оттащили его в укрытие и доставили в небольшую избу, где им сразу же занялся доктор Гаттеринг. Рот умер несколько дней спустя в полевом госпитале. Он был одним из наших лучших корреспондентов.

Следующая деревня загорелась от наших трассирующих снарядов. Красноармейцы убегали, спасая свою жизнь, и гибли под пулеметным огнем. Преследование продолжалось вплоть до следующей деревни, где мы также обратили советские войска в бегство. Боевая техника и вооружение разбитых колонн были превращены в груды обломков. Опасность для нашего южного фланга была временно устранена. С наступлением темноты мы вернулись, уставшие, в наш опорный пункт. Уничтожение русской маршевой колонны стоило нам двух убитых и нескольких раненых солдат. Стремительность операции, использование возможности маневра и огневой мощи принесли нам полный успех.

Однако, как сообщили нам наблюдатели, новые силы противника заняли позиции к востоку от Еремеевки. Нам пришлось поверить, что очень скоро они будут атаковать.

Тем временем 2-я гренадерская моторизованная дивизия СС «Рейх» нанесла удар в южном направлении. Она нанесла большие потери войскам противника к югу от Краснограда. Передовые танковые подразделения дивизии продолжали продвигаться на юг и ночью. Преследовавшие отступавшего противника подразделения и части сменяли друг друга до тех пор, пока передовые подразделения дивизии 20 февраля в 14.00 вышли к Новомосковску. Там они установили контакт со сторожевыми охранениями частей группы Штайнбауэра.

Люфтваффе поддерживали атакующие группы налетами пикирующих бомбардировщиков на очаги сопротивления противника, нанося большие потери русским войскам. Они уже продвинулись к западу от дороги Красноград – Новомосковск, но,

почувствовав угрозу окружения, начали отход.

Павлоград стал следующим объектом атаки 2-й гренадерской моторизованной дивизии «Рейх». Причиной этого стало наступление крупных советских сил в направлении излучины Днепра к югу от Днепропетровска через Синельниково. После тяжелых боев дивизия соединилась с XXXXVIII танковым корпусом (4-й танковой армии), наступавшим на русский клин с юга, восточнее Павлограда.

Независимо от того, что происходило к югу от Еремеевки, наступило время выдвинуться в районы сосредоточения советских войск у Орельки и нанести им упреждающий удар. У меня были замечания, когда я инструктировал командиров подразделений. Я намеревался двинуть на север танковый батальон Вюнше вместе с ротой мобильного дозора и двумя ротами моторизованной пехоты. Эти подразделения повернут затем на восток и прорвутся в районы сосредоточения советских войск с тыла. Разведывательный взвод уже вел разведку и намечал маршрут. Движение должно было быть организовано таким образом, чтобы мы появились в тылу противника на заре. А в это время все водители машин обоза и пехотинцы при поддержке артиллерии предпримут ложную атаку и отвлекут внимание русских в западном направлении.

Глубокой ночью машина за машиной выстраивались друг за другом, ожидая, пока начнут движение головные подразделения. Мы медленно отъехали, двигаясь в полной темноте. Бронемшины останавливались у поворотов, указывая направление основной колонне и одновременно обеспечивая прикрытие. Из-за высоких снежных сугробов едва был слышен рев двигателей танков. Колонна, подобно гигантской змее, поползла вперед к своей цели, как будто на тысяче кошачьих лап.

Мы двигались слишком быстро. Так быстро, что между двумя деревнями нам пришлось ждать нужного момента. Танки встали. Остановив боевые машины вплотную друг к другу, мы ждали, когда забрезжит рассвет. Выбрали ли мы верную позицию? А вдруг где-нибудь ошиблись и заблудились? Не заметил ли нас противник? Множество всяких «а что, если...» мучило меня все это время. Наконец мне показалось, что я различаю очертания танка, ехавшего за нами. Танк был на расстоянии 100 метров позади передовых подразделений. Это означало, что света уже было достаточно для того, чтобы предпринять неожиданную атаку. Значит, момент настал! Включилась радиосвязь. Я поставил перед артиллеристами в Еремеевке задачу открыть огонь, и все напряженно ждали первых выстрелов. Взрывы снарядов укажут, к тому ли месту мы подошли.

Да, именно к тому самому! Наша гаубица накрыла русские позиции справа от нас. Ослепительные вспышки мерцали над снегом. 20-мм трассирующие снаряды автоматических пушек наших бронемашин обозначали цели. По всему фронту застучали пулеметы и загрели винтовочные выстрелы, глухо заухали минометы в деревне. Передовой артиллерийский наблюдатель следил за сосредоточением огня и направлял его на место намечавшегося прорыва. Мы нацелились на участок, где рвались снаряды, и ясно видели производимый ими эффект. Мы определили нахождение вражеской артиллерии по вспышкам из ее стволов. До батарей было не более 400 метров. Советские войска нас пока не заметили.

И вот момент настал! Танки вклинились глубоко во фланги нашего противника по широкому фронту и открыли огонь с очень близкого расстояния. Противотанковым орудиям противника не удавалось открыть ответный огонь. Они были глубоко эшелонированы и направлены в сторону Еремеевки. С какой целью они были повернуты таким образом? Советский командир, руководивший обустройством позиций противотанковых орудий, не подумал о тыле и флангах, не оборудовав запасных позиций. Немецкая пехота соскакивала с машин и бросалась в дома, выволакивая из них застигнутых врасплох советских солдат. Выстрелами из танков почти в упор были уничтожены несколько грузовиков со сталинскими орга нами (катюшами) на них. Опасные «демонстраторы фейерверков» взлетели к небесам. Грузовики буквально разлетелись на части. Мелкие их кусочки посыпались на нас.

Танковая рота вела разведку в восточном направлении и наткнулась на тяжелую

артиллерию противника. Саперы подорвали орудия. Уличные бои и бои от дома к дому были короткими и безболезненными. Советские войска как будто парализовало. Они не ожидали нашей атаки. Советский командир дивизии был убит, когда спасался бегством, – его останки нашли во фруктовом саду. Мы пробивались вперед от дома к дому. Вдруг оберштурмфюрер Бор, начальник штаба Бремера, рухнул в нескольких метрах впереди от меня. Русская пуля, попавшая в живот, опрокинула его на землю.

Ворвавшийся в более крупный дом солдат предостерег нас насчет снайперов, которые стреляли по нас с чердаков сквозь соломенные крыши. Нырнувший в дверь верный солдат рухнул с простреленной головой. Дом загорелся. Мы тут же захватили штабного офицера. Он был начальником штаба советской дивизии. В течение получаса деревня была нашей. Наша артиллерия показала себя замечательно. Огневой вал обрушился перед нами, как сокрушающий кулак. Неудивительно, что мы были благодарны за это передовому артиллерийскому наблюдателю, но в результате он оказался в гуще отступающего противника.

Мы прорвались примерно на два километра в глубь вражеских позиций и полностью рассеяли противника. Черные точки в беспорядке разбегались по огромным заснеженным полям. Противотанковые орудия были смяты нашими танками. Все советские пушки были направлены на запад, в сторону Еремеевки, а смертельный удар обрушился на них с востока.

Плотный, удушающий дым стоял над деревней, когда, завершая сражение, просвистели последние снаряды. Машины полевого госпиталя покатались на запад. Наши павшие в бою товарищи лежали передо мной на плащ-палатках. Мы простились с ними. Затем их положили на танки. Никто из них не был нами оставлен. Их покой не будет нарушен. Ранее мы уже обнаруживали, что после нашего ухода русские разоряли и уничтожали немецкие могилы.

Русский штабной офицер произвел на нас хорошее впечатление. Нам пришлось в спешке покинуть дом, так как соломенная крыша загорелась и полыхала как факел. Подполковник с готовностью ответил на все вопросы, которые не были прямо связаны с текущей операцией. Он всего несколько дней назад был отправлен на фронт после окончания академии имени Фрунзе в Москве. Прежде чем отправить пленного русского офицера в дивизию, каждый из нас попрощался с ним, а он сказал: «Мы победим в войне против Германии с американской помощью. Вы сейчас проигрываете войну – но однажды мы станем друзьями. Мы вместе продолжим борьбу и достигнем окончательной победы».

Около 15.00 последний танк ушел обратно в Еремеевку. Глубоко потрясенный, я попрощался со смертельно раненым оберштурмфюрером СС Бором. На его лице уже была печать смерти, когда он спросил меня: «Можно я вернусь в батальон?» По пути в полевой госпиталь Бор покинул нас навсегда.

Жестокий холод заставил нас сбиться вместе в нескольких сохранившихся домах, и только часовым приходилось выносить суровые условия русской зимы снаружи. Мои солдаты вдруг дали волю ликования и окружили меня, крича как дикари. У меня рука заболела от их пожатий. В совершенном изумлении я узнал, что награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

После первого изумления я покинул дом и стал искать своих павших товарищей. Не было слышно ни звука. Фронт был спокоен. Только на большом расстоянии были видны яркие вспышки. Я едва различал свежие могилы. Не было ни крестов, ни камней, отмечающих места последнего упокоения. Снег был плотно утрамбован и едва выделялся на фоне окружающего пространства. Наши товарищи не должны были быть потревожены. Мы хотели оградить их от вандалов. Снежные хлопья падали с неба и покрывали могилы, которые выглядели как глубокие раны. Мрачное место исчезло. Милостивый Господь закрыл шрамы. Я не чувствовал облегчения от этого преобразования. Здесь покоился и тот солдат, который утром предупредил меня о русских снайперах. Без его предупреждения я, наверное, уже лежал бы рядом с ним.

Меня вызвали в ставку фюрера, и спустя двадцать четыре часа я уже вылетел из

Полтавы в Винницу. Ставка отличалась своей простотой. Первое, что я сделал, – попросил позвонить по телефону своей жене в Берлин. Звонок был сделан через несколько минут, и я ощутил огромную радость от возможности поговорить со своей женой и нашими детьми.

После завершения телефонного разговора меня провели к Адольфу Гитлеру, который радушно приветствовал меня, вручил мне награду и предложил сесть. Более часа я выслушивал, какие усилия предпринимаются в тылу и на полях сражений. Трагедия Сталинграда, как мне показалось, легла на фюрера тяжелой ношей, но я с облегчением отметил, что, возвращаясь к событиям, связанным с гибелью 6-й армии, Гитлер не осудил ни одного офицера, сражавшегося под Сталинградом. Фюрер был серьезно озабочен непрерывными авианалетами на Германию, и у меня было ощущение, что особенно его угнетали страдания немецкого гражданского населения. Гитлер производил впечатление физически крепкого человека; его голос был спокоен, а его оценки ситуации на фронте – реалистичными и весьма уместными. Он не делал никаких прогнозов, но знал, что война продлится долгое время. Он считал своим самым заклятым врагом Черчилля.

В течение часа нас никто не беспокоил, и у меня была возможность предоставить ему не приукрашенную информацию с фронта. Одновременно я указал на недостаток вооружений и боевой техники. Адольф Гитлер не прерывал меня. Он терпеливо все это выслушал, иногда делая пометки. После общей трапезы я сидел с генералом Штифом и еще несколькими офицерами, обсуждая ход войны и то, как ее вести дальше. (Спустя несколько недель Штиф попросил меня навестить его, очевидно, для того, чтобы обсудить некоторые вопросы. Я не смог тогда выполнить его просьбу, поскольку к тому времени уже был откомандирован в танковую школу. Генерал Штиф позднее был повешен в связи с заговором 20 июля 1944 года.)

Я вернулся в Полтаву всего лишь через сорок восемь часов и сел на «Шторьх», который доставил меня прямо в штаб дивизии. Тем временем бои приняли более благоприятный для нас оборот.

В ходе наступления 2-й гренадерской моторизованной дивизии СС «Рейх» от Краснограда на юг к Павлограду мы разбили крупные силы противника, особенно головные соединения. Однако значительные силы русских оставались на позициях к востоку от дороги Красноград – Новомосковск. Чтобы ликвидировать эту угрозу со стороны противника и установить контакт с дивизией «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» к северо-востоку от Краснограда, нам нужны были свежие силы. Для этой цели моторизованному корпусу СС была придана долгожданная 3-я моторизованная дивизия СС «Мертвая голова», которая тем временем выгружалась из эшелонов в районе Полтавы.

Русские также подтягивали свежие силы в район перед фронтом «Лейбштандарта». Части и соединения группировки Попова (подвижная группа генерала М.М. Попова в составе четырех танковых корпусов – III и IV гвардейских, X и XVIII – еще в начале февраля насчитывала всего 137 танков. – Ред.) уже были отрезаны 1-й армией, действовавшей справа от нас. Однако пять танковых корпусов русских все еще наступали на запад на фронте 4-й танковой армии.

Мягкая погода, которая установилась к 20 февраля, благоприятствовала наступательным операциям. Большинство дорог освободилось от снега, и это значительно увеличивало подвижность немецких танковых и моторизованных частей и соединений. Было важно не дать тем силам противника, которые отступали на северо-восток, избежать охвата. Они должны были быть остановлены и разбиты.

Атакующие германские дивизии использовали преимущества удара на узком фронте и обеспечили сильное прикрытие флангов наступающих группировок. Эти атакующие удары наносились при активной поддержке люфтваффе. Основной путь наступления противника – в направлении на юго-запад – был перерезан, а его вырвавшиеся вперед части и соединения оказались в тяжелом положении.

Наши части взяли Лозовую в 14.00. Несмотря на это, линии наших коммуникаций и, соответственно, левый фланг армии оставались под угрозой тех потрепанных сил

противника, которые были отрезанными от своих собственных линий снабжения в районах рек Самары и Орели. Эти части противника получили приказ отходить и перегруппироваться в районе Орельки, Лозовой и Панютино и теперь прорывались на восток и северо-восток небольшими, усиленными бронетехникой группами. Другие части и соединения противника из района к югу от Павлограда начали пробиваться на следующий день на север. Одно из этих соединений – при поддержке бронетехники – 28 февраля нанесло удар по командному пункту корпуса у Юрьевки. Вскоре после этого другое крупное соединение атаковало командный пункт 15-й пехотной дивизии у Орельки.

27 февраля мы достигли своей первой цели. Было сорвано наступление атакующей подвижной группы Попова, ей не дали достичь поставленных целей (подвижная группа должна была прорваться через Славянск на Мариуполь и отрезать немцам пути отхода за Днепр. – Ред.).

Тем временем дивизия «Лейбштандарт» выполнила свою оборонительную миссию. Несмотря на большую ширину участка обороны дивизии, ее штурмовые группы наносили тяжелый урон противнику постоянными атаками – сначала на одном фланге, а затем на другом. Дивизия остановила наступление противника на Полтаву.

С 28 февраля противник перегруппировывал свои силы перед правым флангом дивизии «Лейбштандарт». Русские подтягивали два танковых корпуса и три стрелковые дивизии своей 3-й танковой армии из района между населенными пунктами Люботин и Валки для того, чтобы бросить их против моторизованного корпуса СС, и мы пока не установили район их сосредоточения.

Теперь перед нами ставились наступательные задачи. Основной удар наносился на северо-восток, первой целью была линия возвышенностей между Берекой и Ефремовкой. Дивизия «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» наступала совместно с частями оперативной группы «Кемпф».

2-я моторизованная дивизия СС «Рейх» наступала 1 марта по дороге к северу от Краснограда. Дивизия продолжала наступление 2 марта в направлении возвышенности у Староверовки. Правее наступал XXXXVIII танковый корпус, взявший 2 марта Береку.

3-я моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» двинулась на север, несмотря на большие трудности, вызванные состоянием дорог. Затем 2 марта она повернула на северо-восток, чтобы уничтожить находившиеся здесь, согласно донесениям, части противника. Боевая группа Баума встретила здесь яростное сопротивление русских. Из донесений 2 и 3 марта можно было установить, что левый фланг дивизии восточнее Еремеевки наткнулся на силы противника, выдвигавшиеся в этот район с севера. Стало ясно, что противнику не удалось определить направление нашего наступления. Он направлял свои перегруппированные части прямо между соединениями атакующего моторизованного корпуса СС и фронтом дивизии «Лейбштандарт «Адольф Гитлер». В результате правый фланг 3-й моторизованной дивизии СС «Мертвая голова» оказался обращенным внутрь. Дивизия обрушилась на противника в то время, когда он еще только сосредоточивался.

Противник попытался избежать взятия в клещи, предприняв мощные контратаки на юго-восток и северо-восток. Это успеха не имело. Главные силы противника были разбиты 3-й моторизованной дивизией СС «Мертвая голова», южным крылом «Лейбштандарта», атаковавшим в восточном направлении, и подразделениями 2-й гренадерской моторизованной дивизии «Рейх». Три дивизии в ходе трехдневных тяжелых боев предпринимали концентрические атаки. Пикирующие бомбардировщики U-82 «Штука» оказывали нам поддержку с воздуха и нанесли большой урон противнику.

Отступающие колонны противника были разбиты в ходе их преследования. Они представляли определенную опасность для наших тылов еще в течение нескольких дней. Советский генерал, командовавший XVI гвардейским корпусом, был найден мертвым всего в нескольких сотнях метров от командного пункта моторизованного корпуса СС.

Тарановка и Охочее были взяты 2-й гренадерской моторизованной дивизией СС «Рейх» к вечеру 4 марта после жестокого боя. Дивизия «Лейбштандарт» подключилась к

наступлению со своих позиций северо-западнее Староверовки и соединилась со 2-й гренадерской моторизованной дивизией «Рейх». 3-я моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» завершила разгром окруженного противника 5 марта. Потери в личном составе у противника были высокими, и котел был завален большим количеством вооружения и машин. В целом можно было считать уничтоженными (по Манштейну – разгромленными. – *Ред.*) два танковых корпуса и три стрелковые дивизии. 3-я танковая армия русских в результате этого сражения была значительно ослаблена.

1– я гренадерская моторизованная дивизия СС «Лейбштандарт», которая снова была придана моторизованному корпусу СС, сомкнула свои боевые порядки на достигнутом рубеже после захвата населенного пункта Станичий и перегруппировалась для наступления. К 5 марта она занимала позиции рядом со 2-й гренадерской моторизованной дивизией СС «Рейх» у Караванского. Она закрепилась на рубеже Станичий – Винников – Никольское – Крутая Балка. В тот же день высвободилась и также вновь придана корпусу 3-я моторизованная дивизия СС «Мертвая голова».

До сих пор благоприятное для атаки состояние дорог значительно ухудшилось, а снежный покров в северной части достигнутого нами района все еще был глубоким, препятствовавшим быстрому проведению операции. Следовало ли продолжать наступление? Должен ли был быть отбит Харьков? Или же следовало продолжить уничтожение сил противника перед фронтом оперативной группы «Кемпф»?

Следующей целью должен был стать рубеж реки Мжа. 6 марта моторизованный корпус СС начал продвижение ко Мже, имея 2-ю гренадерскую моторизованную дивизию СС «Рейх» справа, 1-ю гренадерскую моторизованную дивизию СС «Лейбштандарт» слева и 3-ю моторизованную дивизию СС «Мертвая голова» за левым флангом. 2-я гренадерская моторизованная дивизия СС «Рейх» после тяжелого боя вытеснила противника из Новой Водалаги. Гренадерская моторизованная дивизия СС «Лейбштандарт» вышла на рубеж Москальцово – Ляхово – Гавриловка, и один из ее батальонов прорвался на северный берег Мжи. Сильно пересеченная местность задержала нашего соседа справа, который тем не менее закрепился своим правым флангом за Тарановкой и захватил Борки.

2– я гренадерская моторизованная дивизия «Рейх» в ночь на 7 марта достигла рубежа реки Мжа, а гренадерская моторизованная дивизия «Лейбштандарт» увеличила свой плацдарм на северном берегу.

Потеплело, и ночные морозы уже не были достаточно сильными для того, чтобы земля оставалась мерзлой. Состояние дорог в результате смешения снега с грязью стало даже более критическим. Солдаты и боевая техника вынуждены были действовать на пределе своих возможностей.

С другой стороны, русские выказывали признаки слабости. В боях между Донцом и Днепром они понесли большие потери. Они старались контратаковать наступающий моторизованный корпус СС, но их сил было для этого недостаточно.

Перед нашим командованием стояла дилемма: атаковать ли в направлении на северо-запад, помогая наступлению оперативной группы «Кемпф», или атаковать Харьков? Было решено продолжить атаки на север. Утром 6 марта со своей боевой группой я был на левом фланге дивизии «Лейбштандарт», где получил приказ атаковать в северо-восточном направлении и одновременно прикрывать левый фланг дивизии. Глубокий снег затруднял всякое продвижение вперед. Дорогу было не видно из-за снега, и иногда можно было только гадать, где она находилась.

Мы медленно заползли вверх по подъему на небольшую высоту, с которой должен был быть хороший обзор в направлении на северо-восток. Перед нами раскинулось широкое снежное поле. Маленькая деревня, которую обороняли советские войска, находилась в 500 метрах справа. Было видно, как красноармейцы сновали там по своим делам, не подозревая о нашем местонахождении. Вдали мы рассмотрели приземистые дома другой деревни, и именно эту деревню я решил сделать первым объектом нашей атаки. До нее было около 10 километров. Я приказал группе танков из батальона Вюнше уничтожить первую деревню. Их

сопровождала моторизованная пехота. Танки с ревом помчатся к деревне под прикрытием огневой завесы артиллерии и устранят угрозу флангу оперативной группы. Своими же главными силами я хотел атаковать дальнюю деревню, прорвавшись, таким образом, в тыл советским войскам.

Командиры подразделений проинформировали солдат об обстановке и о наших намерениях. Артиллерийские и минометные батальоны доложили, что готовы открыть огонь. Мои солдаты в бинокли и без осмотра горизонта на предмет передвижений войск противника. Я наклонился к радиатору и погрел руки на двигателе. Стрелки моих часов медленно двигались вперед. Мы загасили окурки своих сигарет. Захлопнулись люки танков, и в моих ушах прозвучало «Готовы».

Лишь секунды отделяли нас от начала артподготовки. Я поднял руку и еще раз взглянул на роты, затем опустил руку вниз, и прозвучали первые выстрелы. Наша танковая рота медленно, тяжело и с лязгом двинулась в направлении деревни и под завывание наших пикирующих бомбардировщиков атаковала врага. Самолеты один за другим с малой высоты наносили удары по выбранным целям. Под градом бомб и огня пушек и пулеметов противник был вытеснен на открытую местность. Когда упала последняя бомба, наш первый танк уже входил в деревню.

Тем временем боевая группа тоже начала движение, пытаясь добраться до цели на полном ходу. Однако снег оказался гораздо более серьезной преградой, чем оборонявшийся в дальней деревне противник. Огромные сугробы высились перед гусеницами танков. Танки с трудом пробивались вперед. Через короткое время, когда самоходные артиллерийские установки и автомобили-амфибии застряли в снегу, я понял, что мы оказались без поддержки пехоты. Машины поднимались по утрамбованному снегу и садились на днище, что угрожало расстроить наш план атаки. Мой броневладелец вклинился между двумя «Тиграми», и мы очень медленно пробивались вперед. На какое-то время нам пришлось остановиться в маленькой низине и ждать, пока подтянется пехота. Солдаты взобрались на танки, поскольку легкие разведывательные машины не справлялись с сугробами. И тогда мы стартовали снова! Слева и позади нас отступали оборонявшие первую деревню русские, попадая под убийственный огонь нашего оружия.

Когда мы вплотную подошли ко второй деревне, наши головные подразделения остановил огонь противотанковых орудий, но «Тигры» с их мощными 88-мм орудиями быстро разделались с противотанковыми пушками противника. Танковая рота под командой Юргенсена под прикрытием нескольких фруктовых садов подбиралась к деревне с правого фланга.

По нашему броневладелец ударил 45-мм пушка, которая, однако, промахнулась. К сожалению, мы не смогли обнаружить ее огневую позицию. Теперь мы находились в 200 метрах от деревни и высматривали место прохода. По броне моей бронемшины застучали пули пулеметных очередей. Головной «Тигр» наехал на противотанковую мину и остался стоять с сорванной гусеницей. Появился и вступил в бой русский танк Т-34. Но мы должны были войти в деревню! Вдруг в моем броневладелец раздался чудовищный взрыв, и, придя в сознание, я обнаружил себя лежащим на снегу в колее и смотревшим на своего водителя, который сидел за рулем без головы. В результате прямого попадания в броне образовалась огромная дыра. Унтершарфюрер СС Альберт Андрес, оглушенный, шатаясь ушел в укрытие. С ужасом я заметил, что у него только одна рука. На месте второй руки было месиво из обрывков ткани и обломков костей.

Рота Бремера вошла в деревню и с боем пробивалась по улице. Неожиданно по пути нам попался русский танк. Он был подожжен ранцевым огнеметом. Только сейчас я заметил, что взял автомат оберштурмфюрера СС Зандера. Мой собственный остался в развороченной русской снарядом бронемашине. Зандер с благодарностью взял обратно свое оружие, а я воспользовался советской винтовкой.

Деревня стала нашей в течение часа, и мы сразу же установили переносные проволочные заграждения по всему периметру. Короткий день склонил меня к тому, чтобы

переночевать здесь. В сумерках мы похоронили моего водителя Эрнста Небелунга.

Связные офицеры из гренадерской моторизованной дивизии «Великая Германия» доложили мне о действиях своей дивизии слева от нас. Я был рад, что севернее нас действовало закаленное в боях соединение.

Поразительная вещь произошла в ту ночь с обершарфюрером СС Бюгельзаком. Старый добрый Фриц почувствовал зов природы и, соответственно, подыскивал подходящее место. Довольный тем, что нашел защищенный от ветра угол дома, он приступил к своему важному делу. Но человек предполагает, а... Фриц был не один. Напротив него сидел русский лейтенант, который молча навел на него автомат и некоторое время наблюдал за «делом государственной важности». Мы вдруг услышали крик ужаса, и... в лучах наших фонариков был Фриц со спущенными до лодыжек брюками. Возбужденно, но безмолвно он показывал на своего противника. Мы редко когда так смеялись. Возможно также, что русский никогда еще не пробовал сигареты, которая была бы такой вкусной, как та, которой угостил его Фриц Бюгельзак.

Следующее утро мы встретили за атакой населенного пункта Валки, который находился в 10 километрах от места нашего ночлега. Русские танки и противотанковые орудия пытались задержать наше наступление, но мы обошли с флангов эти очаги сопротивления и уничтожили их атакой с тыла. Во время атаки последнего опорного пункта Валки боевая машина оберштурмфюрера СС Реймлинга получила прямое попадание. Реймлинг всего за несколько дней до этого был награжден Рыцарским крестом. В лице его экипажа мы потеряли храбрых товарищей.

После нескольких жестоких боев я достиг реки Мжа у Валков, находясь в роте Вейзера. Мост через реку был в целости, но я не верил русским и приказал идти в атаку по льду реки. Мост наверняка был заминирован. Рота заняла позицию за небольшими домами и сараями и держалась близ берега реки, готовясь к атаке. Время от времени на другом берегу я замечал голову какого-нибудь русского. Наши танки стояли сзади, и предполагалось, что они будут прикрывать огнем наш бросок по льду. Рота Бремера отстала и тащилась позади. Я лихорадочно думал, как лучше добраться до другого берега и взять Валки, не вводя в бой артиллерию и минометы. С другого берега доносился ляг танковых гусениц. Русские подтягивали свои Т-34.

Мои молодые солдаты смотрели на меня, как будто хотели сказать: «Слушай, дружище, ты опять втягиваешь нас в дерьмо! Тогда тебе не мешает подумать о том, как опять нас из него вытащить!» По-моему, им казалось забавным, что я лежал как большой пес на цепи, который не может достать кость и бессильно облизывается. Но вот я понял, что делать! Рота молниеносно, как будто выпущенная из пушки, перебралась через реку по льду и заняла другой берег. Я ринулся вперед по льду вместе с отделением штабной роты. Переход по льду проходил почти без усилий. Русские не сделали ни выстрела, но сидели как в оцепенении со своим оружием и уступили. Что подвигло нас на такой стремительный бросок? Ну, что-то вроде этого: «Прошу внимания! Первый, кто доберется до другого берега, получит три недели отпуска. Вперед!» Никогда еще, ни раньше, ни потом, не видел такого дружного старта.

Затем все происходило с молниеносной быстротой. Наши танки прошли по мосту, который к тому времени был уже безопасен для прохода. Они шли вперед по улицам и при поддержке пехоты выбивали оставшихся русских. Мы опрокинули артиллерийский батальон противника, в то время как он все еще находился на огневых позициях, и взяли в плен несколько сот человек. В нескольких километрах к востоку от Валков мы повстречали моторизованный (на бронетранспортерах) батальон Пайпера. Ротная разведка обнаружила растерзанные тела четырех наших товарищей. Их уложили в ряд и намеренно раздавили гусеницами танка.

В то время как мой батальон устремился на север, Пайпер добрался до железнодорожного узла Шлях, где мы опять соединились 8 марта. В тот же день дивизия «Лейбштандарт» продвинулась вперед, вплоть до западных окраин Харькова. Несмотря на

противотанковую оборону и контратаки противника, наше наступление уже было не остановить. Мы хотели отбить Харьков.

3-я моторизованная дивизия «Мертвая голова», которая наступала слева от нас, взяла Старый Мерчик, а ее разведотряд достиг Ольшан. Наступление справа 2-й гренадерской моторизованной дивизии «Рейх» было серьезно затруднено сильно пересеченной местностью. К тому же угроза ее флангу со стороны крупных сил противника восточнее рубежа Ракитное – Люботин заставила оттянуть значительные силы дивизии на восток.

9 марта мы вышли к реке Уды и взяли Ольшаны. Оперативная группа «Кемпф» также быстро наступала на своем правом фланге. Окончательное решение было продиктовано развитием ситуации. Цель была только одна: Харьков. В тот вечер авангард дивизии «Лейбштандарт» уже вышел к населенным пунктам Пересечная на реке Уды и Полевая на реке Лопань.

Было принято решение атаковать город 10 марта силами моторизованного корпуса СС. Последние распоряжения были отданы вечером 9 марта. Атака должна была вестись по трем направлениям, причем «Лейбштандарт» должна атаковать с севера и северо-востока, а одновременно с ней с запада нанесет удар дивизия «Рейх». На «Лейбштандарт» возлагалась задача блокировать дорогу на Чугуев; 3-я моторизованная дивизия «Мертвая голова» должна была прикрывать нас от вражеских атак с северо-запада, с фронта оперативной группы «Кемпф», одновременно наступая на север и препятствуя подходу резервов противника.

В ходе наступления полк Витта достиг дороги Харьков– Белгород и продвинулся к северному проходу в Харьков, где натолкнулся на ожесточенное сопротивление у аэродрома. Для строительства оборонительных сооружений противник использовал гражданское население. Я связался с Фрицем Виттом на дороге и узнал, что он намеревался атаковать аэродром, а затем двигаться дальше до центральной площади города. Справа от Витта наступал 2-й мотопехотный полк СС дивизии «Лейбштандарт» под командованием штандартенфюрера СС Виша. Он тоже действовал успешно. Я предложил во взаимодействии с Виттом направить боевую группу через леса к северу от Харькова и блокировать дорогу Харьков – Липцы.

Рота Бремера опять была впереди. Мы проехали несколько километров в направлении Белгорода и повернули на восток в леса, утонувшие в глубоком снегу. Проселочная дорога заканчивалась у колхоза, и мы заметили русский дозор, уходивший на восток. Не могло быть и речи о том, чтобы повернуть назад. Я хотел пройти через лес и тем самым проникнуть в восточную часть города неожиданно для противника.

Лесная дорога шла через лес из высоких, стройных деревьев. Она пробежала мимо небольшого озерца, а потом сворачивала к востоку. Разведчики вскоре обнаружили несколько саней, запряженных тягловыми быками, которые тащили противотанковые и другие орудия. У нас уже не было никаких сомнений. Если здесь могли пройти сани, то должны пройти танки и другие боевые машины. Я приказал Бремеру двигаться на восток и ожидать дальнейших распоряжений на опушке леса.

Передовое отделение под командованием унтершарфюрера СС Штолля скрылось между елями, оставив за собой пелену снежной пыли. Вслед двинулись два самоходных орудия, которые очень скоро застряли на склоне. Они скользили из стороны в сторону и могли съехать на лед замерзшего озера. С помощью солдат роты они с трудом миновали это опасное место. Во избежание в дальнейшем подобного рода риска лесную дорогу нужно было максимально быстро привести в порядок. Через несколько минут сотни мотоциклистов, пехотинцев и танкистов уже прокладывали путь в обход опасного участка. Насквозь промерзшую, затвердевшую землю долбили лопатами, ломami и топорами. И мы в этом преуспели! Вскоре маршевая колонна снова двинулась в путь.

Бремер последовал за передовым отделением. За нами из- за занесенных снегом деревьев наблюдали вражеские конники. Лесная дорога становилась все уже. Моя бронемашина прокладывала дорогу прямо через молодые елочки и березки. За нами следовала восьмиколесная бронемашина. Чем дальше мы углублялись в лес, тем большие

сомнения охватывали меня. Может быть, я снова ввергаю боевую группу в безнадежную ситуацию? Мы могли двигаться только на восток. Ни одна машина уже не могла развернуться. Нас со всех сторон окружал густой лес. Я вспомнил Грецию и переход до Патр, атаки на южном участке Восточного фронта и упорные бои, которые мы вели в последние несколько недель. Несмотря на почти безнадежные ситуации, мы продолжали сражаться, что в конце концов позволяло, несмотря ни на что, победить. И так же было и в тот день. Никто не будет всерьез считать, что моторизованная часть должна наступать через заснеженные леса. Слушателя академии, который предложил бы такое решение в мирное время, отчислили бы и отправили обратно дослуживать. Решение казалось абсурдным. Несмотря на это, я верил в нашу победу. Как оказалось, я смог буквально схватить советские войска за горло, когда они были совсем не готовы к отражению атаки. Фридрих Великий в таких случаях говорил: «Чем больше уловок и ухищрений вы используете, тем большее преимущество у вас будет над врагом».

Макс Вертингер мог только медленно вести вперед наш броневедомобиль по узкому проходу. Снег засыпался в машину даже после совсем легкого касания веток. Это была не самая приятная езда. Впереди начинало светлеть. Мы прошли через лес и достигли открытого пространства, что позволило нам расстаться с узкой лесной дорогой.

В изумлении я увидел, что Бремер развернул свои машины и ушел в лес. Я прокрался к Бремеру и инстинктивно вжался в землю, как только бросил взгляд на склон перед нами. Пехота, артиллерия и несколько танков двигались в направлении Белгорода. Передо мной была не часть, охваченная паникой; напротив, это было хорошо организованное соединение, которое выполняло тактический маневр.

Пройдет еще не один час, прежде чем вся наша оперативная группа пройдет лес и будет готова к боевым действиям. Мы должны быть довольны уже тем, что нас еще не обнаружили. Атака советских войск в такой ситуации привела бы к тому, что наша боевая группа была бы уничтожена. Наше преимущество в атакующей и огневой мощи не сможет быть реализовано. Однако, как уже упоминалось, о том, чтобы разворачиваться, не могло быть и речи. Наша часть должна затаиться и ждать благоприятного момента для ввода в бой. Может быть, следующий день принесет с собой лучшую возможность для этого. Во всяком случае, через час уже стемнеет.

В этот момент наши силы состояли из четырех амфибий, легкового броневика и восьмиколесного броневедомобилья; всего личного состава у нас было двадцать три солдата с четырьмя пулеметами и личными пистолетами и винтовками. Эта группа немецких солдат наблюдала за русской маршевой колонной с расстояния примерно 800 метров. Колонна состояла из сотен, если не больше, советских солдат со всеми видами вооружений. Местность слегка уходила под уклон к дороге, а затем постепенно поднималась на другой ее стороне. В то время как с нашей стороны склон был покрыт лесом, дальний склон представлял снежным пространством, протянувшимся на восток, где не было никакого укрытия. Мы стояли неподвижно на своих позициях.

Вдруг мы слышали нарастающий гул пикирующих бомбардировщиков U-87 «Штука». Нам пока еще не были видны самолеты, но они приближались с запада, что означало, что они шли с полным бомбовым грузом. Будут ли они атаковать русскую колонну, двигавшуюся перед нами? Слева от нас было село Большая Даниловка.

Рев моторов раздавался теперь над нами. Тени пробежали по снежным пространствам. Мы вышли из-за деревьев и стояли как зрители в театре, которым предложили особенно интересное представление.

«Штуки» пролетели над колонной, описали большую дугу, чтобы набрать высоту, и пикировали уже с юга. Их бомбы посыпались дождем, сея смерть и разрушения. Запряженные лошадьми сани помчались вверх по склону, а танки взрывались при прямом попадании в них бомб. Всякое подобие порядка исчезло за несколько секунд. Сани на конной тяге уходили по бездорожью, а весь дальний склон был усеян бесчисленными черными точками — это спасалась бегством пехота. Советская воинская часть уже не

контролировалась своими командирами.

Как наэлектризованный, я уставился на беспорядочную людскую массу, достал ракетницу и пустил в воздух красную ракету. Бремер сразу же все понял. Отделение Штолля запрыгнуло в машины и помчалось вниз по склону. Пулеметы броневых автомобилей связи били по советским войскам и прикрывали нас своим огнем. Мы с криками и воплями помчались вниз по полевой дороге – вопреки всяким общепринятым правилам ведения войны. Наши гудки и сирены создавали адский шум. Мы атаковали деморализованную колонну! Красные вспышки все еще взмывали высоко в небо. Пикирующие бомбардировщики признали нас; они помахали крыльями и обрушились на убегающую людскую массу, расчищая нам дорогу своими пушками.

Мы добрались до дороги. Красноармейцы бросали свое оружие. U-87 промчались в нескольких метрах над нашей головой и летали вокруг нас непрерывной цепью. Они взяли нас под защиту, прикрывая огнем. Они с воем носились вдоль дороги вновь и вновь, не давая русским подтянуть войска. Но вот на опушке леса появилась наша бронемашина, и ее снаряды со свистом полетели на север. Вот уже и отделение Штолля двинулось вперед с первым танком. Вот еще три танка и Макс Вюнше достигли дороги. В этот момент мы наступали с обеих сторон. У русских должно было создаться впечатление, что это была планомерная, хорошо продуманная атака. Мы не могли позволить им прийти в себя. Вскоре в саду были собраны сотни взятых в плен советских солдат.

Мы не могли на этом остановиться; наоборот, мы должны были воспользоваться эффектом от атак пикирующих бомбардировщиков и продолжить наступление в направлении Харькова. Отделение Штолля, броневые автомобили связи и несколько связных на мотоциклах с ревом помчались на юг в сторону расположения советских частей. Наступление прикрывали два танка, по одному с каждой стороны дороги. Наши друзья U-87 удалились; у них кончились боеприпасы. Теперь в полной мере все последствия нашего дикого рейда были очевидны. Небо опять было спокойным, а бьющий по нервам рев самолетов уже больше не нависал над нами. Мы прорвались через советскую колонну на паре смехотворных бронемашин.

Снаряды, выпущенные из пушек наших танков, со свистом пролетали над нами и взрывались южнее. Русские, которые пытались вновь сосредоточиться на дороге после того, как бомбардировщики улетели, попали под наш пулеметный огонь. Советские войска снова спасались бегством. Радиостанция противника осталась на дороге, а радисты попали под наш огонь. Офицеры убежали под прикрытие крестьянского дома, а мы уничтожили их автомобиль связи ручными гранатами. Огонь и дым указывали нам путь. Вперед, и только вперед! Я боялся остановиться. Вся наша сила была в движении. Наша предельно высокая скорость, убойная сила пулеметов, гранаты, бросаемые на ходу и грохот выстрелов пушек наших танков приводили к тому, что советские войска в большой спешке убрались с дороги, отойдя на юг, к городу.

Наши наступающие колонны остановились у кирпичной стены на северной окраине Харькова. Я вовремя заметил не менее пяти-шести танков в садах по обе стороны от дороги. Слева от нас экипаж русского танка был занят тем, что снимал маскировочное покрытие со своего Т-34. Пулеметный огонь заставил танкистов залечь. Стрельба выгнала из домов и остальные танковые экипажи. Никто не ожидал наступления немцев в этом месте. Несмотря на это, ситуация становилась для нас опасной. Штолль едва успел перескочить в другую машину, когда его машина остановилась. Я увидел, как водитель Штолля исчез в стогу сена. Первые русские танки выходили на огневые позиции. Нам пришлось отступить.

Мы должны были поскорее убраться отсюда, иначе попали бы под огонь советских танков. До этого мы проехали более семи километров на юг. Позади меня сидел раненный в живот пленный русский майор. Я восхищался этим человеком; в течение всего обратного пути я не слышал от него ни слова жалобы на свою боль. Доктор Гаттеринг сделал ему первую перевязку раны.

Когда мы вернулись к Большой Даниловке, то обнаружили множество пленных,

которых охраняли всего несколько наших солдат. Ни один из пленных не пытался бежать. Мне показалось, что они были рады выпавшему им жребью.

К полуночи значительная часть боевой группы все еще отсутствовала, но за несколько часов темного времени суток она подтянулась отдельными мелкими подразделениями. Вся часть собралась к 5.00, и боевая группа снова была готова к боевым действиям.

Как только забрезжил первый тусклый свет нового дня, мы уже снова наступали на юг в направлении Харькова. Однако на этот раз наступление было не столь быстрым. Мы катились на юг, тщательно осматривая окружающую нас местность. Вдали справа мы увидели советские войска, атаковавшие аэродром. Они действовали против полка Витта. Перед собой мы заметили атакующую советскую пехоту, которая залегла, как прибитая к земле, под пулеметным огнем. Вскоре мы опять приблизились к кирпичной стене и обнаружили невредимого водителя Штолля. Бруно Прегер всю ночь проспал в стоге сена.

Танки противника все еще были на огневых позициях. Пять Т-34 стали жертвами наших танков и вскоре вспыхнули, объятые пламенем. Т-IV получил прямое попадание и, взорвавшись, разлетелся на части. Вражеский танк, который уничтожил его, выстрелил прямой наводкой и по моей машине с расстояния менее 50 метров. От попадания русского снаряда был мгновенно убит мой водитель Макс Вертингер. Командир нашего взвода связи Гейнц Вестфаль также был сражен снарядом; Гельмут Бельке был ранен, а я лежал невредимый под телом Макса Вертингера. Русский танк скрылся.

Мы пробивались вперед с боем, беря дом за домом. Расчет противотанкового орудия русских убило упавшим фонарным столбом. Наши танки господствовали на поле боя (танковый (моторизованный) корпус СС имел подавляющее численное превосходство в танках. – *Ред.*). Ближе к вечеру 11 марта мы стояли в восточной части Харькова, добравшись до дороги на Старый Салтов.

В момент нашей победы обнаружился опасный кризис. У наших танков было в запасе лишь небольшое количество топлива, и их нельзя было больше бросать в бой. Танки были собраны на большом кладбище, где они заняли круговую оборону, образовав своего рода бастион в центре Харькова. Отсюда мы выслали своих разведчиков по дороге Харьков – Чугуев и попытались заблокировать этот главный путь отступления русских из Харькова.

Несколько часов у меня не было донесения из 2-й роты 1-го разведывательного батальона СС; она была отрезана противником в районе речного порта в Харькове. Рота Бремера сражалась за свою жизнь, а Ольбутер отбивал атаки противника с востока. На кладбище нам приходилось защищаться от пытавшихся прорваться советских войск. С наступлением темноты гауптштурмфюреру СС Брухману удалось доставить горючее для танков и бронемашин, но в то же время он доложил, что дорога перекрыта войсками противника. (Несколько дней спустя они были уничтожены подразделениями 3-й моторизованной дивизии «Мертвая голова».)

Полк Витта прорвался в город внезапной атакой с севера; он в ходе тяжелых уличных боев пробился на центральную площадь города и занял здесь оборонительные позиции на ночь.

12 марта оперативная группа миновала несколько кварталов, а затем перекрыла дорогу на Чугуев. Тут настал черед советских войск атаковать нас. Они хотели опрокинуть нас. Мы сосредоточились на небольшой территории. Два взвода роты Вейзера, находившиеся на втором этаже школы, были отрезаны и отчаянно оборонялись, сдерживая натиск атакующих русских войск, которые пробивались на первый этаж.

Немедленная контратака под командованием Вюнше позволила уничтожить идущих на штурм русских. И снова вся боевая группа оказалась окруженной и вступила в отчаянную схватку. Круг горящих зданий точно указывал наше местонахождение в этом секторе города.

С наступлением ночи у меня уже не было больше особых надежд на то, что мы сможем продержаться до следующего утра. Противник был на расстоянии броска ручной гранаты. Проходя по нашим позициям, мы вдруг заметили подъехавший русский танк, который встал напротив здания школы. Мы были менее чем в 20 метрах от него, когда командир танка

высунулся из люка, пытаясь установить контакт с русскими пехотинцами. Он был убит выстрелом из пистолета Вейзера. Танк отошел, лязгая гусеницами, с бессильно повиснувшим на башне, наполовину высунувшимся из нее телом мертвого командира.

В ночь на 12 марта 2-я гренадерская моторизованная дивизия «Рейх» прорвалась через противотанковый ров на западных окраинах Харькова и проложила таким образом дорогу в город. В течение дня дивизия пробилась к железнодорожному вокзалу.

Противник пытался вырваться из окружения. Повсюду он оказывал упорное сопротивление и атаковал нас с северо-востока города. Йохен Пайпер пробивался к нам на двух бронетранспортерах моторизованной пехоты, чтобы установить контакт с главными силами дивизии. Один из бронетранспортеров был подбит выстрелом из танка Т-34, но Пайперу удалось вытащить людей. Мы ожесточенно и упорно сражались за каждый дом вплоть до 14 марта. Примерно к 18.00 мы овладели последними двумя секторами города на востоке и юго-востоке. Тракторный завод был захвачен 15 марта.

В то же утро 3-я моторизованная дивизия СС «Мертвая голова» достигла узких проходов у Чугуева и перекрыла их после успешных танковых боев к северу от Рогани. Оцепление нужно было держать еще несколько последующих дней, сдерживая попытки противника прорваться и контратаковать с востока. Нам удалось уничтожить большую часть живой силы и техники окруженного противника. (Большая часть советских войск вырвалась из окружения, отойдя за Северский Донец. В кровавых боях в городе они потеряли 20 000 человек убитыми. А элитный корпус СС, обладая подавляющим численным превосходством в танках и значительным в людях, потерял тем не менее 11 000 человек убитыми. – Ред.)

Таким образом, решительное контрнаступление в ответ на русское зимнее наступление было завершено, фронт на участке группы армий «Юг» стабилизировался, русская наступательная мощь в значительной степени была подорвана, а остатки сил сильно потрепаны. В преследовании противника, отступавшего на восток и север, в последующие дни немецкие войска вышли к Северскому Донцу, и, завершая наступление моторизованного корпуса СС, 18 марта Йохен Пайпер взял Белгород. У Белгорода произошло соединение с наступающими западные частями моторизованной дивизии «Великая Германия». За последние несколько дней в тяжелом танковом сражении у Грайворона она уничтожила до 150 советских танков.

Битва за Харьков была победно завершена, несмотря на значительные потери. В большом сражении между Донцом и Днепром германские гренадеры вышли победителями над восточными ордами.

Незадолго до летнего наступления (операция «Цитадель». – Ред.) мне пришлось навсегда проститься с верными гренадерами, которыми я командовал много лет. Никогда не забуду расставание со своими товарищами. Я был откомандирован в танковое училище, а затем переведен в 12-ю танковую дивизию СС «Гитлерюгенд».

12-я танковая дивизия СС «Гитлерюгенд»

Суждено было стать уникальным явлением в истории войн, когда дивизия, особенно такой сложной организации, как современная танковая дивизия, должна была состоять, за исключением офицерского и унтер-офицерского состава, целиком из молодых людей в возрасте семнадцати и восемнадцати лет.

Любой в Германии, кто хоть что-нибудь понимал в военном деле, воспитывал молодых людей или руководил ими, придерживался того мнения, что использование в боевых действиях такого соединения могло привести лишь к катастрофе в первые же дни. Считалось, что такие молодые солдаты не смогут долго выдерживать физические и моральные нагрузки современной войны. Это мнение еще более решительно разделяли в то время наши противники.

И это была не просто вражеская пропаганда военного времени, когда в листовках и радиопередачах говорилось о «детской дивизии», эмблемой которой должна была быть

бутылочка с детским питанием.

Но то, как проявили себя эти молодые люди в бою и как действовала 12-я танковая дивизия, развенчивает критиков.

Таким образом, мне представляется важным вкратце остановиться на том, как создавалась дивизия. Это нужно для удовлетворения интереса читателя как в общепознавательном, так и в конкретно-историческом плане.

Когда после катастрофы под Сталинградом Геббельс объявил о «тотальной войне», был выдвинут план создания добровольческой дивизии из молодых людей, годных к военной службе. Они должны были стать символом готовности германской молодежи пойти на жертвы и выражения ее воли осуществить это. Эти юноши 17—18-летнего возраста были готовы к службе благодаря ускоренной военной подготовке. Доказывая, что она чего-то стоит, такая дивизия, помимо всего прочего, способствовала бы привлечению молодых людей этого возраста в другие германские дивизии, для того чтобы компенсировать огромные потери в личном составе, понесенные в Русской кампании, а также с целью значительного увеличения германской военной мощи.

Прежние командиры этих молодых людей (осуществлявшие их военную подготовку в «Гитлерюгенде» и др.) считали, что для них не годились обычные методы, используемые в обучении солдат. Поэтому в этой особой дивизии они хотели опробовать свои новые методы.

Вслед за обсуждением этого вопроса между рейхсюгенд-фюрером Аксманом и Адольфом Гитлером соответствующие распоряжения были отданы Гитлером в июне 1943 года.

Организация гитлерюгенд должна была обратиться с призывом о наборе добровольцев и подготовить их в учебных военных лагерях. Затем они должны были быть переведены в только что созданную дивизию ваффен СС. 1-й моторизованной (фактически танковой, с октября 1943 года танковой и называлась. – Ред.) дивизии «Лейбштандарт» была поставлена задача поставлять для новой дивизии командные кадры. Вместе с дивизией «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» эта новая дивизия, которая стала называться гренадерской танковой дивизией «Гитлерюгенд», должна была образовать I танковый корпус СС. Формирование дивизии «Гитлерюгенд» должно было начаться немедленно.

В то время как шел набор в «Гитлерюгенд» и началась подготовка ее личного состава, в дивизии «Лейбштандарт» проходил отбор командного состава для новой дивизии. В боях во время отхода из Харькова и последующего отвоевывания этого города дивизия «Лейбштандарт» понесла большие потери. Она готовилась к операции «Цитадель», целью которой было уничтожение русских войск на выступе фронта возле Курска (Курской дуге. – Рей.).

Командовать новой дивизией поручили командиру 1-го гренадерского танкового полка СС тридцатипятилетнему штандартенфюреру СС Витту, награжденному дубовыми листьями к Рыцарскому кресту. Он взял с собой нескольких офицеров из своего полка. Их место заняли офицеры из состава 2-го гренадерского танкового полка СС. Другие части дивизии «Лейбштандарт» должны были подобным же образом предоставить кадры из своего личного состава для перевода в новую дивизию.

Переведенные военнотружущие, ядро дивизии «Гитлерюгенд», составили лишь ее неполный каркас. В новой дивизии до чрезвычайности не хватало ротных командиров, командиров взводов и командиров отделений. Сплошь и рядом молодым командирам взводов приходилось поручать командовать ротами. Позднее около пятидесяти офицеров регулярной армии, которые одно время являлись лидерами организации «Гитлерюгенд», были переведены в одноименную дивизию. Для того чтобы восполнить нехватку командиров отделений, отобранные молодые люди сразу же после прохождения подготовки в военных лагерях направлялись на учебу в унтер-офицерскую школу в Лауенбурге. Через несколько недель после начала базовой подготовки подходящие молодые люди отбирались для прохождения трехмесячного курса подготовки унтер-офицерского состава уже в самой дивизии.

Когда первые 10 000 юношей в июле – августе прибыли в лагерь формирующейся дивизии в Бельгии, для них еще не все было подготовлено. Им, в частности, не могли сразу выдать форму. Тем не менее боевая учеба началась сразу же. Постепенно были сформированы отдельные части – в соответствии с графиком их организации и оснащения боевой техникой. Все назначения на офицерские и унтер-офицерские должности были завершены в течение сентября. В результате затраченных больших усилий учебное соединение было преобразовано в танковую дивизию.

К этому времени в 12-м танковом полку СС (ядре 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд». – *Ред.*), формирование которого происходило в Майиле-Кан близ Реймса, для учебных целей имелось четыре танка Т-IV и четыре Т-V «Пантера». Половину из них тайно «достали», привезя с Восточного фронта. 12-й артиллерийский полк СС в составе дивизии имел в своем распоряжении всего несколько легких полевых гаубиц. Почти совсем не было транспортных автомашин. В ноябре и декабре 1943 года появились итальянские автомашины. Автопарк тогда составил 80 процентов от официально утвержденного количества. Одновременно прибыли первые тягачи и бронемашины.

Взаимодействия между управлением и контролем в дивизии были затруднены. В вопросах обучения дивизия была в компетенции командующего танковыми войсками на Западе генерала танковых войск Гейра фон Швеппенбурга. Тактически она подчинялась 15-й армии.

После того как базовая военная подготовка личного состава большей частью была завершена, в начале 1944 года началась боевая учеба в условиях, приближенных к боевым. После переброски 12-го танкового полка СС в район Хасселта в Бельгии здесь состоялись более крупные учения с участием танков. Упор делался на операции с участием различных родов войск. В феврале 1944 года 1-й батальон 25-го гренадерского танкового полка СС принял участие в учениях со стрельбой боевыми снарядами и патронами в присутствии главного инспектора бронетанковых войск генерал-полковника Гудериана. В марте главнокомандующий войсками на Западе генерал-фельдмаршал фон Рундштедт присутствовал на учениях различных родов войск. В обоих случаях уровень подготовки в дивизии был одобрен.

Согласованность работы штаба была проверена в многочисленных сеансах радиосвязи. Один из них проходил под руководством командования корпуса в районе Дьепа. Во время учений возникло так много трудностей с совершенно не подходящими для нас итальянскими автомашинами, что в конце концов Верховное командование дало указание заменить их германскими военными машинами.

Большинство молодых людей пришли в нашу дивизию, проявив весь свой энтузиазм, свойственный молодости. Они горели желанием показать себя в деле. Энтузиазм и воодушевление следовало поддерживать в качестве базовых ценностей, а там, где их не было, следовало пробудить. Поскольку молодые люди еще только развивались, принципы и формы подготовки должны были быть несколько иными, чем те, которые использовались в подготовке и обучении других новобранцев. Многие общепринятые принципы военной подготовки были заменены новыми, которые, когда уже все сказано и сделано, родились из недр германского молодежного движения, которое появилось на свет на рубеже XIX и XX веков.

Не было очевидных отношений «начальник – подчиненный», признававших только приказы и безусловное подчинение. Взаимоотношения между офицерами, сержантами и военнослужащими других званий складывались как отношения между более старшими по возрасту и более опытными солдатами и зелеными новичками. Авторитет офицера заключался в том, что он был образцом для подражания и наставником для молодых солдат. Офицеры старались воспроизвести отношения подобные тем, какие бывают в семье (настолько, насколько это возможно в условиях войны).

Молодых людей учили брать на себя ответственность, быть готовыми к самопожертвованию, не бояться принимать решение, быть дисциплинированными,

прививали им чувство коллективизма и товарищеской взаимопомощи. Если офицеры видели, что их молодые подчиненные уже проявляли эти качества, то их учили дальше. Руководство дивизии было убеждено в том, что молодые солдаты достигнут большего, если проникнутся пониманием и необходимостью выполнения поставленной задачи, будут правильно понимать свою роль в этом. Таким образом, обычной оперативной процедурой стал анализ полученных приказов, исходя из всесторонней оценки сложившейся обстановки.

В ходе подготовки личного состава избегали муштры и церемониалов. Все было сосредоточено на обучении ведению боевых действий, и этот процесс проходил в условиях, максимально приближенных к обстановке реального сражения. Физическая закалка достигалась через спортивные занятия; форсированные марш-броски не одобрялись и считались ненужными и вредными. На основании установки генерала танковых войск Гейра фон Швеппенбурга совершенствовалось искусство меткой стрельбы. Эти занятия проходили исключительно в полевых условиях. Никаких учебных стрельб на обычных гарнизонных стрельбищах не проводилось.

По указанию главного инспектора танковых войск Гудериана представители нашей дивизии участвовали вместе с офицерами школы танковых войск в Бергене в разработке новых приемов оружейной стрельбы гренадеров моторизованных соединений, которые появились весной 1944 года. Инспекция пехотных войск их отклонила. На основании установки генерала танковых войск фон Швеппенбурга особый акцент делался на маскировку и бесшумность передвижений, а также обеспечение безопасности связи, поддержания секретности. И главное, боевая учеба должна была проводиться днем и ночью, в условиях приближенных к боевым, включать в себя, в частности, и отработку техники ближнего боя. Для перехвата радиопереговоров противника дивизия получила разведывательный взвод связи. Позднее этот взвод прекрасно проявил себя в ходе боевых действий. На основании руководящих указаний генерала бронетанковых войск фон Швеппенбурга на тактических учениях по руководству войсками отрабатывались действия в самых разнообразных ситуациях, которые касались наступательных операций и действий против воздушно-десантных войск противника.

Поскольку у молодых людей был еще растущий организм, а дома они в условиях войны питались недостаточно хорошо, им давали дополнительный рацион сверх положенного армейского продовольственного пайка. Поэтому в дивизии они хорошо развивались физически. Тем, кому было менее восемнадцати лет, не полагалось никаких сигарет, вместо этого им выдавали конфеты.

Нет причины считать, что у дивизии были какие-то привилегии в оснащении ее вооружением и боевой техникой, это должно уже быть ясно из сказанного выше. Все приходилось отвоевывать с большим трудом. Организация дивизии, подобно всем танковым дивизиям ваффен СС, отличалась от армейских танковых дивизий лишь тем, что в нашем танковом полку было три танковых батальона, а не два. В отличие от танковой учебной дивизии у нее был только один батальон мотопехоты на бронетранспортерах.

На основе полученной подготовки и инструкций, которые были даны в соответствии с изложенными здесь основополагающими принципами – конечно, в книге они не изложены со всеми подробностями, – наши солдаты шли в бой, воодушевленные мыслью о том, что их участие в боевых действиях будет решающим для защиты Германии и для ее окончательной победы. Они были проникнуты верой в то, что дело Германии правое и справедливость на ее стороне.

Молодые солдаты шли на войну превосходно подготовленными. Немногие дивизии были подготовлены на столь высоком уровне. Таким образом, их участие в боевых действиях было вполне оправданным.

Вторжение союзников

6 июня около 7.00 утра дивизия «Гитлерюгенд» получила из штаба танкового корпуса

СС приказ на участие в боевых действиях. Она была передана под оперативное управление армейской группы армий «Б» под командованием генерал-фельдмаршала Роммеля. Нам были даны указания сосредоточиться в районе Лизьё к востоку от Кана. Перед этим дивизия должна была прибыть прямо в LXXXI армейский корпус в Руане. Этот приказ имел губительный эффект. Подготовленные до этого пути подхода не были использованы. Единственное, что теперь имело значение, состояло в том, чтобы как можно быстрее подтянуть дивизию ближе к побережью. Было также непонятно, как подключать дивизию к участию в боевых операциях.

Все это требовало массы времени по сравнению с запланированным ранее быстрым выдвиганием из районов сосредоточения дивизии в зону боевых действий. Нам не удалось попытка изменить новые распоряжения в первичной инстанции – в корпусе, которому была придана наша дивизия. Телефонной связи с группой армий «Б» не было.

Приказ на марш (включая районы сосредоточения) был подготовлен в штабе дивизии немедленно и поступил в части между 9.30 и 10.00. Усиленный 25-й гренадерский полк СС выступил около 10.00; усиленный 26-й гренадерский полк СС – примерно в 11.00. Оба они, и 25-й гренадерский полк СС, который действовал вместе со 2-м батальоном 12-го танкового полка СС, и 26-й гренадерский полк СС, который действовал вместе с 1-м батальоном 12-го танкового полка СС, должны были передислоцироваться в район к востоку от Лизьё. На данный период времени дивизионный штаб располагался к востоку от Тийи-сюр-Авр, где с ним была налажена радиосвязь. Лишь пункт донесений был установлен в Лизьё.

Около 15.00 дивизия получила по телефону приказ из группы армий «Б» (через I танковый корпус СС) сосредоточиться в районе восточнее Кана и готовиться к атаке. Дивизия сначала была передана под оперативное управление LXXXIV армейского корпуса в Сен-Ло (запад Нормандии), позднее она перешла в ведение I танкового корпуса СС.

В 16.00, через шестнадцать часов после первого донесения о противнике, усиленный 25-й гренадерский полк СС получил приказ вступить в бой. Полк должен был атаковать район к западу от рубежа Карпике – Версон – Лувињи. На своем левом фланге усиленный 26-й гренадерский полк должен был сосредоточиться в районе Сен-Мовье – Кристо – Фонтениле-Песнель – Шо. 12-й танковый саперный батальон СС должен был атаковать в районе Эске, 12-й разведывательный батальон СС – в Тийи-сюр-Сель. Соединения поддержки должны были находиться восточнее реки Орн в районе Форе-де-Гримбос и Форе-де-Кюйби, двигаясь на запад только после наступления ночи. Штаб дивизии был перебазируван на северную окраину Форе-де-Гримбос.

Время настало! Солдаты сели в свои машины. Связные на мотоциклах с ревом помчались вниз по улицам; взревели двигатели боевых машин. Как часто мы переживали такие моменты старта! В Польше, Центральной Европе, на Балканах, в России, а теперь снова в Центральной Европе. Мы, старые солдаты, с озабоченностью смотрели в будущее. Мы знали, что нам предстояло. И напротив, наши чудесные юные солдаты глядели на нас смеющимися глазами. Они не испытывали страха. Они были уверены в нас, они верили в свои силы и волю к победе.

Как-то себя проявят эти молодые люди? Над нами пролетали вражеские штурмовики. Они пикировали на маршевую колонну, разрывая на куски цветы жизни. Танки стремительно проскакивали коварные перекрестки дорог. Разведывательная рота фон Бютнера была далеко впереди. Я ждал от него донесений. Пока что все было окутано туманом.

Мой опытный водитель вел машину вперед, как всегда, осторожно. Тучи поднимались на западе. Кан, город, из которого Вильгельм Завоеватель в 1066 году начал свой победоносный путь через Ла-Манш, был разрушен. Более 10 000 мужчин и женщин оказались погребены под дымящимися обломками. Город превратился в гигантское кладбище. На дороге Кан – Фалез мы наткнулись на французских беженцев – автобус был объят пламенем. Душераздирающие крики приветствовали нас. Мы не могли помочь; дверь заклинило, и выход на свободу оказался перекрыт. Изувеченные тела людей свешивались из

разбитых окон, перегораживая выход оставшимся внутри. Какой ужас! Почему гражданские в огне? Но мы не могли позволить себе скомкать график движения! Нам нельзя было останавливаться! Нам нужно было продвигаться еще дальше вперед, развивая наступление. Лес притягивал нас к себе как магнит; все новые штурмовики союзников пролетали над нами. Нас безжалостно преследовали, но мы не могли позволить себе уйти в укрытие. Марш должен был продолжаться!

Вереница самолетов «Спитфайр» атаковала последний взвод 15-й роты 25-го гренадерского полка СС. Ракеты и другие виды вооружения собирали здесь урожай смерти. Взвод двигался по теснине; отклонение было невозможным. Старая француженка бежала к нам с криками: «Убийцы! Убийцы!» Наш солдат лежал на дороге, кровь струей лилась у него из горла. Осколком ему перебило артерию, он умер у нас на руках. Со страшным грохотом взорвались боеприпасы в автомобиле-амфибии, от взрыва огонь взметнулся высоко в небо, а машину разорвало на части. Но через пару минут обломки были уже отодвинуты в сторону – останавливаться нельзя, мы должны были продолжать движение!

Опустилась темнота. 15-я рота 25-го гренадерского полка СС пересекла дорогу Кан – Виллер-Бокаж. Я с нетерпением ожидал 1-й батальон 25-го гренадерского полка СС. Непрерывные атаки с воздуха сильно замедляли темп движения. Наконец Вальдмюллер доложил о прибытии батальона, и я был проинформирован о том, что воздушные налеты не привели к значительным потерям. Около 23.00 до меня добрался офицер связи 21-й танковой дивизии. Эта дивизия вела бои близ Троарна (к востоку от Кана) и к северу от Кана. Командир дивизии генерал-лейтенант Фойхтингер ожидал меня у командного пункта 716-й пехотной дивизии. Я отправился немедленно. Германские бомбардировщики на небольшой высоте пересекали дорогу. Как только они достигли района предполагаемого вторжения союзников, их встретили интенсивным заградительным огнем. На дороге горели несколько наших грузовиков. Это был адски трудный путь.

Город Кан был морем огня. Взволнованные люди бродили по развалинам; улицы были перекрыты, и над горящим городом клубился дым. Красивые старинные церкви превратились в груды обломков, труд многих поколений был превращен в море пепла и развалин.

Все это произошло, несмотря на тот факт, что в городе не было ни одной немецкой воинской части. Бомбардировщики союзной коалиции убивали французских граждан и безвозвратно уничтожали объекты культуры. С военной точки зрения разрушение Кана было грубейшей ошибкой.

Бункер располагался в карьере. Он глубоко уходил в землю. В проходе раздавались стоны раненых солдат 716-й пехотной дивизии и 21-й танковой дивизии. Лихорадочно работали врачи и санитары, раненых укладывали в санитарные машины, чтобы отправить в тыл.

В 0 часов я стоял перед командиром 716-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом Рихтером. Эта дивизия испытала на себе огненный вал атаковавших сил союзной коалиции и через двадцать четыре часа фактически перестала существовать как боевая единица. Хотя дивизия все еще держала оборону на опорных пунктах, связи между полковыми, батальонными и дивизионными командными постами больше не существовало. Ничего не было известно и о том, какие позиции были захвачены противником.

Командир дивизии кратко проинформировал меня о ситуации. Паузу прервал телефонный звонок. Один из полковых командиров, полковник Круг, докладывал из своего бункера, спрашивая о дальнейших распоряжениях. Он сообщал: «Противник над бункером. У меня нет средств противостоять ему, так же как и нет связи со своими частями. Что мне делать?» Гробовое молчание воцарилось в нашем бункере. Все смотрели на командира дивизии. Сказанное им в ответ потрясло: «Я не могу дать вам дальнейшие распоряжения; сделайте то, что должны делать. До свидания!»

716-я пехотная дивизия была уничтожена в полном смысле этого слова. Она больше не существовала. Она храбро сражалась, но превосходство противника в живой силе и технике

было слишком велико. 716-я пехотная дивизия была атакована английской авиацией, в ночь с 5 на 6 июня с 23.00 и до рассвета. Вслед за этим на участок дивизии была брошена вся 8-я воздушная армия США, базировавшаяся на аэродроме Англии. Более 1000 американских самолетов атаковали оборонительные позиции на побережье за полчаса до высадки союзников.

После того как отбомбились и англичане и американцы, артобстрел побережья начал военный флот; 5 линкоров, 2 монитора, 19 крейсеров, 77 эсминцев и 2 канонерки вели огонь из всех стволов. Как только высадились силы вторжения, и их артиллерия подключилась к обстрелу наших позиций. Наконец добавили свои залпы в этот ад корабли-ракетоносцы. (Эти корабли были специально построены для вторжения. Что-то вроде катюш, установленных на кораблях. – Рей.)

Несмотря на чудовищный разрушительный огонь корабельных орудий и бомбардировки, многие доты держались вплоть до вечера. Но человеческий дух был бессилен против такой лавины стали и свинца; солдатам пришлось уступить под натиском столь бешеных обстрелов, бомбардировок и атак. Участок 716-й пехотной дивизии превратился в лунный пейзаж, лишь отдельные защитники рубежа обороны избежали гибели в огненном смерче.

После драматического диалога, который мы слышали в бункере 716-й пехотной дивизии, командир 21-й танковой дивизии кратко доложил о ее развертывании. Он отмечал:

«Я не знал о вторжении, пока не услышал донесение сразу после полуночи 6 июня о том, что войска воздушного и морского десанта союзников вступили в бой в окрестностях Троарна. Поскольку я получил приказ не выдвигаться, на данный момент мне не оставалось ничего другого, как только приказать дивизии оставаться на месте. Я нетерпеливо ожидал приказа всю ночь, но из вышестоящего штаба не было получено ни единого распоряжения. Поскольку я был уверен, что моя танковая дивизия была ближайшей к району боевых действий противника, я наконец к 6.00 пришел к убеждению, что должен что-то предпринять. Я велел своим танкам атаковать 6-ю британскую военно-воздушную дивизию, которая закрепилась на плацдарме за Орном. Я полагал, что это была самая непосредственная угроза для германских позиций.

Сразу после того, как я принял решение, мне сообщили из группы армий «Б», что меня придают 7-й армии. Наконец в 10.00 я получил боевой приказ. Мне пришлось парировать атаку танков, приданных 6-й британской воздушно-десантной дивизии, и повернуть на запад, чтобы оказать поддержку немецким войскам, обороняющим Кан.

Переправившись через Орн, я двинулся на север к побережью. К тому времени противник в составе трех британских и трех канадских дивизий успешно наступал и овладел полосой побережья на глубину примерно 10 километров. Огнем противотанковых пушек союзников 11 моих танков были выведены из строя сразу после того, как я выступил. Моей оперативной группе удалось смять эти орудия и к 19.00 достичь побережья у Лион-сюр-Мер».

Боеспособность 21-й танковой дивизии, единственного готового к немедленному вводу в бой танкового соединения, которое могло решающим образом повлиять на ход вторжения, была подорвана уже на начальном этапе сражения. Вместо того чтобы молнией ринуться на скопление высадившихся сил противника, дивизия была обречена на то, чтобы быть разбитой в пух и прах. Она оставалась пассивной в районе Кана до 6.30, атакуя лишь высадившуюся дивизию у Троарна. Однако главные усилия противника были направлены не на Троарн, а к северу от Кана. Подразделения и части 21-й танковой дивизии не были задействованы к северу от Кана вплоть до второй половины дня.

В руках опытного танкового командира, такого, например, каким был Роммель в 1940 году, и многих командиров после него 21-я танковая дивизия могла бы создать трудную ситуацию для союзной коалиции – если бы командир пошел в лобовую атаку, идя в наступление в своем танке. Золотым правилом Гудериана – «Бить так бить!» – откровенно пренебрегли.

Командный пункт 21-й танковой дивизии был все еще в Сен-Пьер-сюр-Див примерно в 30 километрах от побережья. В ночь с 6 на 7 июня командир дивизии не имел связи с частями. Вскоре после полуночи он информировал нас, что союзники, вероятно, уже достигли аэродрома в Карпике. Однако у него не было какой-либо конкретной информации.

25-й гренадерский полк СС немедленно провел разведку боем. В 13.00 было доложено, что в Карпике, Ро и Бюроне противника нет. Бюрон удерживался разрозненными подразделениями 716-й пехотной дивизии. Ле-Биссон был занят войсками союзников. Левый фланг 21-й танковой дивизии тянулся вдоль железной дороги до Эпрона; германских частей западнее Эпрона в данный момент не было. Западные предместья Кана и аэродром в Карпике не были защищены. Часть, которая должна была оборонять аэродром, в панике покинула свою хорошо оборудованную позицию 6 июня; она состояла из персонала наземного обслуживания люфтваффе.

Усиленный 25-й гренадерский полк двигался по дороге Виллер-Бокаж – Кан. В полку знали об обстановке из донесений связных офицеров. Командирам батальонов было приказано прибыть на временный полковой командный пункт непосредственно к западу от Кана на пересечении железной и шоссейной дорог.

В дивизионном бункере царил пессимистическое настроение. Пора было его оставить. Я уже собирался покинуть бункер, когда меня позвали к телефону. Наш командир дивизии генерал-майор ваффен СС (бригаденфюрер) Витт находился на командном пункте 21-й танковой дивизии у Сен-Пьер-сюр-Див и попросил меня доложить обстановку. Я объяснил ситуацию так, как меня о ней проинформировали командиры 716-й пехотной дивизии и 21-й танковой дивизии. Комдив не прерывал меня, а в конце сказал: «Ситуация настоятельно требует быстрых действий. Прежде всего противник не должен быть допущен в Кан и на аэродром в Карпике. Можно предположить, что части и соединения противника в данный момент готовятся к обороне, поскольку они еще не готовы к дальнейшему наступлению. Следовательно, было бы ошибкой вводить в бой части нашей дивизии по мере их подтягивания. Единственно возможный вариант – предпринять атаку во взаимодействии с 21-й танковой дивизией.

Таким образом, дивизия будет атаковать противника вместе с 21-й танковой дивизией и сбросит его в море. Атака будет предпринята завтра в 12.00».

Я быстро попрощался с двумя командирами и покинул бункер со своим сопровождением. В проходе все еще было некоторое количество раненых; большинство же было эвакуировано. На улицах Кана не было ни души, не видно было ни солдат, ни граждан. Можно было видеть только саперов – в тех местах, где развалины перекрыли дороги. Кроме работавших саперов, мы не увидели больше никаких признаков жизни. Кан был мертвым городом. Удушливый запах гари заполнил улицы. Горящие дома освещали нам дорогу. Мы были спокойны, никто не вымолвил ни слова – мы думали о пожарах в нашем тылу, в Германии. Над нами пролетали отдельные самолеты, повисшие на парашютах осветительные бомбы, которые сбросили союзники для аэрофотосъемки, наполнили пустынные улицы ярким светом. Господи, где же наши люфтваффе?

Наш командный пункт находился за автомагистралью; он размещался в небольшом деревенском доме, окруженном высокими старыми деревьями, что обеспечивало маскировку при воздушных налетах. Это было необходимым условием, если хочешь дожить до следующего дня. В доме был беспорядок. Должно быть, войска люфтваффе покинули его за какие-нибудь две минуты. Вероятно, они принадлежали части, оборонявшей аэродром, которая так быстро оставила этот район.

Прибыл командир 1-го батальона 25-го гренадерского полка, он был наскоро кратко проинформирован об обстановке. Короткое рукопожатие было красноречивым. Нам предстояло пуститься в долгий путь.

Батальон спешил, а его машины исчезли в темноте. Ни одна из машин не пошла через город; все они повернули на юг.

Прибывал батальон за батальоном. Тем временем наступил день. Небо опять стало

оживать. Не было смысла скрываться от самолетов, которые постоянно маячили над головой.

Солдаты помахали мне. Они шли вперед на свое боевое крещение спокойно. Они не выказывали жалости к себе. Они были полны решимости проявить себя. Пути нашего следования яростно атаквали истребители-бомбардировщики и обстреливали корабельные орудия. Тем не менее районов сосредоточения мы достигли вовремя.

Я устроил наш передовой командный пункт в монастыре в Ардене. Мой водитель Эрих уже обменял нашу вездеходную легковую машину Kfz 15 (на шасси «Мерседес-Бенц–340». – Рей.) на более легкий автомобиль «Фольксваген» для того, чтобы не делать его слишком заметной мишенью, но от такой меры предосторожности было мало толку. Едва только мы начали движение, как оказались в канаве. Пулеметные очереди истребителей, действовавших как штурмовики, взрыхляли землю вокруг нас. Опять сели в машину – а через пару сотен метров снова лежали в канаве! Это нас просто сводило с ума, но Эрих вскоре придумал, что делать. Он трогался с места с быстротою молнии, а как только истребитель союзной авиации начинал пикировать, мой водитель ударял по тормозам так сильно, что автомобиль едва не опрокидывался. Таким образом Эрих и доставил меня в монастырь. Я был рад, что меня теперь окружали толстые стены. Монастырь был старой развалиной с большим садом, окруженный высокими стенами из твердого камня. Две монастырские башни господствовали над местностью, обеспечивая великолепный обзор.

Одна из башен уже стала наблюдательным пунктом для батальона тяжелой артиллерии. Бартлинг доложил, что артиллерия готова открыть огонь. Солдаты моторизованных пехотных подразделений вышли на свои позиции. Прямо передо мной находился 2-й батальон 25-го гренадерского моторизованного полка СС. Я увидел, как боевая разведгруппа исчезала в зарослях. Тяжелое пехотное оружие было установлено на огневых позициях, а тем временем пулеметы и 20-мм зенитки вели огонь по бомбардировщикам, истребителям и штурмовикам противника.

Все было готово, но где же танки? Смогут ли они добраться до фронта? Не было ли безумием ожидать танки при полном господстве в воздухе авиации союзников? Однако вместо ожидаемых так необходимых нам танков я услышал доклад командира минометного батальона. Я был рад услышать, что у него довольно много боеприпасов. Батальон занял позиции на северных окраинах Кана.

Тем временем пробило 10.00 и появились первые танки. Безжалостные атаки штурмовиков и бомбардировщиков союзников сильно препятствовали их подходу. Командир танкового батальона доложил, что 50 танков Т-IV готовы к бою. Остальные были где-то на подходе и придут в течение ночи. Теперь я почувствовал себя значительно лучше. Наша атака без поддержки танков неизбежно была обречена на провал.

Если бы только можно было подавить этот проклятый огонь корабельных орудий. Тяжелые снаряды (до 380 мм – главный калибр английских линкоров. – Ред.) с воем пронеслись над нашей головой, как скорые поезда, погружаясь в развалины города. Штурмовики и бомбардировщики нас уже больше почти не беспокоили; мы знали, что эта дрянь над нами будет висеть постоянно и в дальнейшем.

Я поднялся на башню, чтобы осмотреть окрестности. Я думал, что смогу разглядеть берег. Какой сюрприз! Местность до самого берега лежала передо мной, как ящик с песком на штабных учениях. На берегу наблюдалось оживленное движение. Покачиваясь на волнах одно за другим, все новые суда союзников, бесчисленные заградительные аэростаты защищали эту армаду от атак с воздуха. Последнее было ни к чему, люфтваффе в Северной Франции, похоже, больше не существовали.

К западу от городка Дуврла-Деливранд выстраивались танковые соединения противника. Все пространство напоминало муравейник. А что было за нами? Дымящиеся развалины, пустые дороги и горящие машины. Дорога Кан-Фалез была прямой, как стрела, на многие километры, но на ней не было ни намека на германские боевые части. Они пережидали светлое время суток где-нибудь в укрытиях или маскируясь и осмеливались двигаться вперед только ночью.

Штурмовики атаковали монастырь, не причинив нам никакого вреда. Солдаты ругали эту «саранчу» союзных истребителей, из-за отсутствия нашей авиации проводивших штурмовку всего и вся на земле.

Но что это? Мне не мерещится? Вражеский танк ломился через сады Конте! Затем он остановился. Командир танка открыл люк и начал осматривать местность. Он что, ослеп? Он что, не понимал, что находится всего в 200 метрах от 2-го батальона 25-го гренадерского моторизованного полка СС, и стволы наших противотанковых орудий направлены на него? Очевидно, нет. Он спокойно зажег сигарету и смотрел на дым. Нами не было сделано ни выстрела. Батальон прекрасно соблюдал дисциплину огня.

Тогда я понял, что происходит! Все стало ясно. Танк был послан вперед для обеспечения прикрытия с фланга. Танки противника двигались в направлении Оти из Бюрона. Боже мой! Какая возможность! Танки двигались прямо через фронт 2-го батальона 25-го гренадерского моторизованного полка СС! Вражеское соединение оголяло перед нами свой незащищенный фланг. Я отдал приказ всем батальонам, артиллерии и танкам: «Не открывать огонь! Огонь только по моей команде!»

Командир 12-го танкового полка СС расположил свою командирскую машину в саду монастыря. С танком сразу была установлена связь, и о положении противника было передано из башни командирского танка всем остальным танкам. Одна рота танкового полка находилась на территории монастыря и еще одна – на противоположном склоне к югу от Франквилля.

Командира войск противника, похоже, беспокоил только аэродром; он находился прямо перед ним. В принципе вражеские танки уже могли своим огнем накрыть летное поле. Но их командир не осознавал, что на обратном склоне высоты его ждет разгром. Как только вражеские танки пересекут дорогу Кан – Байё, они наткнутся на 2-й батальон 12-го танкового полка СС. Лишь несколько метров отделяли железных монстров друг от друга.

Мы как замороженные наблюдали за этим спектаклем! Командир 12-го танкового полка СС Вюнше спокойно сообщал о маневрах вражеского танка. Никто не осмеливался говорить громко.

Я помнил о принципе Гудериана: «Бить так бить!» – и дивизионном плане атаки, но в этой ситуации мне пришлось проявить собственную инициативу. 26-й гренадерский моторизованный полк СС все еще находился к востоку от Орна, а 1-й батальон 12-го танкового полка СС не мог двинуться из-за нехватки горючего. Он был в 30 километрах от Орна. Горючее нельзя было доставить из-за интенсивных авианалетов. Мое решение: как только первые танки противника минуют Франквиль, 3-й батальон 25-го гренадерского полка СС атакует их при поддержке наших танков, находящихся на обратном склоне. Как только батальон достигнет Оти, в бой вступят другие батальоны. Цель: побережье.

Командир 21-й танковой дивизии был кратко проинформирован о ситуации. Непосильная ноша свалилась на наши плечи в этот момент. Головные подразделения противника уже прошли Франквиль и стали пересекать дорогу. Я передал Вюнше сигнал на начало атаки. Последнее, что я услышал, было: «Внимание! Танки, вперед!» Напряжение улетучилось.

Докладывали о вспышках огней выстрелов из орудий у Франквилля. Загорелся впереди идущий вражеский танк, и я смотрел, как из него выбирался экипаж. Новые танки противника с громкими взрывами разлетались на части. Вдруг загорелся наш танк Т-IV; снопы пламени вырвались из люков. Канадская пехота пыталась добраться до Оти и продолжать бой оттуда, но все напрасно. Солдаты 3-го батальона 25-го гренадерского полка СС изо всех сил старались не дать вражеским танкам взять верх. При поддержке пехоты танки противника намеревались ворваться в Оти. Едва им это удалось, как начали атаку 1-й и 2-й батальоны 25-го моторизованного полка СС. Энергичными наступательными действиями мы взяли Франквиль и Оти. За ними должны были последовать Конте и Бюрон. Противник казался совершенно обескураженным. К этому моменту ни с одной из сторон не открывался артиллерийский огонь.

Атака проходила быстро. Пленные были собраны и отправлены в тыл с поднятыми руками. 3-й батальон 25-го гренадерского моторизованного полка СС наступал на Бюрон; 2-й батальон этого полка уже прошел через Конте и вел бой с вражескими танками.

Я запрыгнул в мотоцикл и поехал к 3-му батальону 25-го полка. По пути мне повстречались первые раненые. Они направлялись в лазарет, находившийся в монастыре.

Около 50 канадцев стояли с поднятыми руками в саду Кюсси, под охраной нескольких наших солдат. Я разрешил им опустить руки и велел немедленно переправить их в монастырь. Над деревней Кюсси витала тень смерти, но сразу за последней фермой было оживленней, чем бы мне хотелось. Едва я достиг открытого места, как над моей головой стали пролетать канадские «поздравления». Это вражеские танки с южной окраины Бюрона открыли огонь, но попасть в меня было нелегко – я мчался через поле с быстротою молнии.

И все-таки меня накрыли! Я уже не помню, как оказался лежащим рядом с канадским солдатом. Дым и взрывы окружали меня, и этому не было конца. Мы держались поближе к краю воронки, не упуская друг друга из виду. Мы находились в самом центре места, попавшего под обстрел артиллерии уже с моря, и пригибались особенно низко, когда тяжелые снаряды корабельных орудий с воем проносились над нашей головой. Мой мотоцикл лежал в поле, он превратился в грудку обломков.

Не помню, как долго я лежал в этой проклятой воронке. Однако я заметил, что солдаты наших моторизованных частей как раз собирались войти в Бюрон. Танки горели по обе стороны деревни.

Не мог же я оставаться в этой яме вечно! Я вылез и молнией помчался к 3-му батальону 25-го гренадерского моторизованного полка СС. Канадец исчез в направлении Кюсси. В этот момент Бюрон был накрыт огнем вражеской артиллерии. Подъехал связной на ревущем мотоцикле – он узнал меня, остановился, и мы оба погнались.

Между Бюроном и Оти я повстречал Милиуса. Он с гордостью сообщил, что его батальон показал высокий боевой дух. На данный момент его потери были незначительны. Затем по Бюрону был открыт ураганный огонь. Деревню было уже не узнать. Лишь дым, взрывы и огонь обозначали ее местонахождение. Артиллерия противника сосредоточила всю свою огневую мощь на Бюроне, обрушив на него чудовищную лавину стали и огня. Никогда еще прежде мне не доводилось сталкиваться с таким сосредоточением артиллерийского огня. Мне вспомнилось то, что я читал о Вердене, и то, что видел там своими глазами – спустя двадцать четыре года после боев 1916 года. Одна рота 3-го батальона 25-го гренадерского полка СС оказалась в самом центре этого сосредоточенного артиллерийского огня. Остатки других рот выдвигались в направлении Биссона. Милиус последовал за своей головной ротой.

Я поехал во 2-й батальон 25-го гренадерского полка СС на другом мотоцикле. По Конте велся огонь только из легкого оружия. Огневой вал артиллерийского огня противника остался позади батальона, и батальон продолжал атаковать в северном направлении. Ведший в атаку своих солдат комбат Скапини был убит. Прямое попадание снаряда оборвало жизнь настоящего воина.

Когда я уже был в 1-м батальоне 25-го гренадерского танкового полка СС, то с некоторым беспокойством заметил, что 21-я танковая дивизия не поддерживает нашу атаку и что ее танки стоят в бездействии. В результате правый фланг 25-го гренадерского полка оказался открытым и танки противника уже прощупывали фланг 1-го батальона полка. Этот батальон оказался в эпицентре опасного кризиса боя.

Поколебавшись мгновение, солдаты батальона остались лежать. Вдруг я заметил одного, затем нескольких, побежавших назад в Мелон. Отдача приказов не спасла бы положение; нужно было сделать что-то еще. Я побежал за молодыми солдатами и указал в направлении противника. Они остановились, посмотрели на меня, а потом вернулись на свои прежние позиции. Танк Т-IV въехал в противотанковый ров и застрял. Вражеские танки приближались к нам, попав в радиус обстрела противотанкового взвода. Первый «Шерман» встал, окутанный дымом; следующий завертелся и был разбит вдребезги за несколько

секунд. Тут появились наши танки и завершили дело.

Обратно на полковой командный пункт! 150 пленных собрались во дворе монастыря. Они принадлежали к 9-й канадской бригаде, которая была частью 3-й пехотной дивизии. Пленные были либо уроженцами северной части Новой Шотландии, либо из экипажей 27-го танкового полка («Шербрукские стрелки»). Я поговорил с несколькими офицерами, а затем снова поднялся на монастырскую башню.

Передовые наблюдатели постоянно вызывали огонь на те или иные цели и корректировали огонь батарей. Я не видел никакого движения на левом фланге. От 26-го гренадерского моторизованного полка СС в зону боевых действий прибыла только разведывательная рота. Батальоны настолько были задержаны воздушными налетами, что мы не могли рассчитывать на ввод в бой 26-го гренадерского полка.

12-й разведывательный батальон все еще не вступал в соприкосновение с противником на левом фланге дивизии; он производил разведку в направлении Байё.

В то время как начальник артиллерии оберштурмфюрер СС Мейцель информировал меня, мы заметили большое оживление западнее реки Мю. Танки противника, продвигались вперед к Бретвиллю. Мю – небольшая речка с зарослями по берегам; у городка Ро ее берега становятся выше, особенно правый, что создает препятствия для танков при атаке с запада на восток. Этот участок прикрывала батарея 88-мм зенитных пушек в районе Франквилля.

Я беспокоился смотрел на облака пыли западнее Мю. Танки противника один за другим катились через возвышенность по направлению к Бретвиллю. В этом секторе не было германских войск, которые могли бы остановить наступление противника. Танковые силы противника таким образом, если бы продолжали двигаться по дороге Кан – Байё, пришли бы прямо в район подхода на марше 26-го гренадерского моторизованного полка СС. В самом Бретвиле были только разрозненные отряды пехоты 716-й пехотной дивизии. Путь для глубокого проникновения врага в обход наших флангов был практически открыт.

Как мы позднее установили, части, которые мы наблюдали, были 7-й канадской бригадой, наступавшей совместно с пехотными частями «Риджайна райфлз» и канадскими полками (из Новой Шотландии). В сложившихся обстоятельствах атака 25-го гренадерского моторизованного полка СС должна была быть немедленно остановлена. Было бы безответственно продолжать атаку с оголенными флангами и против чудовищного огня полевой и корабельной артиллерии. Атака была отменена, и 1-й батальон 25-го гренадерского полка СС был отведен вплоть до позиций 21-й танковой дивизии. Из дивизии был получен приказ закрепиться на занятых позициях и до прибытия подкреплений перейти к обороне.

В монастырском саду медицинский персонал ухаживал за ранеными. Наши молодые солдаты лежали бок о бок и подбадривали друг друга. Канадцы лежали рядом с германскими солдатами. Врачи и фельдшеры не смотрели на то, какая у кого форма. Здесь между ними не было различий. Единственное, что имело значение, – это спасение жизни.

Эвакуировать раненых стало невозможно. Истребители союзников атаковали каждую санитарную машину. Полковые врачи доложили мне, что санитарная рота, приданная полку, уже не была полностью боеспособной. Истребители атаковали санитарную роту на марше и уничтожили несколько машин с медицинским оборудованием. К сожалению, были убиты несколько санитаров.

Красный Крест уже больше не обеспечивал защиты. Чтобы еще больше выделить санитарные машины, все они были выкрашены в белый как снег цвет, но и эта мера оказалась бесполезной. С помощью французских врачей был создан временный военный госпиталь. Французы особое внимание уделяли тяжело раненым канадцам. Под покровом ночи раненые и пленные были все же отправлены в тыл.

Потери первого дня боев были жестокими. Помимо командира 2-го батальона 25-го гренадерского моторизованного полка СС, были убиты или ранены несколько командиров рот. 3-й батальон 25-го полка понес тяжелые потери от ожесточенного артиллерийского огня у Бюрона. Танковый батальон потерял шесть танков Т-IV, два из них были уничтожены

полностью (сгорели или взорвались).

Потери противника были значительно большими. По словам генерал-полковника Мела Гордона, 27-й канадский танковый полк потерял 28 «Шерманов», а гайлендеры (горцы) Северной Новой Шотландии в целом потеряли 245 человек: убитыми, ранеными и взятыми в плен. Атака 25-го гренадерского моторизованного полка СС остановила наступление противника на Кан. К сожалению, продолжить наше наступление 7 июня было нельзя.

Продуманная совместная атака 12-й и 21-й танковых дивизий 7 июня наверняка была бы успешной и плацдарм к северу от Кана был бы сокрушен, если бы проведение этой атаки было отдано в руки умелым командирам соединений. Однако эти дивизии придерживали в тылу, и их можно было задействовать только после того, как это санкционирует Верховное командование вермахта. Обе дивизии могли бы действовать вместе к северу от Кана уже 6 июня.

В течение ночи 26-й гренадерский моторизованный полк прибыл на свой участок. Угроза нашим флангам, наконец, миновала.

1-й батальон 26-го гренадерского моторизованного полка СС был остановлен, когда атаковал Норре и не смог наступать дальше. Атака 1-й роты этого полка на правом берегу реки Мю, которая должна была установить контакт с 25-м гренадерским моторизованным полком СС, захлебнулась под фланговым огнем из Норре.

Атака 2-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС привела к окружению и уничтожению трех рот «Королевских Виннипегских стрелков» в Пютоан-Бессен. Из 9-й канадской бригады канадскому полку из Новой Шотландии поступил приказ контратаковать. Неся тяжелые потери, он потеснил 2-й батальон 26-го гренадерского моторизованного полка СС на позицию южнее Пютоан-Бессен. 3-й батальон 26-го гренадерского моторизованного полка СС занимал оборонительные позиции вдоль железнодорожной насыпи у Бронье.

Учебная танковая дивизия под командованием генерал-лейтенанта Байерлина прибыла на фронт у Тийи 8 июня. Дивизия уже понесла большие потери на марше сближения. Более 40 бронемашин, подвозивших горючее, и 90 грузовиков было уничтожено. Пять танков, четыре тягача и четыре самоходных артиллерийских установки также были уничтожены. Это были серьезные потери для соединения, которое еще не вступало в бой.

Вскоре после полуночи ко мне с докладом на командный пункт прибыл оберштурмфюрер СС фон Риббентроп. Фон Риббентроп был ранен в плечо очередью с низколетящего самолета за две недели до высадки союзников; он стоял передо мной с рукой на перевязи. Фон Риббентрон покинул военный госпиталь и искал свою танковую роту. Поскольку я хорошо знал этого офицера по прежним боевым операциям, то не сделал ничего, чтобы отправить его обратно в госпиталь.

В течение ночи я побывал в батальонах и проверил отдельные позиции рот. Я остолбенел от позитивного настроения и боевого духа моих молодых солдат. Мы, старые воины, были, честно говоря, под сильным впечатлением от того, что произошло за день. Артиллерийский огонь и воздушные налеты противника оказали на нас свое воздействие. Но не на молодых солдат. Для них это было боевое крещение, которого они ожидали. Они знали, что впереди у них еще много трудных дней и недель. Их позиция заслуживала уважения.

Во время осмотра поля боя у Оти и Франквилля были обнаружены важные документы противника. Из первого подбитого вражеского танка были извлечены инструкции по связи.

К вечеру 8 июня канадские машины, шедшие из Пюто, перебирались через заминированный мост на окраине Бронье прямо перед дулами развернутых там наших противотанковых орудий. В результате одна из машин сгорела с пассажирами и экипажем, другая осталась невредимой, но сидевшие в ней старший лейтенант и его водитель были мертвы. В этой машине была обнаружена важная карта. На ней были точно отмечены все позиции противника по обе стороны от реки Орн – со всеми подробностями, вплоть до отдельных позиций минометов и пулеметов. Вместо фактических названий населенных

пунктов и особенностей местности на карте использовались названия животных, которые начинались с такой же буквы. Например, река Орн была названа Ориноко. На карте была помечена местность, непроходимая для танков.

У мертвого капитана был найден блокнот с пометками, касающимися приказа на ведение боевых действий после высадки. В блокноте содержалась также информация относительно проведения боевых операций и правил, касающихся использования гражданского населения.

Коды позывных сигналов, находившиеся среди захваченных документов, использовались противником более двух дней, что позволило нашему взводу радиотехнической разведки перехватывать и оценивать поступающие сигналы.

8 июня во второй половине дня я вместе с командиром дивизии объехал участок 25-го полка, а затем побывал в 1-м батальоне 26-го полка. На хвосте у нас постоянно висели низколетящие самолеты. Я был рад доставить своего командира обратно на командный пункт в целостности и сохранности. Затем 25-й гренадерский моторизованный полк СС получил приказ поддержать 1-й батальон 26-го гренадерского моторизованного полка СС, нанеся удар по Бретвиль-ле-Оржуйоз с востока. К его атаке должна была подключиться недавно прибывшая танковая рота 1-го батальона 12-го танкового полка СС и 15-я разведрота 25-го гренадерского моторизованного полка СС. Атака была запланирована на следующую ночь. Дневные атаки стали невозможны из-за господства в воздухе авиации союзников.

Наши танки Т-V «Пантера» выдвинулись из Кана к Франквиллю к линии фронта незадолго до наступления ночи. Из-за этого они продвигались к месту сосредоточения медленно. Командиры танков были кратко, но подробно проинструктированы; командиры рот и взводов до наступления вечера изучили местность и знали каждую ее складку. Танковая рота заняла позицию для наступления клином. Разведка села в свои бронемшины. Я обходил боевые машины одну за другой, чтобы сказать несколько слов ободрения юным солдатам.

Командир роты фон Бюттнер, мой адъютант в течение многих лет, вдруг напомнил мне об обещании, данном мной 15-й разведроте 25-го гренадерского моторизованного полка СС во время боевой учебы в Бельгии. В то время я говорил роте: «Ребята, разведывательная рота всегда идет впереди полка. На вас ложится огромная ответственность. Обещаю вам, что буду с вами, чтобы быть свидетелем вашего боевого крещения». Это время наступило; рота шла к своему боевому крещению. Следовательно, я должен сопровождать ее.

Мой старый друг и товарищ Гельмут Бельке приехал на мотоцикле с коляской. Он неизменно был рядом со мной в качестве посыльного, командира отделения и командира взвода с 1939 года. Он сопровождал меня на всех полях сражений. В коляске был доктор Штиф. Я прыгнул на заднее сиденье и велел Гельмуту ехать к дороге Кан – Байё. Справа от нас ревели двигатели танков. Танкисты взобрались на свои боевые машины и скрылись в башнях танков. Молодые солдаты ждали меня. Они хлопали друг друга по спине и, вероятно, вспоминали мое обещание. Они указывали на мой мотоцикл и крутили головой. Мой «транспорт», похоже, вызывал у них некоторое беспокойство.

Командир 12-го танкового полка Макс Вюнше захотел сопровождать роту «Пантер». Он тоже сражался бок о бок со мной с 1939 года. Мы знали друг друга; необходимости в объяснениях не было. Взгляд, знак, и танки покатались в ночь.

Слева от дороги огневую позицию заняла батарея 88-мм орудий. Через несколько минут мы оставили позади последние аванпосты. Танки на полной скорости катились вперед у правой обочины дороги. Препятствий не было, и механики-водители танков могли до предела использовать возможности 700-сильного двигателя танка Т-V «Пантера». Отделение мотоциклистов и машина передового артиллерийского наблюдателя следовали в нескольких сотнях метров позади меня.

Наступило время гонки! Скорость нарастала, видны были только силуэты. Я хотел проехать через городок Ро до наступления полной темноты. Об этом была договоренность с Вюнше. Появились первые дома Ро. Танки двигались за нами, правее. Ощущение было

такое, будто сидишь на вулкане, но Гельмут неумоимо продолжал ехать вперед. Мы только крепко держались за мотоцикл – чтобы, если возникнет необходимость, можно было убраться с дороги как можно скорее. На окраине поселка мы подождали танки. Они подъехали через несколько минут. Первое отделение разведывательной роты спешилось и осмотрело местность. В городке противника не оказалось, и мы быстро проследовали через Ро дальше.

«Пантерам» тоже пришлось пройти, одна за другой, через городок. Как только он остался позади, они вернулись к построению в виде клина. «Пантеры» с ревом покатались в направлении Бретвиля, двигаясь по обе стороны дороги. В темноте мне были видны только раскаленные докрасна выхлопы танков. Норре был уже позади нас с левой стороны. В следующие несколько минут мы уже должны наткнуться на посты канадского боевого охранения. Бретвиль был всего в нескольких сотнях метров перед нами.

Бах! Бах! Хлопки выстрелов отдались эхом, и было видно, как из стволов танковых пушек вырвался огонь. Две передовые «Пантеры» посылали снаряд за снарядом из своих пушек. Они огнем расчистили дорогу и с ревом на полной скорости ворвались в городок. Так мы воевали на Восточном фронте, но достигнет ли подобная тактика внезапного удара такого же результата в Нормандии?

Теперь уже все танки вели огонь по городку. В ответ застрочил вражеский пулемет. Мы заняли позицию прямо за второй «Пантерой». Я чувствовал, что на дороге становилось неуютно. Мы взяли правее и пробивались вперед по кювету.

Я споткнулся о тело убитого канадца. Небольшая бронемашина дымилась на дорожной насыпи. Когда мы пошли дальше, я услышал чей-то стон – на дороге, слева от нас, лежал раненый. По улице били пулеметные очереди. Новые «Пантеры» с солдатами на них врывались в городок.

Мы продвигались вперед по канаве перебежками. Я добрался до раненого. Он лежал на боку и стонал от боли. Боже мой, это был фон Бюттнер! Командир разведроты был ранен пулей в живот. Я пощупал и обнаружил, что рана тяжелая. Бюттнер узнал меня и пожал мне руку. Как старый фронтовик, он знал, что это его последний бой. «Передай моей жене, что я ее очень любил!» – медленно, но отчетливо произнесли его губы. Я стоял на коленях сбоку, пока врач перевязывал Бюттнера. Гельмут Бельке прикрывал нас, стоя на коленях, в нескольких метрах поодаль.

Я услышал звук с другой стороны дороги, тень пробежала через нее. Друг или враг? Бельке выстрелил в падении и попал канадцу в голову. Сам Бельке тоже упал на обочине дороги. Мой спутник в течение стольких лет уже не встал. Он, как и Бюттнер, тоже сражался в своем последнем бою и был смертельно ранен выстрелом в живот. Я попытался ободрить его, но он не слушал: «Нет, нет! Я знаю, что это значит. Это конец. Пожалуйста, сообщи моим родителям!»

Солдаты-гренадеры пронеслись мимо нас. Обершарфюрер СС Зандер, сын майора Дессау, пожал руку Гельмута. Зандер тоже был убит в бою спустя несколько часов. Слезы катились по моему лицу; старые товарищи уходили один за другим. Я вскочил в мотоцикл, чтобы нагнать наши войска. Через несколько секунд я был объят пламенем; топливный бак пробило, и мотоцикл загорелся, как факел. Солдаты стащили меня с мотоцикла и загасили огонь грязью.

В поселке огонь велся отовсюду. Мы добрались до центра, но наш головной танк был подбит. Тем не менее командный пункт «Риджайна райфлз» был нами захвачен. Внезапная атака была успешной, но где же солдаты 26-го гренадерского моторизованного полка СС? Мы не могли долго продержаться на занятых позициях, а наших сил было недостаточно, чтобы захватить весь Бретвиль. С тяжелым сердцем я решил на рассвете отвести свои подразделения к возвышенности восточнее Ро. Результатом боевых действий на данный момент было то, что английский генерал, позже фельдмаршал, Монтгомери (командующий группой союзных армий, высадившихся 6 июня 1944 года в Нормандии. – Ред.) не достиг своей цели. В соответствии с оперативным планом, Кан должен был быть взят союзниками

уже 6 июня.

Около полудня 1-й батальон 26-го гренадерского моторизованного полка занял позиции у Ро. Оберштурмбаннфюрер СС Вюнше был ранен во время ночной атаки, а оберштурмфюрер СС Фусс, командир взвода в разведывательной роте, пропал без вести. Преемник фон Бюттнера был убит ближе к вечеру. Таким образом, 15-я разведрота 25-го моторизованного полка СС за последние сутки потеряла двух ротных командиров.

Я встретил офицера дивизионной разведки в штабе полка. Мы оба знали, что германскому Верховному командованию, для того чтобы плацдарм сил коалиции был уничтожен, надо действовать гораздо быстрее. До сих пор танковые дивизии вводились в бой сразу, как только достигали зоны боевых действий. Ни одна из них не могла провести хорошо спланированную атаку. Практически все танковые части и соединения уже были вынуждены перейти к обороне, срочно необходимые здесь пехотные дивизии располагались к востоку от Сены и оставались незадействованными. День ото дня мы становились все слабее, а союзники все сильнее.

Во второй половине дня на командный пункт прибыл командир танковой группы «Запад» генерал Гейр фон Швеппенбург. Генерал довольно хорошо знал нашу дивизию; он часто инспектировал ее во время учебных занятий. От него не ускользали наши недостатки, и он видел наши сильные стороны. Генерал дал высокую оценку всему, что мы сделали.

Мы поднялись на наблюдательный пункт в монастыре. Генерал попросил меня высказать свое мнение об обстановке. Я в нескольких словах обрисовал ситуацию на участке своего полка и высказал опасение, что исход войны может быть решен в течение следующих нескольких дней. Фон Швеппенбург бросил на меня быстрый взгляд и сказал: «Дорогой мой господин Мейер, войну теперь могут выиграть только политики».

Фон Швеппенбург сказал мне, что решил предпринять атаку несколькими танковыми дивизиями – 21-й, 12-й дивизией «Гитлерюгенд» и учебной танковой дивизией. С этими дивизиями он хотел прорваться к побережью. Предполагалось, что учебная танковая дивизия займет сектор Сен– Мовье – Пюто-Бронье, 26-й гренадерский моторизованный полк СС, который высвободится при этом, должен будет вклиниться на участке восточнее Мю. Атаку планируется провести в ночь с 10 на 11 июня. Я полагал, что ночная атака такими силами обещает быть успешной. В любом случае атаку следовало начать очень рано, так чтобы к рассвету мы уже были бы на позициях противника, тем самым сводя на нет огонь тяжелых корабельных орудий. Атака днем казалась мне безнадежной из-за превосходства союзной коалиции в артиллерии и авиации. Подготовка запланированной атаки началась немедленно, но трудности были невероятными. Боеприпасы и горючее можно было доставить только ночью. Например, боеприпасы приходилось доставлять из лесов к северу от Парижа.

Участок перед 25-м гренадерским моторизованным полком СС был спокойным; противник, очевидно, был слишком потрясен тем, что произошло 7 и 8 июня, и не был готов предпринять новые атаки на Кан. На участке слева от нас, не прекращаясь, периодически велись то наступательные, то оборонительные боевые действия. Учебная танковая дивизия взяла Мелон и удерживала этот участок.

Мне уже сообщили в начале вторжения, что союзники не особенно придерживались Женевской конвенции и что уже высадившиеся дивизии брали мало пленных. Утром 9 июня я обнаружил группу немецких солдат на железной дороге к югу от Ро. Было очевидно, что они не были убиты в бою, поскольку лежали рядом с дорогой, и все были убиты выстрелами в голову. Это были солдаты из 21-й танковой дивизии и из 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд». Об этом случае немедленно доложили в дивизию, из штаба которой, в свою очередь, об этом сообщили в корпус.

Командир 130-го танково-артиллерийского полка из учебной танковой дивизии Люксембург попал к британцам в плен вместе с командиром батальона майором Зайцлером, гауптманом графом Клари-унд-Ольдрингеном и еще с шестью унтер– офицерами и рядовыми 8 июня. Они были захвачены подразделениями британского танкового полка

«Иннс оф Кот», которые зашли в тыл германских позиций.

После того как германские офицеры отказались добровольно стать живыми щитами, тяжело раненный полковник Люксембург был связан двумя британскими офицерами, избит до потери сознания и, окровавленный, привязан к британскому танку в качестве живого щита. Получив приказ своих начальников, английские танкисты открыли огонь по майору Зайцлеру, гауптману графу Клари-унд-Ольдрингену и другим солдатам, которым приказали бежать.

Гауптман граф Клари-унд-Ольдринген был обнаружен батальоном СС Зибкена живым и доставлен на командный пункт. Британский танк, к которому в качестве живого щита привязали полковника Люксембурга, был подбит немецкой противотанковой пушкой; полковник умер в военном госпитале два дня спустя. Гауптману графу Клари-унд-Ольдрингену была оказана первая помощь санитаром СС Клёденом.

7 июня у канадского капитана мы нашли блокнот с пометками о распоряжениях, отданных перед вторжением. Помимо инструкций тактического характера, были также инструкции о том, как воевать. Они гласили: «не брать никаких пленных». Этот блокнот был 8 июня передан оперативным офицером 12-й танковой дивизии СС командующему 7-й армией генерал-полковнику Долльману. Офицеры и солдаты 3-й канадской дивизии, которые были допрошены в 12-й танковой дивизии СС, подтвердили, что получали приказы от своих начальников не брать пленных. Один из солдат на допросе показал, что им была дана установка не брать пленных, если те мешали ведению боевых операций.

Во время суда над Бернгардом Зибкеном, обвиненным в военных преступлениях в ноябре 1948 года, полковник Генерального штаба Мейер-Детеринг, офицер разведки у главнокомандующего германскими войсками на Западе генерал-фельдмаршала фон Рундштедта, отмечал: «Сразу после начала вторжения мне дважды передавали документы, захваченные на участке канадской армии (1А. – Ред.) на восточном фланге фронта вторжения, из которых следовало, что пленных брать не собирались».

На том же судебном процессе подполковник Генерального штаба фон Застров, который был офицером разведки у командующего танковой группой «Запад» генерала Гейра фон Швеппенбурга, показал, что он в то время получал информацию о преступлениях, совершенных войсками союзников в нарушение Гаагской декларации о ведении войны на суше и Женевской конвенции. Он затем рассказал об одном случае, когда некоторое число взятых в плен немецких солдат были застрелены канадскими солдатами.

Более того, подполковник фон Застров дал свидетельские показания относительно канадского капитана. Этот капитан был взят в плен в ходе боя в районе реки Соммы. Поскольку он принадлежал к той же части, в которой были обнаружены записи об установках (не брать пленных) в начале вторжения и где уже были совершены конкретные преступления, фон Застров обвинил канадского капитана в этих нарушениях международного права. Когда канадца прямо спросили, слышал ли он о расстрелах германских пленных, капитан отвечал: «Я не участвовал во вторжении, я прибыл в эту часть с пополнением и служил там недолго. Однако я слышал о зверствах. Но затем появились очень строгие распоряжения о том, что в случае повторения подобных случаев виновные понесут наказание».

Я привожу здесь эти случаи, потому что они иллюстрируют то, как союзники вели боевые действия, а также потому, что они решающим образом повлияли на мою собственную судьбу. Хочу здесь коротко остановиться на вопросе о «военных преступлениях», прежде чем о них пойдет речь в дальнейшем.

Приготовления к планомерной атаке шли полным ходом. У нас оставалась всего пара часов для осуществления единственного сокрушительного удара по плацдарму. Если этот удар окажется неудачным, другого шанса сбросить союзников в море не будет. После завершения атаки все три танковые дивизии будут обескровлены и уже не смогут повторить подобную операцию.

После того как в присутствии командующего группой армий «Б» фельдмаршала Роммеля танковой группе «Запад» были отданы боевые приказы, учебная танковая дивизия доложила о прорыве противника с запада. Вскоре после этого донесения штаб танковой группы «Запад» был фактически уничтожен ковровыми бомбардировками. Танковая группа «Запад» потеряла своего начальника штаба генерала Риттера и оперативного офицера Эдлера фон Даванса, а также нескольких других офицеров. Во время атаки мы также лишились нашего офицера связи гауптштурмфюрера СС Вильгельма Бека, командовавшего танковой ротой. Он участвовал во всех боях с 1939 года, был награжден Рыцарским крестом за участие в боях за возвращение Харькова. Батальон связи был выведен из строя. Командовавший им генерал, который был легко ранен, бежал с несколькими людьми. В результате до 26 июня управление танковой группой «Запад» было нарушено. В результате скоординированной контратаки в последующие несколько дней не получилось. Под напором, который оказывали становящиеся изо дня в день сильнее английские танковые дивизии, германские танковые соединения были вынуждены перейти к обороне.

11 июня фронт ожил на левом фланге 25-го гренадерского моторизованного полка СС. Я сразу направился в 1-й батальон 26-го гренадерского моторизованного полка СС и застал Бернхарда Краузе на его батальонном наблюдательном пункте. Вместе мы следили за атакой на позиции 12-го саперного батальона СС, расположенные на высоте к северу от Шо. Позиции батальона подверглись обстрелу из орудий всех калибров и за пару минут превратились в дымящуюся, тлеющую массу. Мы видели все это через стереотрубу и, как ни всматривались, не могли различить никакого движения. Затем огонь был перенесен на обратный склон высоты и постепенно на населенный пункт Шо. Канадские пехотинцы выпрыгивали из своих окопов и из зарослей и при поддержке танков атаковали позиции саперов.

Бернхард Краузе отреагировал моментально. За короткое время он навел свои тяжелые пехотные орудия на выбранные цели, и огонь пришелся по самой гуще атакующих. Этот фланговый огонь оказал свое действие. Пехота противника застряла на переднем склоне высоты и понесла большие потери. Некоторые атакующие танки попали на минные поля батальона и были выведены из строя. Канадский полк ее величества королевских стрелков и 1-й гусарский танковый полк вынуждены были отступить на прежние позиции. Больше они не атаковали.

На пути на командный пункт 25-го гренадерского моторизованного полка я шел через Ле-Бурж – Ро для того, чтобы взглянуть на Бретвиль и Норре и встретиться с гауптштурмфюрером СС Пфайфером. Пфайфер долгое время был адъютантом Гитлера и командовал ротой танков Т-V «Пантера». Его преемником в ставке Гитлера затем стал гауптштурмфюрер СС Гюнше, который до этого командовал 3-м батальоном 25-го гренадерского моторизованного полка СС.

Между Сен-Мовье и Ро меня обстреляли со стороны Норре. В меня пытались попасть из пулеметов и противотанковых орудий, но мой старый добрый БМВ был трудной мишенью. Я продолжал быстро гнать в Ро, но что это движется навстречу? Не сон ли это? Это же танки противника всего в 50 метрах от меня. Действительно, это они! Два «Шермана» медленно выползли из города и остановились на левой стороне дороги. Стволы их пушек направились прямо на мой мотоцикл! Поворачивать назад бесполезно. Я бы не смог этого сделать. Так что ничего больше не оставалось, как только ехать дальше и проскочить между ними! Я прибавил скорости, – может быть, мне удастся улизнуть и скрыться в лесу справа.

Вдруг раздался удар справа и сзади от меня. Я увидел, как первый танк завертелся на месте и один танкист выпрыгнул из его люка, как будто его укусил тарантул. Подчиняясь своим инстинктам, я свернул вправо в канаву и укрылся в ней. Прежде чем я понял, что происходит, второй танк взорвался. Мой спутник и я сразу же бросились назад и опять укрылись. Только тут мы осознали, что на самом деле происходило. Мы проскочили последние посты передового охранения в тот самый момент, когда собирались открыть огонь по двум вражеским танкам. Наши войска не успевали нас предупредить. Старый

добрый Пфайфер был в своем Т-V «Пантера» примерно в 100 метрах от первого неприятельского танка. Он расстрелял оба «Шермана», отправив их экипажи на тот свет. Спустя сутки гауптштурмфюрер СС Пфайфер погиб смертью героя, получив смертельное осколочное ранение.

На перевязочном пункте 25-го гренадерского моторизованного полка я опять обнаружил множество раненых. Постоянное поступление раненых при отсутствии фактических боев заставило всех нас призадуматься. Боевые действия пока шли в основном так, что наши танковые дивизии обрекались на гибель под огнем корабельных орудий, под бомбами и штурмовиками союзной авиации, которая не давала осуществлять нам наступательные операции. Так не должно было продолжаться! Наши танковые дивизии должны были обрести свободу маневра.

11 июня 2-й батальон 26-го гренадерского моторизованного полка был атакован канадским полком ее величества королевских стрелков, усиленным 1-м гусарским танковым полком и при мощной поддержке артиллерии. Атака была отбита. Наш батальон удержал занимаемые позиции. Противник потерял 12 танков, в то время как мы в ходе этих боевых действий поплатились тремя. Части 8-й канадской бригады при поддержке 46-го диверсионно-десантного отряда и танков атаковали Ро. Были уничтожены несколько вражеских танков. Деревня под натиском превосходящих сил противника была оставлена.

Угрожающая ситуация сложилась возле Тийисюр-Сель на правом фланге учебной танковой дивизии. По приказу из I танкового корпуса СС учебной танковой дивизии был срочно придан последний резерв 12-й танковой дивизии СС, дивизионная рота сопровождения, которую бросили на правый фланг учебной танковой дивизии, где ситуация после этого стабилизировалась.

Обстановка на фронте у Кана изо дня в день становилась все более угрожающей. Центр тяжести боевых действий переместился к позициям наших соседей слева, учебной танковой дивизии. Противнику удалось прорваться через Бальруа в Комон-л'Эванте. 7-я танковая дивизия противника пробивалась вперед к Ливри – окружение I танкового корпуса СС начинало принимать все более угрожающие масштабы.

Мне было приказано прибыть в дивизию. Там я встретил командующего I танковым корпусом СС генерал-полковника ваффен СС (оберстгруппенфюрера) Зеппа Дитриха. Дитрих обрисовал ситуацию на фронте вторжения в целом, откровенно признался нам, что резервов не осталось и что он уже больше не верит в возможность осуществления планомерной атаки. Он пожаловался: «Они хотят оборонять всё... но с чем? Те, кто обороняют всё, не обороняют ничего».

Эта аксиома была впервые сформулирована Фридрихом II Великим так: «Недалекие люди хотят защитить всё, умные люди сосредотачиваются на главной цели».

С наступлением ночи я обошел батальоны полка. Вальдмюллер устроился у противотанкового рва и злорадствовал, что все британские залпы приходились по деревне за его командным пунктом. В ней войск не было. Солдаты улыбались мне, когда я пробирался через позиции. Передовые посты были оборудованы в подбитых вражеских танках; ребятам не повезло – их могли сменить только к рассвету. С обеих сторон все время выслались разведывательные группы. Перед 1-м батальоном 25-го гренадерского моторизованного полка СС находился левый фланг 3-й британской дивизии, рядом занимала позиции 3-я канадская дивизия.

Авангард 7-й танковой дивизии противника к утру 13 июня достиг высоты 213, к востоку от Виллер-Бокаж.

Командир 2-й роты 101-го батальона тяжелых танков СС оберштурмфюрер СС Михаэль Виттман, который уже уничтожил 119 танков в России и был награжден дубовыми листьями к Рыцарскому кресту, выдвинулся впереди своей роты для того, чтобы провести разведку местности. Возле высоты 213 он наткнулся на колонну вражеских танков. Для противника это было полной неожиданностью. Несколько мгновений Виттман в нерешительности колебался: отходить или атаковать превосходящие силы противника? Его

часть понесла большие потери в результате бомбардировок последних нескольких дней, и Виттман понимал, насколько сейчас ценен каждый отдельный танк и что действовать необдуманно нельзя. Но в данном случае он должен был атаковать – иначе авангард 7-й танковой дивизии противника заходил в тыл учебной танковой дивизии. Тогда будет осуществлен прорыв германского фронта, а оборона Кана расстроена.

Виттман оставался на месте, когда 22-я танковая бригада противника под командованием Хинде, не встречая сопротивления вошла в Виллер-Бокаж. Из-за такого неожиданного поворота событий передовое танковое подразделение союзников беспечно двигалось дальше по дороге в Кан к своей цели, высоте 213. Шедшая следом рота моторизованной пехоты сделала привал на дороге. В этот момент грохот 88-мм танкового орудия разорвал утреннюю тишину. Головной «Шерман» встал, объятый пламенем, а из леса в 100 метрах с ревом выкатился расстрелявший «Шерман» «Тигр». Он за несколько секунд подбил еще три «Шермана», затем вывернул на дорогу, поехал вдоль линии полугусеничных бронемашин и поджег их всех одну за другой. За ними последовали около десятка бронемашин штаба полка, артиллерийские наблюдатели и разведывательный взвод, который оказался за рядом машин. 75-мм снаряд, выпущенный из танка «Кромвель» выстрелом в упор, отскочил от «Тигра», не причинив ему вреда. А «Кромвель» тут же был подбит. За несколько минут на дороге стало как в аду. Двадцать пять танков и бронемашин были охвачены пламенем, все они стали жертвами единственного «Тигра», командиром которого был Виттман.

Тем временем танки противника, обеспечивавшие прикрытие высоты 213, были атакованы и уничтожены остальными «Тиграми» Виттмана. У танка Виттмана были сбиты гусеницы, и он был обездвижен. Экипаж спешился и пробивался обратно в роту. Виллер-Бокаж был оставлен врагом, который отошел к Ливри. Виттман был награжден мечами в дополнение к дубовым листьям к Рыцарскому кресту. К 14 июня Виттман уничтожил в общей сложности 138 танков и 132 орудия противника.

Соединения 49-й британской дивизии атаковали позиции на левом фланге 12-й танковой дивизии СС. Атака была отбита, позиции удержаны. Дивизия попросила у корпуса разрешения отойти с выступа на участке южнее Пюто и Бронье на рубеж от Сен-Мовье через Фонтени до Тийи. Радиотехническая разведка установила, что противник намеревался ликвидировать этот выступ, атаковав его. Однако штаб корпуса отказался дать разрешение на отход.

Силы союзников на плацдарме с каждым часом возрастали. К 18 июня во Франции высадились 500 000 солдат с 77 000 различных машин. Мы все еще ждали подкрепления и обещанной нам поддержки люфтваффе. Но мы ждали напрасно. Наши танковые дивизии обескровливались в боях на оборонительных позициях. Кардинальные решения приняты не были, все ограничилось тактическим «латанием дыр».

16 июня меня попросили срочно прибыть на командный пункт дивизии. На проводе был дивизионный оперативный офицер Хуберт Мейер, который сказал, что дело не терпит отлагательства. Я не смог от него добиться никаких подробностей и немедленно поспешил в штаб. Поваленные взрывами бомб и снарядов высокие деревья все еще перегораживали дорогу. Сорванные по обе стороны дороги крыши домов свидетельствовали об интенсивности огня корабельной артиллерии противника, который прекратился только около получаса назад. У меня было нехорошее предчувствие. Штаб меня встретил разноголосым гулом.

Лица военных сказали мне все. Начальник штаба вышел вперед и доложил: «Командир дивизии убит полчаса назад. По приказу из корпуса вы назначены исполняющим обязанности командира дивизии». Мы стояли, не проронив ни слова, но в наших рукопожатиях угадывались обязательство и обещание: мы будем действовать с еще большим упорством, во имя нашего товарища Фрица Витта и нашего общего дела!

Я отыскал пяточок травы, на который был положен Фриц Витт на месте своего последнего упокоения. Я стоял перед тем, что было нашим товарищем. Я не смог посмотреть

ему в лицо – его больше не существовало.

Фриц Витт был убит, потому что был уверен, что первыми должны занимать место в окопе солдаты. Когда же и он решил это сделать, вражеский снаряд ударил в землю как раз перед окопом и убил Витта на месте. Эта потеря потрясла нас до глубины души. Фрица Витта уважали в дивизии все, независимо от звания. У него были близкие дружеские отношения с большинством офицеров как в мирное время, так и на войне. Смерть командира, пожалуй, еще сильнее сплачивает дивизию и еще больше повышает ее волю к борьбе с врагом.

Оберштурмбаннфюрер СС Милиус принял командование моим полком; до этого он командовал 3-м батальоном 25-го гренадерского моторизованного полка СС. Я передал его батальон гауптштурмфюреру СС Фрицу Штегеру. Командный пункт дивизии был перемещен в Версон.

Поздно вечером начальник штаба подробно доложил мне об обстановке в дивизии. Потери дивизии были значительными и, в некоторых случаях, невосполнимыми. Прежде всего, это большое число потерь среди офицеров и унтер–офицеров – их некомплект достиг опасного предела. Большинство ротных и взводных командиров были уже убиты или ранены в боях. Каждый моторизованный батальон в среднем обладал боевой мощностью двух рот. Перспектив на восполнение этих потерь за счет прибытия пополнений в ближайшее время не было.

В такой ситуации можно было даже вычислить день, когда дивизия окончательно прекратит существование. Непрерывный огонь артиллерии противника вместе с постоянными налетами штурмовиков и бомбардировщиков потрясали нашу 12-ю танковую дивизию СС, против которой, на ее участке фронта, сражались 3-я и 49-я британские, 3-я канадская пехотные дивизии, а также несколько танковых бригад.

Среди офицеров штаба дивизии не было сомнений в том, что в ближайшие один-два дня противник попытается взять в клещи выступ фронта на левом фланге дивизии, чтобы обеспечить себе удобный трамплин для последующего наступления.

На рассвете я обошел позиции 2-го и 3-го батальонов 26-го гренадерского моторизованного полка СС и 12-го разведбатальона СС. Я определил им новые позиции. Настрой у солдат был хороший. Командир 2-го батальона Бернгард Зибкен, которому оторвало палец, сопровождал меня на своем участке. Он не желал покинуть батальон и потерю пальца всерьез не принимал.

Были видны у Пюто и Бро горящие вражеские танки. Разведывательный батальон Бремера захватил несколько вражеских танков и приспособил их для усиления своих оборонительных позиций. Батальон понес значительные потери, и его следовало как можно скорее отвести с занимаемых позиций.

Корпус дал добро на отвод дивизии на позиции к югу от Мю. 12-й разведывательный батальон СС был отведен в дивизионный резерв.

На участке учебной танковой дивизии британцы развернули активные наступательные действия. 50-я британская пехотная дивизия и несколько танковых бригад ожесточенно атаковали позиции к северу от Тийи-сюр-Сель.

Ранним утром 18 июня по обе стороны от Кристо задрожала земля – это 49-я британская пехотная дивизия была брошена на покинутые нами позиции на левом фланге 26-го гренадерского моторизованного полка СС. Я стоял рядом с командиром 3-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС и наблюдал, как тяжелые снаряды обрабатывали местность, которая была оставлена днем ранее. Мы поздравили себя с произведенным заблаговременно отводом.

Силами 49-й пехотной дивизии Кристо был занят довольно быстро. В скором времени атака на Фонтени продолжилась. Земля вздрогнула. На 10-ю роту 26-го гренадерского моторизованного полка СС, сражавшуюся перед нами, обрушилась лавина металла. За очень короткое время на ее позициях взорвалось более 3000 артиллерийских снарядов. Рота отчаянно сражалась на северной окраине Парк-де-Буалон. Высокие деревья выворачивались

с корнем и падали на оборонительные позиции. Вслед за огненным валом двинулась армада танков. Танки вели беглый огонь, посылая снаряды в лесную чащу. Пехота противника наступала, следуя за танками, и позиции роты были захвачены. Некоторые ротные опорные пункты продолжали бой, но вскоре и они были подавлены. Наша артиллерия не была на тех огневых позициях, которые позволили бы остановить атаку. Части 49-й британской пехотной дивизии прорвались на южный край леса, но были остановлены там 9-й ротой 26-го гренадерского моторизованного полка СС.

Используя короткую огневую поддержку нашей артиллерии, 9-я рота 26-го гренадерского моторизованного полка СС во главе с командиром батальона атаковала британцев. Рота вышла к северному краю леса, прорываясь на старые позиции. В рукопашном бою она потеснила англичан назад к северу. Этот участок леса снова твердо удерживался 3-м батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС. Но победа была недолгой. Сосредоточенный огонь тяжелой артиллерии и прицельный огонь танков нанесли роте тяжелый урон. Остатки роты были отеснены к северному краю Фонтени.

Фронт дивизии был стабилен, но потери достигли критической величины. Ни о каком дивизионном резерве не было и речи. На основании данных радиоперехватов мы заключили, что на левом фланге нашей дивизии назревает новая атака крупных сил противника. На участке обороны бравой учебной танковой дивизии был потерян Тийи-сюр-Сель. Дивизия сражалась за Тийи не один день.

Утром 21 июня я покинул командный пункт дивизии и перешел на участок 26-го гренадерского моторизованного полка СС. На командном пункте 3-го батальона 26-го полка на ферме к северу от Фонтене я встретил его командира штандартенфюрера СС Мёнке. Развалины фермы окружала высокая ограда, за земляным валом лежали в ожидании эвакуации раненые. Убитых товарищей похоронили в саду. Густой туман, стелившийся по земле, окутывал разрушенные строения. Танки и противотанковые орудия заняли огневые позиции за оградой, а расчеты были заняты маскировкой своих орудий. Противник вел беспокоящий огонь по всему участку полка, но особенно по дороге Роре – Фонтени.

После краткого совещания в сопровождении доктора Штифа я осторожно приблизился к Фонтени. Окраины селения были завалены обломками, а ядовитый дым пожарниц смешивался с туманом. Вдруг перед нами появились два солдата 2-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС. Они держали в руках котелки и искали свое отделение. Мы пересекли главную улицу селения и пробирались в северном направлении. Перед нами был маленький лесок, за который шел такой яростный бой.

Перешагивая через тела убитых англичан, я добрался до позиций 15-й роты 26-го гренадерского моторизованного полка СС. Солдаты с изнуренными лицами занимали оборону в окопах и воронках. Офицеров не было вовсе: все они были либо убиты, либо ранены. Ночью разведчики отвезли в тыл тело убитого командира роты. Какие же прекрасные отношения должны были существовать между ротным командиром и его солдатами, если даже его останкам не позволили попасть в руки врага.

Настроение юных солдат было для нас непостижимо. Они коротко сообщили мне о последнем бое и их участии в боевых действиях. Их героизм в бою был для них очевиден. Они говорили о противнике без ненависти, наоборот – все время подчеркивали высокий боевой дух врага. В оценках наших солдат сквозило также чувство горечи, когда они говорили о преимуществах боевой техники противника. Снова и снова я слышал: «Черт побери, где бы мы были сейчас, если бы у нас была такая же, как у противника, боевая техника?» Мы все еще не видели в небе ни одного германского самолета.

Молодые солдаты говорили, что мне пора идти, поскольку начинало светать и огонь артиллерии противника с каждой минутой будет становиться все сильнее. Огненный вал застал нас в центре селения. Я прыгнул за каменную лестницу и ждал, пока закончится это утреннее приветствие. Один из моих спутников лежал на улице – прямым попаданием его разорвало на куски. Мы стремительно бежали через селение, преследуемые ураганым артиллерийским огнем, обрушившимся на Фонтени, и были рады покинуть эти развалины.

Мощному артиллерийскому огню подвергся также участок 3-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС. Было ли это увертюрой перед ожидавшимся наступлением?

Батальонный командный пункт был всего в 100 метрах, но это расстояние казалось бесконечным. Наконец, перебежками от укрытия к укрытию мы до него добрались.

Тем временем наступил день и поступили первые донесения. Фонтени подвергся атаке противника со стороны Сен-Пьера и Кристо. Вражеские танки двигались по низкому восточному берегу реки и начали пробиваться к Фонтени. Начался танковый бой. Наши пятнистые «Пантеры» с их намного превосходившими пушки танков противника орудиями имели преимущество (75-мм длинноствольная пушка танка Т-V «Пантера» по бронепробиваемости даже превосходила 88-мм пушку танка Т-VI «Тигр». – *Ред.*). Все поле боя было усеяно горевшими танками противника. Если бы только у нас еще были в достатке боеприпасы! Нашей артиллерии приходилось вести огонь экономно; снабжение стало почти невозможным.

Телефонная связь со штабом дивизии не была нарушена, так что оперативный офицер смог сообщить мне, что на правом фланге дивизии все спокойно. Я оставался с батальоном почти до вечера и воочию убедился в поразительно высоком моральном духе подразделения. Все атаки на Фонтени были отбиты в жестоком бою. 49-я британская дивизия не смогла поколебать нашу оборону на левом фланге.

Я вернулся в штаб дивизии с наступлением темноты. Пылающий фронт являл собой призрачную картину. На дороге Кан – Виллер-Бокаж еще горели обломки нескольких автомобилей. Эти автомобили должны были доставить боеприпасы на фронт. Вражеские истребители сняли с них эту ответственность. Боеприпасы взорвались в нескольких километрах от линии фронта.

Я видел обеспокоенные лица моих офицеров. Не говоря об этом открыто, мы знали, что надвигалась катастрофа. Статичный вид боевых действий на убийственном плацдарме к северо-западу от реки Орн неизбежно вел к уничтожению развернутой там танковой дивизии. Столкнувшись с огромным превосходством противника, поддерживаемого огнем на море, на земле и в воздухе, мы могли предсказать, где развалится фронт. Тактическое «закрепление» стоило нам кровопролитных боев и невозполнимых потерь наших лучших воинов и уничтожения ценной боевой техники. До сих пор мы не получили никакого пополнения взамен наших раненых или убитых солдат и ни единого нового танка или артиллерийского орудия.

После нескольких часов сна нас вернул к реальности шум фронта. Сигналы тревоги поступили в штаб дивизии. 49-я британская дивизия при поддержке огня тяжелой артиллерии атаковала правый фланг учебной танковой дивизии. Лес к западу от рубежа Тессель – Бретвиль был уже потерян, а натиск 49-й британской дивизии все еще не был остановлен.

С дурным предчувствием я отправился в 3-й батальон 26-го гренадерского моторизованного полка в Фонтени. Над левым флангом дивизии нависла опасность. Ожесточенному обстрелу подвергался весь участок батальона. Фонтени было не узнать. С воем проносящиеся снаряды разносили на куски последние оставшиеся дома. Каждая английская атака на поселок до сих пор отбивалась. Связь с ротами была прервана. Дым от разрывов снарядов скрывал все из вида. Было невозможно определить, где находится главный рубеж обороны. Артиллерия противника устраивала огневые валы один за другим.

Поселок напоминал бурлящий котел. Тяжелые снаряды глубоко зарывались в землю и, взрываясь, оставляли после себя огромные дымящиеся воронки. Взяв за основу старую солдатскую поговорку – «Снаряд дважды в одну и ту же воронку не попадает», – я спрыгнул в воронку и наблюдал оттуда, как танки противника атакуют Фонтени. Беспрестанно ведя огонь, чувствуя себя в безопасности, стальные чудовища медленно двигались к развалинам Фонтени. Наши противотанковые орудия были уничтожены яростным артиллерийским огнем противника.

Наши солдаты крепко сжимали свои фаустпатроны (одноразовые противотанковые гранатометы. Бронепробиваемость – до 200 миллиметров. Дальность стрельбы – 30 метров. – Ред.). Человек против танка! Какой контраст! И какой героический дух проявлялся в этом контрасте! В этот момент задымил первый танк. Я видел, как солдаты прыгали в машины. Артиллерийские снаряды противника пролетали над нашей головой. Командир 1-го батальона 12-го танкового полка СС прыгнул в мою воронку и доложил о контратаке нашей танковой роты. Ее танки находились примерно в 100 метрах за нами и двигались вперед. Снаряды танковых пушек просвистели над нашей головой. Передние танки противника вели бой против солдат-гренадеров в развалинах, а танки, следовавшие за ними, еще не заметили наших танков. Контратакующая рота должна была пересечь дорогу Фонтени – Шо, чтобы занять лучшие позиции для ведения огня. Танковое сражение началось. Были жертвы с обеих сторон. Густой, черный дым от горящих танков застилал поле боя. Я хотел увидеть солдат в Фонтени, поэтому побежал вслед за танком командира роты.

Утомленные боем солдаты махали мне. Они выкрикивали шуточные замечания, их глаза сияли. Для меня было загадкой, откуда эти молодые, семнадцати-восемнадцатилетние солдаты черпали силы, чтобы выживать в этой буре огня и металла. Они заверяли меня снова и снова, что будут оборонять развалины до последнего патрона и удерживать свои позиции против кого бы то ни было. Танк командира роты был подбит. Он повернул на несколько метров влево; люк открылся, из башни повалил дым, а из люка с трудом вылез командир роты. Он, шатаясь и спотыкаясь, пошел к нам, а потом рухнул на землю. Солдаты оттащили его за полуразрушенную стену. Только тут мы поняли, что оберштурмфюрер СС Рюкдешель лишился руки. Окровавленная кулечка была перевязана, позвали санитаров.

Итак, и эта атака противника была отбита. 3-й батальон 26-го гренадерского моторизованного полка СС стойко держался на своих позициях и готовился к новому штурму британцев. Бой разгорался и на участке слева от нас. Передовой отряд противника во второй половине дня был уже в Жувињи и, следовательно, углубился в наши позиции на фланге дивизии. Едва я прибыл в Роре вместе с командиром 26-го гренадерского моторизованного полка штандартенфюрером СС Мёнке, как начальник штаба сообщил мне об обстановке на участке учебной танковой дивизии и указал на опасность прорыва британцев.

Из штаба корпуса поступал приказ о вводе в бой около 14.00 одного из танковых батальонов дивизии для ликвидации прорыва на правом фланге учебной танковой дивизии. Батальон «Пантер» и часть разведбатальона немедленно предприняли контратаку.

Наступление велось, после короткой артподготовки, через Тессель и Бретвиль в направлении участка леса в полутора километрах к западу. К наступлению темноты мы выбили противника из леса, но не вышли на свой прежний главный рубеж обороны. Противник потерял несколько танков.

Доблестный 3-й батальон 26-го гренадерского моторизованного полка понес в ходе дневного боя большие потери и был отведен на позиции к северу от Роре.

В тот же вечер из корпуса был получен приказ о развертывании на следующее утро нашего последнего танкового батальона для восстановления ситуации на этом участке. Учебной танковой дивизии следовало оказывать поддержку любой ценой.

Напрасно я просил отменить этот приказ. Доклад начальника штаба с топографическим планом обстановки (согласно которому наша разведка обнаружила стягивание крупных сил противника, особенно бронетехники, на участке 26-го гренадерского моторизованного полка СС) не повлиял на решение командира корпуса, и он не отменил приказ. Мое замечание о том, что танковая атака противника ожидается в любой момент и 2-й батальон 12-го танкового полка СС занял очень выгодную оборонительную позицию, также было проигнорировано. И получилось так, что 26 июня в секторе нашей дивизии не осталось ни одного танка.

Солдаты 26-го гренадерского моторизованного полка, вымотанные последними интенсивными оборонительными боями, томились в ожидании всю ночь в своих окопах. Они

ждали следующей атаки. Густой, влажный туман лег над заграждениями и полями.

Утренняя зоря. Все еще пока спокойно. Макс Вюнше и я находились в Роре, наблюдая, как последний танк уходит на свою позицию-трамплин. Становилось все светлее и светлее. Недолго оставалось ждать того момента, когда продолжится танец смерти. Затем немецкие батареи открыли свой заградительный огонь. Британские самолеты на небольшой высоте с ревом пронеслись над нами и выпустили свои ракеты по Роре. Дьявольская война на истребление началась.

Первые наши танки с грохотом двинулись вперед, лязгая гусеницами. Атака поначалу позволяла занимать местность, но была остановлена контратакой англичан. Началась ожесточенная танковая дуэль. Ряды непроходимых противотанковых заграждений не позволяли нашим танкам использовать преимущество в дальности их пушек. Отсутствие пехоты оказалось особенно большим недостатком. Интенсивный артиллерийский огонь противника чрезвычайно затруднял взаимодействие, сделав эффективное управление и контроль фактически невозможными.

Из района к востоку от Роре до нас не доносилось никаких звуков. Все сражение переместилось к западу, где танки упрямо бились друг с другом. Красноречивые столбы дыма от горящего горючего и масла снова повисли в небе. Каждый столб указывал на очередную могилу танка. Но мне было особенно не по себе из-за обстановки на участке 26-го гренадерского моторизованного полка СС. Ни одного артиллерийского удара не наносилось справа от Роре. Слава богу, начался дождь. Это означало, что мы были защищены от налетов авиации.

Но что произошло потом! Земля, казалось, расколется и поглотит нас всех. Разверзся настоящий ад. Все, что осталось от Роре, были обломками разбитых вдребезги деревьев и домов. Я залег в кювет у края дороги, прислушиваясь к шуму битвы. Шквальный огонь неприятельской артиллерии не прекращался. Все застилал туман, смешанный с дымом рвущихся снарядов. Я ничего не мог различить. Все линии телефонной связи были оборваны, и связи со штабом дивизии и частями на фронте больше не существовало. Посыльный из 2-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка подбежал ко мне и крикнул: «Танки на правом фланге батальона!» Его слова потонули в грохоте взрывов снарядов. Я безуспешно вслушивался, чтобы разобрать шум боя, но все, что я слышал, было сплошным свистом, треском и канонадой взрывов снарядов, к которым добавлялся лязг гусениц танков.

Это было наступление, которого я ожидал! Краеугольный камень германского фронта в Нормандии зашатался. Кан, как цель атаки, будет задушен охватом. Кан должен был стать призом Монтгомери, организовавшему обвал германского фронта. Мы все как замороженные наблюдали смертельное представление. Горячий металл крупнокалиберных снарядов проносился с шумом над нами и вонзался в землю.

Я позвал Вюнше. Посыльные перебежали дорогу и исчезли за зеленой изгородью. Вюнше был рядом со мной еще некоторое время. Мне не нужно было вдаваться в длинные объяснения перед этим опытным солдатом. Мы слишком часто были бок о бок друг с другом – он знал меня и знал, чего я хотел.

Я в двух словах обрисовал Вюнше свою оценку ситуации. Противник пытается прорваться на участке 26-го гренадерского моторизованного полка СС большой танковой массой с тем, чтобы овладеть Каном. Атаку на Жувињи нужно немедленно отменить. Роре должен удерживаться любой ценой, так как и он является краеугольным камнем обороны. Вюнше отвечает за Роре.

Я снова двинулся в направлении Фонтени и через несколько сот метров наткнулся на подразделения 3-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка. Дорога простреливалась из танков противника. Двигаться дальше на север было невозможно, но мне и не было нужды пробираться дальше вперед. Поле боя раскинулось передо мной как на ладони. Мне все было понятно, и я нашел подтверждение своим оценкам. Это было ожидавшееся наступление. Танки и полугусеничные бронетранспортеры противника наступали на 26-й гренадерский моторизованный полк. Огневой вал вражеской артиллерии

сравнивал наши позиции с землей, как гигантский стальной каток, круша все живое. Лишь изредка я наблюдал движение бравых солдат-гренадеров. Они упорно удерживали свои позиции, сражаясь с отчаянной храбростью. Видны были ослепительные вспышки от взрывов в Роре – это стреляли наступавшие танки. К северу от Роре горели британские танки.

Прямо перед нами на земле лежали двое солдат томми, которые в ходе своей атаки забежали слишком далеко. Они были разоружены, и им велели скорее садиться в мою машину. Раненый томми был передан на перевязочный пункт в Роре.

Я как бешеный погнал в направлении Версона. Мое место было на дивизионном командном пункте. Сосредоточенный огонь вражеской артиллерии со все возрастающей интенсивностью переносился к югу. Обстрелу уже подвергался район Коллевиля. Наша артиллерия яростно била по атакующим.

Я достиг штаба дивизии за несколько минут. Начальник штаба все еще держал в руке телефонную трубку и доложил: «Это был наш последний разговор с командиром саперного батальона». Командир саперного батальона сообщил: «Артиллерия противника уничтожила мою противотанковую оборону. На позиции батальона врываются британские танки. Отдельные позиции все еще удерживаются в Шо и вокруг него. Танки противника пытаются смять мой блиндаж.

Где наши танки? Мне нужна контратака со стороны Ро...» В этот момент связь прервалась. Радиосвязь также была нарушена.

Было также срочное донесение из 1-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС. Батальон атаковали крупные силы. Все атаки на Сен-Мовье были к тому времени отбиты. Новые донесения поступали одно за другим. Вся линия фронта была взбудоражена.

На данный момент ничего нельзя было сделать кроме как сосредоточить огонь нашей артиллерии по прорвавшимся частям противника. Единственными боеспособными подразделениями в дивизии оставались дивизионная рота сопровождения и поредевшая разведрота 25-го гренадерского моторизованного полка.

Все силы и средства я сосредоточил на обороне Версона. Из перехваченных переговоров по радио и показаний пленных мы узнали, что на фронте в пять километров предприняли атаку танковая дивизия и две пехотные дивизии противника, каждая из которых была усилена танковой бригадой. Эти соединения до этого еще не вводились в бой, они были абсолютно свежими. Эти три свежие дивизии примерно с 600 танками атаковали три наших батальона с ограниченной боеспособностью. Главная сила противника заключалась в его колоссальных артиллерийских резервах и массе бронетехники.

Опасность прорыва была очевидна. Мой начальник штаба был в отчаянии, указывая на безвыходность ситуации. Из корпуса был дан только один ответ: «Позиции должны обороняться до последнего патрона! Нам нужно выиграть время. II танковый корпус СС на подходе к фронту».

Как часто бывало в прошлом, командование и контроль осуществлялись исходя из тактической перспективы, а не из стратегических соображений. Важных решений не принималось. О мобильной обороне было забыто. Нам не оставалось другого выбора, кроме как подороже продать свою жизнь.

Небо, казалось, приспособилось к тому, что происходило на земле, – проливной дождь сопровождал каждый наш шаг.

К северо-востоку от Версона я видел множество британских танков, миновавших позиции дивизионной роты сопровождения. Они наступали в направлении Гренвиля. Фронт был прорван, и только отдельные очаги сопротивления препятствовали наступлению противника.

Боже мой! Дивизии пришлось прекратить атаку. Теперь она должна была помешать глубокому прорыву британских танков и выиграть время для германского Верховного командования!

Я снова помчался на дивизионный командный пункт и попытался прорваться на связь с

Вюнше. Сработало! Наши brave связисты только что восстановили линию. Как часто эти ребята проходили через ад! Какой безымянный героизм скрыт за выражением «собачья работа связиста»!

Макс Вюнше доложил о крупных танковых частях противника по обе стороны от Роре. Каждая атака на Роре до сих пор отражалась с большими потерями у противника. Стержень дивизии оставался несломленным. Спустя несколько минут я вернулся в роту сопровождения. Всякое командование и контроль стали невозможными. В этот момент я мог быть лишь солдатом среди солдат. Глаза гренадеров загорались, когда они видели, как я хожу от отделения к отделению. Этих солдат нельзя было сломить. Они непоколебимы и не уступят врагу.

Скоро не осталось ни клочка земли, где бы ни разорвался снаряд вражеской артиллерии. На наших позициях уже взрывались снаряды атакующих вражеских танков. Наш район обороны был укреплен всего двумя танками и противотанковой пушкой. Мы крепко прижимали к себе несколько оставшихся фаустпатронов.

Вот взорвался наш танк Т-IV, а прямо перед нами горели два «Шермана». Массы вражеской бронетехники нервировали меня. Разве не граничила с безумием попытка остановить эту лавину стали горсткой солдат и парой пушек? Рассуждать было поздно, оставалось только одно – сражаться!

Два «Шермана» приблизились, следуя по узкому проходу. Несколько солдат с фаустпатронами лежали в нервном ожидании за кустами ежевики. Они, казалось, слились с землей.

Я задержал дыхание, и взрывы вражеских снарядов вдруг перестали внушать страх. Как замороженные мы смотрели на солдат, которые готовились к прыжку. Головной танк двигался все дальше и дальше вперед по просевшей дороге вместе со вторым танком, медленно следовавшим за ним. Они проезжали мимо этого места, второй танк уже поравнялся с нашими солдатами. Стволы танковых пушек были направлены на Версон, но они уже больше не выстрелят. Солдат выскочил на второй танк как стрела, выпущенная из хорошо натянутого лука. Еще в прыжке он выстрелил своим фаустпатроном, который ударил в борт «Шермана». Танк прокатился еще несколько метров и остановился, дымя. Передний танк тоже встал; он лишился гусениц, подорвавшись на минах. Двое танкистов сдались.

Мы на мгновение вздохнули с облегчением. Чувство окрыленности охватывало при виде того, как эти стальные громадины были уничтожены благодаря личному мужеству одного солдата. Однако уже через несколько секунд случай с двумя танками был забыт.

Разведывательная рота сражалась за свою жизнь справа от меня; я уже больше не мог определить ее расположение. Яростный артиллерийский огонь вздымал грязную землю высоко в воздух. Противотанковое орудие все еще было на своей позиции; оно посыпало снаряд за снарядом в танковую колонну 11-й британской бронетанковой дивизии. Очередной шквал огня превратил пушку в груды металла. Больше исправных противотанковых орудий у нас не было. Танковые снаряды сокрушили роту. Первая линия траншей была взята. Тут и там солдаты безуспешно пытались уничтожить танки фаустпатронами, но все напрасно. Сопровождавшая танки британская пехота пресекала все попытки это сделать.

Напрасно я пытался добиться артиллерийской поддержки. Призрак «нехватки боеприпасов» преследовал нас уже долго. Пары снарядов немецкой артиллерии было недостаточно, чтобы остановить бешеную атаку. Атака британских танков продолжалась.

Я впервые ощутил жгучую пустоту в сердце и проклинал эту бесконечную бойню. То, что происходило в данный момент, не имело ничего общего с войной – это было откровенное убийство. Я знал каждого из этих молодых солдат. Самому старшему едва исполнилось восемнадцать. Мальчишки еще не научились жить, но, боже мой, уже умели умирать!

Лязгавшие гусеницы британских танков прервали их молодую жизнь. Слезы потекли у меня по лицу; я начал ненавидеть войну.

Дождь хлестал не переставая. Тяжелые облака пробегали над истерзанной землей. Тем

временем британские танки катились к нашим позициям. Бежать было бесполезно. Нам пришлось остаться. Мы сжимали в руках свои фаустпатроны; мы не хотели умирать, не оказав сопротивления.

Вдруг новый звук присоединился к дьявольскому концерту. Одиноким «Тигр» давал нам некоторую передышку. Его 88-мм снаряды дали «Шерманам» красноречивую команду остановиться. Британцы повернули назад. Они отменили атаку в направлении Муана.

По возвращении на командный пункт дивизии мы обнаружили два британских танка – наши связные уничтожили их своими фаустпатронами. Сгоревшие танки находились менее чем в 200 метрах от командного пункта. Личный состав окапывался, занимая круговую оборону.

Тяжелые бои привели к невосполнимым потерям. Прорыв нельзя было предотвратить, не имея свежих частей. В корпусе нас обнадеживали, что на следующий день ожидаются подкрепления из II танкового корпуса СС. В корпусе настаивали, чтобы командный пункт был перенесен дальше в тыл. Я возражал. Хуберт Мейер меня поддерживал. В такой критической ситуации место командира – на линии фронта.

Из 1-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка мне сообщили, что он с утра подвергается непрерывным атакам и что от боевой мощи батальона осталось всего ничего. Под покровом ночи остатки батальона пробивались назад к аэродрому Карпике. Молодой унтерштурмфюрер СС Эмиль Дюрр ночью уничтожил два вражеских танка кумулятивными зарядами. Танки стояли в саду Шато. Когда кумулятивный заряд отскочил от второго танка, он вернулся к танку и удержал заряд с детонатором на месте руками. Танк был уничтожен, а сам Эмиль Дюрр – смертельно ранен. Посмертно он был награжден Рыцарским крестом. Своими действиями Дюрр расчистил путь для отступающего батальона.

Британцы все еще продолжали наступать. Я слышал, как стреляли наши танки со стороны Гренвиля. Одна рота танков Т-IV под командованием гауптштурмфюрера СС Зигеля прикрывала менявший позицию 2-й батальон 12-го артиллерийского полка СС. Британцы прорвались на позиции батарей. Командир артиллерийского батальона Мюллер был убит в рукопашной схватке.

Время потеряло для нас свое значение. Мы работали с оперативной картой при мерцающем свете свечи и готовили новые оборонительные позиции. Я с нетерпением ждал подкреплений.

В полночь меня ждал приятный сюрприз. Михель, мой верный казак, вдруг появился передо мной, улыбаясь во весь рот. Я давал ему несколько дней отпуска. Он привез мне письмо от жены, которая писала о том, что у нас будет пятый ребенок. Михель был остановлен у контрольно-пропускного пункта. Его заподозрили, что он русский, но кто же мог остановить моего чудного Михеля? В ответ на мой вопрос, как же он сюда добрался, он ответил, что удрал!

Когда стало светать, противник возобновил атаку своей пехоты и бронетехники в направлении Гренвиля. Рота Зигеля к 9.00 отбила четыре атаки. Несколько горящих вражеских танков заполнили собой местность. К сожалению, танк Зигеля был подбит, а он получил сильные ожоги лица и рук. Наступление наших танков в направлении Шо провалилось из-за мощного противотанкового заслона противника. И хотя атака не была успешной, группа из двадцати человек из 12-го саперного батальона СС под командой штурмбаннфюрера СС Мюллера была вытащена нашими передовыми подразделениями и спасена от верного плена. Это было все, что осталось от батальона.

Спустя несколько минут Мюллер уже стоял передо мной. Его усталые ввалившиеся глаза сказали все. На его униформе не было ни кусочка неповрежденной ткани. Его колени были в крови и содраны; лицо было почти неузнаваемо под слоем пыли. Одна рука была на импровизированной перевязи.

Он поведал о драме с его батальоном в нескольких коротких словах. После шквального артиллерийского огня из 600 орудий по левому крылу дивизии батальон был смят танками 2-й британской танковой дивизии. Батальон сражался, пока не был уничтожен. Лишь горстка

людей выжила в смертельной битве.

Мюллер лично оборонял свой командный пункт от всех атак пехоты, но он был бессилён перед массовой танковой атакой. К полудню Мюллер и ещё несколько солдат были окружены на командном пункте. Одни танки обстреливали его блиндаж, а другие пытались раздавить его, но безуспешно. Военные инженеры соорудили прекрасный бункер, который не поддавался любым попыткам его разрушить.

Наконец, взятого в плен немецкого сапера послали в блиндаж, чтобы тот уговорил своих товарищей сдаться. Сапер предпочёл остаться там и разделить судьбу своих боевых товарищей. Атакующие продолжали наступать и миновали командный пункт после того, как предприняли попытки его взорвать; блиндаж сильно сотрясли взрывы, и теперь он выглядел как братская могила. Выжившие в блиндаже воины в конце концов около полуночи с боем пробились к нашим позициям. Их обнаружили совершенно обессиленными у Ле-Хот-дю-Боск, где они решили сделать короткий привал.

В течение дня Роре был сдан. 2-й батальон 12-го артиллерийского полка СС израсходовал боеприпасы. Во второй половине дня противнику удалось создать плацдарм за рекой Одон у Бюрона. Наша радиотехническая разведка перехватила сообщение: «Вы все ещё настаиваете на проведении быстрой операции против Версона?» Очевидно, противник был хорошо информирован о расположении командного пункта дивизии. Ответа мы не услышали. Из нашего штаба дивизии все, кто мог, участвовали в боевых действиях у Фонтени. Когда я вошёл на дивизионный командный пункт, ко мне обратился незнакомец. Он представился как работник Имперского министерства иностранных дел и попросил меня подробно проинформировать об обстановке. Министр (Риббентроп. – Ред.) никак не может понять, почему происходят постоянные отводы войск!

Прежде чем я успел кратко рассказать о сложившейся ситуации, танковые снаряды сотрясли наши развалины. Вражеские танки опять были перед нашим командным пунктом. Наш командный пункт моментально опустел. Все заползли в траншеи со своими фаустпатронами в ожидании дальнейших сюрпризов. Я уже больше никогда не видел так называемого посланца из Имперского министерства иностранных дел! Что мог он сообщить своему начальству?

Ситуация с каждым часом становилась все более критической. Британцам удалось создать ещё один плацдарм у Гарруса. Противник медленно, но уверенно продвигался на юг. К этому моменту мы только успели ввести в бой передовые подразделения 12-го танкового полка СС и разведывательные группы разведывательного батальона 12-й танковой дивизии СС. Два вражеских танка были уничтожены на близкой дистанции батареей шестиствольных реактивных минометов, когда попытались ворваться на позиции приданного нам дивизиона реактивной артиллерии.

Было очевидно, что Монтгомери намеревался форсировать реку Орн у Сен-Андре, а потом, вероятно, выдвинуться к дороге Фалез – Кан. Город Кан, за который шли жаркие бои, благодаря такому маневру сам упадет к нему в руки, как спелая слива. Мы надеялись сорвать его план. Мы должны были продержаться ещё несколько дней. II танковый корпус СС был на подходе. Он был снят с Восточного фронта.

12-й танковый полк СС получил приказ занять высоту 112 и предотвратить прорыв к мостам через Орн. Потрепанная танковая рота – вот и все, что было в наличии для выполнения этой задачи.

Несколько танков и остатки 15-й разведывательной роты 25-го моторизованного полка СС взяли под охрану район вблизи Фонтени. Командный пункт дивизии был переведен из Версона в Кан. Участок, обращенный к Версону, высоте 112 и Эври, с 28 июня взял под контроль II танковый корпус СС.

В этот момент в нашем распоряжении находились четыре танковые дивизии СС. Однако дивизиями они только назывались. Ни одна из них не обладала боевой мощью дивизии. 9-я («Гогенштауфен». – Рей.) и 10-я танковые дивизии СС получили приказ на переброску в Нормандию 11 июня, находясь в Польше в качестве резерва для отражения

возможного наступления русских. (Это наступление, начавшееся 23 июня, привело к разгрому группы армий «Центр». Наши войска с 23 июня по 29 августа продвинулись от Орши и Могилева до Вислы, выйдя к Варшаве. – Рей.)

1-я танковая дивизия «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» достигла фронта 28 июня. Эта дивизия также была лишь тенью своей былой мощи. Она была выведена из России две недели назад и должна была отдохнуть и пополниться в Бельгии. Дивизия «Лейбштандарт» не была полностью укомплектована ни боевой техникой, ни личным составом. Командир II танкового корпуса СС генерал ваффен СС (обергруппенфюрер) Пауль Хауссер этими силами должен был 29 июня провести контратаку. В течение ночи дивизии выдвинулись в районы сосредоточения.

На участке 12-й танковой дивизии СС было спокойно. Позиции вокруг Карпике были укреплены оставшимися в живых солдатами 1-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС.

Мы были разбужены сильным артиллерийским огнем линкоров утром 29 июня. Кан снова был под обстрелом. Истребители, как шершни, сновали в ясном небе и бросались вниз на каждую машину. Около 7.00, когда я застрял на дороге в Версон, истребитель подверг обстрелу самоходную артиллерийскую установку, и взрывающиеся боеприпасы разлетались во все стороны. Улица была слишком узкой для объезда, и нам пришлось ждать, пока боевая машина выгорит. Только бы нам выбраться из этого захолустья! Мы сидели, как крыса в ловушке, зажатые старинными стенами городка. Загорелась санитарная машина. Мы не смогли спасти находившихся в ней раненых. Они сгорели заживо на наших глазах.

Артиллерия противника простреливала местность между Версоном и высотой 112. Вскоре после этого ураганный огонь накрыл и высоту 112. Разгадают ли британцы наши планы и атакуют ли нас раньше, чем мы их? С тяжелым чувством я наблюдал, как танки 11-й британской танковой дивизии поднимаются по склону к югу от реки Одон и берут высоту 112 в клещи. Верхнюю часть высоты 112 уже было не различить. От ударов тяжелой артиллерии нормандская земля вздымалась вокруг метр за метром. Теперь уже не оставалось сомнений: британцы предприняли превентивную атаку. Наши танковые дивизии в районах сосредоточения подверглись шквальному артиллерийскому огню и бомбардировке с воздуха со стороны противника.

II танковый корпус СС оставил высоту 112. Танки 11-й британской танковой дивизии взяли ключевую позицию для дальнейших операций против мостов реки Орн. Весь этот район хорошо просматривался с высоты 112. Ни одно передвижение теперь не могло укрыться от британцев. Прошло немного времени, и мы заметили на вершухе холма центр управления огнем. Батальон тяжелой артиллерии 12-го артиллерийского полка СС обстреливал британские передовые позиции на высоте. У нас тоже был великолепный обзор. Мы были к северу от высоты 112, и нам был виден весь склон от реки Одон до самого верха.

На участке перед 12-й танковой дивизией СС было поразительно спокойно. Только корабельные орудия, как обычно, обстреливали перекрестки дорог. Снаряд попал в сопровождавший меня танк. Взрывом второго 380-мм снаряда был убит военврач.

С приближением вечера стало очевидно, что запланированная атака II танкового корпуса СС терпит провал. Было невозможно овладеть территорией под превосходящим артиллерийским огнем, не говоря уже об абсолютном превосходстве союзников в воздухе. Атака была обречена на провал из-за невозможности удовлетворять предъявляемым требованиям имеющимися в нашем распоряжении средствами.

В течение ночи мы подготовились к круговой обороне для защиты Кана. Мы предполагали прорыв британцев в западной части города. В разгар этих приготовлений был получен приказ из II танкового корпуса СС возобновить атаку высоты 112 и 7-й британской танковой дивизии.

Нас уже больше ничто не удивляло. Макс Вюнше сразу же присоединился ко мне и получил приказ на атаку. Его танками и остаткам 12-го моторизованного разведбатальона СС пришлось проводить атаку. Мы стали обращаться со своими танками как с хрусталем. До сих

пор мы не получили танкового пополнения и наши силы таяли с каждым днем. Постоянное использование тактики постепенных шагов бесила меня. Когда-нибудь так бывало в дни больших танковых наступлений?

Сосредоточенный огонь ударил по высоте 112 на заре. Наши танки в утренней мгле подошли вплотную к высоте и укрылись перед финальным штурмом. Он начнется через несколько минут. Вюнше и я выкурили по последней сигарете. Рукопожатие – и танец начался!

В соответствии с общепринятой практикой танки наступали вперед на когда-то поросший деревьями холм, ведя огонь осколочными снарядами. Артиллерия противника пыталась интенсивным огнем подавить наш штурм, но ей это не удалось, и высота опять оказалась в наших руках.

Вскоре мы достигли вершины и отрезали путь к отступлению британской роте на их пулеметных бронетранспортерах. Они были взяты в плен. Горящие танки стояли по обе стороны высоты 112. На этом холме не осталось ни одного квадратного метра земли, не обработанного снарядами и бомбами.

Овладение высотой 112 дало II танковому корпусу СС некоторую передышку. Главное – была устранена возможность корректировки и управления артиллерийским огнем с этой высоты.

Решающие бои вокруг Кана

Во время последних боев с войсками VIII британского корпуса, состоявшими из 15-й шотландской, 43-й и 49-й британских пехотных и 11-й танковой дивизий, 12-я танковая дивизия СС понесла огромные потери. Боевая мощь 26-го гренадерского моторизованного полка уменьшилась до силы слабого батальона. 12-й танковый полк также понес большие потери. В распоряжении 12-го разведывательного моторизованного батальона осталась только смешанная рота, а 12-й моторизованный саперный батальон вообще прекратил существование. В результате обстрелов из тяжелых корабельных орудий и постоянных налетов штурмовиков дивизия потеряла один батальон своего артиллерийского полка.

Нашу 12-ю танковую дивизию СС уже больше нельзя было считать полностью боеспособной. В лучшем случае то, что от нее осталось, было сравнимо с оперативной группой. Однако, несмотря на чудовищное напряжение и жестокие потери последних боев, соединение считалось полностью боеспособной танковой дивизией, которой было поручено оборонять Кана.

VII британский корпус сосредоточил свои силы на фланге 12-й танковой дивизии СС. Замысел Монтомери – взять наши войска в клещи – просматривался четко. Даже для дилетанта было ясно, что следующей целью атаки союзников будет Кана. Чтобы избежать риска быть отрезанным от дивизии, дивизионный командный пункт был перемещен в центр города. Я хотел разделить судьбу своих солдат.

У начальника штаба и у меня не было никаких иллюзий. Мы знали, что выполнение приказа фюрера – «Кана следует оборонять до последнего патрона» – означало конец дивизии. Мы хотели сражаться. Мы были готовы отдать свою жизнь, но у сражения должна была быть цель. Я приходил в бешенство при мысли о том, что мои молодые солдаты будут истекать кровью и умирать в городских развалинах. Дивизия должна быть сохранена для более гибкого способа ведения боевых действий.

На участке дивизии была отмечена лишь незначительная активность, но канадская тактическая разведка была весьма ощутима. Разведывательные группы противника постоянно прощупывали Карпике и западный край аэродрома. В дивизии создавалось впечатление, что канадцы планировали атаковать Карпике, чтобы прорвать фронт к северу от Кана.

Карпике был старым нормандским крестьянским селением с домами из обтесанного камня. Село вписывалось в окружающую местность и образовывало длинный проход,

ограниченный железной дорогой Кан – Байё с одной стороны и аэродромом с другой. Село на всем его протяжении было видно с наблюдательного пункта в монастыре в Ардене.

Я отправился к защитникам Карпике. Улицы и дома были безлюдны. Дороги были все еще проходимы, только кое-где обломки загромождали проход. Пустое село выглядело зловеще. Я нашел защитников на западных окраинах. Около пятидесяти солдат моторизованных подразделений укрылись в нескольких траншеях и щелях, вырытых прежними защитниками аэродрома. Эти пятьдесят человек – все, что осталось от 1-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС. Остатки этого батальона заняли дальний край аэродрома. А всего оборону здесь держали от 150 до 200 солдат.

В распоряжении тех, кто оборонял Карпике, теперь уже не было никаких противотанковых средств. Батальонные противотанковые орудия были уничтожены несколько дней назад. Однако перед Карпике были минные поля. Солдаты-гренадеры знали свою задачу. Командир взвода и его солдаты должны были отойти и вести отвлекающие боевые действия на восточных окраинах Карпике и вынудить атакующих канадцев войти в село. К востоку от Карпике в засаде были размещены 88-мм орудия. Кроме того, окраины села были в зоне обстрела развернутых на огневых позициях танков.

После предыдущих боев и потерь пополнить пехоту на этом участке было нечем. Единственным вариантом обороны для нас было сосредоточение всех оставшихся тяжелых вооружений. Наша артиллерия и минометы уже пристрелялись к селу.

После возвращения на командный пункт мне сообщили об оживленных радиопереговорах противника. Их оценка позволяла прийти к заключению, что враг сосредоточил свои силы в Норре и Сен-Мовье. Радиопереговоры значительно участились 3 июля.

Используя благоприятную возможность сорвать приготовления противника к атаке или по крайней мере нанести его частям, явно собравшимся на ограниченной площади, большие потери, в 6.00 этот район был накрыт сосредоточенным огнем нашей артиллерии. Наш удар по району сосредоточения оказался очень эффективным.

В то время как реактивные мины наших шестиствольных минометов, оставляя за собой длинный феерический шлейф, со свистом пролетали над аэродромом, я пробирался через развалины зданий аэродрома, чтобы найти Бернхарда Краузе. Краузе выбрал бомбоубежище в качестве своего командного пункта. Отсюда он мог обозревать аэродром и Карпике.

В бункере бомбоубежища я повстречал передового наблюдателя артиллеристов. На расстоянии 75—100 метров перед нами находились несколько солдат-гренадеров. Среди развалин разрушенных зданий аэродрома заняли позиции пять танков. Они были хорошо замаскированы – штурмовики противника в этом районе были очень активны. Едва Бернхард Краузе начал мне докладывать о ходе боев за Сен– Мовье, как вокруг нас раздался грохот и пронзительные крики. Когда 380-мм и 406-мм снаряды линкоров взорвались поблизости, бункер сильно тряхнуло.

3-я канадская пехотная дивизия выдвинулась для атаки. Ее объектами были Карпике и аэродром. Какой же огромный расход сил и средств понадобился противнику для уничтожения горстки наших солдат!

Сосредоточенный артиллерийский огонь врага подавлял все усилия обороняющихся. Вероятно, было задействовано несколько артиллерийских полков. От тяжелых снарядов корабельных орудий в воздух взлетали целые ангары. Селение в этот момент было не узнать. Густые клубы дыма, стелясь, уплывали на запад. Над нашей головой выскивали свои жертвы вражеские штурмовики-истребители Хаукер «Тайфун». Взрывы пущенных ими ракет были едва слышны за разрывами снарядов тяжелых орудий. Передовых наблюдателей, корректировавших огонь артиллерии, это как будто не трогало, и они оставались у своих стереотруб; они просили последнего огня прикрытия.

8-я канадская бригада, усиленная «Виннипегскими стрелками» и при поддержке танкового полка «Форт-Гэри-Хорс», ринулась на остатки батальона Краузе. Артиллерийский огонь противника был перенесен в глубь нашей обороны. На меня смотрели мои товарищи.

Лица их были бледны. Никто не произнес ни слова. Были слышны только голоса корректировщиков артиллерийского огня. Вражеские танки катились вперед из Марселе. Туман был очень плотным. Снаряды нашей артиллерии падали между наступавшими танками, но казалось, что наш артиллерийский огонь их почти не беспокоил. Танки медленно ползли в нашем направлении. Гренадеры в своих бомбоубежищах ждали приказа занять свои огневые позиции, поскольку во время ураганного обстрела все находились в укрытиях. Из леса показались первые пехотинцы противника. Наша артиллерия накрыла огнем опушку леса, нанеся «Виннипегским стрелкам» большой урон.

Мы все еще сидели согнувшись в укрытии, и только наши танки открыли ответный огонь. Они были почти неразличимы – среди развалин и аэродромных зданий. Напряжение, охватившее нас, становилось почти невыносимым, когда мы слышали шум битвы и стали ждать первых очередей пулеметов с наших передовых пулеметных гнезд.

Я заметил вражеских огнеметчиков, подключившихся к наступательным боевым действиям на западной окраине селения. Взобравшись на легкие танки, они двигались вперед под прикрытием «Шерманов». Один из них попал на минное поле и вспыхнул.

Пятьдесят наших солдат у Карпике подверглись атаке трех пехотных батальонов противника при поддержке танков. Сражение в селе было ожесточенным.

Продвижению вражеских танков мешали обломки домов. Танковая атака через летное поле провалилась, поскольку здесь были наши хорошо замаскированные танки и батарея 88-мм орудий. Прошло всего несколько минут. «Виннипегские стрелки» шли вперед неуверенно, очевидно не очень доверяя обманчивой пустынности поля боя. Они медленно продвигались в направлении первого аэродромного здания. В этот момент они были все еще на расстоянии около 150 метров от него. Канадцы вышли из-под защиты леса и оказались на открытом пространстве летного поля. Потом мы услышали долгожданный «голос»: «Тра-та-та-та-та». Это наш пулемет MG-42 косил врага.

Я прыгнул в угол. Солдаты выскакивали из бункера. Не было произнесено ни слова – они все мчались вприпрыжку, чтобы занять свои прежние позиции. На повестке дня теперь было сражение пехоты. С закатанными рукавами и взглядом, устремленным на врага, молодые воины заряжали свое оружие и стреляли автоматически.

Атакующие, очевидно, понесли большие потери. Ход их атаки был нарушен, и их танки стали искать укрытия. Батальон Краузе тоже не обошелся без жертв. Раненых оттащили в бункеры и позаботились о них. Не все складывалось хорошо на дальнем конце летного поля. Канадцы здесь продвинулись, и бой уже шел в центре села. Огонь нашей артиллерии сосредоточился на западной его части. Я связался по телефону с начальником штаба и подготовил его к тому, что Карпике потерян, но что у меня нет беспокойства по поводу южной части аэродрома. Остатки 1-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС смогут удержать здесь свои позиции. Командир батальона снова, как это часто бывало в прошлом, являлся стержнем обороны. Бернхард Краузе был главным гренадером своего батальона. Низким, спокойным голосом он давал указания своим солдатам и был для них как родной отец. На этом участке передовой не ожидалось неприятных сюрпризов.

Я попрощался и начал пробираться дальше к взорванным ангарам на восточном краю летного поля. Там меня ждал Эрих Хольстен. Через несколько минут мы снова были на командном пункте дивизии и вздохнули с облегчением – не очень приятно было гнать на «Фольксвагене» под артиллерийским огнем противника!

Наше отделение радиотехнической разведки работало превосходно. Эти парни заслуживали похвалы. В результате их радиоперехватов мы были хорошо информированы о передвижениях противника. Это было особенно справедливо в бою за Карпике. Командир полка «Де-ля-Шодьер» докладывал по радио в штаб своей бригады о взятии населенного пункта, находясь в селении. Ему было приказано возвращаться, но артиллерийско-минометный огонь сковывал его движения. Каждый раз, как он объявлял об отбытии, следовал наш новый обстрел.

Лишь около двадцати из так упорно защищавших Карпике гренадеров все еще

оставались боеспособными. Погибли все из унтер-офицеров. Оставшиеся в живых солдаты взяли на себя обязанности подразделения охранения 88-мм батареи, развернутой непосредственно к востоку от Карпике. Батальон СС Вайденхаупта попытался в ночь с 4 на 5 июля контратаковать противника в Карпике, но неудачно. Противник в Карпике понес значительные потери в результате нескольких наших ураганных обстрелов осколочными и зажигательными снарядами. Даже во время наступления, предпринятого 8 июля на Кан, противник в Карпике оставался в обороне. Мы удерживали аэродром до 8 июля.

После того как противнику не удалось расширить плацдарм на реке Одон и прорваться к реке Орн, провалилась и его атака с запада с целью захвата аэродрома. Поэтому мы решили, что теперь он попытается разбить краеугольный камень германской обороны фронтальной атакой, после чего прорваться в глубь территории Нормандии. Мы приготовились к решительному сражению за Кан.

После посещения за последние несколько дней всех частей на их позициях и обстоятельного разговора с рядовым, унтер-офицерским и офицерским личным составом по поводу продолжающейся обороны Кана я уверился в том, что город станет гробницей для нашей бравой дивизии. Оборона города дальше была невозможна. Соотношение сил было слишком неравным. Ослабленные силы немцев были не в состоянии держать здесь оборону на значительную глубину, под рукой не было готовых к бою резервов.

Из дивизии в штаб корпуса было передано тревожное недвусмысленное послание. В нем говорилось, что измотанных сил дивизии недостаточно для того, чтобы удерживать территорию, отражая удары значительно превосходящих сил противника. Однако корпус не мог выделить в наше распоряжение никаких дополнительных сил.

Мы сделали все необходимые приготовления для того, чтобы встретить ожидавшуюся атаку противника как можно более эффективно, но у нас не было ответа на вопрос, что произойдет, если в тыл дивизии будет сброшен воздушный десант, который войдет в незащищенную часть города.

В дивизии были уверены, что наступление на Кан начнется с воздушно-десантной операции к югу от города при одновременном наступлении с Одонского плацдарма через Орн в направлении дороги Кан – Фалез. Прорыв германской линии фронта на всю глубину предотвратить было невозможно, и тогда дорога в Париж будет открыта.

Вечером 7 июля мы поняли, что следующие двадцать четыре часа решат судьбу Кана. Около 500 британских бомбардировщиков «Ланкастер» и «Галифакс» поздно вечером сбросили 2500 тонн бомб на северные окраины города. Из боевых порядков самолетов незначительное их количество было сбито огнем наших зениток, но и о потерях с нашей стороны не сообщалось. Боевые части от бомбардировки почти не пострадали. Однако улицы Кана были загромождены и опять, как это ни ужасно, в жертву было принесено гражданское население. Госпитали были переполнены. Здесь следует сказать, что между германскими войсками и местным французским населением были налажены отношения дружбы и взаимопомощи. До сих пор со стороны французов не было никаких проявлений вражды или злобы. Они в смятении смотрели на развалины своих домов и качали головой, не в состоянии постичь того факта, что их город разрушен. Они знали, что в тот день, как и 6 июня, в городской черте не было ни одной немецкой воинской части. Во время всех боев нашим воинским частям не нужно было выделять ни одного солдата для поддержания безопасности в городе. Французы сами позаботились о поддержании здесь дисциплины и порядка.

Налет английской авиации казался прелюдией к основному штурму. Все, до каждого последнего солдата, были наготове. Артиллерия ожидала приказа открыть заградительный огонь, прикрыв наши позиции. Телефоны молчали. Мы напряженно вглядывались в темноту ночи и ждали появления вражеской пехоты и танков, чтобы открыть огонь. Проходили минуты, а тишину ничто не нарушало. Это было непонятно, но это было так. Союзники не предпринимали никаких попыток использовать результаты своих разрушительных бомбардировок.

Я снова встретился с командирами, чтобы лично убедиться в эффекте, произведенном авианалетами «Ланкастеров» и «Галифаксов», и, пораженный, обнаружил, что переоценил их воздействие на моральный дух наших воинов гораздо больше. В войсках больше ненавидели штурмовки истребителей, чем массированные бомбардировки неуклюжих монстров. В самом деле, линия фронта была так скудно заполнена нашими войсками, что бомбардировка по площадям не смогла причинить им большого вреда. 2500 тонн бомб смогли лишь опрокинуть несколько самоходных артиллерийских установок.

Войска ожидали большой атаки и готовились к неизбежному. Мы не питали ложных надежд на исход сражения. Когда забрезжил рассвет, я, обуреваемый дурными предчувствиями, ждал наступления трудного дня. Хуберт Мейер заснул за столом с разложенной на нем картой. Каким чудесным начальником штаба оказался этот мой товарищ!

Артиллерийский огонь невероятной интенсивности, как наземных, так и морских сил, обрушился на линию фронта 12-й танковой дивизии СС. Наше подземелье трянуло по всем его углам. Штукатурка и пыль засыпали освещенную светом свечи карту. Наша артиллерия и реактивные шестиствольные минометы в последний раз открыли заградительный огонь. Мы изо дня в день с трудом «доставали» боеприпасы, стараясь оказать возможно более ощутимую помощь нашей пехоте, ведущей тяжелые бои. Истребители противника штурмовали с воздуха наши артиллерийские позиции и атаковали каждую машину на дорогах. Мосты на реке Орн также подвергались непрерывным атакам авиации.

Поступили первые донесения. Все наши батальоны вели тяжелые оборонительные бои. Противник атаковал по всему фронту при сильной поддержке танков. Наш сосед справа, 16-я авиаполевая дивизия (эти дивизии до 31 октября 1943 года организационно входили в состав ВВС. С 1 ноября 1943 года были переданы в состав сухопутных войск. – Ред.), не подходила для выполнения возложенной на нее задачи. Она была потрепана возобновившимися бомбардировками, и воля дивизии к сопротивлению была сломлена под тяжестью наступательной мощи врага. 3-я британская пехотная дивизия прорвала позиции 16-й авиаполевой дивизии и вскоре стала угрожать глубоким прорывом и охватом фланга нашей дивизии.

Участок обороны нашей дивизии защищали четыре наполовину выбитых батальона, в то время как противник атаковал здесь частями 59-й британской и 3-й канадской дивизий, усиленных танковыми бригадами.

Главный удар, похоже, наносился на участке 1-го батальона 25-го гренадерского моторизованного полка силами 59-й пехотной дивизии. Более того, этот батальон подвергся атаке и подразделений 3-й канадской пехотной дивизии. Уже в течение первого часа боя батальон потерял почти всех своих ротных командиров. Штурмбаннфюрер СС Вальдмюллер, батальонный командир, находился среди солдат своего подразделения и был сердцем его сопротивления. 1-я рота 25-го гренадерского моторизованного полка прикрывала правый фланг, и ее огонь опрокидывал всякую возможность сравнительно легкого наступления 3-й канадской пехотной дивизии на участок обреченной 16-й авиаполевой дивизии.

Доблестный 1-й батальон 25-го гренадерского моторизованного полка стоял на поле боя как волнорез в бушующем море. Оставаясь, несмотря на огромное превосходство противника в живой силе и технике непоколебимым, он отражал все атаки. Противник в ходе этого первого штурма смять батальон не смог.

2-й батальон 25-го гренадерского моторизованного полка СС также оказывал героическое сопротивление. Его противотанковые пушки уже давно были уничтожены артиллерийским огнем врага. В распоряжении солдат оставались только фаустпатроны. Все командиры рот также были убиты. Гауптштурмфюрер СС доктор Тирей собственноручно уничтожил три танка «Шерман» и был убит, пытаясь отправить на тот свет экипаж четвертого.

3-й батальон 25-го гренадерского моторизованного полка СС подвергся атаке 3-й канадской пехотной дивизии. Он вел бой среди развалин Бюрона и Оти, где сражение приняло особенно тяжелый и ожесточенный характер. Канадцы не забыли, что их наступление у Бюрона и Оти уже было остановлено 7 июля, и тогда они заплатили за него дорогой, кровавой ценой. Гренадеры нашего батальона держались в развалинах, яростно сражаясь за каждую пядь земли.

Я не понимал, почему канадцы не продолжили свою атаку со стороны Карпике. Напротив захваченного врагом Карпике у нас были только батарея 88-мм орудий и остатки 1-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС. Этот батальон в предыдущих боях был практически обескровлен. Энергичная атака противника со стороны Карпике в направлении моста через Орн в Кане решила бы судьбу 12-й танковой дивизии СС в течение нескольких часов. Единственным боеготовым резервом у нас была только что прибывшая танковая рота с пятнадцатью «Пантерами».

Срочные донесения с линии фронта стали поступать одно за другим. Похоже, что 16-я авиаполевая дивизия была стерта с лица земли. Наша дивизия немедленно направила часть 2-го батальона 12-го танкового полка и дивизионную роту сопровождения для прикрытия района к северо-востоку от Кана у Кабаре. 1-й батальон 12-го танкового полка сражался на северных окраинах города.

Истребители противника непрерывно атаковали мосты через Орн и подъездные дороги к югу от Кана. Всякое движение в направлении Кана стало невозможным. Мы не могли эвакуировать своих раненых или получить необходимое снабжение. Дороги стали смертельно опасными. Бомбардировщики с севера опять с ревом летели по небу, нацеливаясь на город. Мы с трудом верили, что этот многострадальный город должен был снова испытать ужасы бомбежки.

Количество живой силы и техники противника, задействованной при штурме города, едва поддавались воображению. Одному Богу известно, почему этот еще не занятый войсками противника город сровняли с землей массированными бомбардировками. За исключением штаба 12-й танковой дивизии СС, который там находился лишь последние пару дней, в городе не было никаких воинских формирований. Первая волна бомбардировщиков, атаковавшая мосты, вызвала пожары к югу от реки Орн. Центр города вновь подвергся ковровым бомбардировкам. Кан был весь в огне, дыму и пепле.

Мы вдруг увидели последнюю волну бомбардировщиков, направлявшихся к гарнизонной церкви и сбросивших свои бомбы. Я запрыгнул через вход в подвал, служивший нам командным пунктом, и забился в его самый дальний угол. Чудовищный грохот потряс подземелье, и свечи погасли. Я задыхался. Я почти не видел своей руки перед глазами из-за густого облака пыли. Хуберт Мейер окликнул меня, и послышались голоса других. Вдруг какой-то солдат крикнул: «Мы похоронены заживо!» Молодого солдата с трудом успокоили. В открытую дверь подвала он влетел, отброшенный взрывной волной.

Гарнизонная церковь, всего в 50 метрах от командного пункта, была полностью разрушена. Все, что мы увидели на ее месте, было огромной воронкой. Каменные глыбы взметнуло взрывом в воздух, и они упали на маскировочную сеть, под которой находились наши передвижные радиостанции, тем самым лишив нас всякой радиосвязи. Мы вскоре преодолели эту проблему, восстановив прерванную систему связи. И снова среди гражданского населения было много жертв.

Через несколько минут после бомбежки на командный пункт дивизии прибыл командующий 5-й танковой армией генерал танковых войск Эбербах. Генерал Эбербах был преемником генерала Гейра фон Швеппенбурга.

Эбербаху удалось воспользоваться затишьем между налетами бомбардировщиков на мосты через Орн. Командующий по достоинству оценил действия дивизии. Он еще не знал о катастрофе, постигшей 16-ю авиаполевую дивизию. Генерал Эбербах сразу же понял всю серьезность ситуации и распорядился о направлении 21-й танковой дивизии на участок фронта, который занимала 16-я авиаполевая дивизия. Однако через Орн в тот день удалось

переправить только усиленный батальон 21-й танковой дивизии.

В то время, когда командующий все еще находился у нас, поступили тревожные донесения. Противник прорвался на стыке 2-го и 3-го батальонов 25-го гренадерского моторизованного полка СС, а именно между Гальманшем и Бюроном. Он взял Конте и контролировал подходы к монастырю в Ардене.

2-й батальон 12-го танкового полка, за исключением частей, которые вели бои к востоку от железной дороги на участке бывшей 16-й авиаполевой дивизии, был немедленно брошен в контратаку. Он потеснил противника, но не смог отбить Конте. Благодаря своему превосходству в количестве танков противник остановил нашу контратаку.

Генерал танковых войск Эбербах попрощался с нами. Я был уверен, что он сделает все для того, чтобы предотвратить дальнейшую гибель людей в развалинах Кана. Сражение продолжалось с той же интенсивностью. Для меня было загадкой, почему канадцы и британцы наступали так неуверенно. Их подавляющее превосходство в танках почти не использовалось. Вместо того чтобы быстро и глубоко вклиниваться своими танковыми соединениями в нашу оборону и создавать плацдарм за Орном, они использовали танки лишь для поддержки действий своей пехоты.

За исключением чрезвычайно подвижной и хорошо управляемой артиллерии, у атакующих не хватало управления и инициативы на поле боя, и противник шел на штурм Кана, руководствуясь тактическими принципами, применявшимися в Первую мировую войну. Вести боевые действия в такой манере можно было себе позволить, если тебе противостоит уже обескровленный враг.

Командующий 16-й авиаполевой дивизией генерал-лейтенант Сиверс появился на командном пункте 12-й танковой дивизии СС и попросил кратко проинформировать его о ситуации. Он уже несколько часов не имел связи со своими частями. Доклад был для него тяжелым ударом. Он сразу же отправился на северо-восточные окраины Кана, чтобы лично на месте оценить ситуацию. Он попытался вновь собрать остатки своей рассеянной противником дивизии и восстановить стабильный фронт. Однако моральный дух бойцов его подразделений упал настолько, что не позволял этого сделать. Всесокрушающая сила продолжала надвигаться. Медленно, но верно поле боя превращалось в лунный пейзаж.

Во второй половине дня противник взял Груши. После продолжительного, кровопролитного боя оборонявшая его 16-я (саперная) рота 25-го гренадерского моторизованного полка СС была полностью уничтожена. Храбрая саперная рота под командой оберштурмфюрера СС Вернера была истреблена. Единственным, кого я потом видел из этой роты, был связной. Саперы погибли на своих позициях.

После боев с переменным успехом Оти и Франквиль были потеряны. Во время контратаки командир 3-го батальона 1-го гренадерского моторизованного полка СС оберштурмфюрер Вайденахпт был ранен. Батальону все же удалось остановить атаку противника к северу от Ардена.

Положение дивизии было чрезвычайно серьезным. Три батальона 25-го гренадерского моторизованного полка были предоставлены сами себе, почти окружены и вели ожесточенные бои в Мелоне, Гальманше и Бюроне. Проводная связь была нарушена. Единственным средством связи оставалась радиосвязь. Фронт дивизии был растянут до предела, резервов уже не было. Только пятнадцать «Пантер» роты фон Риббентропа стояли на обратном склоне высоты к северу от города.

Я больше не мог этого вынести! Я хотел лично увидеть сложившуюся обстановку и в разгар боя принять необходимые решения. Приказ фюрера не сдавать Кан был невыполним. Мы могли продержаться, быть может, еще пару часов, но тогда в дивизии уже никого не осталось бы в живых. Я противился тому, чтобы жертвовать дивизией. Хуберт Мейер поддерживал мое намерение оставить разрушенный город союзникам без боя и вывести дивизию на восточный берег Орна.

Эрих Хольстен оседлал своего быстрого «коня». Наш добрый «Фольксваген» был готов ехать. Михель, мой верный казак, уже сидел в нем, когда я подошел. Мы знали, что впереди

нас ожидает дикая гонка. За несколько минут мы добрались до роты «Пантер» фон Риббентропа. Ее передовые танки уже действовали против «Шерманов» в Конте.

Перед нами был монастырь в Ардене. Весь его комплекс подвергался артиллерийскому обстрелу, и высоких башен уже больше не существовало. Их руины с укором смотрели в небо. На обратном склоне высоты я вдруг почувствовал беспокойство и взял руль. В этой ситуации нельзя было ни останавливаться, ни поворачивать. Воронки от бомб и снарядов покрывали все поле боя.

Едва только мы оставили за собой последний подъем, как вокруг нас стали падать и разрываться снаряды. Вражеские танки в Конте накрыли нас своим огнем. Холодный пот прошиб меня, когда машина проскакивала этот участок местности. Только бы не было этого дикого чириканья вражеских пулеметов! Всего несколько метров отделяли нас от развалин. Мы сделали это. Огонь прямой наводкой нас уже не доставал.

Монастырский сад выглядел как сад в аду. Снаряды один за другим взрывались перед полковым командным пунктом. Мы колебались несколько секунд, прежде чем сделать последний бросок. Воспользовавшись паузой в артобстреле, мы помчались в направлении здания. Вокруг штаба повсюду лежали тела убитых солдат. Выпрыгивая из машины, я узнал в одном из убитых командира штабной роты. Его сразила шрапнель.

Спотыкаясь и переводя дыхание, мы бросились в старое здание и обнаружили в подвале командира 25-го гренадерского моторизованного полка СС. Он был ранен и разговаривал с командиром 3-го батальона своего полка гауптштурмфюрером СС Штегером. Радио было единственным средством связи с батальонами. Потолок над нами, казалось, двигался, несмотря на то что монастырский подвал находился глубоко под землей и поддерживался огромными арками. Мы слышали непрерывный гул. Я поговорил с гауптштурмфюрером Штегером в Бюроне. Он доложил, что большая часть его батальона погибла в бою, а танки противника были уже за поселком. Он просил немедленной поддержки. Все имевшиеся танки были направлены в Бюрон для того, чтобы пробить брешь в кольце окружения остатков батальона Штегера. Атака не удалась. С церковной башни я наблюдал танковый бой, который шел с переменным успехом. Обе стороны несли большие потери.

Танки противника из Оти устремились в направлении Ардена. Танковая рота фон Риббентропа при обороне полкового командного пункта уничтожила три танка. Горящие танки находились в 100 метрах к западу от Ардена.

Все больше раненых вползали в большой монастырский подвал. Санитары демонстрировали чудеса мастерства, спасая жизнь своих раненых товарищей. Доктор Эрих Гаттеринг работал, не зная усталости, чтобы облегчить страдания и боль. Стоны раненых в старых подвалах были просто невыносимы. Раненые поступали непрерывным потоком.

Нам нельзя было отказываться от борьбы! Мы должны были дождаться ночи, чтобы под покровом темноты эвакуировать своих раненых товарищей и дать нашим передовым подразделениям шанс вырваться.

Я сел в «Пантеру» и поехал в направлении Кюсси. Оборону Кюсси держал командир батареи 1-й роты 12-го зенитно-артиллерийского дивизиона СС гауптштурмфюрер Ритцель. Кюсси, этот маленький городок, стал просто грудой развалин. Перед позициями батареи стояли три горящих «Шермана». Батарея понесла большие потери. Одно орудие было выведено из строя огнем артиллерии противника. Гауптштурмфюрер СС сам встал у одного из своих орудий. Он обещал мне, что сделает все для того, чтобы удержать позицию до наступления ночи, с тем чтобы дать возможность эвакуировать раненых из Ардена.

Вскоре после этого я вернулся в монастырь. В этот момент пехота и танки противника ворвались в Бюрон. Из-за дыма и взрывов я не мог разглядеть командный пункт Штегера. Вокруг позиций остатков 3-го батальона 25-го гренадерского моторизованного полка СС бесновались огнеметные танки врага. Объятые пламенем, немецкие солдаты выпрыгивали из окопов и валялись на землю. Огнеметные танки были самым страшным оружием. Небольшие, вооруженные пулеметами бронетранспортеры действовали только под

прикрытием огня своих «старших братьев» танков, и поэтому их тоже было очень трудно поразить.

Вражеские танки захватили командный пункт Штегера, и штаб батальона перестал существовать. Бой продолжался только в западной части Бюрона. Штандартенфюрер СС Милиус, командир 25-го гренадерского моторизованного полка СС, получил приказ после оправки раненых эвакуироваться из монастыря и занять позиции на окраине Кана. Мне хотелось в течение ночи вывести остатки дивизии на восточный берег Орна.

Противник опять начал практиковаться в стрельбе, выбрав мишенью наш «Фольксваген». Не в последнюю очередь благодаря невероятному везению мы достигли развалин Кана. После возвращения из Ардена я доложил о критической ситуации в штаб корпуса и не откладывая попросил разрешения вывести остатки дивизии на восточный берег Орна. У меня не было сомнений в том, что Кан нельзя удержать. В штабе корпусе просьбу отклонили. Фюрер приказал, чтобы город удерживали любой ценой! Всякие протесты и мои доводы насчет бессмысленности дальнейших жертв ничего не дали. Мы должны были умирать в Кане!

Меня охватила бешеная ярость при мысли о том, что доблестные солдаты, которые четыре недели день и ночь вели непрерывные бои, должны принести себя в жертву ни за что. Я отказался выполнять никчемный приказ и начал эвакуацию из города. Тяжелые орудия быстро заняли новые позиции на восточном берегу Орна. После наступления темноты батальоны были отведены за пределы Кана. Путь им пришлось с боем расчищать небольшой группе оставшихся у нас танков. В 3-м батальоне 25-го гренадерского моторизованного полка СС осталось около 100 военнослужащих рядового и унтер-офицерского состава. Все остальные были убиты, ранены или пропали без вести в боях.

На поле боя установилось затишье. Мы были рады, что канадцы бездействовали. Если бы они продолжили атаку ночью, дивизия была бы полностью уничтожена. Канадцы вошли в монастырь и не дали продолжить эвакуацию раненых. Вскоре после полуночи штандартенфюрер СС Милиус попросил открыть по Ардену артиллерийский огонь, чтобы получить некоторую передышку. Поскольку эта мера была единственным вариантом расчистить путь для наших раненых товарищей, я дал разрешение батареям реактивных шестиствольных минометов дать два залпа по монастырю. Наш наблюдатель в Ардене корректировал огонь. Противник отошел. В конце концов наши раненые были эвакуированы, монастырь оставлен.

Штандартенфюрер СС Милиус доложил об эвакуации из Ардена в полночь. Оставшиеся в живых заняли новые позиции на окраине города. Расчеты 88-мм батарей в Кюсси погибли у своих орудий. Они героически сражались, давая возможность эвакуировать своих раненых товарищей. Гауптштурмфюрер СС Ритцель был убит в рукопашной схватке на позиции своей батареи.

Вскоре после полуночи я собрал всех командиров и сообщил им о своем решении в течение ночи эвакуироваться из города и занять новые позиции к востоку от реки Орн. Командиры разошлись. Они единогласно поддержали решение об эвакуации дивизии из разрушенного Кана без боя.

В 2.00 на северных окраинах Кана я разыскивал 1-й батальон 25-го гренадерского моторизованного полка СС. Остаткам батальона пришлось с боем, оставляя за собой кровавый след, пробиваться через расположение противника. Потери батальона могли повергнуть в шок. Взвод оберштурмфюрера СС Шюнемана оборонялся среди группы крестьянских домов. Гренадеры уже не могли прорваться к своим. Судя по данным радиоперехвата, этот отряд и спустя двое суток все еще продолжал сражаться. Затем он был уничтожен атакой истребителей противника с воздуха.

Я обнаружил оставшихся в живых из этого батальона в бомбоубежище на окраине города. Солдаты, совершенно вымотанные в боях, спали глубоким сном. Офицеры взяли на себя обязанности часовых. Какая удача, что англичане и канадцы их не преследовали! Солдаты 12-й танковой дивизии СС были на пределе своих физических возможностей. Они

неделями бесценно сражались на передовой и прочувствовали на своей шкуре сокрушительные удары всех средств ведения современной войны.

Они уходили на войну несколько недель назад со свежими, цветущими лицами. А сейчас их камуфлированные, покрытые грязью стальные каски отбрасывали тень на изнуренные лица с глазами, слишком часто заглядывавшими в мир иной. Эти солдаты являли собой картину человеческого страдания. Но сейчас это не имело значения. Им нельзя было позволить продолжать отдыхать. Они должны были защищать восточный берег Орна. Вальдмюллер получил новый приказ и отрывал своих солдат от их тяжелого сна. Каждый отдельный гренадер должен был быть немедленно разбужен. Шатаясь, полусонные солдаты вылезли из бункера и снова повесили на шею свое оружие, тяжелые пулеметные ленты. Ругаясь, они потащили два тяжелых пехотных орудия, повернув к горевшему городу, который предстояло пересечь. Два немецких танка охраняли северные подходы к городу.

За время моего отсутствия начальник штаба моей дивизии вновь и вновь тщетно пытался получить разрешение из штаба корпуса на эвакуацию из Кана. Наконец около 3.00 в корпусе дали такое разрешение.

Поскольку вывод наших войск фактически уже начался и тяжелые виды вооружения уже заняли свои новые огневые позиции к востоку от Орна, эвакуацию удалось провести спокойно и без помех со стороны противника.

Новые позиции были заняты на участке, протянувшемся от железнодорожной станции Кан до излучины Орна у Флёрт-сюр-Орн. Люди были вымотаны и не способны начать обустривать новые позиции. Перейдя через Орн и добравшись до своих новых позиций, солдаты валились в глубокий сон, полагаясь на своих товарищей, охранявших северные окраины города.

Утром 2-я рота 12-го зенитно-артиллерийского дивизиона СС оставила свою позицию на западной окраине Кана, обращенной к Карпике. Даже там, всего в 100 метрах к востоку от Карпике, все еще не было контакта с противником. В 4.40 штаб дивизии покинул Кан и установил свой командный пункт в Карселе. Ожидалось, что нашу дивизию на позициях сменит 272-я пехотная дивизия. Новый командный пункт располагался под сенью деревьев между древними буком, дубом и вязом. Аккуратный нормандский особняк в укромном месте парка располагал к миру и покою. К сожалению, у нас не было возможности для отдыха. По крайней мере, я имел возможность совершить приятное омовение двумя ведрами воды и помылся с головы до ног.

К 8.00 я опять побывал в частях в южной части Кана. Солдаты и офицеры лежали, как трупы, в садах на берегу Орна. Они погрузились в глубокий сон и спали как убитые. Войска находились на пределе своих физических возможностей.

Разведывательные патрули противника начали прощупывать подходы к городу только во второй половине дня. В середине дня последние подразделения сторожевого охранения 12-й и 21-й танковых дивизий СС уже перебрались через Орн. После того как командир 3-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС Ольбутер перешел через Орн, последний мост был взорван. К вечеру первые снаряды были выпущены враждующими сторонами с каждого из берегов Орна. Три дивизии союзников заняли северную часть Кана.

11 июля дивизию сменила 272-я пехотная дивизия. Это произошло без вмешательства противника. На участке дивизии действовали только разведгруппы противника. Поэтому совершенно измотанные соединения успели оборудовать оборонительные позиции.

С начала вторжения до эвакуации 9 июля из Кана дивизия понесла большие потери в живой силе и технике. Более 20 процентов солдат были убиты в боях и более 40 процентов, согласно донесениям, были ранены или пропали без вести. Боевой дух молодых солдат не передашь лучше в обобщенном виде, чем это сделано бывшим противником: «12-я танковая дивизия СС, оборонявшая этот участок, сражалась со стойкостью и напористостью, которые за время всей кампании нигде больше не встречались».

От эвакуации из Кана до «Фалезского мешка»

После кровопролитных боев вокруг Кана 12-я танковая дивизия была отведена к югу в район Потиньи (к северу от Фалеза) для отдыха и пополнения. 12-й артиллерийский полк СС и 12-й зенитно-артиллерийский дивизион СС были приданы в поддержку сменившей нас на позициях у Кана 272-й пехотной дивизии.

Поскольку о длительном отдыхе в районе непосредственной близости к фронту не могло быть и речи, полковые штабы были переведены в район Вимутье. Им была поставлена задача по формированию временных рот из поступающих пополнений и тех из раненых, кто еще мог оставаться в строю.

Остатки гренадерских моторизованных батальонов были слиты в две боевые группы. Некоторые танковые роты были переброшены в район Ле-Небур для отдыха, ремонта и пополнения. Немногую уцелевшую технику приходилось восстанавливать. Мы лихорадочно работали над приведением в боеготовность частей, строили планы и пополняли запасы.

Мне было приказано прибыть в I танковый корпус СС. Эрих Хольстен оставил меня несколько дней назад, чтобы принять участие в боевой операции. Молодые солдаты хотели, чтобы ко мне в качестве преемника Эриха пришел один из бывалых товарищей. Возникла идея перевести Макса Борнхейфта, моего помощника в 1940–1943 годах, из 1-го моторизованного разведбатальона СС в нашу дивизию. Когда это случилось, удивление, которое выражали лица моих чудесных солдат, было полным. Под приветственные возгласы связанных Макс и Вюнше пожали друг другу руки. Мы снова сидели бок о бок ровно через год после того, как расстались.

По пути в I танковый корпус СС нас преследовали истребители противника. Прямая «дорога смерти» от Фалеза до Кана постоянно патрулировалась вражескими истребителями и использовалась лишь немногими связными на мотоциклах. Перевозок грузов снабжения по ней не производилось. Их доставка в соединения могла производиться только ночью.

I танковый корпус СС переместил свой командный пункт в густо покрытый растительностью, лесистый район к югу от городка Бретвиль-сюр-Лез. Опоздав больше чем на час, я предстал перед командующим корпусом, генералом Дитрихом. Вдруг, совершенно неожиданно, я оказался лицом к лицу с главнокомандующим германскими войсками на Западе, фельдмаршалом фон Рундштедтом. Главнокомандующий и Зепп Дитрих сидели в тени дерева и нелестно отзывались о постоянном вмешательстве Верховного командования вермахта.

Старый фельдмаршал выразил признательность 12-й танковой дивизии СС. Он с сожалением отметил невосполнимые потери дивизии и вновь выразил свое восхищение профессионализмом молодых солдат. Короче говоря, он сравнил молодых ребят у Лангемарка (в Бельгии, то есть там, где боев еще не было. – *Ред.*) с такими же молодыми ребятами у Кана. Он сказал: «У молодых солдат у Кана такой же пыл, как и у их сверстников в полках у Лангемарка, но они намного превосходят последних в подготовке, особенно в той, в которой ими руководили опытные офицеры и унтер-офицеры. Ужасно, что эти преданные молодые люди жертвуют собой в безнадежной ситуации».

Во время обеда я с изумлением слушал, как фельдмаршал и Зепп Дитрих открыто осуждали ведение войны в Нормандии. В ходе разговора выяснилось согласие между главнокомандующим, командующим I танковым корпусом СС генералом и мною относительно невыносимости настоящего положения дел.

17 июля моя дивизия была поднята по тревоге; противник прорвал оборону 272-й пехотной дивизии между Малто и Ванде. Враг был отброшен контратакой, и выйти к Орну ему не дали. В ходе операции были взяты в плен около пятидесяти человек.

После полудня я был удивлен приказу из штаба I танкового корпуса СС, предписывавшему мне явиться к фельдмаршалу Роммелю. Фельдмаршал выразил свою признательность нашей 12-й дивизии и сожалел, что из-за недостатка времени не может побывать у нас. Затем он попросил меня дать оценку ситуации. В ответ я сказал: «Наступления британцев к югу от Кана можно ожидать в ближайшее время. Атака будет

нацелена на наше правое крыло, критический участок фронта в Нормандии. Смяв его, британцы начнут продвигаться в центр Франции. Наш части будут сражаться, а солдаты будут и дальше умирать на своих позициях, но они не помешают британским танкам переехать через их тела и двинуться маршем на Париж. Подавляющее превосходство противника в воздухе делает тактический маневр фактически невозможным. Истребители союзников атакуют даже отдельных связных на мотоциклах. Передислокация самых мелких подразделений, не говоря уже о формировании ударной группы, из-за беспрерывных воздушных налетов не может быть произведена без серьезных потерь. Сеть дорог находится под контролем вражеской авиации днем и ночью. Несколько истребителей (фактически выполняющих функцию штурмовиков. – *Ред.*) достаточно для того, чтобы помешать движению или даже парализовать его. Господин фельдмаршал, дайте нам прикрытие с воздуха, дайте нам несколько авиачастей истребителей! Мы не боимся сухопутных сил врага, однако мы беспомощны перед массовым использованием противником авиации».

Лучше бы мне не обращаться с этой последней просьбой. Я увидел, что затронул чувствительную сферу. Фельдмаршал взволнованно сказал: «Кому вы об этом говорите? Вы что думаете, я разъезжаю по окрестностям с закрытыми глазами?.. Я отправляю донесение за донесением. Я уже указывал на разрушительную эффективность истребителей, действующих как штурмовики в Африке... Но им там, наверху, конечно, виднее... Они уже больше не верят моим донесениям!.. Что– то должно произойти!.. Война на Западе должна закончиться!.. Но что произойдет на востоке?»

Мы с фельдмаршалом несколько минут ходили взад-вперед, прежде чем он тепло попрощался со мной. Зепп Дитрих попросил фельдмаршала быть осторожным и избегать магистрали. Он предложил заменить его большой автомобиль на «Фольксваген». Фельдмаршал с улыбкой отказался от предложения и уехал. Через короткое время у Фуа-де-Монтгомери он подвергся нападению с воздуха и был ранен.

К юго-востоку от реки Орн расположены пригороды Кана, Фуа-де-Восель и Кормель. Здесь находились современные промышленные комплексы, окруженные жилыми рабочими районами. Сразу к югу от этих жилых районов лежали богатые, плодородные поля Нормандии. Они простирались вплоть до старинного города Фалез, где родился Вильгельм Завоеватель.

Местность между двумя городами постепенно шла на подъем и достигала высоты 200 метров над уровнем моря по обе стороны Потиньи. Возвышенности здесь покрыты лесом, с них открывается вид на юг. Сразу к югу от гряды холмов и Потиньи, дорогу на Фалез пересекает река Лезон. Кан и Фалез соединяются между собой национальной магистралью 158, прямой дорогой, слегка поворачивающей у Потиньи. По обе стороны дороги тянется редкий лес.

Монтгомери замыслил после захвата Кана прорвать фронт и достигнуть высот между Фалезом и Каном. Для того чтобы реализовать этот план, были выделены VIII британский корпус с тремя танковыми дивизиями и II канадский корпус с двумя пехотными дивизиями и танковой бригадой. Атаку должны были поддерживать 9-я воздушная армия США и 2-е тактическое соединение ВВС (английское).

Этим превосходящим силам противостояла 272-я пехотная дивизия (без единого танка или противотанкового орудия), сильно потрепанная 21-я танковая дивизия с остатками 16-й авиационной дивизии и части 1-й танковой дивизии СС. Две боевые группы 12-й танковой дивизии СС находились в резерве в районе Потиньи.

Германское руководство ожидало в ближайшем будущем крупного наступления противника к югу от Кана. Атака у Малто рассматривалась только как отвлекающий маневр. Для того чтобы помешать прорыву противника на восток, одна боевая группа 12-й танковой дивизии была выдвинута в район Лизьё.

Вечером 17 июля я побывал у командующего 5-й танковой армией. Генерал танковых войск Эбербах был уверен, что атаку следует ожидать в следующие несколько часов. Все части на участке Кана были приведены в состояние боеготовности.

Рано утром 18 июля земля к югу от Кана затряслась. Военно-воздушные силы союзников начали обрабатывать наши позиции, сбросив 7700 тонн бомб. Штурмовики атаковали позиции германской артиллерии и дороги непосредственно за линией фронта. Первые бомбы стали сигналом тревоги для оперативной группы. Гренадеры попрыгали в свои машины, смахивая с глаз остатки сна. Они не задавали вопросов. Почти не слышно было никаких разговоров. Солдаты молча готовились к предстоящему бою. У нас не было иллюзий. Офицеры и солдаты знали о бесполезности сражения. Они ожидали боевого приказа молча, но с решимостью исполнить свой долг до конца.

Боевая группа действовала по обе стороны дороги Каньи – Вимон на участке, где упорные бои вела 21-я танковая дивизия. Вражеские танки были остановлены у Френувиля, и все дальнейшие атаки их были отражены с тяжелыми потерями у противника. Остальным подразделениям 12-й танковой дивизии в течение последующей ночи пришлось взять на себя участок обороны 21-й танковой дивизии по обе стороны дороги Каньи – Вимон.

На соседнем участке 1-я танковая дивизия СС уничтожила более 100 танков 11-й британской танковой дивизии. Йохен Пайпер со своими «Пантерами» опять спас положение. Крупномасштабное наступление Монтгомери не достигло своей цели. Возвышенность, которая была его целью, все еще контролировалась немцами.

Происходившие бои по своему характеру были точной копией предыдущих. Хорошо спланированная операция и огромное количество боевой техники, за которыми следовала неуверенная, без целеустремленного и решительного натиска танковая атака. К тому времени британские танковые части заняли лишь пересеченную местность. Куда делся дух легкой бригады в бою у Балаклавы в Крымской войне (13 октября 1854 года под Балаклавой в Крыму гвардейская кавалерийская бригада во главе с лордом Кардиганом самонадеянно углубилась в расположение русских войск, где налетела на русскую батарею и попала под огонь пушек, а затем была атакована во фланг русскими уланами. Потеряв большую часть бригады, Кардиган отступил. – Ред.). Вражеские танки ползли по местности, как черепахи, мощь их численно большой массы не использовалась.

В максимально короткий срок наша дивизия улучшила свои позиции. Противник не на нашем участке уже не атаковал. 20 июля вместе с командиром 12-го разведывательного моторизованного батальона СС я побывал на позициях дивизии, проведя рекогносцировку запасной позиции на линии от Вимона до Сен-Сильвена. Новая позиция была немедленно оборудована опорными пунктами. Мы не могли более позволить себе роскошь системы сплошной обороны, ведь сейчас боевая мощь дивизии была в лучшем случае равна мощи усиленного полка.

Я вернулся на дивизионный командный пункт примерно в 19.00, и мне сообщили о попытке покушения в ставке фюрера. (Неверно, что нам сообщили об этом из военного представительства в Париже, как утверждали позднее. Нас не информировала ни одна из сторон. Информация поступала исключительно из новостных сообщений по радио.)

Попытка покушения на Гитлера не оказала никакого влияния на взаимоотношения между армией и частями ваффен СС. Среди боевых частей не было разногласий. Террористический акт был отвергнут всеми частями в равной степени. Солдаты вовсе не симпатизировали участникам заговора 20 июля. Они жаждали окончания войны и сами искали пути и средства покончить с бесполезной бойней. Однако немецкие солдаты никогда и не помышляли о том, чтобы нарушить воинскую присягу.

Рано утром 21 июля командир боевой группы Вальдмюллер доложил, что фельдмаршал фон Клюге выехал к линии фронта на участке оперативной группы и инспектирует позиции на передовой. Фельдмаршал фон Клюге старался сформировать собственное впечатление о состоянии своих сил и выбрал с этой целью 12-ю танковую дивизию СС.

Фельдмаршал ознакомился с положением дел и согласился с моей оценкой ситуации. Он выразил свою признательность молодым солдатам за их достойную восхищения отвагу и объявил, что скоро нас сменит пехотная дивизия.

Фон Клюге оказался очень открытым человеком и был полностью откровенен со мной.

Он считал ситуацию в Нормандии весьма критической. Он резко критиковал статичную оборону территории Нормандии. Фельдмаршал оставался на командном пункте несколько часов и разговаривал с командующим 5-й танковой армией, генералом танковых войск Эбербахом, а также с командующим I танковым корпусом СС, генералом Зеппом Дитрихом и командиром 21-й танковой дивизии Фойхтингером (который к тому времени тоже прибыл). Проинспектировав фронт, фон Клюге послал обстоятельный доклад об истинном положении дел Гитлеру.

В течение предыдущей недели противник проводил атаки на участке нашей дивизии. Радиоперехваты давали нам основание ожидать новую атаку вдоль дороги на Вермон. Генерал-майор Пельц, командующий всей нашей боевой авиацией на Западном фронте, неожиданно прибыл в дивизию, чтобы скоординировать действия люфтваффе с операциями наземных сил. Соединения истребителей (в последний период войны люфтваффе вместо бомбардировщиков чаще использовали истребители с подвешенными к ним бомбами, например «Фокке-Вульф 190F», несший на внешней подвеске до 1000 килограммов бомб. – Ред.) должны были подняться в воздух с аэродромов в Голландии и Бельгии. Не было передовых постов наведения, необходимых для того, чтобы задавать нужное направление самолетам. Связь устанавливалась только с помощью сигнальных огней. Авиационным соединениям приходилось добираться до фронта, летя на низкой высоте. Мы больше всего беспокоились, можно ли будет достичь этими мерами желаемого результата.

Через несколько дней после проведения рекогносцировки последовал первый боевой вылет от двадцати до тридцати машин. В частях глазам не верили, что германские самолеты наконец появились – почти через два месяца после начала вторжения союзников. Немецкие самолеты пролетали над фронтом на высоте около пятидесяти метров. К сожалению, самолеты второй волны сбросили свои бомбы прямо на позиции 1-го батальона 25-го гренадерского моторизованного полка СС. Генерал-майор Пельц и я имели удовольствие залечь под градом наших собственных бомб. К счастью, обошлось без жертв. Подобная операция никогда больше не повторялась.

В ночь с 4 на 5 августа на смену нашей дивизии пришла 272-я пехотная дивизия, которая расположилась для отдыха и пополнения в районе к востоку от Фалеза. Однако из-за последних событий приказ был отменен, и дивизия уже стояла в резерве севернее Фалеза. Мы напрасно ждали крупных подкреплений и получили только роту истребителей танков, которая лишь частично была моторизована. Гренадерский моторизованный полк не пополнился ни одним солдатом.

При посещении I танкового корпуса СС я с дрожью заметил, что все танковые дивизии, которые вели бои к востоку от Орна, теперь находились к западу от него. 2-я, 116-я и 21-я танковые дивизии, так же как и 1-я и 9-я танковые дивизии, – все они сосредоточились к западу от Орна.

Остатки моей дивизии примерно с пятьюдесятью боевыми машинами были единственными нашими танковыми силами к востоку от Орна. Это означало, что две боевые группы 12-й танковой дивизии оказались единственным оперативным резервом к востоку от реки. Это оголяло германский фронт к югу от Кана и вызывало большую озабоченность. В случае возобновления атаки союзников на восточном фланге германского фронта неизбежно образуется брешь, и путь в глубь Франции будет открыт. Всего с пятьюдесятью оставшимися танками нельзя было надеяться на то, что мы сможем остановить три танковые дивизии и три пехотные дивизии англичан и канадцев. Мы предвидели обвал восточного фланга германского фронта на Западе и готовились к последнему сражению.

Вечером 6 августа 59-я британская дивизия успешно захватила плацдарм за Орном у Тюри-Аркур. Боевой группе Краузе было приказано во взаимодействии с подразделениями 89-й пехотной дивизии немедленно уничтожить плацдарм.

Двигаясь от Сен-Лорана, боевая группа смогла очистить от противника Фор-де-Гримбос, но, когда вышла из лесистой на открытую местность, которая постепенно опускалась к Орну, была прижата сосредоточенным артиллерийским огнем. У противника,

занимавшего высоты западного берега реки Орн, были превосходные позиции для обзора.

Утром 7 августа я направился в боевую группу Краузе и нашел его командный пункт в лесном домике в Форе-де-Гримбос. Раненые солдаты 89-й пехотной дивизии и оперативной группы лежали в тени высоких деревьев в ожидании эвакуации. Огонь артиллерии противника накрыл дорогу и край леса южнее.

Несмотря на огромное превосходство противника в артиллерии, нам удалось занять Форе-де-Гримбос и сократить плацдарм противника. Опять потери были ужасающе большими. Я почти не видел здесь ни одного невредимого нашего солдата. Артиллерийский огонь по лесу был опустошительным. Прежде чем плацдарм был полностью ликвидирован, произошли события, которые поставили эту операцию на второе место и привели к немедленному отводу боевой группы Краузе.

Союзникам было известно о перемещении танковых дивизий на западный участок фронта, а также то, что к югу от Кана, помимо пятидесяти боевых машин, оставшихся от сгоревшей в боях 12-й танковой дивизии СС, у нас были только две пехотные дивизии. Что могло быть очевиднее маневра, состоящего в том, чтобы смять слабый германский восточный фланг и устремиться на юг через Фалез? Тем самым британцы во взаимодействии с американскими силами окружали и уничтожали германские армии в Нормандии.

4 августа Монтгомери приказал 1-й канадской армии провести атаку в направлении Фалеза, чтобы ускорить крах германской армии. Выполнение этой задачи было возложено на командующего II канадским корпусом генерал-лейтенанта Саймондса. Генерал Саймондс был самым молодым командующим корпусом в канадской армии и, без сомнения, достойным противником. Он одно время командовал танковой дивизией в Италии, был прекрасным стратегом и тактиком. Пожалуй, он был выдающимся штабным офицером, но я не вправе судить, был ли он столь же способным боевым командиром.

Бои к югу от Кана убедительно продемонстрировали, что у канадцев не было энергичного танкового командира. При этом сражения проходили при их огромном преимуществе в живой силе и технике. Однако ни разу командиры канадских частей и соединений не решались принимать спонтанные решения или воспользоваться преимуществом благоприятной ситуации, возникающей в ходе боя. Боевым командирам не доставало инициативы, способности быстро воспользоваться возникающим удобным случаем и повести свои танки в глубину оборонительных позиций и в тыл противника. Канадцы в наступлении медленно ползли на юг – неуверенно, с опаской, ожидая приказов сверху.

Генерал Саймондс для проведения операции «Тоталайз» располагал следующими силами:

- 51-я британская пехотная дивизия,
- 1-я польская танковая дивизия,
- 4-я канадская танковая дивизия,
- 2-я канадская пехотная дивизия,
- 33-я канадская танковая бригада,
- 2-я канадская танковая бригада,
- 3-я канадская пехотная в бригада (в резерве).

Этими силами генерал Саймондс намеревался сокрушить оборону немцев и достичь города Фалеза. По словам командующего 1-й канадской армией генерала Крерара, дню 8 августа 1944 года суждено было стать даже еще более черным днем для германской армии, чем 8 августа 1918 года в боях к востоку от Амьена. (В ходе Амьенской операции 8—13 августа 1918 года германские войска за один день 8 августа потеряли 28 000 человек и 400 орудий. – Ред.)

План генерала Саймондса состоял в том, чтобы атаковать в темноте без артиллерийской подготовки и прорваться через опорные пункты германской обороны, используя длинные и плотные танковые колонны. Сопровождающая танки пехота должна

была следовать в бронетранспортерах и атаковать предполагаемую вторую линию германской обороны. Ночная атака предполагала использование крупного соединения британских ночных бомбардировщиков. Вторая фаза атаки должна была начаться сразу после полудня с боевых действий 8-й (9-й. – Ред.) американской воздушной армии, которая должна была расчистить путь для танковой армады. Третья фаза должна была завершиться ближе к вечеру 8 августа окружением Фалеза.

В соответствии с планом, II канадский корпус 7 августа сосредоточился всей своей концентрированной мощью. Танки шли вплотную друг к другу и представляли собой в руках канадских командиров смертоносное «копье». По всей вероятности, такую концентрированную танковую мощь просто невозможно было остановить. Она должна была просто раздавить нашу оборону.

Развертывание сил канадцев, казалось бы, гарантировало им нейтрализацию германского восточного фланга в Нормандии. Слова Крерара оправдывались. Однако бог войны рассудил иначе. Несмотря на огромную концентрацию боевой техники, победа оставалась за людьми. Наступающие танковые колонны были остановлены германскими солдатами, которые не боялись смотреть смерти в лицо. Цель II канадского корпуса была достигнута на восемь дней позднее, чем планировалось. Развалины Фалеза попали руки канадцев только 16 апреля.

Как все выглядело на стороне немцев 7 августа? Семи главным соединениям союзников из нескольких сот танков и сотен тяжелых бомбардировщиков и истребителей-штурмовиков противостояла 89-я пехотная дивизия. У этой дивизии не было ни танков, ни тяжелых противотанковых орудий или мобильных резервов. Артиллерия была на конской тяге и могла быть легко нейтрализована. Восточнее Орна находились (и, в случае кризиса, могли поддерживать 89-ю дивизию) лишь две боевые группы 12-й танковой дивизии СС. Однако боевая группа Краузе 7 августа была задействована в атаке на плацдарм у Тюри-Аркура и оказалась примерно в двадцати километрах в стороне от района канадского наступления. В 12-й танковой дивизии, вместе со 101-м тяжелым танковым батальоном СС, батальоном I танкового корпуса СС, состоявшим из «Тигров», оставалось около пятидесяти танков и ничего больше. Более того, другое наше пехотное соединение в районе, 85-я пехотная дивизия, было еще на марше. Его передовые подразделения достигли только района Трена. Ожидать ввода дивизии в бой можно было самое раннее 10 августа.

Вслед за моим возвращением из района Тюри-Аркура в штаб корпуса было направлено пространное донесение об обстановке. Оно настоятельно предостерегало от отвода последних танков на юг Кана. В своем донесении я доказывал также необходимость того, чтобы две мои боевые группы были развернуты в нужном направлении.

Бесперывные бомбардировки и грохот к северу от Бретвиля, начавшиеся незадолго до полуночи, говорили о начале ожидавшегося наступления союзников. На позиции 89-й пехотной дивизии обрушились мощные атаки с воздуха. Небо озарилось вспышками взрывов. Фронт был в огне!

Первые бомбы автоматически сработали как сигнал тревоги для наших частей. Разведывательные подразделения дивизии двинулись на север, пытаясь связаться с ведущими бои частями 89-й пехотной дивизии. Час за часом проходил в томительном ожидании наступающего дня. Грохот разрывов бомб, сброшенных с вражеских бомбардировщиков, напоминавший удары гигантского молота, говорил нам больше чем кто бы то ни было. Не могло быть и речи о том, чтобы убежать от этого адского огня; ад разверзся, чтобы поглотить наших солдат.

Еще до наступления светлого времени суток я с несколькими связными на мотоциклах помчался в Бретвиль, чтобы получить общее представление о том, что произошло. Какие-то секунды я наслаждался зеленью леса и думал о неделях, которые мы проводили на этих спокойных лесных дорогах в 1942 году во время доукомплектования дивизии. Шум фронта вернул меня к действительности. Смерть и разрушения не способствовали воспоминаниям о

счастливых временах; гроыхание битвы звучало как глухой грохот барабанов разрушения. Не было слышно звуков фанфар, возвещающих о победе.

В Урвиле я поговорил с Мёнке и получил первые донесения о событиях ночи. Позиции 89-й пехотной дивизии были захвачены противником; дивизия фактически уничтожена. Все еще сражались несколько опорных пунктов; они были как островки в водовороте битвы, то и дело оказывая атакующим канадцам горячий прием.

С частями на передовой не было связи, и оставшиеся очаги сопротивления сражались, предоставленные самим себе. Оборонявшиеся должны были полагаться теперь только на свои собственные силы. Наши храбрые солдаты стояли, как скалы, под железным потоком канадской танковой армады и снова и снова заставляли ее останавливаться.

Большой удачей было то, что я знал эту местность во всех деталях. Я был тут со своим разведывательным батальоном осенью 1942 года, и мы провели множество учебных занятий. Поэтому я знал, что возвышенность у Потиньи господствовала над местностью, а река Лезон была естественной преградой для танков. Атаку канадцев нужно было остановить к северу от Потиньи, иначе судьба наших 7-й и 5-й армий будет предрешена. Я двинулся в направлении Бретвиль-сюр-Лез с явным намерением удерживать рубеж реки Лезон.

Бретвиль стал непроходим. Улицы были завалены обломками разрушенных взрывами бомб домов. Чтобы добраться до Синто, мы поехали через открытые поля. Синто был довольно большим населенным пунктом и располагался так, что через него проходила дорога Кан – Фалез. На главной улице практически не было никакого движения. Да и кто бы стал сейчас ездить по ней? 89-я пехотная дивизия находилась к северу от Синто. Оттуда и на юг до Фалеза в нашей обороне образовалась огромная брешь. Цель союзников, район к которому они так рьяно стремились, простирался перед ними, никем не обороняемый и никем не занятый.

У Синто я нашел взвод истребителей танков из боевой группы Вальдмюллера. Проявив благоразумие, Вальдмюллер в течение ночи сменил место дислокации взвода, поскольку прежнее место дислокации подвергалось артобстрелу.

Я не верил своим глазам. Группы немецких солдат в панике бежали на юг по обе стороны дороги Кан – Фалез. Я впервые за эти долгие годы ужасной войны видел бегущих германских солдат. Они ни на что не обращали внимания. Они прошли через адский огонь и бежали, спотыкаясь, мимо нас с глазами, полными ужаса. Я изумленно смотрел на никем не руководимые группы военнослужащих. Моя форма прилипла к телу; огромное бремя ответственности, которое я вдруг ощутил, заставило меня обливаться потом. Я вдруг осознал, что судьба Фалеза и двух наших армий зависит от моего решения.

Я стоял в «Фольксвагене» и ехал в направлении Кана. Я видел все больше и больше деморализованных солдат, бегущих в южном направлении. Я безуспешно пытался стабилизировать разваливающийся фронт. Ужасающие бомбардировки лишали присутствия духа части 89-й пехотной дивизии. Снаряды падали на дорогу, опустошая ее. Отход мог продолжаться только по обе стороны дороги. Я выпрыгнул из машины и стоял один посреди дороги.

Я медленно подъехал к фронту и обратился к бегущим солдатам. Они опешили и остановились. Они смотрели на меня недоверчиво, удивляясь, что я стою на дороге, вооруженный одним только карабином. Молодые солдаты, вероятно, подумали, что я свихнулся. Но потом они узнали меня, развернулись и стали махать своим товарищам, призывая их организовать оборону вокруг Синто. Его нужно было удерживать любой ценой, чтобы выиграть время для подхода оперативных групп; скорость была императивом.

Я добрался до штаба Мёнке после бомбовой атаки. Он сидел среди развалин на крыше передвижной радиостанции и выглядел хуже некуда. Мёнке обхватил голову руками; он ничего не слышал. Все посыльные мотоциклисты получили ранения.

У Мёнке я увидел командующего 5-й танковой армией, генерала танковых войск Эбербаха. Генерал прибыл, чтобы лично увидеть последствия недавних атак союзников и принять решения на основе личных наблюдений. Командующий предоставил мне полную

свободу действий и согласился с моей оценкой ситуации. Тем временем Хуберт Мейер направил боевую группу Вальдмюллера в Бретвиль-де-Рабе. Там она могла действовать по обстановке.

Я издал следующие приказы:

1. Боевой группе Вальдмюллера, усиленной 1-м батальоном 12-го танкового полка СС и остатками 101-го батальона тяжелых танков СС контратаковать с целью захвата возвышенности к югу от Сен-Анена.

2. Дивизионной роте сопровождения, усиленной 1-й ротой 12-го истребительно-противотанкового батальона СС (с самоходно-артиллерийскими установками) выдвинуться через Эстре и занять возвышенность западнее Сен-Сильвена.

3. Боевой группе Краузе, усиленной 2-м батальоном 12-го танкового полка, выйти из боя с противником, занять возвышенность к западу от Потиньи и оборонять район между реками Лезон и Лез (в данный момент боевая группа задействована в атаке плацдарма противника у Фор-де-Гримбос).

4. Командный пункт дивизии располагается у Потиньи; я буду находиться с боевой группой Вальдмюллера.

Я встретился с Вальдмюллером к северу от Бретвиль-де-Рабе, и мы вместе выехали в Синто, чтобы сориентироваться в обстановке. «Тигры» Витмана уже стояли к востоку от Синто, укрытые за лесополосой. До настоящего момента они еще не вводились в бой.

Синто был под артиллерийским огнем. Однако открытая местность как будто не подвергалась обстрелу. С северных окраин городка мы видели плотные колонны вражеских танков к северу от дороги в Бретвиль-сюр-Лез. Танки шли вплотную друг другу. То же самое происходило к югу от Гарселя и на краю леса к юго-востоку от него. Массовое скопление танков просто поразило нас. Мы не понимали поведения канадцев. Почему эта колоссальная танковая сила не брошена в атаку? Почему канадское командование давало нам время и возможность принимать контрмеры? Не было внушающих страх истребителей. Систематическое применение (в качестве штурмовиков) одних только истребителей уничтожило бы остатки моей дивизии на национальной магистрали 158, что обеспечивало прорыв нашей обороны II канадским корпусом. Ничто бы тогда не помешало канадцам овладеть Фалезом в тот вечер. Один только Бог знает, почему этого не произошло.

Танковые дивизии противника стояли наготове, чтобы наступать по всем дорогам. Вальдмюллер и я знали, что мы не можем позволить вражеским танкам провести еще одну атаку. Эта атака не должна начаться. Мы должны попытаться перехватить инициативу.

Я решил оборонять Синто с уже задействованными силами и молниеносно атаковать всеми имеющимися в наличии частями восточнее дороги. Таким образом я надеялся сорвать планы противника. В качестве цели я выбрал лес к юго-востоку от Гарселя. Мы должны были рискнуть и атаковать, чтобы выиграть время для организации обороны на рубеже реки Лезон. По плану атака должна была начаться в 12.30.

Во время моего последнего совещания с Вальдмюллером и Витманом, мы заметили пролетевший над нами пару раз одиночный бомбардировщик, сбросивший осветительные огни. Нам показалось, что он был чем-то вроде летающего командного пункта, и я приказал немедленно атаковать, чтобы увести части из зоны возможных бомбардировок. Я снова пожал руку Михаэля Витмана и обратил его внимание на чрезвычайно критическую обстановку. Михаэль рассмеялся, как смеются только молодые люди (ему было 30 лет), и забрался в свой Т-VI «Тигр». На его счету уже было сто тридцать восемь вражеских танков. Увеличит ли он этот счет или сам станет жертвой?

Танки быстро покатались на север. Они на скорости пересекли открытую местность и использовали складки местности, чтобы вести бой с противником. Танковая атака помогла броску гренадеров. Они приблизились к объекту атаки, широко рассредоточившись. Я был на северных окраинах Синто, вражеская артиллерия открыла по атакующим танкам

шквальный огонь. «Тигр» Михаэля Виттмана мчался под огнем противника. Я знал, как он действовал в таких случаях: знал, что нужно продолжать движение! Не останавливаться! Рваться вперед и создавать для себя некоторое пространство для свободы действий. Наши танки наступали через настоящий ад из стали и огня. Они должны были не дать танкам противника атаковать. Они должны были нарушить его план. Вальдмюллер со своими гренадерами следовал за танками.

Великолепные солдаты шли за своими офицерами. Среди все сметающего артиллерийского огня меня окликнул пулеметчик. Он указывал на северо-запад. Я увидел бесконечную цепь больших четырехмоторных бомбардировщиков, приближавшихся к нам. Иронические замечания нескольких солдат позволили нам в доли секунды забыть об огромной опасности. Молодой солдат из Берлина воскликнул: «Какую честь оказывает нам Черчилль, посылая по бомбардировщику на каждого из нас!» Собственно говоря, он был совершенно прав. Бомбардировщиков, приближавшихся к нам, было больше, чем немецких солдат, прижавшихся к земле.

В этот момент был только один способ спасения: уйти из поселка и выдвинуться на открытую местность! С быстротой молнии защитники Синто оставили этот населенный пункт и ждали, пока бомбы разорвутся в зеленых полях к северу от него. Мы были правы, потому что знали: в ходе боев селение за селением сравнивалось с землей союзной авиацией. Вскоре в небо взметнулись огромные снопы огня. Мы с удовлетворением отметили, что американская авиация накрыла и канадцев. Из-за ошибки самолета наведения бомбы упали и на их атакующие порядки. Командир 3-й пехотной дивизии генерал Келлер был тяжело ранен и вынужден оставить свою дивизию.

Последние волны бомбардировщиков летели над энергично атакующей боевой группой Вальдмюллера, не сбросив ни одной бомбы ни на один танк или бронемашину. Экипажи самолетов занимались обозначенными для них целями, не беспокоясь о том, что тем временем ситуация изменилась. Очевидно, канадские танковые дивизии шли в бой без участия офицеров связи ВВС и, следовательно, не могли влиять на действия атакующих бомбардировщиков.

В этот момент мне стало ясно, почему головные части канадских сухопутных войск не продолжили атаку, и у нас появилось время, необходимое для принятия контрмер. Не осознавая истинного характера обстановки, атакующие дивизии были привязаны к графику движения II канадского корпуса. В результате вместо победы они оказались обведенными вокруг пальца. Танковым сражением нельзя руководить из-за стола с разложенной на нем картой. Ответственный танковый командир должен быть вместе с передовыми подразделениями своих атакующих войск – для того чтобы вовремя принять отвечающее ситуации решение и нанести решающий удар. Танковая атака, разбитая на фазы, подобна кавалерийской атаке, в которой запланирован перерыв на кормежку лошадей.

Ввод в бой 9-й американской воздушной армии не смог повлиять на эффективность нашей контратаки. Боевая группа Вальдмюллера приблизилась к участку леса и вступила в бой с польской пехотой. Жестокий танковый бой начался между танками 4-й канадской танковой дивизии и «Тиграми» Михаэля Виттмана. Временами «Тигров» было совсем не видно. Против них велся сосредоточенный и быстро меняющийся направление артиллерийский огонь противника.

Тем временем мы вернули свои прежние позиции у Синто. Населенный пункт подвергся атаке с севера и был в секторе огня прямой наводкой из канадских танков. Фланговый огонь нескольких «Тигров» Виттмана помогал удерживать канадские «Шерманы» на расстоянии и не давал им приблизиться к Синто. Нам было видно, что большие силы противника продвигаются в километре перед нами. Они рвались в направлении Бретвиль-сюр-Лез. Их атаки захлебывались одна за другой. Нам сопутствовала необыкновенная удача. Наши противники не провели против нас ни одной массивной сосредоточенной атаки. Из дивизионной роты сопровождения доложили, что она находится западнее Сен-Сильвена. Она уже провела бой с передовыми подразделениями 1-й польской

танковой дивизии и уничтожила несколько бронемашин. Поляки уже больше не пытались высовываться из леса у Гарселя. Позднее мы узнали, что это была первая боевая операция 1-й польской танковой дивизии.

Сражение продолжалось уже несколько часов. Наши раненые были собраны к югу от Синто. Их эвакуировали под огнем противника. Ближе к вечеру я обнаружил, что ни армия, ни корпус уже не в состоянии направлять нам подкрепления. Несколько «Тигров» – это все, что было в их силах. Я надеялся, что боевая группа Краузе уже достигла участка Потиньи вовремя и организовала оборону. На данный момент я еще не получал от Краузе ни одного донесения.

Ближе к вечеру разведка сообщила о потере городка Бретвиль-сюр-Лез. 2-я канадская пехотная дивизия под командованием генерал-майора Л. Фоулкса разгромила там рассеянные подразделения 89-й пехотной дивизии. Об организованной обороне городка не могло быть и речи. У оборонявшихся не было ни противотанковых средств, ни артиллерии.

Сражение к северу и востоку от Синто продолжалось до наступления темноты. Было просто чудом, что при подавляющем превосходстве противника мы не были разбиты гораздо раньше. Наши тяжелые танки бороздили поле сражения словно линкоры в морском бою. Их грозные пушки, видимо, внушали уважение атакующим частям противника.

4-я канадская танковая дивизия под командованием генерала Китчинга не смогла смять жалкую горстку германских гренадеров. Синто все еще был в руках дюжины солдат. После потери городка Бретвиль-сюр-Лез противник глубоко вклинился в нашу оборону, обойдя с фланга боевую группу Вальдмюллера и героических защитников Синто.

В результате 12-я танковая дивизия решила под покровом темноты вернуть боевую группу обратно к рубежу реки Лезон и удерживать эту позицию до прибытия 85-й пехотной дивизии. Защитники Синто и бронемашин боевой группы Вальдмюллера под прикрытием танков без труда смогли выйти из боя и были развернуты по моему приказу в лесу у Шато-Кеней.

К югу от Синто я связался с командиром 89-й пехотной дивизии. Очевидно, генерал пережил самый трудный день в своей военной карьере. Ему было нелегко осознать, что теперь его дивизия состоит всего из нескольких разрозненных подразделений. Вместе с ним мы покинули селение Бретвиль-де-Рабе вскоре после полуночи. Вместе с танками, обеспечивающими прикрытие, мы были последними из немецких солдат и офицеров, покинувших 8 августа район боевых действий.

Когда я прибыл на командный пункт, Хуберт Мейер доложил мне, что боевая группа Краузе только к вечеру 8 августа смогла выйти из боя с противником и достичь позиции, которую ей было приказано занять.

Рядовые и офицеры представляли собой жалкое зрелище. Солдаты постоянно участвовали в тяжелых боях с 6 июня и были на пределе своих сил. Изнуренные тела жаждали нескольких часов сна на твердой нормандской земле.

Мы говорили о неспособности выиграть войну уже в течение предыдущих недель, ругая этот затянувшийся вооруженный конфликт со всеми ужасами, которые он нес человечеству. Почему мы не призывали к его прекращению? Почему мы продолжаем бесполезную бойню? Полные отчаяния, мы искали ответ на эти вопросы.

Солдаты и офицеры видели, какой оборот принимало положение дел. Однако никто и не думал о том, чтобы сложить оружие или попытаться каким-либо путем оказаться в безопасности. Политические цели союзников виделись нам гораздо более ужасными, чем самая страшная смерть. Смерть давно уже потеряла для нас свою силу устрашения. Мы видели в смерти промысел Божий и, в результате, освобождение от всех забот. Мы продолжали сражаться в здравом уме. Даже в такой безнадежной ситуации мы верили в то, что должны были выполнить свой долг перед отечеством.

При свете свечи я писал поздравление с днем рождения своей дочери. Через несколько дней ей исполнялся год.

Дивизия издала следующие приказы по обороне рубежа реки Лезон.

Боевой группе Краузе оборонять возвышенность к северу от Мезьера и Руве, включая высоту 132.

Боевой группе Вальдмюллера оборонять участок от высоты 140 до высоты 183 на дороге Фалез – Кан.

3-му батальону 26-го гренадерского моторизованного полка СС (Ольбутера) оборонять высоту 195 (два километра к северо-западу от Потиньи) и собрать всех разрозненных солдат 89-й пехотной дивизии.

Все танки 12-й танковой дивизии и 101-й батальон тяжелых танков СС должны быть развернуты в лесу у Кенея под командованием командира 12-го танкового полка СС (Вюнше).

Дивизионной артиллерии занять позиции к югу от реки Лезон, чтобы оказывать эффективную поддержку всей дивизии.

Дивизионная рота сопровождения остается под управлением штаба дивизии у Потиньи.

Командный пункт дивизии расположить в одном километре к востоку от Потиньи под Тамбо-де-Мари-Жоли.

Группа Ольбутера 8 августа закрепились на оборонительной позиции на высоте 195. Она значительно усилилась за счет бойцов 89-й пехотной дивизии. Артиллерия также заняла намеченные позиции к 22.00 того же дня. Командир 12-го танкового полка СС доложил о сосредоточении танков у Кенея в 3.00. Никаких донесений еще не поступало от боевой группы Вальдмюллера и дивизионной штабной роты.

Наступал рассвет. Я поднялся на высоту у Тамбо-де-Мари– Жоли и прислушался. На участке обороны близ реки Лезон было пока спокойно. Покой живописных окрестностей еще не был нарушен. В бинокль я рассмотрел высоту напротив меня. Ее склон покрывали еще окутанные пеленой сна, еще зеленые поля зерновых. На вершинах холмов в первых лучах солнца покачивались стройные ели. Даже блестящая роса на траве сверкала так чудесно, будто природа хотела заставить меня забыть на несколько мгновений о войне. Наконец показалось солнце, и тысячи крошечных птиц прощебетали ему свое приветствие.

Однако тишина была обманчивой. Хотя я и не замечал никаких движений, я знал, что наши «Тигры» и «Пантеры» находятся в лесу у Кенея и приведены в состояние боеготовности, чтобы оборвать жизнь молодых солдат противника. Мои изможденные солдаты лежали в этот момент где-то среди полей зерновых культур в ожидании атаки противника. На противоположном склоне справа от нас длинные стволы батареи 88-мм орудий также замерли в ожидании своих жертв из числа союзных войск.

Возможно, и с другой стороны стволы орудий и минометов уже были нацелены на измотанных солдат моей дивизии. И как раз в этот момент в частях противника заводили двигатели танков и отдавались первые приказы, призванные лишить нас жизни! Да, тишина была обманлива: скоро начнется танец смерти.

Из долины выехал небольшой броневедомитель и направился к высоте 140. Вскоре он достиг ее самой высокой точки. Это был трофейный английский броневедомитель, который мы использовали для передачи донесений. Хлопок выстрела разорвал утреннюю тишину, когда по броневедомителю с позиции среди деревьев выстрелил вражеский танк. Я, затаив дыхание, наблюдал за неожиданным развитием событий. Броневедомитель погнал в южном направлении и мчался по полю с головокружительной скоростью. Скоро он уже был вне зоны обстрела вражеского танка. Я в совершенном удивлении наблюдал за этим противоборством. Как этот вражеский танк мог оказаться на холме? С мыслью о том, что что-то неладно, я бросился к телефону и позвонил Вюнше.

Вюнше уже поднял по тревоге свои танки и ждал возвращения оберштурмфюрера СС Мейцеля, который должен был установить контакт с оперативной группой Вальдмюллера. Мейцель докладывал: «На холме нет германских сил. На возвышенности танки противника».

У меня внутри все похолодело. Если это донесение верно, значит, вся боевая группа

Вальдмюллера и дивизионная рота сопровождения потеряны. Это могло быть правдой. Одно было очевидно – они до сих пор не дали о себе знать.

Мейцель поехал на своей бронемашине обратно, чтобы получить более точную картину о противнике. Как только он перевалил через гряду, его машину подбили. Он выбросился через открытый люк, был сразу же окружен вражеской пехотой и взят в плен.

Разведка скоро прояснила ситуацию. Боевая группа противника заняла господствующую над долиной реки Лезон высоту и теперь могла простреливать всю округу. Эту угрозу нужно было ликвидировать немедленно, если мы собирались удержать этот рубеж для быстро приближающейся 85-й пехотной дивизии. Рубеж реки Лезон был единственным вариантом для успешной обороны к северу от Фалеза. Обстановка требовала быстрых действий. Высота должна быть снова нашей!

За исключением боевой группы Краузе, которая даже не обладала боевой мощью роты и находилась на позиции к востоку от высоты 140 и высоты 183, ни одного германского солдата поблизости не было. А на главной дороге Кан-Фалез была всего пара наших танков. Оборона Фалеза снова была не адекватной складывающейся ситуации.

Вюнше прокричал несколько слов своему закаленному в боях танковому экипажу и указал на высоту 190. Мы решили ее атаковать несколькими танками Т-VI «Тигр» с запада и пятнадцатью Т-V «Пантера» с востока. В то время как «Тигры» медленно выезжали из леса и приближались к гребню высоты, «Пантеры» с лязгом катились по дороге в долине в направлении участка обороны Краузе, въехав в его пределы. Во время выдвижения двух танковых групп высота была накрыта артиллерийским и минометным огнем. Наша единственная батарея 88-мм орудий ожидала своих целей напрасно. Танки противника не рисковали высунуться из-за гребня высоты. Но вот на огневую позицию вышли два «Тигра». Они пробрались через подлесок не замеченными противником и оказались на его фланге. Первые 88-мм снаряды вырвались из стволов, и тут же с грохотом взорвались два «Шермана». Противник начал стрелять по «Тиграм», которых обнаружил. Пять «Тигров» участвовали в бою и буквально пригвоздили противника. Наши танки предпочли подавлять противника издали огнем, используя преимущество в огневой мощи. Все больше и больше танков противника загорались – думы, возвещавшие об этом, поднимались в небо.

Я был с отделением «Тигров» и вдруг увидел первые «Пантеры» Юргенсена. Теперь танкам противника пришлось совсем несладко. Смерть и уничтожение обрушились на них и с востока. Подавление его превосходящей огневой мощью обеспечивало нам успех! На каждый куст, на каждое подозрительное место обрушивались снаряды наших танков. Огонь танковых орудий накрыл всю высоту. Облака дыма одно за другим сливались воедино. Мы с трудом верили в то, что каждое облако возвещало о гибели танка. Отсутствие пехотинцев удерживало нас от выхода на поросший деревьями северный склон гряды. В любой момент ожидалось две мотоциклетные роты 85-й пехотной дивизии.

И тут мы заметили в небе истребители. Хотели ли они нас атаковать или у них были другие цели? Я беспокоился за наши танки. Они были на открытой местности и выглядели как мишени на стрельбище. В мгновение ока самолеты уже были над нами. Вот первый истребитель описал дугу, а затем спикировал на... канадскую боевую группу. Самолеты пролетели над нами, заложили вираж и снова атаковали канадские боевые танки. Ни один из самолетов не атаковал «Тигра» или «Пантеру». В считанные секунды холм окутался дымом от взрывающихся танков. «Тигры» и «Пантеры» воспользовались хаосом и овладели высотой. Она выглядела как кладбище танков.

Около 11.00 я увидел две полугусеничные бронемашины, выскочившие из леса и помчавшиеся на север. Ближайший ко мне «Тигр» открыл огонь, но бронемашины смогли скрыться в густых зарослях, а потом они были уже далеко. Судя по показаниям пленного, одну из полугусеничных машин вел подполковник А.Дж. Хэй из полка «Алгонкин». Командир канадской боевой группы, подполковник Д.Г. Уорсингтон, был убит в бою во второй половине дня.

Танки вместе с мотоциклетными ротами только что подошедшей 85-й пехотной

дивизии шли по проторенной канадцами дороге в лесу и оказывали все нарастающее давление на канадские позиции. В этой критической ситуации, воспользовавшись психологическим воздействием на канадцев воздушной атаки, оберштурмфюрер СС Мейцель предложил тем, кто взял его в плен, сдаться немцам. Мейцель сломал руку при падении, когда выбросился из своей горящей бронемашины. Вместе с канадцами он находился в самом центре разверзшегося на северном склоне высоты ада. Канадцы связали Мейцеля, но обращались с ним по-рыцарски. Его первое предложение было вежливо отклонено. Однако, когда воздушная атака и артиллерийский огонь стали наносить все больший и больший урон канадской пехоте, предложение было принято.

На позиции боевой группы Краузе Мейцель привел двадцать одного канадского солдата и двух офицеров. Около 15.00 он прибыл в штаб дивизии вместе с двадцатью тремя канадцами. Среди пленных был капитан Дж. А. Ренвик из 28-го танкового полка (полк «Британская Колумбия»). Около полудня я беседовал с Ренвиком о ненормальности этой войны. Он производил хорошее впечатление. Ренвик ничего не сказал о сражении, которое тогда происходило. На основании допросов пленных и анализа вопросов, которые задавали Мейцелю, когда он был в плену, вырисовывалась следующая картина складывающейся обстановки.

Наша контратака во второй половине дня 8 августа остановила атаку противника. После этого он перешел к обороне, в частности 1-я польская танковая дивизия у Сен-Сильвена и 4-я канадская танковая дивизия у Синто. Чтобы вернуть инициативу, 4-я канадская танковая дивизия провела ночную атаку высоты 195 северо-западнее Потиньи силами 28-го танкового полка («Британская Колумбия») и двух пехотных полков (в том числе «Алгонкин»). В результате должен был быть захвачен проход между Лезоном и Лезом и появлялась возможность стремительного прорыва к Фалезу. В результате ошибки в ориентировании в условиях ночи боевая группа вместо высоты 195 вышла к высоте 140 и, в отсутствие там наших сил, заняла ее.

Мейцеля спросили о «большой асфальтированной дороге», которую канадцы тщетно искали. Танковая группа противника прошла мимо боевой группы Вальдмюллера, которая ушла из Синто, чтобы занять высоту 140. Вальдмюллер направился в восточном направлении и ожидал темноты, чтобы достигнуть наших позиций. Дивизионная рота сопровождения, мимо которой прошли поляки, была в сходной ситуации.

В течение ночи оставшиеся в живых канадцы с боем пробивались к 1-й польской танковой дивизии. 28-й канадский танковый полк оставил на поле боя сорок семь подбитых танков. Почти все они были подбиты пушками «Тигров» и «Пантер». Мы не потеряли ни одного танка.

Наши успехи в обороне в течение предыдущих сорока восьми часов стоили нам тяжелых потерь, хотя они и были меньше, чем у противника. 9 августа мы видели, как наш храбрый товарищ Михаэль Виттман провел свою последнюю танковую атаку. Двигаясь впереди своих танков, он и его верный экипаж уничтожили несколько «Шерманов» к востоку от Синто. Потом он повел свое танковое отделение вперед. Его стремительная танковая атака, очевидно, замедлила ход атаки 4-й канадской танковой дивизии и позволила обороняющимся вдоль реки Лезон немецким войскам выиграть время и получить пространство для маневра. Михаэль Виттман умер так же, как и жил, храбрым и в то же время хладнокровным воином, всегда показывающим пример своим солдатам. Он до самой смерти демонстрировал истинно прусское отношение к своему долгу. Объятый пламенем, его «Тигр» отметил последнюю битву и конец хорошего товарища и солдата. (В 1987 году французская автодорожная служба, занимавшаяся расширением участка дороги близ Синто, наткнулась на безымянную могилу. В ней были обнаружены останки Михаэля Виттмана, «величайшего танкиста всех времен». Ныне он похоронен на воинском кладбище в Ла-Камбе. – Ред.) Однако дух этого храброго офицера продолжал жить в его молодых танкистах, которые, так же как и их бывший командир, храбро сражались до конца и героически погибли.

Боевая группа Краузе в бою за плацдарм у Тюри-Аркура понесла катастрофические потери. Она обладала теперь боевой мощью слабой пехотной роты.

В течение ночи боевая группа Вальдмюллера и дивизионная рота сопровождения достигли наших позиций и заняли свой участок обороны! Боевая группа Вальдмюллера также обладала теперь боеспособностью всего лишь слабой роты. Если бы только 85-я пехотная дивизия успела нас сменить на рубеже обороны. Оставшиеся в живых из 12-й танковой дивизии едва ли могли держаться дальше. Еще одна атака канадцев приведет к катастрофе; мы уже были не в состоянии сражаться. Последние десять недель выжали из нас все соки. Совершенно изнуренные, солдаты валились на землю и засыпали. Но и в ту ночь нам не удалось отдохнуть.

Огненный смерч пронесся над высотой 195 и обрушился на позиции Ольбутера. Трассирующие снаряды наших танков били по атакующей пехоте противника. Глухие разрывы ручных гранат, смешивавшиеся с яростными криками оборонявшихся немецких солдат, стряхнули с нас тяжелый сон. Полк гайлендеров Аргайла и Сатерленда атаковал высоту 195. Когда я добрался до высоты, Ольбутер был среди своих солдат и вел их в контратаку. Противник прорвался на наши сильно расщепленные оборонительные позиции и уже собирался занять всю высоту. Солдаты наших моторизованных подразделений внезапным ударом атаковали войска противника и отбросили их в темноту.

Высоту можно было удерживать при поддержке танков, обеспечивавших прикрытие. Противник понес тяжелые потери, а к рассвету оказался открытым для флангового огня наших танков, находившихся в лесу у Кенея. Его атака на этот ключевой участок нашей обороны провалилась. Небольшие по численности германские войска смогли устоять перед намного превосходившими их силами противника.

После неудачной атаки высоты 195 наступление союзников было продолжено спустя несколько часов силами 1-й польской танковой дивизии у Мезьера. Польская бронетанковая дивизия попыталась форсировать реку Лезон у Конда, обходя боевую группу Краузе.

Передовые танки были остановлены единственным немецким противотанковым орудием. Девять польских танков остались стоять перед немецкой противотанковой пушкой – они горели до утра. Но роковой выстрел танковой пушки прямой наводкой уничтожил и расчет нашей противотанковой пушки.

После уничтожения этой единственной противотанковой пушки путь для польской дивизии был открыт. Просто не было больше войск, готовых помешать переправе через Лезон. Но и поляки после понесенных потерь решили сместить направление удара к северу.

Нашим танкам, находившимся на высоте 195, пришлось в большой спешке передислоцироваться на правый фланг дивизии, чтобы атаковать наступающих поляков с фланга. С полдюжины танков помчались на восток. Успеют ли они?

Нам повезло. Только что подтянувшаяся рота самоходно-артиллерийских установок под командованием оберштурмфюрера СС Хурдельбринка вошла в соприкосновение с наступающими польскими головными подразделениями. Это был первый боевой контакт роты с противником с применением только что поступившего на вооружение истребителя танков. За короткое время было уничтожено сорок польских танков. Оберштурмфюрер СС Хурдельбринк лично подбил одиннадцать танков. Прорыв был предотвращен.

В течение дня 11 августа правое крыло дивизии было заменено подразделениями 85-й пехотной дивизии. Боевая группа Краузе могла наконец оставить свои позиции. Однако, прежде чем свой участок смогла передать боевая группа Вальдмюллера, нашу танковую группу в лесу у Кенея атаковала 8-я канадская пехотная бригада. Эта атака также была отбита с большими потерями у канадцев. 12 августа 12-я танковая дивизия смогла передать 85-й пехотной дивизии участок у Потиньи.

Около ста молодых солдат, совершенно вымотанных и потрепанных в предыдущих боях, оказывали сопротивление противнику, обладающему подавляющим преимуществом в живой силе и технике. Две свежие танковые дивизии и одна пехотная бригада не смогли сломить волю к сопротивлению семнадцати-восемнадцатилетних солдат и сокрушить их.

В вышедших после войны книгах неудача II канадского корпуса связывается с наличием оборонительных позиций в глубине немецкой обороны и значительного количества зенитных батарей III зенитно-артиллерийского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Пикерта. Этот аргумент неверен. Да, «позиция», состоящая из одиночных окопов, действительно была подготовлена по линии, тянувшейся от Сен-Сильвена до Бретвиль-сюр-Лез. Она должна была быть использована в качестве запасной позиции 89-й пехотной дивизией в случае запланированного отхода. Однако ход боя 8 августа показывает даже дилетанту, что использование подготовленной «позиции» было невозможно. Кто мог занять эту «позицию»? Может быть, несколько сотен солдат из боевой группы Вальдмюллера? Эта так называемая «позиция» никак не повлияла на ход боя. Просто не было достаточного количества войск, чтобы занять ее.

Более того, следует отметить, что подразделения III зенитно-артиллерийского корпуса были разбросаны по всему фронту в Нормандии, и его орудия использовались главным образом против бомбардировочных соединений противника. На всем участке 12-й танковой дивизии СС с начала вторжения до «фалезского мешка» против танков противника не использовалось ни одно орудие III зенитно-артиллерийского корпуса. Последнюю батарею корпуса я видел утром 8 августа к югу от Бретвиль-сюр-Лез. Эта батарея выходила на позицию западнее Фалеза. 88-мм орудия, несомненно, могли сослужить хорошую службу в роли противотанковых, но они находились в ведении люфтваффе и не подчинялись боевым дивизиям.

II канадский корпус не смог достигнуть успеха потому, что командование двух дивизий, проводивших атаку, было неопытным и использовало свои танки несогласованно и нерешительно. Опытный танковый командир привел бы 4-ю канадскую танковую дивизию к победе в течение первого дня операции «Тоталайз». Несогласованные атаки 9 и 10 августа были столь же необъяснимы, как и неуверенное наступление 8 августа.

Наша дивизия заняла оборонительные позиции между Перриром и Фалезом. Несколько «Тигров» из 502-го батальона тяжелых танков были переданы под оперативное управление 85-й пехотной дивизии и действовали по обе стороны Потиньи.

Ситуация на западном фланге фронта в Нормандии не была мне известна во всей полноте, но казалось необходимым, что фронт следовало немедленно отодвинуть к Сене. У главнокомандующего войсками на Западе не было ни войск, ни техники для ведения операций сдерживания. Противостоять вооруженным по последнему слову техники дивизиям противника, обескровленным немецкими дивизиями на гужевой тяге, становилось невозможно.

Там, где это еще не было сделано, штабы и личный состав обескровленных подразделений дивизии, так же как и тыловые подразделения, переводились в районы Эври и Берне. Были сделаны приготовления для того, чтобы перебросить подразделения огневой поддержки на восточный берег Сены.

Оставшиеся в живых офицеры и солдаты из боевой группы Вальдмюллера вошли в боевую группу Краузе. Боевой состав дивизии 13 августа был представлен следующими силами:

20 боевых бронированных машин (танки, бронемашины и САУ, включая истребители танков),

1 взвод гренадеров на бронетранспортерах,

1 отделение разведки,

300 гренадеров без боевых машин,

1 батарея 88-мм зенитных орудий из 4 орудий,

1 батарея самоходных 37-мм зенитных орудий из 9 орудий,

1 рота самоходных 20-мм зенитных орудий (14-я рота 26-го гренадерского моторизованного полка СС),

3 батареи тяжелых полевых гаубиц,

1 батарея 105-мм орудий.

Смена артиллерийских позиций из-за отсутствия тягачей превращалась в чехарду. С предыдущего дня в дивизию не поступило никаких боеприпасов, и ее огневая мощь не могла быть использована полностью.

Полный состав дивизии был представлен 500 военнослужащими рядового, унтер-офицерского и офицерского состава.

Мы все знали, что боевые действия закончатся только смертью или пленом, но никто не собирался прекращать борьбу. Мысль о безоговорочной капитуляции, сформулированная в коммюнике конференции в Касабланке (14–24 января 1943 года на конференции в Касабланке в Марокко, где встречались Ф. Рузвельт и У. Черчилль, было принято решение соглашаться только на безоговорочную капитуляцию Германии, Италии и Японии. – Ред.), поддерживала нашу мотивацию к продолжению борьбы. Война Германией была, конечно, проиграна, но фронт нужно было удерживать. Союзники не должны были сомневаться в том, что абсурдное решение потребовать «безоговорочной капитуляции» не пройдет и что следует найти другую основу для переговоров о мире.

Мои товарищи не были фанатиками; они хотели жить и, если возможно, вернуться домой в добром здравии. Нет, нет, это не было тем фанатизмом, о котором так часто объявлял противник, который вынуждал нас продолжать сражаться! Мы не бросали оружие, потому что все еще верили, что должны сражаться за свою родину.

Дивизия получила приблизительную картину текущей обстановки в течение 13 августа. Германские армии оказались в ситуации, не подходящей для обороны. Образовался огромный «мешок» обреченных германских дивизий между Аржантаном на юге, Фалезом на севере, Треном и Шамбуа на востоке. Угроза полного уничтожения виделась совершенно отчетливо; челюсти смерти уже почти сомкнулись. Единственный путь отступления шел через Трен, обходя возвышенность. Однако дорога уже была не в состоянии принять все войска и гарантировать их отход. Наспех сформированные пехотные дивизии с артиллерией и вспомогательными частями на гужевой тяге были величайшим препятствием для все еще мобильных танковых соединений. Катастрофа продолжала разрастаться.

В ночь с 13 на 14 августа мы наконец смогли поспать. Это была последняя относительно спокойная ночь для многих моих товарищей с их соратниками. Приглушенный шум боя, бушевавшего на западе, долго не давал нам заснуть, но природа в конце концов взяла свое.

Утром 14 августа Вюнше, Краузе, Ольбутер и я переместились на участок к северо-западу от Фалеза, чтобы занять новые позиции. Высота 159 к северу от Фалеза господствовала над местностью, и мы немедленно заняли ее, создав ряд опорных пунктов. Ряд других специфических особенностей местности восточнее высоты 159 вплоть до реки Див были характерными для нашего «фронта».

Мы не верили в «мирные» намерения канадцев и сразу же начали укреплять свои опорные пункты. На основании оценки ситуации в целом и с учетом характера местности атаку союзников следовало ожидать между Жортом и Фалезом. Канадцы занимали фронт в северной части намечавшегося котла, южную его часть формировали американцы у Аржантана. Смертельная борьба двух немецких армий начнется, как только встретятся два конца клещей. Именно с уверенностью в этом я готовил солдат и офицеров нашей когда-то гордой дивизии к решающей битве. Я не был удивлен, когда мои храбрые товарищи приняли мои соображения как само собой разумеющиеся. Они уже один раз пережили подобный кризис и точно знали, каким будет результат.

Такую же, как и прежде, ситуацию нам пришлось испытать около 14.00. Сотни бомбардировщиков «Галифакс» и «Ланкастер» превратили позицию 85-й пехотной дивизии в кладбище. Все больше и больше бомбардировщиков и истребителей-штурмовиков, пикируя, атаковали 85-ю пехотную дивизию, ломая становой хребет обороны. Артиллерийские и противотанковые оборонительные позиции были уничтожены бомбами

или ослеплены постановкой дымовой завесы. Наземная атака на позиции 85-й пехотной дивизии велась силами 1-й польской танковой дивизии, 4-й канадской танковой дивизии и 3-й канадской пехотной дивизии.

II канадский танковый корпус выстроился в линию как на параде – танк к танку. Они ждали сигнала командиров; они намеревались прорвать немецкие оборонительные позиции тактикой всесокрушающего натиска. Было загадкой, почему канадцы выбрали такое негибкое боевое построение. Вместо того чтобы вести свои танки на сближение с противником рассредоточенными порядками, давая возможность эффективно использовать свои пушки и простор для маневра, чтобы смять позиции и совершить быстрый и глубокий бросок в тыл противника, эти стальные монстры неуклюже и вяло катились по местности. Драгоценное время было потеряно, когда танки пересекали местность, прилегающую к реке Лезон, поскольку никак не могли преодолеть заболоченную пойму в таком неуклюжем боевом построении.

Хорошо оснащенные и имевшие на вооружении современную боевую технику канадские дивизии были все еще севернее объектов своей атаки вечером в день ее проведения. Даже в ходе этого этапа операции канадская бронетехника использовалась в качестве поддержки пехоты. Ни огромная огневая мощь такого количества танков, ни их скорость не были эффективно использованы.

Канадское руководство не сумело проявить творческий подход в планировании и проведении операции. Ни в одной из канадских атак нельзя было увидеть талант большого командира. Их планирование всегда заикливалось на уровне тактики войны на истощение. Ликвидация обороняющихся немецких дивизий никогда не достигалась эффективным прорывом. Как только атакующие головные подразделения наталкивались на сопротивление противника, передовые подразделения теряли темп и начинали растрчивать энергию на мелкие, разрозненные бои. Ход сражения подтвердил мои прежние наблюдения.

Ближе к вечеру первая волна канадских танков, наконец, устремилась на редкую полосу нашей обороны к северу от Фалеза. Атака 4-й канадской танковой дивизии и 3-й пехотной дивизии захлебнулась перед остатками нашей когда-то мощной дивизии. Атака двух дивизий провалилась, не сумев сломить высокий боевой дух пятисот воинов 12-й танковой дивизии СС. Высота 159 осталась в руках горстки немецких солдат.

В течение ночи я объездил все опорные пункты нашего фронта и объяснил положение наших двух армий молодым солдатам. Теперь они знали, что обороняют северный фланг горловины «мешка», и удерживание ими наших позиций делало возможным отвод измотанных частей.

На рассвете от двадцати до тридцати уцелевших солдат 85-й пехотной дивизии добрались до позиций на высоте 159 и добровольно присоединились к державшим здесь оборону бойцам. Эта группа ночью миновала сторожевые заставы противника. Мы подъехали на своем легковом автомобиле к нескольким бойцам, среди которых был один раненый. Они пожалы нам руки.

Канадцы возобновили атаку, и вскоре высота 159 была в огне. Снаряд за снарядом ударяли в землю, вздымая ее в воздух. Наши танки рассредоточились в засаде. Они ждали появления темных очертаний вражеской боевой техники, которая вскоре покажется из плотной завесы дыма и пыли. Первые танки противника уже горели. Его пехота была прижата к земле меткими пулеметными очередями.

Хватит ли у нас нервов, не потеряли ли мы еще человеческий облик? Мы то и дело окидывали взглядом стену огня от рвущихся снарядов. Мы уже больше не слышали разрывов, взрывов и завывания срикошетивших снарядов. Однако любое движение в этой стене заставляло нас сдерживать дыхание. Вдруг сейчас из стены огня возникнет танковая армада? Что, если повторится вчерашний спектакль? Не окажемся ли мы в следующие несколько секунд под лязгающими танковыми гусеницами? Ничего подобного не произошло. Танки противника держали дистанцию и не наезжали на нас. Они остановились перед высотой 159.

Противник вновь атаковал у Жорта и Перрира, пытаясь пробиться и переправиться через реку Див. Немногие еще готовые вести бой наши танки были брошены на те участки, над которыми нависла наибольшая угроза, и атака была остановлена.

3-й батальон 12-го артиллерийского полка СС внес немалый вклад в наш успех. Он случайно обнаружил у Фалеза небольшой склад боеприпасов и вскоре уже не испытывал недостатка в них. Позиции к северу от Фалеза по-прежнему оставались в руках немецких солдат.

До восхода солнца было еще далеко, но мы ожидали новых атак противника восточнее Фалеза. Мы не понимали противника. Зачем он тратит такое огромное количество бомб и снарядов на слабые остатки 12-й танковой дивизии? Его танкам, число которых многократно превосходило количество наших танков, достаточно было просто поехать на нас на полной скорости, чтобы с нами покончить. Но ничего подобного не происходило. Все атаки в течение первой половины дня были отбиты. Во время боевых действий вокруг высоты 159 был убит командир 2-го батальона 12-го танкового полка СС, штурмбаннфюрер СС Принц. В который раз на моих глазах завершил свой боевой путь настоящий воин и друг. Принц был со мной на всех фронтах с 1940 года. Он погиб под артиллерийским обстрелом.

Истребители пикировали на маленький участок леса у Буа-дю-Руа, пуская ракеты по уже давно разбитому лесу. Несколько наших танков к востоку от высоты 159 стали жертвами атак истребителей Хаукер «Тайфун». Я повстречал Макса Вюнше между Версонвилем и высотой 159. Он сообщил мне о безнадежной ситуации на холме. На нас мчались танки противника. Снаряды их пушек рвались на дороге; Макс Вюнше пропал из виду. Я почувствовал жгучую боль – по моему лицу текла кровь – нырнул головой за небольшую живую изгородь. Оказалось, осколком мне оголило череп. Я посмотрел на дорогу, голова кружилась. Наш легковой автомобиль исчез, и Макса Вюнше уже не было видно. Я был один, но ни в коем случае не чувствовал себя покинутым. Я знал, что мои товарищи меня не оставят.

Танки надвигались все ближе и ближе. Я полз по кювету, чтобы уйти с направления движения боевых машин противника. «Шерманы» действовали против нескольких немецких танков, занявших удобную позицию на противоположном склоне. Это, видимо, работа Макса Вюнше. Танковые снаряды просвистели над моей головой.

Я не верил своим глазам: Макс Вюнше вернулся. Под прикрытием огня из танков он мчался по дороге, чтобы забрать меня. Я отчаянно махал ему. Дорога просматривалась и простреливалась противником на всю длину. Снаряды рвались вокруг Макса, но это его не останавливало. Он крепко держал руль в руках. Я ждал в кювете, готовый запрыгнуть в автомобиль. Мы с быстротой молнии вернулись на противоположный склон. Вюнше приободрял меня. Это он направлял огонь танков. Я продолжал вести бой с наполовину выбритой головой и парой тут же наложенных швов.

Высота 159, которую так отчаянно обороняли, пала во второй половине дня; оставшиеся в живых отошли назад на участок Оти. Оберштурмфюрер СС Хаук, командир разведдозора на бронемашине, доложил об атаке 1-й польской танковой дивизии у Жорта. Поляки вновь попытались пробиться к переправе через Див, но пока что все их атаки были отбиты. Части 2-й канадской пехотной дивизии вошли в Фалез ближе к вечеру. 6-я бригада под командованием бригадного генерала Х. Янга смогла наконец захватить город Вильгельма Завоевателя. Бой в развалинах полностью разрушенного города продолжался.

Дивизия вышла из окружения после наступления ночи и отошла на позиции у Оти. Новая линия фронта шла от Морто-Кулибер через Дамбленвиль до Фалеза.

17 августа начались новые атаки польской танковой дивизии на Жорт. 3-я рота 12-го зенитно-артиллерийского батальона СС была практически уничтожена. Командир, унтерштурмфюрер СС Хартвиг был смертельно ранен, остальные артиллеристы отступили с батареей в восточном направлении.

Противник переправился через Див и наступал на юго-восток. В этом месте 1-й польской танковой дивизии не противостояло ни одного сплоченного боевого

подразделения. Дорога на Трен и Шамбуа была для поляков открыта. «Фалезский мешок» можно было «завязывать».

Разведотделение оберштурмфюрера СС было уничтожено ближе к вечеру. Он сам был ранен и взят в плен, но смог убежать и доложить в дивизию об угрозе со стороны крупных танковых сил противника, вклинивающихся глубоко в наш правый фланг в направлении Трена.

Около шестидесяти солдат дивизии все еще были связаны в тяжелом жестоком бою в Фалезе. Эти солдаты, измотанные после непрекращающихся с 6 июня боев, сражались против 6-й канадской пехотной бригады. Два «Тигра» были станovým хребтом обороны, но на солдатах уже лежала печать смерти. В тот вечер два гренадера, выбранные жребием – никто из товарищей не хотел оставлять группу, – доставили последнее донесение и вести от храброго отряда. Весь он погиб вскоре после полуночи среди развалин школы Эколь-Сюперьер.

Остатки дивизии из последних сил держали оборону на рубеже Див – Неси (в 8 километрах к юго-востоку по дороге из Фалеза в Аржантан). В Неси два поврежденных «Тигра» не давали наступать бронемашинам головных подразделений 53-й британской пехотной дивизии. 19 августа около 2.00 оба «Тигра» были окончательно выведены из строя. Оберштурмфюрер СС Мейцель и другие оставшиеся в живых воины были взяты в плен; все члены экипажей «Тигров» получили ранения.

В течение ночи с 18 на 19 августа мы бросили последнюю передвижную радиостанцию и все другие машины второстепенной важности. Мы лишь оставили несколько легковых автомобилей, бронетранспортеры и тягачи. Командный пункт в Неси был захвачен танками и пехотой противника незадолго до восхода солнца. Мой связной упал, пуля попала ему в живот. Мы взяли молодого солдата с собой. Пользуясь утренними сумерками, вместе с остатками боевой группы Краузе мы с боем пробились на юг и заняли новый рубеж обороны к юго-востоку от железнодорожных путей.

В течение ночи боевая группа Вюнше наткнулась на наступающие подразделения противника. Большая часть личного состава боевой группы получила ранения и была взята в плен. Макс Вюнше и два других офицера попали в плен шестью днями позже. Мы столкнулись со страданиями, безразличием к жестокой трагической судьбе людей в окружении.

К середине дня командир LXXXIV армейского корпуса генерал Эльфельд и его начальник штаба подполковник фон Кригерн появились на нашем командном пункте. У нашей дивизии уже больше не было никакой связи с вышестоящими штабами. Личный состав 85-й пехотной дивизии (генерал-майор Фибиг) отделился от корпуса. В результате генералу Эльфельду приходилось командовать лишь остатками 12-й танковой дивизии.

Страдания, которые мы видели вокруг, были просто запредельными. Беженцы и солдаты разгромленных германских армий были беспомощны перед бомбардировщиками, постоянно летавшими над головой. Невозможно было укрыться от взрывов снарядов и бомб. Сосредоточившиеся в таком тесном пространстве, мы были отличными мишенями для воздушных сил противника. Лесистые районы были заполнены ранеными солдатами и трупами лошадей. Смерть висела над нами на каждом шагу. Мы были как мишени на полигоне. Орудия 4-й канадской и 1-й польской танковых дивизий могли брать нас в прицелы. Промахнуться было невозможно.

Случайно в саду, в километре к юго-западу от Трена, мы наткнулись на командный пункт 7-й армии. Генерал Эльфельд и я направились в штаб армии. Дороги были непроходимы. Они были забиты моторизованными частями и обозом пехотной дивизии на гужевой тяге. Горящие машины и взрывающиеся боеприпасы (а все новые и новые снаряды падали среди машин и повозок) «маркировали» эту дорогу.

Мы бежали, спотыкались и перепрыгивали, перебежками пробираясь к штабу. Район подвергался непрерывному артиллерийскому обстрелу. У массы истребителей, штурмовавших дорогу, было множество целей. Мы нашли штаб 7-й армии в траншее за

фермой. Наш уважаемый генерал– полковник ваффен СС (обергруппенфюрер) Хауссер сидел на краю траншеи, изучая карту. С командующим был его начальник штаба полковник фон Герсдорф, подполковник Генерального штаба фон Клюге и майор Генерального штаба Гудериан.

Взорвавшаяся автомашина с боеприпасами послала нам свои «приветствия» – полковник фон Герсдорф был ранен. Издание приказов продолжалось. Полковник остался с генералом. Генерал-полковник Хауссер отдал приказ прорываться наступающей ночью.

Танковая боевая группа 1-й танковой дивизии СС должна была идти на прорыв на рассвете у Шамбуа, а 3-я парашютно-десантная дивизия должна была прорваться у Сен-Ламбе– ра после полуночи. Вначале она не должна была применять оружие. Остатки 12-й танковой дивизии СС должны были удерживать северо-западный край «мешка» до полуночи, а затем присоединиться к 3-й парашютно-десантной дивизии. Мы попрощались с командующим последним рукопожатием. Он серьезно посмотрел на нас своим единственным здоровым глазом; другой глаз он потерял в бою под Москвой.

Мы снова помчались сквозь град снарядов и укрылись в карьере. Множество немецких солдат лежали, сбившись в кучу, у его отвесных стенок. Они ожидали наступления спасительной ночи, чтобы вырваться из этого ада.

От прямого попадания снаряда в группу пехотинцев рядом с нами несколько солдат получили смертельные ранения. Один фельдфебель лишился правой ноги выше колена. Мы быстро подтащили его поближе к стенке; крики, призывающие санитаров, потонули в грохоте артиллерийского огня.

Командующего II парашютно-десантным корпусом генерала Мейндля и командира 3-й парашютно-десантной дивизии генерал-лейтенанта Шимпфа мы нашли в одном из домов. Парашютисты обсудили с нами предстоящий ночной прорыв. Поддержку 3-й парашютно-десантной дивизии должны были оказать два «Тигра».

Мы достигли нашего командного пункта совершенно вымотанными. Командование дивизией во время прорыва было практически невозможным делом. Дороги совершенно забиты, а средств связи больше не было. Дивизия разбилась на две группы. Еще существовавшие моторизованные части должны были прорываться за 1-й танковой дивизией СС через Шамбуа. Этой группой должен был командовать командир дивизионной артиллерии Дрехслер. Штаб дивизии, к которому присоединились генерал Эльфельд и остатки боевой группы Краузе, должны были следовать за парашютно-десантной дивизией. Я разбил нашу группу на несколько более мелких – так, чтобы они могли в случае необходимости действовать независимо. Орудия, для которых не хватило тягачей, были в полночь взорваны.

В полночь я собрал всех, кто еще оставался в окружении, вокруг группы фермерских домов. Группа связи находилась с 3-й парашютно-десантной дивизией. Поскольку разведывательное подразделение не возвращалось и из Сен-Ламбера не было слышно шума боя, мы решили, что прорыв парашютистов удался. Мы начали движение.

Генерал Эльфельд, подполковник фон Кригерн и Хуберт Мейер следовали с передовым подразделением. Я ехал в направлении Шамбуа. Мы должны были двигаться по пересеченной местности, если хотели пробиться вперед. Немногие имевшиеся дороги и тропы были непроходимы. Они были безнадежно загромождены. Вражеская артиллерия открывала беспокоящий огонь. Повсюду были огненные вспышки рвущихся вражеских снарядов. Во все стороны разлетались яркие огни – это взрывались наши боеприпасы. Измотанные немецкие солдаты бродили туда-сюда – неразбериха в «мешке» окружения делала невозможным выбор точного направления движения.

К рассвету мы были к западу от Шамбуа и соединились с танковой боевой группой 1-й танковой дивизии СС, которая как раз собиралась проводить атаку. Мы присоединились к ней в качестве пехоты. Я прыгнул на броню танка и, чтобы вскарабкаться, схватился за пояс товарища, лежавшего за башней. Я в ужасе выпустил его из рук – солдат был мертв. Его убило осколком. По атакующим бил огонь вражеских противотанковых орудий, танков и

артиллерии. У меня не было средств связи. Наши танки, поколебавшись, отступили под огнем противника.

Мы вновь сосредоточились за ивовыми кустами рядом с размытым руслом Дива. Река здесь была около двух метров глубиной и от трех до четырех метров шириной. Мы стали свидетелями ужасной трагедии. Несущиеся галопом лошади вместе с повозкой и возницами свалились в высохший ручей. Лошади и люди барахтались в грязи почти безводного ручья. Раздосадованные, солдаты вскарабкались на обломки повозки и тут же были буквально разорваны на части снарядами канадской артиллерии.

Несколько сот пленных беспомощно лежали под огнем своих же орудий. Они не могли уйти из окружения.

После форсирования Дива между Шамбуа и Треном я собрал пехотное подразделение. Весь район был усеян убитыми и умирающими германскими солдатами. Противник находился на склонах и вел непрерывный огонь по «мешку». Большинство жертв принадлежали к частям обеспечения пехотных дивизий, которые остались в «мешке» со своим гужевым транспортом. Никем не руководимые, они спасались бегством.

Генерал Эльфельд и подполковник фон Кригерн пропали без вести. В пункте сбора их не было. Чтобы восстановить порядок в теперь уже раздувшейся группе, я велел солдатам собраться под прикрытием фермы. В то время как по соседству от нас колонны безоружных солдат выходили к противнику, множество офицеров и солдат без оружия присоединились к моей группе. Но только тем, кому удалось найти оружие, было позволено идти с нами. Большинство из них подчинились.

Между Треном и Шамбуа я знал каждое дерево и каждый куст. Части моего полка были в обоих населенных пунктах еще до вторжения. Я стал во главе группы, Бернхард Краузе вел другую ее половину. В общей сложности численность наших сил составила 200 человек.

Хуберт Мейер, оберштурмфюрер СС Кельн и мой верный Михель были со мной. Мы должны были следовать через дорогу Трен-Шамбуа. Вражеские танки двигались по дороге в обе стороны. Наши танки, которые были в «мешке», не могли переправиться через Див и не смогли оказать нам поддержку. Русло реки было слишком глубоким.

Множество мертвых солдат лежало за кустами и стенами садов. Все они бежали на поджидавшие их пушки 4-й канадской танковой дивизии. Сможем ли мы прорваться через это железное кольцо окружения? Противник занял возвышенность и вел огонь по дорогам и полям.

Михель снял белую повязку с моей головы. Бравый казак из Днепропетровска сказал: «Перевязка не годится, я потом сделаю новую!» Он считал, что белые бинты делают меня заметным.

Я прыгал от укрытия к укрытию с пистолетом в руке. В траншеях было полно мертвых. Видимо, их раздавали танки. Разграбленные машины стояли в полях и за оградами. Мы пробивались все ближе и ближе к склону. Над нами просвистели пули, выпущенные из пулемета. Мы упали на землю между двумя танками! Они были на расстоянии около 150 метров друг от друга и вели огонь по «мешку». Пулеметный бронетранспортер сновал взад-вперед справа от нас. Вдруг он пропал, и мы с быстротой пушечного выстрела устремились между двумя танками в восточном направлении.

Пулеметный огонь косил наши ряды, но нас было не остановить. Мы смяли канадскую пехоту в несколько секунд. Все это произошло почти совершенно безмолвно; слышны были только свист пролетающих над головой снарядов и взрывы. Нам скоро предстояло прорваться через заслон противника. Я не мог больше идти. Пот жег мои воспаленные глаза; рана на голове открылась, но останавливаться было нельзя. Мы должны были прорваться.

Вдруг в 30 метрах справа от меня появился танк «Шерман». Хуберт Мейер окликнул меня. Я бежал практически прямо на орудие танка. Мы мчались, делая подобно ласкам невероятные прыжки и скачки, зеленая поросль заслоняла нас от противника. Я уже не мог больше идти; последние несколько дней отняли у меня слишком много сил. Хуберт Мейер взял на себя командование и убеждал всех продолжать движение. Вскоре все проследовали

мимо меня. Со мной остались оберштурмфюрер СС Кельн и Михель. Пулеметные очереди просвистели у нас над головой. Слезы бежали по лицу Михеля, он не мог достаточно быстро тащить меня. Он подбадривал меня, как мать ребенка. То и дело я слышал: «Командир, идем! Командир идем! Осталось всего несколько сот метров. Пожалуйста, командир, идем!»

Мы продвигались через поле одни. Я прекратил попытки искать укрытия или совершать двойные перебежки. Теперь я медленно тащился в восточном направлении и в конце концов упал в кювет. Мои товарищи уже лежали там, поджидая меня. Мы переползли через дорогу и пробивались к гряде, тянущейся от Шамбуа на северо-восток. Не говоря ни слова, мы посмотрели на «мешок» позади нас и недобрим словом помянули людей, которые так безрассудно пожертвовали остатками двух германских армий. (Всего союзники окружили свыше 8 немецких дивизий, около 100 000 человек. Около половины вырвалось из окружения, как и большая часть 5-й танковой и 7-й армий до этого, – первоначально в «фалезском мешке» находилось до 20 немецких дивизий. – *Ред.*)

Мы обсуждали возможность сокращения линии фронта, который нужно было отвести к реке Сене, еще после потери Кана. Мы полагали, что упреждающая эвакуация из Западной Франции на позиции вдоль Сены возможна. За Сеной пехотные дивизии (которыми теперь так бездарно жертвовали в «фалезском мешке») могли доказать свою полезность, а танковые дивизии получить время на отдых и пополнение.

Мы продолжали шагать по гряде, время от времени подвергаясь артобстрелу. При полном незнании ситуации мы не надеялись соединиться со своими частями до тех пор, пока не окажемся на той стороне Сены. Однако к югу от Вимутье мы наткнулись на боевое охранение 2-го разведбатальона моторизованной дивизии СС «Рейх». На командном посту гренадерского моторизованного полка «Германия» нам сообщили, что полк и другие соединения участвовали в атаке в районе Шамбуа, чтобы прорвать кольцо окружения. Первоначальная атака малыми силами не удалась, но 21 августа она оказалась успешной. Фронт окружения был прорван, до половины окруженных немецких войск сумели выйти из «фалезского мешка», остальные были пленены. Перед атакой я имел возможность довести до сведения полка важную информацию о сложившейся ситуации.

Часть моторизованной дивизионной группы смогла ускользнуть из «мешка» во второй половине дня 20 августа; другие подразделения сделали это на следующий день.

Артиллеристы потеряли несколько своих тяжелых орудий; батарею 37-мм орудий удалось пробиться с боем почти без потерь. Командир 12-го батальона связи СС штурмбаннфюрер СС Пандель был убит при попытке спасти ценную автомашину связи.

Битва за Нормандию была окончена.

Немецкие солдаты снова совершили, казалось бы, невозможное. Они не заслуживали ужасного разгрома в «фалезском мешке». Офицеры, унтер-офицеры и молодые солдаты личного состава выполнили свой долг до конца. В поражении нельзя было винить фронтовиков. Горькую чашу пришлось им испить, получив ее из рук политических игроков. То, как проявил себя германский солдат в Нормандии, будет навечно вписано в книгу истории.

А вот оценка нашего бывшего противника: «Единственными парнями, которые действительно заслужили медали в этой войне, – говорил один из военнослужащих пехотных частей союзников, – были парни из войск СС. Каждый из них достоин медали за отвагу. Они были бандой плохих парней, но всегда настоящими солдатами! Они действовали так, что наши ребята по сравнению с ними выглядели дилетантами». «Немного найдется других таких дивизий как у союзников, так и у немцев, которые могли бы превзойти достижения в боях, достигнутые 12-й танковой дивизией СС в Нормандии».

Я уже неоднократно упоминал о том, что канадские командиры были очень нерешительными и атаковали только намного превосходящими силами. Это особенно касалось их действий в операциях «Тоталайз» и «Трэктейбл». Во время этих операций канадцы не только потеряли инициативу на поле боя, но и все шансы на полное уничтожение

разбитых немецких армий.

После 4 августа II канадский корпус сражался только против 12-й танковой дивизии СС. Наша дивизия едва дотягивала до боевой мощи батальона. Но драгоценное время канадцами было потеряно. Единственной канадской дивизии хватило бы для того, чтобы удерживать северный фланг «мешка» и оказывать давление на находящиеся там немецкие войска. Три оставшиеся дивизии II канадского корпуса, в том числе две превосходно технически оснащенные танковые дивизии, могли замкнуть «мешок» у Трена и Шамбуа самое позднее 16 августа. Наши части тогда оказались бы в положении, когда прорвать кольцо окружения им уже вряд ли удалось бы.

Если бы канадцы сделали это, наше наступление в Ардене в декабре 1944 года, по всей вероятности, не состоялось бы. Танковые дивизии, которые были решающей силой в этом наступлении, не смогли бы быть восстановлены за такое ничтожно короткое время, если бы ядро личного состава из ветеранов не прорвалось бы через кольцо сражения между Треном и Фалезом. По моему мнению, вырваться из окружения удалось, главным образом, из-за нерешительности и колебаний канадского командования.

Полагаю, что союзники пришли к такому же заключению относительно 4-й канадской танковой дивизии, когда они произвели замену командования. Но вина не должна была лежать на одном лишь Китчинге. Канадцы не могли не знать характер своего противника. У них была неплохая разведка, а воздушная разведка всегда была на высоте.

Командир передового батальона майор Д.В. Карри вышел к самому Сен-Ламбер-сюр-Див еще 19 августа, тем самым перекрывая единственный путь выхода из «фалезского мешка». Этот батальон действовал блестяще. Его погибшие и оставшиеся в живых солдаты заслуживают нашего уважения.

Я прибыл в I танковый корпус СС во второй половине дня 20 августа с той частью дивизии, которая прорвалась. Нас приветствовали с радостью и благодарностью; там думали, что нас уже нет в живых. Я не выдержал и заплакал. Делая свой доклад, вспомнил, что тысячи моих товарищей покоятся теперь в земле Нормандии.

Краткое изложение ситуации говорило о том, что стабильного фронта к западу от Сены не было, но и к востоку от нее никаких рубежей обороны не существовало. Перспективы были катастрофическими, и мы могли связывать свои надежды только с Западным валом (вдоль границы Германии).

Мне приятно было услышать, что те подразделения дивизии, которые были еще раньше сняты с линии фронта и отведены для отдыха и пополнения, задержали противника на рубеже Л'Эгль – Вернёй-сюр-Авр – Дрё и тем самым предотвратили образование нового «мешка» к западу от Сены. Эти соединения действовали совершенно самостоятельно. Штурмбаннфюрер СС Герд Бремер был награжден за это дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

Личный состав штаба дивизии, двигаясь через Ле-Небур, достиг Лувье. Оттуда он будет командовать боеспособными подразделениями дивизии. Остальная часть дивизии вела боевые действия в качестве мобильного арьергарда против американских танковых соединений, наступавших в северном направлении из Дрё и Вернёя. Тем временем немецкие войска, вырвавшиеся из «фалезского мешка», форсировали Сену под Руаном. Личный состав без потерь переправился через Сену у Эльбефа.

Я прибыл в Руан с докладом главнокомандующему войсками на Западе фельдмаршалу Моделю. Фельдмаршал не питал иллюзий по поводу сложившейся обстановки и говорил о необходимости иметь от тридцати пяти до сорока дивизий (если речь идет о том, чтобы только стабилизировать фронт). Поскольку все мы знали, что сорока дивизий на Западном фронте не было, то вновь и вновь мыслями обращались к Западному валу.

Одна наспех собранная боевая группа удерживала Эльбеф до 26 августа. После эвакуации с левого берега Сены эта боевая группа обороняла излучину Сены к югу от Руана у Фор-де-ля-Лонд, позволяя тем самым наши силам выйти из боя с противником.

Наши солдаты в последний раз сражались с канадскими частями у Фор-де-ля-Лонд. Они сдерживали 2-ю канадскую пехотную дивизию до 29 августа. Только во второй половине дня боевая группа под командованием В. Мёнке наконец совершила отход.

Простояв два дня в районе Бове, дивизия отошла в район Ирсона (близ границы с Бельгией), поскольку отдых и пополнение так близко к фронту были невозможны. Мы шли под покровом темноты, по политым кровью полям Первой мировой войны, тем же дорогам, по которым мчались в 1940 году, когда наступали на запад. Наша маршевая колонна выглядела убого, отдельные колонны катились в ночи, а каждая боевая машина брала на буксир несколько других.

В Ирсоне дивизия перешла в подчинение командующего танковыми войсками на Западе генерала Штумпфа, которого лично кратко проинформировали о личном составе дивизии и состоянии боевой техники. Генерал Штумпф сообщил мне приятную новость о награждении меня мечами к дубовым листьям моего Рыцарского креста.

Дивизия сразу же начала пополнять и переоснащать свои поредевшие части. Предполагалось, что военная техника поступит из Вердена и Меца. Потери в живой силе и технике были ужасающими. Боевые подразделения лишились более 80 процентов личного состава, с которым они начинали кампанию. Подразделения боевой поддержки и обеспечения также понесли большие потери, в основном в результате действий вражеской авиации.

Дивизия потеряла более 80 процентов своих танков – в боях и во время отхода. Она лишилась около 70 процентов своих бронемашин и бронетранспортеров, 60 процентов орудий и 50 процентов автомашин. Такие гигантские потери нельзя было восполнить в несколько дней, но у нас не было другого выбора – дивизия должна была стать боеспособной как можно скорее.

Нам не нравился ни район Ирсона, ни общая обстановка. Подразделения боевой поддержки и части, не готовые к боевым действиям, были немедленно переброшены в район к востоку от реки Мёз (Маас). К 31 августа американцы достигли Суасона и Лана и продвигались на северо-восток. Оперативная группа дивизии задержала их у реки Тон до ночи с 1 на 2 сентября. Тем временем в дивизию прибыла боевая группа Мёнке.

Поскольку войска противника угрожали дивизии с тыла, она отошла на восток, где и заняла оборонительную позицию. Нам пришлось принять бой, чтобы дать возможность нашей пехоте переправиться через реку Мёз. Во время отхода на эту позицию командир 3-го батальона 26-го гренадерского моторизованного полка СС кавалер Рыцарского креста Эрих Ольбутер был смертельно ранен, когда наехал на мину, установленную на дороге партизанами. Ему оторвало обе ноги, ночью в военном госпитале в Шарлевиле он умер. В Эрихе Ольбутере я потерял еще одного закаленного воина и старого друга, который сражался бок о бок со мной с 1939 года. Он был напористым солдатом и идеальным командиром.

В течение ночи с 1 на 2 сентября мы вместе с остатками 116-й танковой дивизии удерживали оборонительную позицию у городка Бомон. Под напором противника дивизия отступила через Филипвиль к Флорену. Незадолго до прибытия в Филипвиль командир 26-го гренадерского моторизованного полка СС гауптштурмфюрер СС Хайнц Шротт был вероломно убит партизанами.

«Героическая» борьба так называемых партизан была не более чем подлыми, заурядными убийствами из-за угла. Организаторы партизанской войны были настоящими военными преступниками. Они действовали вопреки всякому гуманизму и руководствовались голым инстинктом. Мне никогда прежде не доводилось иметь дело с партизанской войной, не чувствовал я и пресловутой ненависти со стороны французов и бельгийцев. Напротив, я всегда был свидетелем хороших отношений между войсками и населением оккупированных территорий. Это особенно верно в отношении многострадального населения Нормандии.

Так называемые партизаны поднимали голову только тогда, когда им не нужно было

опасаться за свою личную безопасность и за свою жизнь. Они не сражались. Вместо этого они вероломно и подло убивали отдельных военнослужащих германской армии. С военной точки зрения действия партизан не оказывали практически никакого влияния на ход войны. В результате больше всего пострадало (от карательных акций возмездия со стороны немецких войск) то население, которое не участвовало в партизанских войнах. Пострадали не поборники партизанской войны и нарушители международного права. По этому же плану ими разжигалась ненависть между народами. Она долгое время углублялась из-за преступных действий партизан. Никто также не станет отрицать, что своей политикой поддержки партизан союзники активно насаждали коммунизм в Западной Европе. Без вероломных действий «храбрых» партизан не было бы причин для «судебных процессов над военными преступниками».

Мы переправились через Мёз (Маас) у Ивуара 4 сентября, чтобы занять оборонительные позиции за рекой. Дивизия заняла сектор Годин – У. 2-я танковая дивизия СС заняла участок по обе стороны от Динана.

Боевой состав дивизии был представлен примерно 600 пехотинцами; она была разбита на две боевые группы. Танков больше не было; оставшиеся у нас танки находились в ремонте в Люттихе (немецкое название г. Льеж в Бельгии. – Ред.). Не было боеприпасов для батареи тяжелых полевых гаубиц. Одна батарея 88-мм зенитных орудий была размещена на пересечении дорог северо-западнее Спонтена в качестве наземной поддержки.

Американцы сразу же попытались форсировать Мёз у Година и Ивуара. Их атаки были отбиты с большими для них потерями. Однако им удалось создать плацдарм в У. Американцы заняли там позиции в лесу. В ходе нашей контратаки плацдарм был сокращен и предполагалось, что он будет ликвидирован до наступления темноты 6 сентября.

Я провел реконгсцировку и обсудил дальнейшую оборону наших позиций на реке Мёз (Маас) с Милиусом и Зибкеном. Наши машины часто обстреливались лесными партизанами. С нашей стороны жертв не было, но мы обнаружили тела шестерых убитых солдат из разведывательного батальона из Люттиха (Льежа) – они были застрелены во время привала. Разведгруппа была обстреляна между Спонтеном и Динаном. Преступники найдены не были.

В ночь с 5 на 6 сентября американцам удалось форсировать Мёз у Намюра и восстановить мост, который был разрушен не до конца. Командир части, оборонявшей Намюр, отошел на восток, не информируя соседние части и открывая тем самым врагу путь в глубину нашей обороны на Мёзе. Разведгруппа 12-го разведбатальона СС наткнулась на американский передовой батальон на дороге Намюр – Сини (Сине) около 11.00.

Я возвращался с командного пункта Зибкена, когда пришла эта плохая новость. Мне это казалось невероятным, но донесение было подтверждено другой разведгруппой в 11.15. Части были сразу же подняты по тревоге и получили приказ отходить за реку Урт. Отвод можно было проводить только ночью. Скорость была решающим фактором! Американцы скоро будут в Дюрнале, а затем через считанные минуты доберутся до пересечения дорог. Нашему штабу, если он хотел уйти от американцев, надо было проскочить это пересечение дорог.

В мгновение ока штаб уже мчался в направлении Дюрналя. Я вел группу по круто уходящему на подъем полю, чтобы добраться до Дюрналя через участок леса. Как раз перед прибытием в Дюрналь Хуберт Мейер попросил меня передать командование головным подразделением гауптштурмфюреру СС Хайнцельману. Я помахал Хайнцельману, ехавшему позади, и его машина нагнала нас, когда мы приблизились к первым домам в Дюрнале. Городок лежал в глубокой низине; слева от дороги была полутораметровая стена, вокруг которой дорога поворачивала на восток. Я, как всегда, стоял в машине и пытался заглянуть «за другую сторону холма». В результате я имел возможность видеть над выступающей стеной главную дорогу на Намюр. Я крикнул, предупреждая Хайнцельмана, но было уже поздно! Снаряд разбил на части головную машину, а из за угла появился стрелявший американский танк.

Ситуация изменилась в мгновение ока. Атаковать танковую колонну парой

«Фольксвагенов» – это вам не поездка на пикник. Мы уже не могли повернуть назад. Я смотрел на танк, медленно катившийся вперед. По своему личному опыту в подобных ситуациях я мог предположить, что танковый командир использует эту уникальную возможность, чтобы захватить штаб или уничтожить его огнем. Ничего не оставалось, как убраться с дороги, и как можно скорее!

Я перепрыгнул через ворота и проволочную ограду, отделявшую двор от сада. Но что за неприятный сюрприз! Я не мог скрыться за рядом домов; здания были встроены в уходящую вверх возвышенность и тоже обнесены высокой стеной. Если бы я попытался вскарабкаться на стену, то стал бы отличной мишенью для американцев.

Первое, что мне нужно было сделать, это найти укромное место. Курятник был единственным вариантом, и я пошел! Тело перенеслось через проволоку. Макс Борнхейф видел меня до того, как я исчез. Теперь мы оба были в ловушке. По крайней мере, курятник на какое то время скрыл из поля зрения противника. После наступления ночи мы надеялись пробраться к своим.

С дороги раздавались громкие крики – это население приветствовало американцев. Танки проехали мимо. Я услышал возбужденный разговор в ближайшем доме и имя Кельн. Я больше его уже не увидел. Оберштурмфюрер СС Кельн до сих пор значится в списках, как пропавший без вести.

К тому времени уже было 14.00, мелкий дождь моросил по крыше курятника. Я больше не мог этого вынести. Я должен был знать, что происходило на дороге. Я подполз на животе к проволочной ограде. Едва успев добраться до поворота за угол курятника, я пережил один из самых ужасных моментов за всю войну.

Несколько партизан подошли к забору и разговаривали с фермером. Вероятно, они хотели узнать, не видел ли он на ферме немецких солдат. Фермер отрицательно покачал головой. Стиснув зубы, я лежал всего в паре метров от партизан. Они знали об ограде и разглядывали холм. Станут ли эти минуты моими последними минутами на земле? Я крепко сжал свой пистолет; они не возьмут меня без борьбы. Ветвистый кустарник был моим укрытием.

Крики и выстрелы привлекли внимание парней к соседнему крестьянскому дому. Жизнь товарища оборвалась. Мы почувствовали какое-то облегчение. В конце концов, ферма была обыскана и, может быть, дождь отведит любопытных. Минуты превратились в часы. Нам нравилась погода. Вдруг нас ошарашило. Куры собрались перед курятником и хотели в него войти. Но они не хотели делить с нами свою квартиру. Они хотели, чтобы мы ушли. Дело не могло кончиться добром, так что то, что случилось – случилось. Маленький старый фермер стоял у ограды, дивясь тому, что происходит. Потом он попытался загнать свою птицу в курятник. Однако эти живые твари противились. Они хотели единолично владеть своей «империей».

Фермеру стало любопытно, и он сунул голову в курятник. Ему не следовало этого делать, потому что не успел он и рта открыть, как оказался сидящим на старой бочке в самом темном углу. Теперь он уже стал третьим человеком на бочке. Он в ужасе смотрел на наши пистолеты. Мы обошли бы и без нашего гостя. Ситуация осложнилась. Чего доброго, скоро к нам присоединится и жена фермера. Она, конечно, скоро обнаружит пропажу своего господина и хозяина и пойдет его искать.

Мы решили освободить старика. Он обещал держать язык за зубами и не связываться с партизанами. Он быстро засеменял прочь. Конечно, мы не считали, что его слово что банковский вексель. Едва старик исчез, как мы перелезли через высокую стену и сразу же приземлились за пределами партизанского штаба.

Я не рассчитывал на такой неожиданный исход. Все могло кончиться гораздо хуже. Партизаны разместились в церковной котельной, и молодой парень стоял в дверях погреба, наслаждаясь своей первой американской сигаретой. Вооруженные до зубов партизаны поднимались по ступенькам лестницы. Мы прыгали, ползли и мчались через кладбище, как ласки. Старые могилы и надгробия скрывали нас, не давая обнаружить.

Мы достигли компостной кучи в углу кладбища. Поскольку в тот момент мне больше ничего не пришло в голову, я прикрыл Макса старыми венками и попросил его наблюдать за входом в церковь. Я хотел спрятаться за несколькими кустами.

Крик эхом пронесся по кладбищу; он возвестил нам, что мы оказались в очень опасной ситуации. Все еще поворачиваясь вокруг, я увидел в руках двух полицейских на ступеньках церкви карабины. Полицейские испугались, поскольку еще не видели Макса. Я молниеносно поднял свой пистолет и сделал вид, что собираюсь стрелять. Полицейские спрятались. Я должен был уходить! Я помчался к южному краю кладбища, и опять на меня смотрело дуло карабина. Его держал стоявший в проходе человек и убрал его, когда я помчался прямо на него, угрожая ему пистолетом. Мы были окружены. Старик фермер все-таки поднял всех на ноги. Я перемахнул через кладбищенскую ограду, приземлившись на деревенскую улицу, до которой было метра четыре. Макс, задыхаясь, следовал за мной.

Господи! Просто не верится, каким становишься приткким, если на кону твоя жизнь. Улица шла вверх на подъем. Мои легкие, казалось, готовы были разорваться. Пули свистели над нашей головой. Я услышал, как Макс вскрикнул. Я обернулся и пару раз выстрелил. Макс лежал на дороге. Его подстрелили. Мои выстрелы вынудили «храбрых бойцов за свободу» спрятаться. Я свернул на дорогу к выходу из деревни. Как раз вовремя я заметил еще двух партизан, которые там несли караул. Куда мне было идти? Я увидел маленькую дверь, припертую лишь большим камнем. Я спрятался за ней незамеченным.

Я сидел в углу хлева в полном изнеможении, подглядывая через дверные щели. Партизаны появились через несколько секунд. Они возбужденно бегали взад-вперед по дороге и обыскивали каждый куст. Мое исчезновение было для них необъяснимым, и они начали обвинять друг друга.

Один из партизан громким голосом потребовал, чтобы я вышел из своего укрытия и сдался. Он обещал передать меня американцам и уважать «международное право». Я не отвечал на его призыв.

Пистолет в моей руке, казалось, становился все тяжелее и тяжелее. Однажды мы поклялись, что никогда не сдадимся живыми. Суровые испытания в России заставили нас дать эту клятву. Время настало! Оставался один патрон в патроннике и последний в магазине. Следовало ли мне выполнить свою клятву? Имела ли она значение только на Восточном фронте? Не были ли нынешние обстоятельства совершенно иными? Шли минуты. Я снова посмотрел на свой пистолет.

Я подумал о своей семье и неродившемся ребенке. Было трудно, очень трудно принять решение. Партизаны стояли лишь в паре метров от моего укрытия. Я изучал их лица. Одни были озлоблены, другие казались вполне безобидными, может быть, им всего несколько секунд назад вручили оружие.

Главный в их группе снова попросил меня сдаться. Рядом с ним стоял мальчик лет четырнадцати. Очевидно, это были отец и сын. Маленький чертенок держал в руках карабин.

Мальчик вдруг возбужденно указал отцу на дверь и камень, сдвинутый в одну сторону. Тот все понял. Там, где лежал камень, было сухо, значит, он был сдвинут несколько минут назад. Отец вновь попросил меня сдаться.

Партизаны выстрелили в дверь и достали ручные гранаты. Еще два выстрела расщепили дверь и заставили меня забиться в угол.

Я обратился к отцу: «Мой пистолет направлен на вашего сына! Вы сдержите свое обещание?» Он сразу же притянул к себе мальчика и повторил свое обещание обращаться со мной должным образом.

Все было кончено. Вся надежда была на контратаку моих товарищей. Я швырнул магазин от пистолета в один угол, а сам пистолет – в другой. Что за ужасное чувство быть взятым в плен!

Я медленно открыл дверь и пошел к командиру партизан. Один из парней набросился на меня; несколько пистолетов и карабинов было направлено на меня. Не было произнесено ни слова. Я не обращал внимания на угрозы оружием. Я посмотрел в глаза отца. Взмахом

руки он велел своим спутникам опустить оружие. Они неохотно подчинились и сопровождали нас до церкви. Командир партизан сказал мне, что он был в Германии в Первую мировую войну в качестве рабочего и что у него остались только хорошие впечатления. Следовательно, у него не было причины быть главарем банды убийц. Однако он сказал, что молодых людей иногда бывает трудно удержать от кровопролития и убийств.

Макс все еще лежал на дороге; у него было очень болезненное пулевое ранение в бедро. Мы дотащили его до полицейского участка, где ему сразу же сделали противостолбнячный укол. Деревенский врач был в высшей степени дружелюбен. Он сказал мне, что надеется, что скоро мы сможем вернуться домой.

Двое полицейских затем достали из карманов по паре наручников и надели их на мои запястья. Я чуть не упал на колени от боли. Наручники все глубже и глубже врезались в мою плоть. Полицейские смотрели на меня выжидающе, партизаны просто глядели, раскрыв рот. Эти двое, должно быть, часто практиковали эту пытку раньше. Они явно ожидали, что я буду кричать от боли. Макс посмотрел на меня и сказал: «Сволочи!»

Главарь вернулся в комнату и отдал приказ вывести меня. Мы проковыляли через кладбище и вернулись обратно в котельную, партизанскую базу. Макса положили на матрас из соломы. В изумлении я увидел, как двое полицейских открыли дверь котельной и сняли с себя свою форму. Вскоре они ушли, одетые как партизаны. Я про себя отругал подразделение немецкой военно-полевой полиции, которое располагалось по соседству с церковью. Эти парни, видимо, спали за рулем, а мы, фронтовики, теперь расплачивались за их дилетантизм. Макс мучился от нестерпимой боли. Он вновь и вновь просил меня связаться с его отцом, если я выживу. Он не очень надеялся, что выживет сам.

Часы в подвале тянулись медленно. Главарь партизан принес мне хлеба. Он был обеспокоен; он знал, что к западу от деревни были германские войска и они, вероятно, пойдут через Дюрналь ночью. Я прислушивался к малейшему шуму. Из разговоров партизан я понял, что американцы двигались в направлении Динана, а в Дюрнале их в настоящее время не было. Нас охранял очень беспокойный партизан, который то и дело хватался за свой пистолет. Каждый раз, когда я пытался устроить Макса поудобнее, он кричал и размахивал перед нами своим пистолетом. Молодой человек был напуган. Почему, я выяснил несколько часов спустя.

В полночь партизаны вдруг разделились, и с нами остались лишь наши охранники. Перед уходом они поместили между нами и ими тяжелый стол. Он поделили помещение на две части. Пистолет был все время направлен на меня.

Иногда у меня возникало ощущение, что наши охранник хочет меня убить.

По деревне проехали машины. Были ли это немцы или американцы? Нам не пришлось долго ждать ответа. Еще через час я услышал выстрелы и взрывы боеприпасов. Осколки от них со свистом проносились в воздухе. Вероятно, горела немецкая машина.

К рассвету вокруг нас шумело повсюду. Мы могли по звуку четко отличить немецкие пулеметы от американских. Мы напряженно вслушивались в шум боя. Наш охранник становился все неусыпнее; его пистолет постоянно был направлен на меня. Он даже отказался дать Макс воде; он боялся поворачиваться к нам спиной.

Оконные стекла вдруг выбила пулеметная очередь, и американцы потребовали, чтобы мы сдавались. Это был интересный оборот событий! Перепуганный охранник угрожал нам из угла пистолетом. Мне пришлось прикрикнуть на него, чтобы он открыл дверь и прекратил бешеный обстрел американцев. Американцы продолжали стрелять. Пулеметный огонь бил по церковной стене. Наконец первый американец стал спускаться по ступенькам в подвал.

В изумлении я увидел, как наш охранник получил грубый пинок в зад. Он отлетел в угол. Партизан оказался дезертиром из Лорана. Он был обескуражен, потому что американцы обращались с ним как с бродягой.

Мое изумление быстро улетучилось; автомат уперся мне в живот. В то же время второй американец крикнул: «Не сопротивляться! Мой дружок хочет взять твои медали в качестве сувенира». Бессильный от гнева, я дал сорвать с себя Рыцарский крест. Он был со мной с

апреля 1941 года.

Второй американец прилично говорил по-немецки, поскольку его мать родилась в Германии. Он сказал мне: «Ради бога, не говорите им, кто вы. С вашими солдатами в тылу обращаются плохо!» Я понял, что он имел в виду, лишь спустя сутки.

Мы поднялись по ступенькам на кладбище и попали под огонь немецких пулеметов. Мы лежали между могилами и ожидали прекращения огня. Прежде чем я успел опомниться, с меня сняли часы и кольца. Я попал в руки настоящих бандитов.

За церковью у меня отобрали деньги, и еще один «джи-ай» взял меня под стражу. Разозлившись, что отобрать больше нечего, он бил меня по спине прикладом своего карабина.

Через некоторое время он успокоился. Когда мы проходили мимо двух перепуганных женщин, стоявших в дверях, я получил еще один удар по спине. Я, спотыкаясь, сделал несколько шагов и повернулся, чтобы получить сильный удар сбоку в голову дулом карабина. Я рухнул на землю. Когда я упал, то услышал протестующие голоса женщин.

Новые удары подняли меня на ноги, и я, шатаясь, пошел через улицу. Крики женщин звенели у меня в ушах. Еще через несколько шагов бандит из армии США толкнул меня в маленький сад. Кровь заливала мне глаза и текла из левого уха. Я уже ни о чем больше не думал. Я увидел перед собой большой куст смородины, в который меня толкали. Значит, это будет мой конец пути! Образ семьи быстро мелькнул у меня перед глазами. Официальный доклад будет звучать так: «Пропал без вести». На самом деле меня убьют и закопают в безвестной могиле!

Когда этот человек поднимал свой карабин, я смотрел на него с горячим презрением. Я его уже больше не замечал, я уже был в другом мире. Вдруг в изумлении я увидел, как его карабин опустился. Он оставил меня с возгласом «Проклятье!» и ушел.

Моим спасителем был молодой лейтенант, матерью которого была немка. В последний момент он вмешался и остановил расправу, учиненную солдатом.

Лейтенант пытался оправдать поведение солдата. Он сказал, что в подобных проявлениях жестокости виновата безответственная пропагандистская кампания кабинетных вояк. Чтобы не запачкать его машину, я примостился на крыле автомобиля. За несколько секунд ветровое стекло стало красным от моей крови, которая попадала на нее, когда мы ехали. Немного проехав, мы остановились у американской колонны снабжения. Там меня передали начальнику колонны с указанием доставить в госпиталь.

Колонна состояла примерно из двенадцати грузовиков и штабных машин. В каждой машине был установлен пулемет, имелось по одному водителю и по два помощника водителя. С изумлением, смешанным с завистью, глядел я на то, как пополняются запасы солдат. Передовой американский отряд состоял из одного танкового и одного пехотного батальона и был построен так, будто собирался на парад. Танк за танком и машина за машиной выстроились вплотную друг к другу на открытом пространстве. Подразделения пополняли свои запасы без принятия оборонительных мер как против наземного, так и против воздушного нападения.

Пять «Тигров», атакующих из леса, разбили бы всю эту боевую группу в пух и прах. Но между Мёзом (Маасом) и границей Германии не было никаких «Тигров». В этой зоне были только измотанные в боях солдаты. Они отступали, раздавленные судьбой. Остановит ли американцев Западный вал? Не думаю, что это возможно. Я знал, что боеспособных дивизий уже не осталось. Западный вал был недостроен, и его уже давно не принимали во внимание.

Действительно, Рур был практически не защищен, и казалось, ничто не могло помешать союзным войскам захватить эту кузницу германского оружия. Один мощный бросок от десяти до пятнадцати дивизий союзников на северо-запад Германии сломал бы становой хребет ее сопротивления и завершил бы войну в несколько недель. Война за Европу была Германией проиграна.

Стоны еще одного раненого немецкого солдата вернули меня к действительности. Он находился в соседней машине и был ранен в живот. Вдруг я увидел руку, махавшую из

третьей машины; это был Макс – он был в грузовике, везущем горючее. Пустые канистры служили раненому Максиму кроватью. Тем временем набралось около шестидесяти пленных немцев. Несколько парашютистов, около пятнадцати солдат из моей дивизии и бойцы из батальона охранения были распределены по грузовикам.

Колонна тронулась в направлении Намюра ближе к вечеру того же дня. Я внимательно рассматривал дорогу, идущую через поля зерновых культур. Вполне понятно, что у меня возникали мысли о побеге. Удастся ли такая попытка? Я слегка толкнул молодого парашютиста и поделился своей идеей. Тот согласно кивнул и придвинулся ближе к краю машины.

Американцы были осторожны. Каждую машину прикрывал пулемет на идущей следом машине и, кроме того, в каждой кабине сидел американец с автоматом. Значит, только дорога с множеством поворотов, которая проходила через лесистую местность, могла рассматриваться как пригодная для побега. У нас такого удачного случая не было – мы прибыли в Намюр скорее, чем думали. Но мысль о побеге нас не покидала. Мы хотели опять быть на свободе.

В Намюре царил оживление. Мост через Мёз (Маас) был восстановлен американскими инженерами без особых трудностей. Население либо глядело на нас с безразличием, либо вело себя угрожающе. Наша колонна двигалась через центр города и остановилась перед большим зданием, которое, как я потом узнал, оказалось тюрьмой. Оно находилось по соседству с вокзалом, и вокруг него собрались любопытные граждане. Женщины указывали на меня. Я был весь забрызган кровью и производил жалкое впечатление.

Я увидел, как Макса Борнхейфта сняли с грузовика и через несколько минут внесли в здание. Партизаны и полицейские приняли его на входе. Зеваки окружили группу. Затем произошло невероятное – раздался выстрел, который превратил граждан в яростную толпу. Дорога ожила под одобрительный свист, радостные возгласы и аплодисменты. Без предупреждения и в долю секунды мой боевой товарищ, с которым я провел вместе так много лет – храбрый солдат и верный друг, – был убит какой-то трусливой и подлой скотиной. Сопровождавшие американцы покачали головой над этой жадой убийства и отогнали трусливых мерзавцев.

Колонна снова двинулась. Так вот каким предстал плен спустя сутки, проведенные в неволе! Жестоким убийством раненого, истекающего кровью солдата! Ох, какими же наивными парнями мы были всего полчаса назад, прежде чем стали свидетелями того, что произошло.

Наша поездка завершилась во дворе полицейского участка. Участок был в центре Намюра, и я хорошо помню входные ворота. Возле входа стояла старая готическая церковь.

Было темно, когда мы въезжали в ворота. Вход охраняли партизаны. Это был плохой признак. Едва только машины уехали, как молодые надсмотрщики стали на нас кричать и велели построиться. На тех, кто последними слезал с грузовиков, сыпался град ударов прикладами. Я стоял справа и видел, как американец говорил что-то партизанам, показывая на меня. Партизаны закивали и велели мне следовать за ними. Они отвели меня к фельдфебелю, который меня перевязал. Когда это происходило, я слышал, как кричали от боли мои товарищи. Группа партизан избивала группу солдат. Я спросил: «Что происходит? Почему избивают?» Сержант сказал мне, что отбирают тех, кто из ваффен СС и парашютно-десантных войск, и собираются их убить! Затем во дворе раздался выстрел, и около двадцати немецких солдат были убиты в тот день 7 ноября 1944 года в Намюре. Они погибли не от рук бельгийских солдат, а от рук распаленных молокососов, которые демонстрировали свои красные шрамы, как имевшие большое значение украшения.

Около 22.00 меня вели по опустевшим улицам двое партизан. Наши шаги гулко раздавались в ночной тишине. Эти звуки отзывались в моих ушах, как глухая дробь барабанов смерти. И снова я предположил, что мой конец близок, но на этот раз я ошибся. Один из моих спутников вдруг заговорил. Он предложил мне американскую сигарету и

спросил, не сильно ли я страдаю от боли. «Вы знаете, – сказал он, – просто поразительно, что вы еще можете ходить с проломленным черепом. Нам приказано отвести вас к врачу, и мы там будем через несколько минут».

Похоже, что американцы сказали бельгийцам, что у меня пробит череп. По приказу американского офицера меня должны были подлечить. На «проломленный череп», видимо, указывало постоянное кровотечение из моего левого уха. Что ж, я надеялся, что все закончится хорошо. Я, конечно, знал, что у меня не был проломлен череп, но не знал, почему у меня кровотечение. Позднее мне сказали, что американец дулом своего карабина порвал мне один из крупных кровеносных сосудов.

Через несколько сот метров меня привели в дом, напоминающий школу. Партизаны и молодые люди кричали: «СС, СС?» Мои сопровождающие отвечали: «Нет, он полковник 2-й танковой дивизии. Американцы хотят, чтобы мы доставили его в госпиталь». Молодые люди недоверчиво втолкнули меня в санитарный автомобиль, и я был доставлен в католический госпиталь. По дороге семинарист и один из моих сопровождающих сказали мне, что эсэсовцев и парашютистов расстреливают на месте.

Я выслушал это чудовищное заявление почти с безразличием. Как много молодых, еще никого не убивших солдат погибло от рук убийц. Ведь многие из моих солдат еще совсем недавно были переведены в дивизию за последние несколько дней. Им едва исполнилось восемнадцать лет, когда они стали жертвами возбужденной толпы.

Снова я подумал, что впереди меня ждет гибель. Не пройдет много времени, как меня опознают. Я лихорадочно обдумывал, как избавиться от своей воинской книжки. Ее нельзя было оставить в санитарной машине; ее бы нашли самое позднее через несколько часов.

Меня доставили в операционную и заставили лечь на кушетку. Очень доброжелательная, говорящая по-немецки монахиня помогала мне. Семинарист и монахиня были братом и сестрой. Партизаны впервые увидели меня при свете свечи и глядели на меня с интересом. У них возникали подозрения. Камуфляжная куртка казалась им знакомой и выдавала меня, как военнослужащего ваффен СС.

Давно пора мне избавиться от своей предательской воинской книжки. Но как? Эти ребята наблюдали за мной, как ястребы. В последнюю минуту я попросил сестру позволить мне сходить в туалет. После некоторого колебания она разрешила, и я проковылял через несколько дверей. Один из партизан сопровождал меня. Учетная книжка исчезла с быстротою молнии. Однако я слишком поздно осознал, что трубы в туалете разбиты и мое опоздание просто будет отложено на несколько часов. Врач решил, что меня сначала уложат в постель, а рентген устроят завтра. Я проковылял в палату, еле держась на ногах, и с помощью партизан был уложен в постель. Потеря крови меня до предела ослабила. Я действительно был на последнем издыхании.

Мою перепачканную куртку отобрали партизаны, и я глядел, как они обыскивали карманы в поисках документов. Повезет ли мне и в дальнейшем? Это продолжалось недолго, и меня спросили, где мои документы. Все зависело от того, насколько убедительным будет мой ответ. Я медленно открыл глаза и ответил твердым голосом: «Американцы». На долю секунды боялся вздохнуть. Потом я увидел, что охранники удовлетворены моим ответом. Они пожали мне руку и удалились. В середине ночи мне дали чистую подушку, потому что я все еще терял много крови. Обессиленный, я провалился в глубокий сон, и мне снились родные места в Германии. В госпитале я пробыл две недели. Врачи обращались со мной превосходно. Сестры потихоньку давали мне сигареты, а иногда и добавляли легкую закуску. С каждым днем я чувствовал себя все лучше, похоже, что долго меня в госпитале держать не будут.

Я лихорадочно думал о побеге. Я был на четвертом этаже и бежать можно было только через окно. Мне придется найти несколько простыней и сделать веревку. Однако прежде, чем я смог это осуществить, меня перевели в казармы Альберта.

Казармы были возле железнодорожного вокзала, и их использовали парашютно-десантные части. Мне не нравилось, что я был единственным пленным и что меня держали

одного в пустой комнате в углу казарм. Мои новые апартаменты едва ли подходили для побега. Высокие стены и неусыпная охрана стояли на пути к моей свободе. Мое одиночное заключение закончилось через сорок восемь часов. Партизаны направили ко мне товарища по несчастью. Лейтенант Аумюллер был схвачен к северу от Намюра при попытке добраться до германской границы вместе с группой немецких пехотинцев. Они с боем пробивались через леса и поля Северной Франции и Бельгии в течение более трех недель. Полностью полагаясь лишь на помощь местных жителей, они прошли сотни километров для только для того, чтобы быть схваченными совсем недалеко от границы.

Мы общими усилиями старались улучшить свое положение. До сих пор мы содержались в ужасных условиях. Проблема с обогревом была решена быстро. Мы разломали на дрова стулья, столы и шкафы и жгли их в камине. Однако не так просто было улучшить рацион питания. Каждый день нам давали один и тот же суп.

Прибавление в нашей «семье» поступило спустя два дня. Лейтенант Вагнер, командир взвода в пехотной дивизии, стал третьим, кто примкнул к нам. Вагнер, как и Аумюллер неделями шел на восток для того, чтобы быть схваченным на реке Мёз (Маас). Он обладал качествами, которых нам не доставало. Ему каким-то образом удалось утаить несколько сот франков, которые помогли нам улучшить меню.

Чтобы найти поддержку в осуществлении своих намерений, мы намеревались вовлечь в разговор охранников. Мы были рады, что один бельгиец, бывший курсант военного училища, которому довелось побывать в Германии в лагере военнопленных до 1943 года и который был освобожден благодаря вмешательству короля, стал нашим лучшим союзником. Он был кадровым бельгийским солдатом и вел себя соответственно. Выражая свое негодование, он подтвердил, что германских солдат убили. За это были ответственны «красные» партизаны.

Помогал дружелюбному бельгийцу доставлять нам припасы русский пленный, который попал в плен в 1942 году и смог убежать с бельгийского рудника весной 1944 года. Через короткое время к нашим помощникам присоединились два настоящих борца за мир, которые сражались за свою страну из чистого идеализма, причем провели немало времени в застенках гестапо.

Мы могли поддерживать наши физические силы только с помощью этих людей. Конечно, даже они могли доставать только хлеб, картошку, морковь и фрукты. У них и у самих было немного еды, и они зависели от получения пайков. Однако приличное, честное отношение к нам этих бельгийцев не раз помогало в трудные моменты. К тому времени завязались тяжелые бои у Ахена, и мы от всего сердца благодарили тех, кто о нас заботился, за каждый обрывок информации.

Бывший красноармеец не особенно радовался, когда узнал о критической военной ситуации у немцев, особенно на Восточном фронте. Он рассматривал победу СССР без энтузиазма. Простой русский солдат, кажется, понимал больше о намерениях советского руководства, чем отцы касабланкского соглашения. В любом случае у него был более здоровый инстинкт, чем у сэра Сэмюэля Хора, который так ответил 25 февраля 1943 года на предостерегающее письмо Франко, главы испанского государства:

«Я не могу принять теорию о том, что Россия после войны будет представлять угрозу для Европы. Точно так же я отвергаю идею о том, что Россия по окончании военных действий может начать политическую кампанию против Западной Европы.

Вы возражаете, говоря, что коммунизм представляет огромную угрозу для континента и что победа России позволит коммунистам триумфально шествовать по всей Европе. У нас совершенно противоположные точки зрения.

Наконец, разве сможет какая-либо нация единолично править Европой после войны? Россия будет занята своим восстановлением и будет в большей степени зависима от помощи Соединенных Штатов и Великобритании. Россия не занимает лидирующие позиции в борьбе за победу. Военные усилия всех совершенно равны в достижении союзниками победы. После войны крупные американские и британские армии оккупируют континент. Они будут

состоять из первоклассных солдат. Они не будут истощены и измотаны, как русские армии. Смею предугадать, что англичане будут представлять на континенте самую мощную военную силу. Британское влияние на континенте тогда будет столь же сильным, как и во времена после падения Наполеона. При поддержке нашей военной мощи наше влияние во всей Европе будет ощутимо и мы будем участвовать в восстановлении Европы».

Вот что говорил сэр Сэмюэль Хор, один из ведущих британских политиков. Полагаю, что ход истории подтвердил опасения нашего заботливого русского друга. Его опасения оказались оправданными. Россия, а не Англия стала доминирующей силой в Европе.

Каждая эскадрилья бомбардировщиков, пролетавшая со своим смертоносным грузом на небольшой высоте над возвышенностью вдоль Мёза (Мааса), в направлении охваченной огнем родной земли, побуждала нас вынашивать планы побега. Но никаких путей к свободе не было. Нас охраняли слишком строго.

Однажды бельгийцы в добавление к уже имевшейся у нас одежде принесли нам комплекты немецкой военной формы из старых германских запасов. Мне достались гимнастерка и шинель. Теперь мы были более или менее защищены от холода, но больше походили на банду грабителей, чем на германских солдат.

В начале октября появились два американца с командиром, майором военной полиции, и нас посадили в грузовик и взяли под усиленную охрану. Опять у нас не было никаких возможностей для того, чтобы совершить побег.

Мы прибыли в тот вечер в Реймс, в полицейский участок, который использовался военной полицией. Камеры были полны буйных негров. Они были опьянены победой, после чего их отловили и посадили. На следующее утро мы ехали через поля сражений под Реймсом все дальше и дальше на запад. К этому времени мы были поглощены планами побега и отмечали главные характерные особенности местности. Однако теперь мы сидели, забившись в угол машины, и в изумлении разглядывали огромные склады снабжения союзников. Там было невероятное количество боеприпасов, горючего и обмундирования. Склады снабжения один за другим, километр за километром. Между ними были аэродромы и дополнительные склады с запасными артиллерийскими орудиями и танками. Движение на дорогах и в лагерях функционировало как в мирное время. Не было видно ни намека на маскировку или какие-либо предосторожности. Мы смотрели на это, как нищий смотрит на дом богача. Понимали ли американцы, когда стояли на границе Германии, насколько велико было их преимущество в вооружении и боевой технике?

Ближе к вечеру мы проследовали через Компьень. Долог был путь от Компьеня 1940 года до Компьеня 1944 года. Дорога в 1944 году вела в большой лагерь военнопленных. Куда— то она приведет из него?

Лагерь произвел на нас огромное впечатление. Колючая проволока тянулась так далеко, как мог проследить взгляд. Прежде чем попасть внутрь, мы должны были пройти через двое внешних ворот, которые охраняли скучающие американские солдаты. Нас немедленно доставили к коменданту лагеря, который дотошно допрашивал нас, каждого в отдельности. Меня записали как полковника Мейера из 2-й танковой дивизии. Моя учетная книжка считалась утерянной американцами в Намюре. Комендант лагеря оказался старым берлинцем, чья адвокатская контора была на Курфюрстендамм и который эмигрировал в Америку в 1930-х годах.

После беседы по широкому кругу вопросов я был назначен помощником коменданта, и меня попросили присматривать за офицерским контингентом лагеря. Мне вместе с Вагнером и Аумюллером выделили маленькую комнату, и мы были счастливы, что у нас был свой угол. В качестве первоочередной задачи мы определили проведение тщательного обследования на следующее утро. Лагерь был разделен на три отделения, и в нем было несколько тысяч человек. В качестве помощника коменданта я мог без проблем передвигаться от отделения к отделению в поисках товарищей.

Во время первого своего обхода помещений рядового состава я встретил фельдфебеля из 1-й парашютно-десантной дивизии. Он посвятил меня в секреты лагеря, который кишел

шпионами и предателями. Осторожность была здесь девизом!

Не прошло много времени, как во все части лагеря проникли наши люди. Для будущего побега организовали систематическое пополнение запасов продуктов питания, которые распределялись между различными бараками. Мы даже стали счастливыми обладателями компаса. Лейтенанту Вагнеру удалось сохранить его, несмотря на всяческие обыски. Все упиралось в способ побега. Достали даже перевязочный материал. Врач из парашютистов примкнул к нашей группе и хотел попытаться бежать вместе с нами.

Однажды в лагерь привезли несколько сот пленных, захваченных в боях под Ахеном. Они сообщили нам последние новости из Германии. Среди этих пленных были и солдаты из дивизии «Лейбштандарт», которые рассказали мне о том, что стало с моей 12-й танковой дивизией. Я был потрясен, когда услышал об убийстве своего верного товарища Вальдмюллера. Штурмбаннфюрер СС Вальдмюллер пал жертвой партизан маки 9 сентября у Босс-Бодде в 10 километрах к северо-западу от Вильсальма. Партизаны протянули через дорогу проволоку. Вальдмюллер и его водитель были сбиты с мотоцикла. Оба они были серьезно ранены, а затем их, как крыс, утопили в заполненном водой рву. Храбрый оберштурмфюрер Хаук нарвался на фугас, который был подорван партизанами из-за кустов, и получил серьезные ожоги.

Судя по другим сообщениям от солдат, 12-я танковая дивизия СС находилась на отдыхе и пополнении в районе Плеттенберга в Зауэрланде. К этому времени подготовка нашего побега шла полным ходом. Мы знали, что для того, чтобы наш план увенчался успехом, нам нужно было много работать, продумывая до мелочей всего его детали. Время было дорого; мы ожидали, что через несколько дней нас куда-то переведут, чтобы освободить место для новых партий захваченных в плен немецких солдат.

7 ноября около 17.00 у меня состоялся в высшей степени интересный, но не очень приятный разговор с комендантом лагеря. Я встретил его в коридоре наших барачков и был поражен, когда он совсем по-своему затащил меня в угол и начал следующий разговор: «Господин полковник, вы можете оказать мне большую услугу, выполнив одну мою просьбу. Я оказался в очень неприятной ситуации». Крайне удивленный, я пообещал ему свою помощь, но понятия не имел, что же произошло. «Мне только что доложили, что в лагере находится офицер СС высокого ранга, – сказал комендант. – Мне было бы в высшей степени неприятно, если бы в моем лагере действительно оказался такой человек!»

Вот оно что! Так и есть! Слава богу, освещение было таким слабым, что свежее испеченный американец не видел цвета моего лица. Удивление было полным. Мой язык стал как свинцовый. Я должен был сохранять спокойствие, полное спокойствие! Глубоко вздохнув, я пообещал коменданту свое содействие и спросил фамилию этого эсэсовского офицера и как он выглядит. Ответ был примерно таким: «Ну, я не знаю, как его фамилия. Я не знаю и как он выглядит. Знаю только, что он лихо отдает честь и все улыбаются, когда он проходит по лагерю».

Заверив его, что займусь этим делом, я спокойно попрощался и исчез в своей комнате. Ну и удивились же Вагнер и Аумюллер, когда я рассказал им, что обещал заняться поисками самого себя и передать себя в руки коменданта лагеря!

Мы быстро договорились совершить попытку побега на следующий же день. Лейтенанты Аумюллер, Вагнер и фельдфебель Мюллер также примут в этом участие. 8 ноября мы в качестве лесорубов собрались у ворот лагеря. Мы собирались начать длинный путь обратно в Германию из лесов Компьеня.

Нам не повезло. Лесорубов требовалось совсем мало. Разочарованные, мы поплелись обратно в бараки. Около 11.00 меня вызвали к коменданту лагеря. Я сказал несколько прощальных слов своим приятелям и последовал за военными полицейскими.

Комендант сидел за столом, играя своей полицейской дубинкой. Его лицо выражало решимость. Выражение его лица сказало мне все. Однако я сразу же заметил, что он не был абсолютно уверен. Я должен сохранять спокойствие!

Военные полицейские, высокие, как деревья в лесу, стояли сбоку от меня. В руках они

небрежно держали дубинки. Дело принимало серьезный оборот! Новоиспеченный американец прикрикнул на меня: «Снять куртку! Снять рубашку!» Я стоял, обнаженный до пояса. «Подними руки!» Боже мой! Комендант лагеря переменялся в лице. Он задыхался и крепко схватился за свой стол. Он злобно произнес пару ругательств на английском, прежде чем спросил меня о происхождении изображения с указанием группы крови на моем теле.

Только тут я понял, почему должен был раздеться. Я совершенно не подумал об этой предательской татуировке. Мне очень нужно было выиграть время, чтобы найти правдоподобный ответ. Я отреагировал только на повторное требование. Я отвечал вопросом. Я вежливо попросил коменданта лагеря объяснить. От этого у малого чуть крыша не поехала. Он продолжал кричать на меня, утверждая, что я «эсэсовская свинья», а также то, что я и есть тот разыскиваемый эсэсовский офицер высокого ранга.

Для меня наступило время действовать. Я посмотрел на коменданта лагеря и сказал: «Вы ошибаетесь. Хотя ваффен СС и ввели пометки с обозначением группы крови, армейские танковые войска тоже стали их использовать для своих танковых экипажей после того, как такие пометки доказали свою пользу в моторизованных дивизиях ваффен СС. Вам придется примириться с тем фактом, что все слушатели школы танковых войск были отправлены обратно в свои части с этими татуировками».

Это объяснение произвело на военных полицейских эффект разорвавшейся бомбы. Мне разрешили снова надеть свою одежду и уйти из комнаты. Командир лагеря остался сидеть в своем кресле, измотанный этим противоборством.

Спустя полчаса весь лагерь был перевернут вверх дном. Военная полиция искала радиоустройства. Заключенные, видите ли, планировали на 9 ноября побег и просили сбросить им в тот вечер с воздуха оружие. Мы только посмеялись над фантазиями американцев.

Неожиданно нам велели собраться для отправки. Транспорт для нашей эвакуации уже прибыл. В течение часа нам пришлось топтать через город, а затем влезть в ожидавший грузовой состав. Вагнер и Аумюллер были со мной в одном вагоне. Вагнер сразу же сел на пол и начал проделывать в нем дыру. Он стал ругаться на чем свет стоит. Вагон был сделан из твердого дерева, и оно почти не поддавалось. Нам ни за что бы не удалось разобрать пол. Но они двое продолжали свои попытки. Они хотели бежать.

Я услышал, как перед самым отбытием выкрикнули мое имя. Мне сказали, чтобы я вышел из поезда и залез в ожидавший джип. Ну они меня просто достали.

Мы быстро вернулись в лагерь. Я был весьма удивлен, когда узнал одного лейтенанта, стоявшего перед административным зданием и одетого как для похода. Он вместе с несколькими американцами готовился совершить небольшую прогулку в окрестностях лагеря. Лейтенант стыдливо отвернулся, но напрасно. Мой окрик «Жалкий ублюдок!» все же донесся до его слуха. Это было первое трусливое создание в германской военной форме, с которым я когда-либо сталкивался. Он действительно был раньше младшим лейтенантом из пехотной дивизии и стал лагерным шпионом.

Комендант лагеря заставил меня встать лицом к стене так, чтобы кончики моих пальцев касались ее, а мои ступни были на расстоянии 1,2 метра от нее. При каждом движении я получал легкий удар прикладом винтовки по спине и унижительный приказ соблюдать дисциплину. Но все кончается, и вскоре я был помещен в специальную комнату. Там меня охраняли двое американцев с оружием наготове.

На следующее утро по дороге через Компьень я был доставлен в Париж, а оттуда в аэропорт к западу от Парижа. К 14.00 я уже сидел в самолете, глядя вниз на проносившиеся мимо поля былых сражений 1940 года. Мы покинули континент у Дюнкерка, и только тогда я положился на судьбу и отбросил все мысли о побеге. Война для меня была окончена. Европа лежала позади меня в руинах, кровотока от бесчисленных ран. Мы пролетели над проливом Ла-Манш, и передо мной появился туманный Альбион – Англия, которая хотела освободить Европу, а на самом деле помогла бросить ее в объятия коммунистов.

